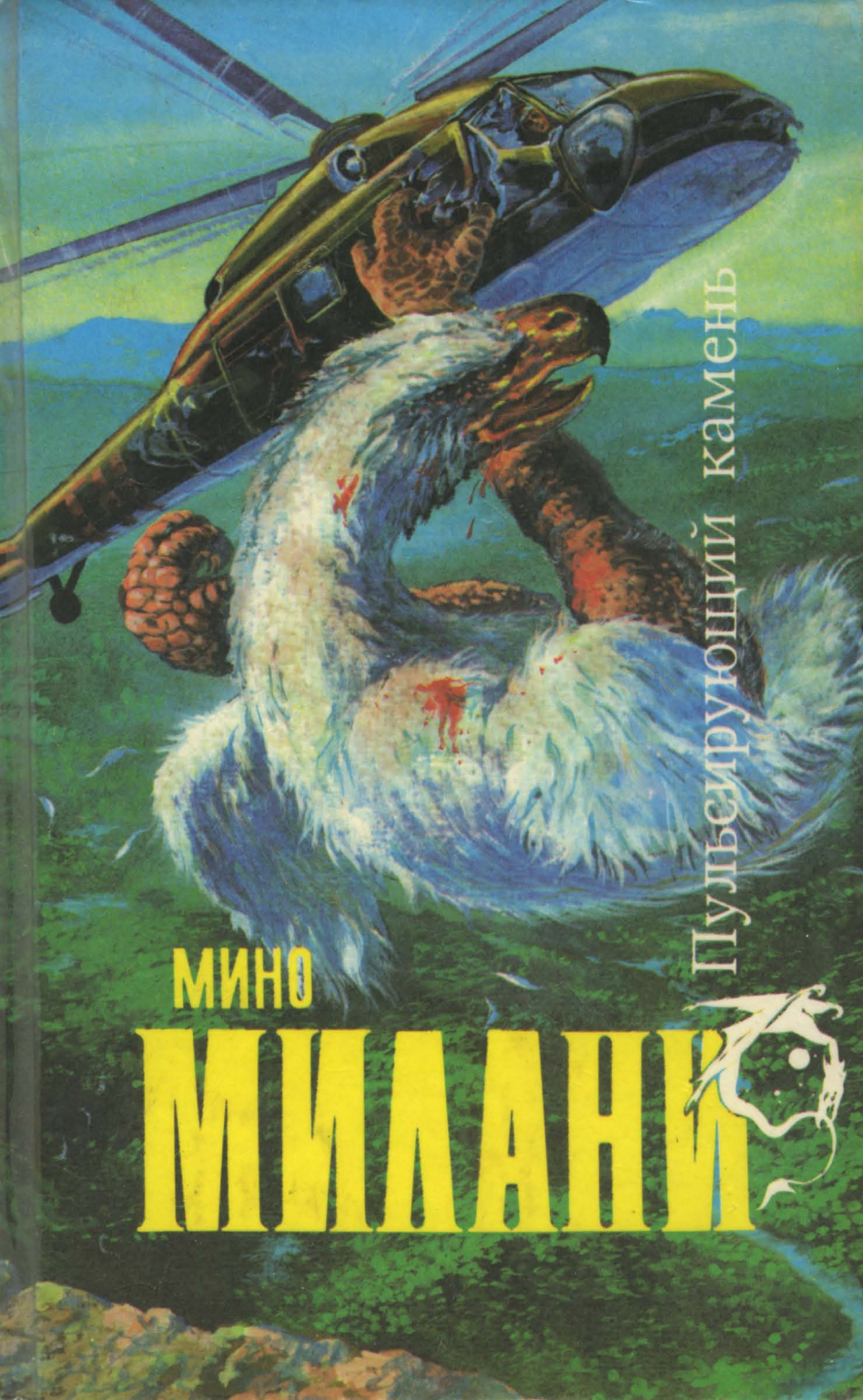

Пульсирующий камень

МИНО

МИЛАНИ

МИНО
МИЛАНИ

Пульсирующий камень

МИНО
МИЛАНИ

В стране огромных следов

Тайна древнего колодца

Повести

САНКТ-ПЕТЕРБУРГ
«СЕВЕРО-ЗАПАД»
1992

ББК 84.7. (Итал.)

М 60

Перевод с итальянского
Ирины Константиновой и Льва Тарасова

Милани М.
М 60 Пульсирующий камень: романы, повести, —
пер. с итал. — СПб.: Северо-Запад, 1992—479 с.

В книгу включены два фантастических романа известного итальянского писателя Мино Милани «В Стране Огромных Следов» и «Тайна древнего колодца», в которых рассказывается о приключениях наших современников на маленьком исландском острове Оук, на берегах Амазонки, в джунглях Южной Америки, а также несколько небольших повестей, тоже необычайно привлекательных.

Фантастические, невероятные ситуации, острый динамичный сюжет, яркость характера главного героя — Мартина Купера — заставляют с волнением следить за событиями любого читателя — и детей, и взрослых.

Перепечатка отдельных глав и всего произведения в целом — запрещена. Всякое коммерческое использование данного произведения возможно исключительно с ведома издателя.

© И. Константинова, Л. Тарасов,
перевод, 1992.

© Северо-Запад, оформление
и подготовка текста, 1992.

ISBN 5—8352—0046—3

РОМАН

В стране огромных

СЛЕДОВ

Глава 1

ПЕРО И КОГОТЬ

Кабинет полковника находился на сорок девятом этаже, куда не доходили ни городской шум, ни запах асфальта, ни гарь из выхлопных труб. Словно в раю, честное слово.

Лифт остановился, с мягким шорохом раздвинулась дверь, и я неслышно прошел по толстому пушистому ковру в приемную, отделанную темным дубом. Навстречу мне поднялась девушка.

— Полковник ждет вас, господин Купер, — сказала она. Я улыбнулся ей и постучал в массивную, величественную дверь с серебряной дощечкой, на которой было выгравировано: «Полковник Джордж В. Спленнервиль, президент и главный редактор». Тотчас из-за двери донеслось:

— Да, Мартин, входи!

— Добрый день, полковник, — приветствовал я его, проходя в кабинет.

Он сидел за своим монументальным столом.

— Да входи же, черт побери! — Он сделал нетерпеливый жест. — Сколько раз тебе говорить? — Затем обратился к девушке, сидевшей перед ним с блокнотом и ручкой: — Закончим на этом, Роза, и запомните — меня ни для кого нет.

Роза поднялась и поспешно покинула кабинет, бросив на меня растерянный взгляд. Я жестом дал ей понять, что мне все ясно. Ясно, что в это утро что-то очень беспокоит полковника. Что-то очень и очень заботит его.

Я думал сесть, как обычно, в одно из больших кожаных кресел напротив письменного стола, но Спленнервиль возразил:

— Нет, Мартин, иди сюда! — Он указал на стул возле себя.

Несколько смутившись, я повиновался.

— Что-нибудь не ладится, полковник? — спросил я. Он посмотрел на меня своими голубыми, холодными глазами.

— А что?

Я покачал головой:

— Да нет, ничего. Я просто так.

— Дело в том, — проворчал он, доставая из бокового ящика небольшую картонную коробку и ставя ее на стол, — что вы, журналисты, всегда почему-то думаете, будто все у всех не ладится.

Он машинально провел рукой по седым волосам, длинным и аккуратно зачесанным.

— Чем ты занят сейчас? — поинтересовался он. Теперь его голос звучал спокойно и вежливо. Нет, чем-то он был весьма озабочен. Чем-то особенным.

— Думаю закончить статью о безработице, полковник.

Он нахмурился.

— Ах, да, помню. Ладно, Мартин, оставь пока эту статью.

Я не выдержал и вскочил.

— Как? — воскликнул я. — Оставить работу? Но я уже целый месяц собираю материал и...

— Знаю.

— К тому же вы сами поручили мне заняться этой проблемой...

— Да, да.

— У меня очень большой и интересный материал. Я взял интервью у мэра, у губернатора...

— Хватит, Мартин! — прервал он меня, хлопая ладонью по столу. — Кто руководит газетой? Ты или я?

— Причем здесь это?

— Ответь: кто главный редактор? Ты или я?

— Вы, — неохотно признался я, — но...

— Никаких «но»! Я — и точка! — он повелительно указал на стул возле себя. — Сядь и успокойся!

Я сел и хотел было снова высказать свое недовольство, но тут он положил руку мне на плечо:

— Нет, дорогой мой, нет! — проговорил он, и го-

лос его удивил меня какой-то проникновенностью и печалью. — На этот раз ты действительно очень нужен мне. И, наверное, не только как журналист. Я всю ночь думал об этом... — Он замолчал и посмотрел на коробку, лежавшую на столе. Пауза длилась долго, должно быть, с минуту. — Мартин, — продолжал полковник, не глядя на меня, — ты слышал о профессоре Луисе Гростере, директоре Музея естествознания?

— Это тот, который умер четыре дня назад?

— Тот самый.

— Я слышал о нем. Это был настоящий ученый. Ах, он был вашим другом, полковник, не так ли?

Он кивнул.

— Мы с Луисом были большими друзьями, хотя и виделись весьма редко. У нас очень разные характеры, это верно, но мы были по-настоящему близки. Он был последним из друзей, какие еще остались у меня, Мартин, — вздохнул Спленнервиль.

Я сказал:

— Мы все ваши друзья, тут, в редакции.

Он горько улыбнулся:

— Понятно. Но с Луисом, видишь ли, все иначе. Мы вместе учились, вместе воевали, вместе переносили холод и голод... Короче, — тут полковник опять перешел на энергичный, деловой тон, — этот старый сумасброд оставил мне кое-что в наследство. Я хочу сказать — вот эту картонную коробку. Ее привез мне домой посыльный из музея, вчера вечером. И испортил мне всю ночь, — мрачно закончил он.

— Вероятно, полковник, она полна банкнот, — глупо сострил я.

Спленнервиль взглянул на меня без улыбки.

— У Луиса не было ни гроша, — отрезал он и открыл коробку.

Привстав со стула, я заглянул в нее. Потом набрался смелости и, не скрывая своего удивления, спросил:

— И это все?

Полковник раздраженно кивнул.

— Все.

Он извлек из коробки перо, какую-то щепку, два

конверта и положил их на черное, блестящее стекло своего письменного стола.

Он долго и задумчиво смотрел на все это. Мне стало тоскливо. Зачем, спрашивал я себя, зачем, черт возьми, редактор вызвал меня?

Вдруг из динамика прозвучал голос Рози:

— Полковник, вас вызывает Вашингтон...

Спленнервиль не сразу услышал ее слова, продолжая внимательно смотреть на лежащие перед ним предметы. Когда же Рози повторила «Полковник, вас вызывает Вашингтон...», он резко повернул голову и, покраснев, заорал:

— Я же сказал — меня ни для кого нет!

— Но, господин Спленнервиль, это министр труда, — сообщила Рози после небольшой паузы.

Спленнервиль хлопнул рукой по столу:

— К черту министра труда! — прогремел он. — Меня нет, ясно? Нет меня! — Он раздраженно опустил рычажок аппарата и замер, стиснув зубы. — К черту! — повторил он и, не остыв еще от гнева, повернулся ко мне: — Так вот, Мартин, о чем ты мне говорил?

Я еще никогда не видел его таким возбужденным.

— Я говорил, что это, наверное, что-то очень важное, полковник, раз вы посылаете к черту даже министра труда, — и, указав на коробку, добавил: — А больше там ничего нет?

— Это все. Перышко, — он спокойно взял серое перо, — и коготь. — Он коснулся указательным пальцем того, что я принял за щепку. Я всмотрелся. Да, это был коготь, вернее, острый конец когтя. Может быть, от какого-то необыкновенного тигра... Не знаю, почему, только мне вдруг стало как-то не по себе. Впрочем, это ощущение быстро прошло.

— Наверное, для вас, полковник, эти вещи имеют какой-то особый смысл. Воспоминание о прошлом, должно быть?

Спленнервиль поморщился и махнул рукой. Затем он взял один из конвертов, который был уже распечатан, и извлек из него лист бумаги.

— Послушай, Мартин, — сказал он, глядя на меня, — послушай, что написал мой бедный Луис... Да-

та, видишь, давняя — год назад... Послушай «Дорогой Джордж, — начал читать он, — может быть, тебе покажется странным, что я делаю это завешание, я не богат и никогда не был богатым. Ты, конечно, помнишь...» — Тут полковник прервал чтение. — Здесь я могу пропустить несколько строк, Мартин... Луис пишет о нашей старой дружбе...

— Как хотите, полковник.

— Да, к делу... Вот тут. Итак: «Все мои книги и инструменты я завещаю музею. А тебе, Джордж, оставляю вот эти предметы, которые заключают в себе годы моих раздумий, мечтаний, проектов. Годы разочарований, лишений и страха. Перо и коготь...» — Явно взволнованный, полковник, прервав чтение, вздохнул, что-то пробормотал и продолжал: — «Эти предметы я тоже мог бы оставить музею или какому-нибудь другому ученому, но я не делаю этого. Я отдаю их тебе, Джордж, по четырем весьма весомым причинам. Первая — потому что ты мой ближайший друг. Вторая — потому что ты очень богат. Третья — потому что ты отважен. Четвертая — потому что ты наделен воображением. Да, именно так. Эти два предмета — перо и коготь — попади они в руки человека, не обладающего этими четырьмя качествами, какие есть у тебя, пропали бы. Имей однако в виду, Джордж, что это мое наследство будет весьма тяжким для тебя. Если не уверен в своих силах, оставь все и брось эти предметы в камин. Если же, напротив, захочешь принять мое наследство, Джордж, во имя нашей старой дружбы, то умоляю тебя, доведи дело до конца...» — Голос полковника по мере того, как он читал, становился все глуше, он опять прервал чтение и, не глядя на меня, проговорил: — Мартин, там в шкафу бутылка виски...

Я прошел к шкафу, достал бутылку и рюмку, поставил на стол, налил виски.

— Вот, полковник.

— Я никогда не пью раньше захода солнца, это мое правило, — предупредил он, — но на этот раз мне необходимо. — И он сделал хороший глоток.

Я по-прежнему — сам не знаю почему — ощущал какое-то странное беспокойство, даже страх, тревогу,

какую не испытывал еще никогда в жизни. Мне казалось, будто я смутно чувствую присутствие еще кого-то, словно в просторный кабинет вошло некое неизвестное, загадочное существо...

Внезапно полковник спросил:

— Что же мне делать, Мартин? Принять или отказать?

Звук его голоса заставил меня встряхнуться.

— Соглашусь принять, — продолжал Спленнервиль, — значит, нужно вскрыть и вот это. — И он указал на второй конверт, лежащий на столе.

Я заметил, что он был запечатан и на нем четким почерком профессора Гростера было написано: «Вскрыть только в случае положительного решения». Я продолжал рассматривать его. Журналист должен быть любопытным уже в силу своей профессии, это верно, но сейчас, странное дело, любопытство сжигало меня, как никогда прежде. Отчего такие мрачные слова? Почему это перо какой-то птицы и частица когтя заключают в себе мечты, разочарования, страхи, отречения?..

— Соглашайтесь, полковник, — твердо сказал я. Спленнервиль усмехнулся.

— Я знал, что ты так скажешь, Мартин! — Он еще глотнул виски и с некоторой бравадой продолжал: — Ладно, посмотрим, чего хочет от меня старый Луис. — Он взял нож для разрезания бумаги и не без некоторого труда вскрыл конверт. Достал лист бумаги и положил его на стол. — Та же дата, что и на том письме, — проговорил он, — да, да... старый Луис. Гм! Ну, посмотрим, в чем тут дело... «Джордж, — негромко начал читать он, — это перо, несомненно, давнее, ему лет 45-50. Я исследовал его целых семнадцать месяцев и абсолютно убежден, что не ошибаюсь. Погрешность может составить пять-шесть лет, не больше. То же самое относится и к когтю. Я непреклонно убежден, что...» Что тут такое? Ага, вот: «...что перо и коготь принадлежат одному и тому же существу. То есть Онакторнису...» — Тут полковник остановился. Посмотрел на меня, недоуменно скривил губы и продолжал: — «Эти предметы попали ко мне во время моей последней экспедиции в устье Амазон-

ки в 1962 году. Я купил их у одного местного жителя, который сказал, что приобрел их у одного колдуна, а тот в свою очередь — у жителя Страны Огромных Следов. Он сказал, что перо и коготь обладают волшебной силой.» Дай мне еще немного виски, Мартин. Спасибо. Что ж, читаем дальше: «Я сразу же понял необыкновенную ценность этих «вещественных доказательств» и трудился, как одержимый, Джордж, чтобы определить хотя бы приблизительно, где же находится эта Страна Огромных Следов. На карте, которую я прилагаю, ты найдешь результат моих исследований и мои выводы. Тут я также непреклонно убежден, что не ошибаюсь. Я мог бы передать тебе и несколько папок со своими записками, научными выкладками, описаниями опытов и выводами, к каким пришел в результате. Но я знаю, ты обладаешь незаурядным воображением и веришь мне, поэтому ограничусь лишь тем, что еще раз повторю мой окончательный вывод: в верховьях Амазонки, Джордж, до сих пор живет или во всяком случае не более сорока-пятидесяти пяти лет назад еще существовал экземпляр Онакторниса. Вот и все. Это и есть мое наследие. Остальное — за тобой».

Спленнервиль опустил бумагу на стол. И замолчал, недвижно глядя куда-то в пространство. Я заметил, что лоб его покрылся бисеринками пота. Тишину нарушил протяжный бой стоявших в глубине кабинета высоких напольных часов, их маятник равнодушно отсчитывал время.

— Извините, полковник, — проговорил я после некоторого раздумья, — я мало что почерпнул из этого письма, но полагаю... — кажется, мне не удалось скрыть разочарованную усмешку. От моего любопытства не осталось и следа, а вместе с ним испарилась и тревога. Лопнула, как мыльный пузырь.

— В чем дело, Мартин? — вспыхнул Спленнервиль. — Почему ты усмехаешься?

— Нет, нет. Боюсь только, что... — я не стал развивать свою мысль. Спленнервиль вложил письмо в конверт и поднял рычажок переговорника.

— Слушаю, шеф! — тотчас раздался голосок Розы.

— Возьмите энциклопедию и прочтите мне статью «Онакторнис»: О, эн, а, ка, тэ... Словом, Онакторнис.

— Ясно, шеф. Сейчас.

Спленнервиль ждал, хмуро уставясь в переговорник.

— Ну что? — нетерпеливо поинтересовался он спустя некоторое время. Роза испуганно ответила:

— Вот, вот, шеф!

— Так давайте, читайте же, черт возьми!

— Итак... Онакторнис... — Голос девушки дрожал, — разновидность нелетающих птиц, существовавших в плеоцене, принадлежит к отряду плотоядных, населявших Южную Америку... Крупная хищная птица...

— Достаточно! — отрезал полковник. Он нервно выключил динамик и повернулся ко мне:

— Ну так что, Мартин?

Глава 2

ДЕГ

— Не хотел бы вас разочаровывать, — твердо сказал я, — но, по-моему, это набившая оскомину история, которая время от времени возвращается на экраны: где-то обнаруживается чудовище, пережившее тысячелетия и всемирный потоп, ну и так далее, и все такое прочее. Каждые пять-шесть лет всплывает нечто подобное.

— Нет, Мартин, нет. На этот раз все не так. Должно быть не так.

— Почему?

Вместо ответа он взглянул на письмо. И прежде чем продолжить чтение, внушительно проговорил:

— Луис был великим ученым, а не писателем. Выдумав подобную историю, он мог бы заработать кучу денег... «Речь идет, — прочитал он, снова обратившись к письму, — об очень трудном деле.» — Он внезапно умолк.

Тогда заговорил я:

— Верно, полковник, это очень трудное дело, но отчего же в таком случае он не взялся за него сам? Отчего же Гростер как истинный ученый сам не отправился на поиски этого чудовища? Почему самостоятельно не постарался доказать, что эта птица живет в наши дни или жила полвека тому назад?

Полковник хмуро посмотрел на меня, снова взял письмо и почти сразу же с торжеством воскликнул:

— А вот почему! Вот что пишет Луис: «...очень трудное дело, и я не берусь за него, Джордж, потому что я стар, беден, а прежде всего потому, что я ученый. Нет, не смейся, Джордж. Это затея не для ученых, и знаешь почему? Ведь каждый, кто пытается

научно доказать, что вымершие доисторические чудовища живы и поныне, рискует своим научным авторитетом! Его уничтожат критики, ирония коллег, неверие толпы, насмешки журналистов... Джордж, — тихо продолжал Спленнервиль, — на все это у меня нет сил. Можешь считать меня подлецом, но у меня нет на это сил. Видишь ли, я уверен...» — Эти слова, Мартин, подчеркнуты! — «...я уверен, что пятьдесят лет назад Онакторнис был жив, и даже само название места — Страна Огромных Следов — мне кажется, подтверждает это. Хотя, понимаешь, я ведь тоже могу заблуждаться, и в таком случае мое сообщение об Онакторнисе сразу же положило бы конец моей карьере. Ученый не может, не имеет права ошибаться: он рискует всем. А журналист вроде тебя, если и ошибется, то ничего не потеряет. Разве не так?..»

Дальше Спленнервиль читал письмо молча, про себя, а окончив, положил на стол и некоторое время сидел, опустив голову, сложив ладони, словно молился. Наконец он поднялся, неторопливо направился к большому окну, в задумчивости остановился перед ним, держа руки за спиной и устремив взгляд к океану, голубевшему вдали, за лесом небоскребов.

Я оставался в своем кресле, разочарованный и расстроенный. Ожидал Бог весть чего, а тут... На этот раз, утверждает полковник, все не так. Но почему? Я не понимал, почему же все не так...

С каким-то непонятным испугом посмотрел я на эти странные предметы, лежавшие на столе, невольно протянул руку к перу и, тронув его, почувствовал нечто вроде толчка, заставившего меня вздрогнуть, во мне опять внезапно пробудился страх, возникло ощущение какой-то тайны... Я поднялся. Нет, пожалуй, эта история не по мне.

— Позвольте задать вам вопрос, полковник? — обратился я.

Он молча кивнул, продолжая смотреть вдаль.

— Какое же отношение вся эта история имеет ко мне?

Он резко повернулся, и я увидел, что глаза его гневно заблестели:

— Какое отношение? — вскричал он. — Что за

глупый вопрос, Мартин? Ты полагаешь, я пригласил тебя из-за того, что страдаю от одиночества?

— Нет, но...

— Разве я не попросил у тебя совета? Не сказал, что мы с Луисом были словно братья? Или ты думаешь, это просто — решить такую проблему?

— Нет, конечно, полковник, но...

Он быстро вернулся к письменному столу, взял письмо:

— Луис, — воскликнул он, размахивая бумагой перед самым моим носом, — никогда не сыграл бы со мной подобную шутку на смертном одре! Загнать меня в ловушку в предсмертный час! Нет же и нет! Никогда! Никогда!

— Не сомневаюсь. Но в чем же дело? Вы хотите, чтобы я написал об этом статью? Я мог бы подыскать какие-нибудь убедительные доводы, мог попросить помочь какого-нибудь ученого и...

— Нет, Мартин. Раз старый Луис верил в меня, положился на меня, я не предаю его. Если он считал, что я испугаюсь, то крепко ошибся!

Спленнервиль сел за стол, быстро перечитал оба письма, потом, глядя на меня с какой-то странной улыбкой, добавил:

— До самого конца, Мартин! Тут надо дойти до самого конца!

Колокольчики тревоги снова дружно загремели в моей голове:

— Послушайте, полковник, — торопливо заговорил я, — не собираетесь же вы...

Но он уже нажал рычажок переговорного устройства:

— Пришлите сюда Рестона, Розы, — приказал он, — и скажите, чтобы приостановили печатать первую полосу. — Да, немедленно! Попросите Д'Анджело подняться ко мне, тотчас же. Скажите Альдо Даггертону, чтобы не покидал свой кабинет. А если его нет на месте, разыщите и прикажите немедленно вернуться... Да, да.

— Полковник, — начал было я, — если вы...

— Да, Мартин, ты угадал. Именно это я и намерен сделать, — усмехнулся он. Теперь его лицо было

озарено хорошо знакомым мне светом: удовлетворением от принятого решения, уверенностью, что работа началась. А я хорошо знал, что полковник, раз взявшись за что-либо, никогда не бросал дело, не доведя его до конца... Колокольчики тревоги звонили лихорадочно. В невольном порыве я протянул к нему руку, не опасаясь, что становлюсь похожим на нищего у паперти:

— Ради Бога, полковник, — воскликнул я, — не совершайте...

— Чего? — прервал он меня. — Ошибки? Пусть даже это будет ошибка, ну и что? Иди, Мартин, отдохни немного, сынок. Иди... Приведи в порядок свои дела. Но через два часа ты понадобишься мне, понял?

— Черт побери, полковник, ничего не понял! Какого дьявола?..

Он снова обратился к микрофону:

— Рози, подготовьте мне немедленно программу поездки на Амазонку. Что? На самолете, конечно, а как иначе? Не на машине же! Да, и немедленно. Итак, Мартин, — обратился он ко мне, — что ты хотел сказать?

— Я хотел сказать... Ради Бога, послушайте меня. Я люблю вас и вашу газету... Понимаю ваши чувства к Гростеру и все прочее. Но подумайте, прошу вас, как следует! Представьте, чем все это может обернуться? Я полечу на Амазонку, если хотите, но что я там смогу сделать? Написать серию статей? Согласен. И все? Вы всерьез считаете, будто можно отыскать Страну Огромных Следов и птицу с этим дурным названием? Неужели я похож, по-вашему, на человека, способного отыскать какое-то допотопное чудовище? Если хотите сделать что-то ради памяти Гростера, обратитесь в университет, в музей... к ученым, одним словом. Организуйте экспедицию естествоиспытателей, спросите их мнение...

— Господин Полковник!

— А, Рози! Ну так что?

— Есть прямой рейс на Белен. Оттуда местным транспортом можно проехать в глубь страны. Белен, — повторила Рози, — Бразилия.

— Превосходно. Забронируйте два места на завтра. Да. Хорошо.

У меня опустились руки. Я почувствовал себя опустошенным, словно старая тыква.

Безутешно покачав головой, я пробормотал:

— Но, полковник...

Он встал, проводил меня до двери, протянул руку:

— Ладно, Мартин, не горюй... В твои годы я бы подскочил от радости, получив подобное задание! Кстати, какие у тебя отношения с Альдо Даггертоном? Все в порядке?

— С кем? С Дегом, фоторепортером? Мы с ним друзья, а что?

У дверей Спленнервиль нажал кнопку, створки с легким гулом растворились.

— А то, что он составит тебе компанию в этом путешествии. До встречи, Мартин!

Я вышел. Дверь за моей спиной закрылась.

Я чувствовал себя так, словно о мою голову только что разбили бутылку. Вот уже пятнадцать лет я работал журналистом, писать начал едва ли не подростком, но никогда еще не получал такого удара. За каких-то двадцать минут меня выдернули из-за письменного стола и швырнули в тропические джунгли искать какое-то допотопное чудище, порожденное болезненной фантазией старого профессора...

— Нет! — воскликнул я что было силы. — Нет!

— Вы что-то сказали, господин Мартин? — как всегда застенчиво пролепетала Роза. И прежде чем я успел ответить, продолжила, глядя на меня поверх очков: — Что с вами?

Я шагнул к ней:

— А что со мной должно быть?

— Святые угодники, какой странный у вас голос! Можно подумать... — она умолкла.

— Что можно подумать, Роза? — поинтересовался я.

Она пожала плечами и проговорила:

— Наверное, вы чего-то испугались...

— Испугался?.. Гм...

Через два часа я снова вошел в кабинет Спленнервиля. Тут уже находились Рестон, заместитель

директора, Снайпсон — главный редактор, и Д'Анджело, руководитель типографии. Был тут и Дег — молодой человек двадцати трех лет, тоненький, с открытым живым лицом и смешно оттопыренными ушами. Спленнервиль вышел мне навстречу и протянул руку.

— Ну, как теперь дела, Мартин? — спросил он. При этом ему не удалось скрыть некоторого беспокойства.

— Я готов ехать, полковник, — искренне ответил я. И я действительно был готов. Кирпич, падающий на голову журналиста, должен быть именно кирпичом и ничем больше. Я успокоился, поручил одному своему коллеге закончить статью о безработице, и теперь был готов отправиться в Белен, в Бразилию, к черту на рога или еще куда подальше. Такова профессия, таков мой долг. И потом было бы интересно посмотреть на Амазонку...

Впрочем, нет, тут было еще и другое. Что-то такое, чего я не мог объяснить самому себе. За те два часа, проведенные в редакционной библиотеке, где я листал книги и энциклопедии, разыскивая сведения об Онакторнисе, я пришел к выводу, что вся эта история — плод фантазии, родившейся в мозгу несчастного одинокого человека... Я не доверял профессору Гростеру, не верил в его чудовище, выжившее после всемирного потопа. Я готов был отдать голову на отсечение, что моя поездка окажется совершенно напрасной. И все же...

И все же одного я не мог понять — отчего меня охватило такое беспокойство при виде этого пера и когтя, отчего с тех пор меня не покидало это ощущение, а мой голос, когда я разговаривал с Рози, дрожал от страха. Так что же все-таки происходило со мной?

Я не понимал этого. Но чувствовал, что ответ на все мои вопросы я найду в джунглях.

Мы обсудили план экспедиции. Полковник уже поместил в газете сообщение о моем отъезде: «Наш специальный корреспондент Мартин Купер, — огромными буквами было напечатано на первой полосе, —

отправляется на поиски последнего доисторического чудовища.» Других подробностей, естественно, не сообщалось, как не было даже намека ни на профессора Гростера, ни на Амазонку. Говорилось только о каком-то уголке земли, находящемся на краю цивилизации.

— Не хочу, чтобы здесь упоминалось имя Луиса, а главное, не хочу, чтобы другие газетчики совали нос в эту историю, — проворчал полковник. — Идея принадлежит нам. Это наше дело.

— И это большое дело, если все пойдет хорошо, — заметил Рестон.

Полковник сделал решительный жест:

— Пойдет, пойдет! Читатели любят подобные сенсации. Увеличим тираж и получим уйму заказов на рекламу... Заработаем кучу денег, поверьте мне! Разумеется, — добавил он, — экспедиция тоже влетит нам в копеечку. Ты должен будешь присылать мне блестящие статьи, Мартин, такие, чтобы люди поверили. Впрочем, не мне тебя учить.

— А как же передавать их? Мне кажется, в джунглях нет телефона.

— Связывайся, пока будет возможность, — сказал Снайпсон, — а потом делай заметки, и напишешь историю путешествия, когда вернешься.

Полковник повелительно ткнул пальцем в Дега:

— А ты должен сфотографировать мне это чудовище, ясно? — приказал он.

Дег покраснел и заерзал на своем стуле.

— Но, полковник, а если вдруг...

— Что? Что вдруг? Черт побери! — загремел Спенсервилль, хлопая рукой по столу. — Что это за разговоры? Ты отправляешься в свою первую серьезную командировку и что-то лепечешь о каких-то «если» и «но»?.. Вы должны найти это чудовище, должны! Ясно? Мартин?

— Да, — ответил я, — ясно. А не найдем, так придумаем!

Полковник уставился на меня дикими глазами, казалось, он вот-вот взорвется от гнева, но потом он усмехнулся и промолчал. Вскоре все приглашенные

ушли, остались только мы с Дегом. Полковник указал нам на карту Амазонки, расстеленную на столе.

— Это вот здесь, ребята, — объяснил он, опуская на нее указательный палец. — Это карта, которую мне прислал Гростер... А это, по его мнению, Страна Огромных Следов... Наша проклятая курица должна обитать примерно в этих краях...

— Если она еще жива, — вставил я.

— Разумеется, — продолжал он, — а если ее нет, то наверное остались какие-то следы или что-нибудь в этом роде.

В том месте карты, куда указывал полковник, не было и намека на какие-либо дороги или поселения. Он справедливо назвал это «уголком земли на краю цивилизации». Я заметил:

— Нелегко будет добраться туда, полковник.

— Нелегко, — согласился он, — но об этом позабочусь я, и вы туда доберетесь. Ладно, — добавил он, складывая карту и протягивая ее мне. — Это все. Самолет вылетает завтра в 7.00. Сейчас вам лучше отправиться домой и привести в порядок свои дела... Да, во время пересадки в Мехико, Мартин, ты получишь конверт с инструкциями, более точными адресами и так далее... А теперь зайдите в бухгалтерию и получите приготовленные для вас деньги. Вот теперь действительно все. — Он повернулся к микрофону, из которого неожиданно раздался голосок Розы, и ответил:

— Да, да, я понял. Через минуту буду свободен. Скажите министру, что я в его распоряжении.

Мы направились к двери. Когда она открылась, полковник протянул мне руку:

— Ты лучший из моих ребят, Мартин, — тихо произнес он.

Я пожал ему руку.

— Сделаю все, что в моих силах, полковник. Справимся? — обратился я к Дегу. — Не так ли, старина?

Юноша живо откликнулся:

— Ну, с вами, Мартин, это будет не так уж и трудно...

Прежде чем расстаться с нами, Спленнервиль положил руку мне на плечо. Это было необычным для него жестом.

— Мартин, дорогой мой, — проговорил он, — я — редактор, и обязан заботиться об интересах газеты. Твое путешествие должно завершиться успехом для нашего дела... Но, — продолжал он, — тут ведь есть еще и другое, и ты понимаешь, что я имею в виду.

Я взглянул на перо и коготь, лежавшие на письменном столе.

— Понимаю, — ответил я.

Спленнервиль хотел сказать еще что-то, но не смог.

— Счастливого пути! Удачи вам! — воскликнул он. И закрыл дверь.

Когда мы покидали редакционный небоскреб, я заметил, что Дег слегка дрожит, и повел его в ближайший бар выпить что-нибудь. Он одним глотком осушил небольшую рюмочку, помолчал и, покачив головой, спросил:

— Но в чем, собственно, дело? Что случилось, Мартин?

— Ничего особенного. Обычная журналистская судьба, Дег. Нынче — здесь, завтра — там.

Он смотрел сквозь меня, явно думая о чем-то совсем другом.

— Не знаю... Не знаю... — Дег потрогал свой лоб, лицо его передернулось. — О Боже, но почему выбрали именно меня?

— Потому что ты хороший фотограф. А ты хотел бы, чтобы послали кого-нибудь другого?

— О нет! — воскликнул Дег. — Конечно, нет, но... Можно еще рюмочку, Мартин? И послушайте... Зачем мы едем на эту Амазонку? Знаете, я не уверен, что все правильно понял. Я переволновался, да еще там были эти главные редакторы и прочие... Мы что, отправляемся искать... какое-то чудовище?

Он смотрел на меня, словно напуганный ребенок. Я ответил:

— Онакторниса.

— Извините, я наверное не очень образован... А что это такое — он... а... кто... Словом, что это за штука-вина?

— Птица, Дег, — объяснил я и заметил, как он вздрогнул. — Но не думай, — продолжал я, — что из тех, которые славно щебечут среди листочков на деревьях. В библиотеке есть две-три книги, где описывается этот самый Онакторнис, проклятая курица, как назвал ее полковник. Она была ростом в три метра, может быть, даже больше. Не могла летать, но зато бегала очень быстро, как мотоскутер, и могла подпрыгнуть до второго этажа этого дома... Да. И не думай, будто она питалась бисквитами... У нее были иные пристрастия, Дег.

Юноша слегка побледнел, стиснув пустую рюмку. Я наполнил ее в третий раз.

— Она питалась мясом, Дег. Самым разнообразным, насколько я понимаю. Человечьим тоже.

Глава 3

«ПРЕДСТАВЬ СЕБЕ, ЧТО ТЫ ОНАКТОРНИС...»

Три дня спустя мы прибыли в Белен. Отсюда, согласно указаниям, полученным от полковника еще в Мехико, отправились в Манаус. Еще через неделю на маленьком дребезжащем самолетике добрались до Фоса — крохотного городка на Риу-Негро, окутанного липким туманом, ползущим из джунглей. Отсюда нам предстояло подняться на пароходе по реке до того места, где она впадает в Риу-Аоле, и проследовать дальше до Марагуа — последнего пристанища цивилизации, ее дальнего аванпоста. В Марагуа нас должен был ожидать вертолет с оснащением экспедиции, с помощью которого нам предстояло отправиться дальше в глубь страны, в сердцевину бесконечных тропических джунглей — в Страну Огромных Следов.

Я сидел за пишущей машинкой в убогой комнате единственной в Фосе крохотной гостиницы. Я заканчивал уже вторую статью, как вдруг вошел Дег, ногой захлопнул за собой дверь, повесил на гвоздь фотоаппарат и молча бросился на кровать.

— Как дела, Дег? — спросил я, повернувшись к нему. Он молчал, уставившись в потолок. Я снова стал стучать на машинке, но вскоре почувствовал, что он смотрит на меня. Не оборачиваясь, я повторил вопрос:

— Что случилось?

Он помедлил с ответом.

— Случилось? — наконец тихо переспросил он. — Мартин, я не представлял, что окажусь в таком... в таком... — он не находил подходящего слова. Я повернулся к нему:

— Не представлял, что окажешься за пределами цивилизации?

Он нервно дернул головой и ответил, тщетно пытаясь улыбнуться:

— Да, Мартин, именно это я и хотел сказать. Я пытался представить себе эту страну, читал кое-что в дороге, но... — он безутешно махнул рукой, — я никак не думал, что... — Он умолк, чтобы прихлопнуть комара, и с ожиданием посмотрел на меня.

— Ну, представь себе, что ты Онакторнис, Дег, — сказал я, — а хищники и люди преследовали бы тебя. Где бы ты начал прятаться, где бы стал искать хоть немного покоя? В Нью-Йорке? В Париже или в какой-нибудь долине, испещренной автострадами? Разве не предпочел бы ты самое глухое место, какое только может быть на земле?

— Вы правы, да, но... Я не думал, что здесь так все ужасно. Вы же видели, Мартин, какая тут нищета, в этой стране? Дороги разбиты, усыпаны мусором... Эти женщины, мужчины, дети... Вы видели, во что они одеты, какие истощенные, больные... А их жилища? Вы видели? Можно подумать, что... тут обитают прокаженные...

— Ничего не поделаешь, Дег. Тебе остается только одно — фотографировать.

— Ну да, я понимаю... И снимки я уже сделал... Но у меня такое ощущение, будто я натянул на себя мокрую одежду... Все раздражает меня, и все валится из рук... Мартин, — грустно добавил он после некоторого молчания, — и долго еще мы будем здесь в командировке?

Я тяжело вздохнул:

— Долго, Дег, долго. А что, было бы лучше, если б я наврал тебе?

— Но...

— Но поиски еще и не начались, Дег. Однако, если ты уже устал, то... Не знаю, честно скажу, просто не знаю, сколько все это продлится. Представления не имею.

— Ладно, — согласился Дег, — это пройдет, Мартин, пройдет. Я уверен, что выдержу. Выдержу, верите мне?

— Конечно.

Он улыбнулся и, казалось, немного успокоился. Удобней устроился на кровати и продолжал:

— Есть еще одно обстоятельство, о котором я хотел вам сказать, Мартин, — произнес он, серьезно глядя на меня: — Я хотел спросить вас об этом еще когда мы летели сюда.

— Ну, так в чем дело?

— Так вот. Я хотел спросить, как вы считаете, мы найдем что-нибудь? Я хочу сказать — верите ли вы, что это чудовище существует на самом деле? Верите, — добавил он шепотом, — в это задание, Мартин? — И, затаив дыхание, он уставился на меня в ожидании ответа.

Я задумался. Да, я тоже сто раз задавал себе этот же вопрос. Помолчав немного, я заговорил:

— Нет, Дег, не верю. И то, что я не верю, меня, естественно, огорчает. Я предпочел бы не сомневаться в победе... Но на этот раз все не так, и я ничего не могу поделать. Но, — добавил я, возможно, обращаясь в этот момент к себе самому, — это наше задание, наша работа... Раз меня прислали сюда, то верь не верь, а я буду искать это чудовище, эту проклятую курицу... И если она существует или оставила хоть какие-то следы, черт побери, непременно найду. Я хочу сказать, что сделаю все, чтобы отыскать ее. Во всяком случае, — заключил я, улыбаясь, — если мы не отыщем ее, то мы ее придумаем. Таков приказ.

— Спасибо, Мартин. Вы вселяете в меня мужество.

Я ничего не ответил ему и продолжал стучать на машинке. Мужество! На самом деле я был напуган, и, пожалуй, посильнее, чем он. Нет, не убожеством и запустением этих мест. И не тем, что чувствовал себя выброшенным из нормальной жизни, не джунглями — этой живой, враждебной стихией, с ее бесчисленными насекомыми и невыносимой влажностью, и даже не опустошенными лицами индейцев и немногочисленных белых людей, вынужденных жить в Фосе. Нет, не это пугало меня, а что-то совсем другое.

У меня было ощущение, будто какая-то тайная сила неумолимо толкает меня к чему-то, а я бессоз-

нательно и отчаянно упираюсь — но справиться с ней не могу. Что это было, я не знал.

Пароход через два дня отбывал в Риу-Аоле и Ма-рагуа. Я отправил полковнику телеграмму, сообщив ему условной фразой, что мы предпринимаем заключительный этап нашего путешествия и, когда окажемся на месте, ждем вертолет.

Последний вечер перед отъездом мы провели в одном из подвальных Фоса за бутылкой отвратительного виски. Мы ощущали на себе тяжелые, пристальные взгляды мужчин, сидевших в углу и молча потягивавших местное вино. Это были усталые люди, измученные непрестанной борьбой с буйной, злой и враждебной природой... Кое-кто подошел к нашему столику, чтобы полюбопытствовать, кто мы такие и куда направляемся. Я сказал им правду — мы журналисты, отправляемся в глубь страны делать снимки и писать статьи. Я знал, что никто здесь не читает «Дейли Монитор». Знал также, что никто мне не верит.

Они поджимали свои пересохшие губы и молча недоверчиво улыбались, обнажая испорченные губы.

Мы двинулись в путь на рассвете, на старом пароходике, который вез какие-то товары жителям отдельных домов, приютившихся на берегах реки. На борту было пять или шесть индейцев. Команду составляли четыре матроса — негры с лоснящимися, непроницаемыми лицами. Капитан был сухопарым метисом с беззубым ртом, с длинными и сухими, словно у обезьяны, руками. Он встретил нас молча, нахмурившись, сунул в карман наши доллары и буркнул, что единственная каюта, какая есть на судне, находится в носовой части, и мы можем спуститься туда.

— Должно быть, вы не часто возите пассажиров? — поинтересовался я.

Он указал на индейцев:

— Отчего же не часто? — И хотел уйти, но я задержал его:

— Я имею в виду, — пояснил я, — иностранцев.

В Марагуа, к примеру... Возили вы когда-нибудь иностранцев в Марагуа?

Он задумчиво посмотрел на меня и недовольно ответил:

— Последний раз это был господин комиссар, да... Я отвез его в Марагуа.

— А, так там есть комиссар?

Вместо ответа он кивнул головой и ушел, не проронив больше ни слова. Дег, стоявший позади меня, опустил рюкзак и сказал:

— Ну что ж, Мартин, выходит, Марагуа достаточно крупный центр, если там есть комиссар полиции.

— Насколько мне известно, это, Дег, дурное место.

— Несчастливое?

— Этот город построен наспех в конце прошлого века во времена великой каучуковой лихорадки. Знаешь, тут, в Южной Америке, с каучуком произошло то же самое, что в Калифорнии с золотом... Съезжались добытчики со всего света, построили города с театрами, гостиницами, игорными домами... Несколько лет дела у всех процветали. Потом наступил кризис, цена на каучук упала, денег стало не хватать... Знаешь, как это бывает, Дег? Города опустели, и джунгли поглотили их. Теперь в Марагуа никто больше не живет, вернее, почти никто.

Дег, казалось, был разочарован. Он попытался улыбнуться:

— Но комиссар там все-таки остается до сих пор!

— Конечно! На месте города могут подняться непроходимые джунгли, но должность останется. Ну, подхвати-ка вещи и пойдем посмотрим, что это за каюта... А насчет комиссара, — добавил я, спускаясь по трапу, — то я очень рассчитываю на него... Обычно это надежные люди, которые хорошо знают джунгли и индейцев... Он может быть нам полезен.

Далеко в горах довольно долго шел дождь, и вода в реке была желтоватой, мутной, стремительной. Илистый, бурлящий поток нес ветки, кусты, пятна беловатой пены и даже целые деревья, с корнями вырванные из земли. Некоторое время, пока солнце под-

нималось на затянутое густым розоватым туманом небо, нам встречались лодки, спускавшиеся по вздувшейся, вышедшей далеко из берегов реке. А потом больше никто нам не попадался. И не слышно было ничего, кроме натужного шума двигателей и плеска воды у бортов.

Милях в двадцати от горы Фос джунгли замкнулись, зажали нас двумя непроницаемыми зелеными стенами. Река тут была шириной в три или четыре метра, но, вздувшись, она поглотила берега и, казалось, не имела границ. Деревья поднимались прямо из воды, и повсюду царил сладковатый запах гниющих растений и мясистых цветов... Иногда веял теплый ветер, и запахи чувствовались еще сильнее.

Теперь мы не видели больше никаких следов человека. Встречались лишь редкие хижины серингейрос — сборщиков каучука — молчаливые и пустые, наверно, уже брошенные. Больше ничего. После первого дня плавания какое-то странное беспокойство ухватило нас своей потной рукой. Было такое ощущение, будто мы вошли в какой-то коридор, у которого нет конца. Из джунглей — когда старые машины, обессилив, останавливались и капитан начинал ругаться — доносилось неведомое могучее дыхание, и слышались громкие жалобные крики птиц, визгливые вопли обезьян и еще какие-то загадочные голоса, наверно, хищников, за которыми охотились, или, быть может, индейцев, наблюдавших за нами из зарослей.

Одиннадцать бесконечно долгих и тоскливых дней плавания все было хорошо, все было спокойно. Мы почти все время проводили на палубе, потому что жалкая каюта, в которую нас поместили, была полна насекомых, плесени и резкого зловония от гнилых водорослей. На палубе в тени заштопанного тента, защищавшего от безжалостного солнца, мы смотрели на берега, одинаковые в своей дикой и буйной растительности, читали либо играли в карты. Я делал кое-какие записи, Дег фотографировал. Мы не говорили о Стране Огромных Следов. И странно, — даже не думали о ней.

Редко слышны были голоса негров, быстро и бесшумно проскальзывавших мимо нас. Индейцы молчали, сгрудившись на корме, а странный, похожий на обезьяну, капитан всячески старался избегать нас. Мне только однажды удалось остановить его. Я перегородил ему дорогу, когда он выходил из своей каюты, и спросил:

— Капитан, а гостиница в Марагуа есть?

В его маленьких глазках вспыхнуло подозрение и в то же время страх.

— Есть, — ответил он и сжал губы. Я спросил себя, чего он испугался.

— А комиссара мы там найдем? — поинтересовался я.

Он пристально посмотрел мне в глаза.

— Он всегда там, — тихо проговорил он, грубо отодвинул меня и направился в трюм.

Это произошло на двенадцатый день.

Я оставил Дега на палубе — он фотографировал водоплавающих птиц, нырявших за рыбами, — а сам спустился в каюту. Мне хотелось заглянуть в одну книгу о вымерших животных, которую я нашел в редакционной библиотеке и захватил с собой. Я открыл свою большую дорожную сумку... и замер от удивления. Колокольчики тревоги тотчас зазвенели в моей голове.

Я понял — и тотчас нашел тому подтверждение, — что чьи-то руки рылись в моих вещах. И тут же обрел полное спокойствие: по счастью, так бывает со мной всегда, когда замечаю опасность.

Я закрыл дверь, положил сумку на койку и начал неторопливо извлекать из нее все содержимое, в том числе и свой пистолет П-38, который был неразлучен со мной всю войну в Корее. Нет, вещи были на месте. Я взглянул на коробку с патронами. Все до единого патроны целы. Даже из конверта не пропало ни доллара. Все оказалось в полном порядке.

И все же — я был в этом уверен — кто-то рылся в моих вещах. Перебирая свои бумаги, белье, рубашки, я испытал тот же легкий озноб, то же глухое беспокойство, которое пережил, прикоснувшись к ле-

жавшим на сверкающем письменном столе перу и когтю...

Я сел и стал размышлять. Нет, я не ошибся. Но кто это мог быть? Кроме Дега и меня, кто мог спуститься сюда, в каюту, открыть сумку, осмотреть все мои вещи? Индейцы или негры, не умеющие читать? Может, этот пришибленный джунглями капитан?

На борту были только они, больше не мог быть никто...

А с какой целью кто-то рылся в рюкзаке? И ничего не украл? Выходит, это был не вор. Что же он искал в таком случае? Мои бумаги, мою карту, инструкции полковника? Значит, вполне возможно, что люди, находящиеся на борту пароходика, интересуются нашей командировкой? Почему? Просто из любопытства?..

Вопросы вертелись в моей голове, и я не находил на них никакого ответа. Укладывая вещи, я подумал, что, может быть, ошибся, может, это джунгли и изнурительная скука путешествия сыграли со мной такую шутку, сбили меня с толку. Никто ничего не трогал и...

Нет. У меня было доказательство. Предохранитель на пистолете был снят, а я никогда не оставлял его в таком положении, никогда. Тут я никак не мог ошибиться.

Я подошел к иллюминатору и осмотрел пистолет при ярком свете. На темной стали его было немало отпечатков пальцев. Мои, Дега... и того, кто, преследуя тайный умысел, рылся в моих вещах.

Глава 4

СТАРИК

Когда я поднялся на палубу, пистолет лежал у меня в заднем кармане брюк и был, естественно, хорошо виден. Первым заметил его капитан и посмотрел на меня прищурившись, сжав потрепавшиеся губы. А Дег невольно воскликнул:

— Боже милостивый, Мартин! Да у вас в кармане...

— Да, Дег. Там мой пистолет П-38.

— А что вы собираетесь с ним делать?

— Ничего. Хочу только продемонстрировать. Я имею право его носить. У меня есть разрешение бразильского правительства.

Я присел рядом с Дегом в тени тента.

— Демонстрировать? Кому?

— Дег, ты ведь не рылся в моей сумке, не так ли? — спросил я его вместо ответа.

— Конечно, нет. А что?

— А то, что кто-то это проделал.

— Кто-то? Что-нибудь украли? — побледнел Дег.

— Нет, — ответил я. — Именно это меня и беспокоит. Если бы я обнаружил свои вещи в беспорядке, а рубашки были бы разбросаны по каюте и в конверте не оказалось бы денег... Короче, если бы меня обокрали, я бы стал искать и, учитывая габариты этого пароходика, конечно, нашел бы и пропажу, и вора... Но все наоборот — все вещи на месте и в полном порядке. Кто-то осмотрел их, явно что-то выискивая, и постарался не оставить следов.

— Но как вы можете утверждать это, Мартин? — удивился Дег.

Я прервал его.

— Я могу утверждать это, Дег. Поверь мне... Знаешь, — добавил я, — на пистолете был снят предохранитель...

— А может быть, вы...

— Нет, не может быть.

Больше мы ни о чем не говорили и сидели молча, глядя на желтоватую бурлящую воду, отливавшую на солнце серебром. Пароход с натужным гулом боролся с течением, с трудом отвоевывая каждый метр. В побелевшем от зноя небе медленно таяло небольшое серое облачко. Парило страшно.

— Но что же он мог искать? — спросил через некоторое время Дег, уставившись в пространство перед собой.

— Кто его знает. Может быть, он хотел заглянуть в бумаги.

Дег скривил губы и покачал головой, как бы говоря, что считает это нелепым.

— Вы думаете, Мартин, что среди пассажиров этой развалины есть кто-то, кого интересуют наши бумаги? Старикашка, похожий на обезьяну, — продолжал он, кивая на капитана, — четверо неграмотных негров и эти несчастные индейцы... Вы думаете, их могли интересовать наши бумаги?

— Не имеет значения, что я думаю, Дег. Кто-то рылся в моей дорожной сумке, и все. Возможно, из чистого любопытства, однако...

Дег поднялся.

— Пойду посмотрю, трогали ли мои вещи, — сказал он и направился вниз, но вдруг остановился.

— Вы сказали «однако», — проговорил он, наморщив лоб. — Что вы имеете в виду, Мартин?

Но я и сам не знал этого.

— Не могу тебе сказать точно, Дег... И все же меня не покидает ощущение, будто за мной следят... И возникло оно у меня не сегодня, а уже давно.

Дег снова сел рядом со мной.

— Что? — прошептал он испуганно. — Не сегодня?

— Ладно, оставим. Может, все это и к лучшему. Видишь ли, Дег, все началось еще там, в кабинете полковника, когда он рассказывал мне о нашем деле и показал перо и коготь Онакторниса... Еще тогда у

меня возникло странное ощущение, будто кто-то наблюдает за мной... Самовнушение, разумеется. Но здесь, на пароходе, это ощущение стало еще сильнее. Я чувствую близость врага, Дег.

Он посмотрел на меня, потом огляделся вокруг. Никто не обращал на нас внимания.

— Но здесь, — сказал Дег, — у нас и в самом деле может оказаться какой-нибудь недруг, не так ли? Какой-нибудь человек, который, скажем, ненавидит белых... Или кто-то, кому хотелось бы ограбить нас... Вы это имеете в виду, Мартин?

— Я же говорю тебе, что не знаю. Конечно, тут дело проще — на этом пароходике действительно кто-то может за нами следить... И все же у меня сейчас точно такое же чувство, как в тот раз, когда я впервые увидел на столе у полковника перо и коготь. Я чувствую что-то зловещее и непостижимое.

— Зловещее и непостижимое, — помолчав, повторил Дег.

Я похлопал его по плечу.

— Ладно, не будем терять времени. Иди осмотри свои вещи. Через два дня прибываем в Марагуа. Будем надеяться, что вертолет уже ждет нас там.

Дег задумался, потом кивнул:

— Будем надеяться. А что станем делать дальше?

— Обоснуемся где-нибудь, постараемся собрать информацию и начнем летать туда-сюда над этой проклятой Страной Огромных Следов... Поговорим с комиссаром полиции, его помощь нам очень важна. Осмотрим несколько селений, побеседуем с индейцами... И поищем следы. Должны же они быть где-то, не так ли?

— Да, конечно, должны быть...

С этими словами Дег спустился в каюту. Вернувшись через несколько минут, он сказал, что не заметил ничего особенного.

Этой ночью пароход бросил якорь возле нескольких покосившихся свай, а на рассвете мы продолжили путь. Теперь река, казалось, исчезла среди множества неглубоких искрящихся в солнечных лучах озер. При нашем приближении, шумно хлопая крыль-

ями, с громкими криками взлетали огромные стаи птиц. Течение было медленное, вода мутная, илистая, а в небе, на которое быстро поднималось яркое, круглое солнце, уже сгущалась длинная пелена облаков. Пароход продвигался натушно пыхтя: от шума двигателей, усиленного грохочущим эхом леса, болели уши.

Мы вторглись в давно забытую Богом и людьми землю, в самую сердцевину многовекового, мрачного варварства, и от этого на душе делалось тяжело и тревожно. Казалось, мы покинули наше время и углубляемся в какую-то очень далекую эпоху, где властвуют дикие законы джунглей. Я старался не думать об Онакторнисе, но перед глазами все время так и стояли перо и коготь, а на сердце лежала тяжесть и мучило тревожное ожидание. Если какому-нибудь чудовищу и удалось пережить потоп, то оно могло скрываться только в этих необыкновенных краях.

— Скоро Марагуа! — неожиданно объявил капитан, в первый раз сказав что-то, не ожидая вопроса. Он повернулся к индейцам и повторил, кивком указывая впереди себя:

— Марагуа!

Индейцы поднялись со своих мест и столпились у фальшборта.

Дег уложил фотоаппараты.

— Я что-то волнуюсь немного, Мартин, — признался он.

Я тоже нервничал. К тому же меня мучило нетерпение. Когда пароход миновал большой лесистый остров и перед нами открылся Марагуа, мы приветствовали его стоя, словно это был действительно большой город и наша командировка уже закончилась... Но она, напротив, только начиналась. Это был всего лишь конец путешествия.

И конец судоходной реки. Выше двигаться по ней могли только пироги или небольшие моторные лодки. Мы были теперь во власти могучей, неумолимой и торжествующей природы.

Марагуа возник перед нами в туманном, почти холодном свете. Эта горстка белых, полуразвалившихся

домов, теснившихся к джунглям — серые, беспорядочно разбросанные по берегу хижины, деревянная пристань, ободранная колокольня неухоженной церкви — давали точное представление о фатальной немощи человека перед непреодолимой силой дикой природы. Кто-то пытался построить город, это верно. Но джунгли безжалостно отобрали у человека завоеванный клочок земли, и дома, сгрудившиеся на берегу реки, мне показалось, были похожи на часовых, выставленных потерпевшей поражение армией, которые только ожидали часа, чтобы сбежать по единственно возможной дороге... На вершине колокольни вместо колокола ярко пылали крупные желтые цветы какого-то диковинного вьющегося растения. И темные окна длинного низкого строения, заросшего высокими сорняками, были пусты — словно безжизненные глазницы. Я попытался представить себе, как выглядел этот город во времена добытчиков каучука, в пору великой иллюзии и легкого обогащения, но не сумел. Конечно, когда-то по реке сновали лодки и ходили суда, когда-то тюки с товарами загромождали мол, когда-то улицы были заполнены шумной и радостной толпой добытчиков и торговцев, но все это давно исчезло. Прошлого больше не существовало, оно было перечеркнуто десятилетиями разорения и нищеты. Теперь оставалась только жуткая реальность этого крохотного умирающего городка.

Пока пароход причаливал к шаткому дебаркадеру, возле которого бурлила грязная вода, Дег вынес на палубу наши сумки. Капитан, Бог знает зачем, дернул сигнальный трос, и глухой, сиплый гудок потревожил недвижный воздух. Индейцы не шелохнулись.

Дег тихо выругался:

— Черт побери, Мартин, что за место! И готов спорить, — грустно добавил он, — вертолета нет еще и в помине!..

Так и оказалось: вертолета не было. Сопровождаемые несколькими оборванцами, мы направились в гостиницу — жалкое каменное строение на пыльной площади. Здание строили во времена процветания —

еще заметны были под серым налетом плесени обшарпанные лепные украшения, целы были колонны из искусственного мрамора, там и тут висели покрытые паутиной лохмотья старой штофной обивки. А в солидной, почерневшей от времени раме еще блестел кусок зеркала. Потрескавшиеся стены были прибежищем медлительных, скользких насекомых. В здании царил влажная, противная, совершенно невыносимая духота. Я подумал, что жить в Марагуа — это все равно что постепенно умирать — тягуче, день ото дня.

Хозяин гостиницы, метис с большими черными усами, не вышел нам навстречу, а остался за стойкой. Он долго с подозрением и удивлением смотрел на нас, и только когда я сказал ему, что нам нужна комната, ответил вопросом:

— А что, господа хотят остановиться тут, в Марагуа? Я хотел сказать, — продолжал он, — остановиться на несколько дней?

— Разве это очень странно? — спросил Дег.

Он кивнул.

— Да, господа, это довольно странно. Видите ли, Марагуа переживает сейчас период... некоторого кризиса...

— Кризиса — это уж точно, — пробормотал Дег.

Хозяин гостиницы с сожалением развел руками.

— Но это пройдет, — успокоил он, и мне показалось, что он тупо верил в свои слова, — это пройдет, конечно... Прошу, господа, — добавил он, оживляясь, — у меня есть прекрасная комната... Прошу сюда.

Он поместил нас на втором этаже в небольшой комнате, которая, если ее освободить от плесени и насекомых, могла показаться вполне приличной. Вскоре пришла старая метиска с чистыми простынями и сетками от комаров. Пока что все складывалось нормально. Когда мы спустились вниз поужинать, Дег уже совсем успокоился и даже был способен улыбаться.

В гостинице находился единственный на весь Марагуа бар. Пока мы усаживались за шаткий стол, несколько метисов в жалкой европейской одежде,

молча стоявшие у стойки с рюмками рома и местным вином — агуардиенте, приподняли головы и равнодушно взглянули на нас пустыми глазами, в которых можно было прочесть лишь слабое любопытство. Смеркалось, сквозь грязные стекла в помещение проникал неяркий, красноватый свет.

Мы едва принялись за какое-то странное рыбное блюдо, как подошел высокий старик и сел за наш стол. Поставил полупустую бутылку рома и три стакана.

— Позвольте, господа? — скривив губы в странной улыбке, спросил он.

— Конечно, пожалуйста, — ответил я, — извините, мы не заметили, что...

— Что я белый? — перебил он меня, улыбнулся, дрожащей рукой взял бутылку и стал наполнять стаканы. — Знаю. Понимаю... У меня нет зеркала, — добавил он, — но я представляю, как это выглядит, — он медленно провел рукой по своим худым щекам. Видимо, когда-то он был сильным мужчиной. Черты его лица хранили некоторое благородство и следы былой красоты, но годы, джунгли и ром основательно потрудились над этим болезненно бледным лицом, над мускулистыми когда-то плечами, над сильной когда-то волей. Седые, грязные волосы свисали на уши и паклею спадали на плечи. Высокий лоб пересекали две глубокие морщины, багровые, точно шрамы. Глаза у него были близорукие и водянистые.

— Хотите что-нибудь поесть? — спросил Дег.

Человек усмехнулся, покачав головой.

— Предпочитаю выпивку, благодарю... — Он снова провел рукой по щекам и добавил: — Я знаю, во что может превратиться лицо человека, который тридцать лет провел в джунглях... Не надо извиняться, — сказал он, глядя на меня, — за то, что вы не поняли, что я был... белым.

Дег поерзал на своем стуле:

— Вы здесь уже тридцать лет? — удивился он. В его голосе прозвучало недоверие и даже испуг. Старик долго смотрел на него, прежде чем ответить:

— Тридцать, сорок... Не знаю... Я перестал считать

свои годы. Но я не всегда жил в Марагуа, нет... И в других местах тоже... Теперь здесь трудно встретить белого человека, с которым можно было бы поговорить.

Он сделал большой глоток, и ром, должно быть, обжег ему желудок, резанул, словно острым ножом. Он поставил стакан, стиснул челюсти, передернулся и опустил голову на грудь, сложив руки. Наверное с минуту сидел недвижно, словно сжавшись в комок. Потом опять посмотрел на нас.

— Да, я бывал всюду, — снова заговорил незнакомец, — но всегда в этих проклятых джунглях... Джунгли захватывают тебя в плен, — он распрямил пальцы правой руки и затем стал медленно сжимать их, — захватывают постепенно так, что даже не замечаешь этого, а потом, — тут он сжал кулак, — больше не отпускают тебя.

Дег перестал есть и уставился на него как замороженный. Старик смотрел на свой сжатый кулак. Я спросил:

— Как же это случилось? Зачем вы приехали сюда, в эти джунгли?

Он вызывал у меня какую-то странную симпатию, или вернее, легкую жалость.

Не глядя в мою сторону, старик покачал головой:

— Лучше не говорить об этом. Я очень стар, я... Знаете, мне гораздо больше лет, чем кажется, — добавил он, поднимая на меня глаза и пытаясь улыбнуться.

— Вы в самом деле ничего не хотите поесть?

Он жестом отверг мое предложение, стиснул ладонями стакан и, поднимая его, спросил:

— Журналисты, не так ли?

— Да. Из «Дейли Монитор».

— Я, знаете ли, не часто читаю... Но еще никогда не видел журналистов тут, в Марагуа.

— Мы приехали сюда, чтобы разобраться в одном... — начал было Дег и умолк, испугавшись, что сболтнул лишнее.

Я закончил его мысль:

— Чтобы познакомиться с этим краем, со здешни-

ми обычаями, нравами, особенностями, ну и так далее...

Глаза старика заблестели.

— О, вы найдете здесь много интересного, — тихо проговорил он. — Джунгли — это... это любимейшее дитя Бога. Господь одарил джунгли многими сокровищами... Но вы, — продолжал он, помолчав, — вы не слишком-то тут задерживайтесь. Не задерживайтесь! Поскорее уезжайте, иначе... — он усмехнулся и ткнул пальцем себе в грудь, — иначе так же, как захватили меня, они могут захватить и вас, ха, ха! — Старик засмеялся пронзительно и хрипло. Я хотел было ответить, как вдруг его смех внезапно оборвался и округлившиеся от страха глаза уставились на что-то за моей спиной. Я увидел, как руки старика стиснули стакан.

В баре воцарилась мертвая тишина. Тогда я обернулся.

Все молчали. А на пороге застыл высокий, сухопарый человек с черными как смоль волосами и такими же черными усами, спускавшимися ниже уголков рта, отчего, казалось, губы его постоянно искажает коварная усмешка. Он был одет в китель военного покроя цвета хаки, стянутый в поясе широким ремнем. Оружия у него не было. Он смотрел на нас с Дегом, сильно прищурившись, сжимая в руке короткий хлыст, и еле заметно шевелил губами, словно бормоча что-то.

Увидев его, я испытал странное чувство — мне показалось, будто я где-то уже встречал его, что уже знаком с ним... Колокольчики тревоги зазвонили все сразу. Я обернулся к Дегу и заметил, что он тоже изучает этого человека, как бы припоминая что-то. Я понял, что и у него возникло похожее ощущение. Но где, когда? Нет, сказал я себе, нет, Мартин, ты встретил его впервые. Просто такое лицо встречается часто...

Хозяин гостиницы что-то произнес и неуверенно шагнул к дверям. Человек, не глядя на него, поднял хлыст, собираясь оттолкнуть хозяина. Тот приостановился, а вошедший медленно двинулся к нам.

Старик, сидевший за нашим столом, наконец вы-

шел из столбняка, быстро опустошил свой стакан, вино потекло у него по подбородку, пролилось на грязную куртку. Он хотел было подняться, но раздумал. В глазах его застыл ужас. Мне казалось, он даже приглушенно застонал.

Я продолжал смотреть на комиссара полиции, который, не отрывая взгляда от нас с Дегом, подошел к нашему столу.

Здесь он остановился, продолжая рассматривать нас. Тронул хлыстом плечо старика и коротко бросил:

— Прочь отсюда.

Колокольчики зазвонили еще сильнее. Этот взгляд!.. Где же я видел этот взгляд? И когда?

Глава 5

ГЛАЗА КОМИССАРА

— Прочь отсюда.

При этих словах, повторенных еще тише, старик вскочил, уронил стул, попятился и, словно умоляя, поднял вверх руки:

— Да, начальник, — проговорил он, — ухожу, немедленно ухожу...

Старик, пятясь, ударился спиной о стену, скользнул вдоль нее к двери и исчез. Я заметил в окно, как он убежал в сплошную темень.

— Не обращайтесь внимания на этого пьяницу.

Я повернулся к комиссару. Он смотрел на меня с недоброй усмешкой.

— Простите его, он... — Комиссар небрежно повертел пальцем у виска. — Он ненормальный. Тронулся немного оттого, что слишком часто пьет агуардиенте...

— По правде говоря, он нас несколько не беспокоил, — ответил я.

Комиссар, казалось, не слышал моих слов.

— Добро пожаловать в Марагуа, — тихо произнес он, — как правительственному комиссару мне нечасто приходится приветствовать здесь иностранцев. Наш город, — продолжал он, помолчав немного, — возник по ошибке. Он вымирает, вы, очевидно, заметили это, и лет через пятнадцать здесь останутся только пауки, змеи да кучка индейцев. Ничего не поделаешь, джунгли есть джунгли... Тут или выигрываешь, или проигрываешь. Марагуа, — закончил он, сделав иронический и равнодушный жест, — продулся вконец.

Комиссар не нравился мне. В каждом его жесте,

в каждом слове сквозила угроза. Я молча взглянул на него, и он продолжал:

— Меня зовут Матиа Рентрерос, господа, — представился он, щелкнув каблуками и слегка поклонившись — Полагаю, ваши паспорта в порядке?

— Купер. Мартин Купер. А это Альдо Даггертон. Наши паспорта в порядке, комиссар... — Я указал на опрокинутый стул: — Не хотите ли присесть к нам?

Он усмехнулся, чуть склонив голову. Не оборачиваясь, сделал повелительный жест кому-то у себя за спиной. Один из метисов тотчас вскочил и подал стул. Комиссар непринужденно расположился за столом.

— Мы тут немного можем предложить вам, — сказал он, — пища грубая, агуардиенте отвратительное... Сохранилось, правда, несколько бутылок шестилетней выдержки... — Он щелкнул двумя пальцами.

Хозяин гостиницы тотчас отозвался:

— Да, господин! — И вскоре прибежал к нашему столу с тремя хрустальными рюмками и бутылкой в руках.

Взглянув на нее, комиссар кивнул, и хозяин достал штопор:

— Господа... — пробормотал он, ставя бутылку на стол.

— Шестилетней выдержки, как и было сказано, — снова заговорил комиссар, — это еще терпимо. Можно узнать, — небрежно проронил он, разливая вино, — цель вашего путешествия? В Манаусе мне сообщили, что вы журналисты.

— Да, это так, комиссар. Мы из «Дейли Монитор». Он наморщил лоб:

— «Дейли Монитор»...

— Да, Нью-Йорк. Четыре миллиона экземпляров.

Он улыбнулся, как бы извиняясь:

— Боюсь, что не знаком с вашей газетой, господин Купер.

Странно, но мне показалось, что он лжет. Впрочем, «Дейли Монитор», конечно, не приходит в Марагуа. Как же в таком случае он мог знать газету и скрывать это?

— Мы здесь, — ответил я, пытаюсь продолжать

ужин, — для того, чтобы рассказать немного о джунглях, понимаете?

— Рассказать о джунглях? — с недоверием переспросил он. Я чувствовал, что колокольчики звонят как никогда громко, и продолжал спрашивать себя, где же я видел этого человека.

— Хочу рассказать нашим читателям, — ответил я, — о жизни индейцев, об их положении в настоящее время, перспективах развития... Колорит, экзотика, любопытные детали и тому подобное.

— А, ну конечно, понимаю! — Он снова сухо улыбнулся, и кажется, немного успокоился. — Я, естественно, в вашем распоряжении и готов показать все, что есть интересного в нашей округе... И если сам не смогу сделать это, то пошлю кого-нибудь из моих людей. Невозможно ездить по этой стране без гида и без необходимой поддержки... Невозможно, — медленно повторил он, пристально глядя на меня. — Опасно, знаете ли. Змеи, ядовитые насекомые... индейцы. Да, индейцы не любят пришельцев... В глубине души, если она у них имеется... они остались охотниками за скальпами. — Эти последние слова он произнес особенно подчеркнуто.

Я обратился к Дегу:

— Вот это и есть колорит, не так ли? Сможешь сделать оригинальные снимки.

Комиссар рассмеялся:

— Да, конечно, господин Даггертон, оригинальные снимки! У нас есть несколько очень древних селений в этих краях, есть болота с красной водой, рыба пирания, змеи и орхидеи. Прекраснейшие орхидеи. Ничего другого, к сожалению. Во всяком случае, — продолжал он, — рассчитывайте на меня и моих помощников, я в вашем распоряжении. Считайте, что мы, — тут его улыбка сделалась шире и грознее, — мы ваши гиды.

— Спасибо, — сразу же поблагодарил я, — спасибо, комиссар. Думаю, что мы воспользуемся вашей любезностью...

— ...и не забудьте мои советы, — предупредил он и сделал глоток. И сразу встал: — Вы найдете меня в моей резиденции. Жалкое бунгало. — Он сухо по-

клонился, повернулся на каблуках и вышел, не оборачиваясь.

Мы смотрели ему вслед, в темный проем двери. Потом Дег пробормотал:

— Не нравится мне это, черт побери, Мартин! — И сразу же добавил: — Где же я видел это лицо!

— Тебе тоже кажется, будто ты уже видел его где-то?

Дег кивнул и принялся за еду.

— Я не уверен, но вполне возможно... Эти глаза, этот рот... Впрочем! — добавил он, словно извиняясь, — я же снимаю столько людей...

— Но ведь не может быть, чтобы комиссар Рентерос позировал когда-либо фотографу из Нью-Йорка, — возразил я. — Хотя, конечно, можно встретить сколько угодно похожих лиц.

Дег молча ел. Я последовал его примеру. Спустя несколько минут Дег вполголоса проговорил:

— Я не умею изъясняться точно, как вы, журналисты, но мне кажется... Короче, этот человек чем-то обеспокоен. Я ошибаюсь? Он не из тех, кто может быть чем-то взволнован!

— Нет, не ошибаешься, Дег. Он действительно встревожен, и знаешь, чем? — Дег отрицательно покачал головой, и я продолжал: — Очевидно тем, что не знает точно, кто мы такие. Назваться журналистами — это все равно что ничего не сказать. Он не знает, зачем мы приехали сюда, что собираемся делать.

— И старался напугать нас. Не хочет, чтобы мы куда-нибудь ездили без него.

— А мы покажем ему, что не боимся. Ешь, Дег, а потом выйдем и пройдемся на пристань.

— На пристань? Зачем?

— Просто так, разумеется. Только для того, чтобы показать, что мы не из робких и послушных ребят.

Мы молча закончили ужин, потом поднялись из-за стола и направились к выходу. Что-то шевельнулось у порога, и в тусклом свете керосиновой лампы в дверях возникла лоснящаяся фигура негра. Он стремительно преградил нам дорогу, скрестив на голой груди могучие руки. Темные глаза его были при-

щурены, твердое лицо непроницаемо. Я сразу же узнал его. Это был один из матросов с парохода, — тот, который рылся в моей дорожной сумке, я был уверен в этом. Меня охватила глухая злоба.

Мы с Дегом остановились, и все вокруг выжидающе уставились на нас. Негр стоял неподвижно, глядя поверх наших голов.

И тогда я понял, что вот тут-то все и начинается, и успех нашего предприятия зависит от того, что я сейчас сделаю.

Я шагнул вперед:

— Отойди, — предупредил я. Негр не шелохнулся, бесстрастно глядя на меня. — Это ты рылся в моих вещах, да? — спросил я с угрозой. Глаза его по-прежнему ничего не выражали. Мне не оставалось ничего другого, как...

И я сделал это самым стремительным образом — вlepил ему увесистый аперкот. Голова негра откинулась назад, но он словно не ощутил удара, тотчас принял боевую стойку, подогнул колени и, выбросив вперед кулаки, с глухим рычанием кинулся на меня. Я нырком уклонился от него и отпрыгнул в сторону. Он проскочил мимо меня и напоролся на стол. Опрокинув стол, я оказался верхом на негре и ударил его второй раз, уже лежащего. Это был удар от души, я вложил в него всю свою силу. Но мой противник, похоже, не оценил его. Он тряхнул головой и поднялся с пола, отер окровавленные губы и скрючил пальцы так, словно это были когти. Пока я готовился к защите, он нанес мне ответный удар. Я попытался парировать его левой рукой, но не успел и получил мощный аперкот в подбородок. На какой-то миг в глазах потемнело, но длилось это недолго, и я устремился к противнику справа, целясь в грудь. Он мгновенно парировал мой удар и ответил целой серией выпадов, которые я с трудом отразил. Пока я пятился назад, выскивая, куда бы лучше ударить, он неожиданно набросился на меня, схватил за плечи, повалил на пол и придавил всем своим весом. Я почувствовал, как железные клещи стиснули мое горло. Мне казалось, что вот-вот моя голова лопнет. Я понял еще несколько секунд, и потеряю сознание...

Сделав неимоверное усилие, я рванулся, резким движением сбросил его и постарался ухватить за запястья. Мне удалось это, я с ожесточением скрутил его руки, и его пальцы разжались. Горло мое пылало. Тут негр резко наклонил голову и ударил мне в лицо своим твердокаменным лбом. Рот мой тотчас же наполнился кровью. Это привело меня в ярость, потому что следующих таких выпадов я бы не выдержал и остался бы без носа и без зубов... Я отпустил его за запястья, ударил прямо в лицо и в то же время согнул ногу в колене и подтянул ее к своему животу. Он снова попытался ухватить меня за горло и наконец сдавил его с торжествующим криком, но в этот момент я со всей силы ударил его ногой в солнечное сплетение. Негр оторвался от меня. Я еще раз двинул его, он отлетел назад, размахивая огромными руками, врезался в стену и посмотрел на меня испуганно и изумленно. Но я не дал ему опомниться. Схватив подвернувшийся под руку стул, я обрушил его на голову негра. Он со стоном рухнул на пол, дернулся пару раз и замер, видимо, потеряв сознание.

Тогда я повернулся к людям, которые собрались у стойки, и перевел дыхание.

— Скажите комиссару, — велел я глухим голосом, — что в следующий раз я буду действовать не кулаками, а вот этим, — и достал из кармана П-38, помахал им и засунул за пояс. — Дег, — я набрал в легкие воздух, — пойдем, дорогой, отсюда... — Я чувствовал, что если не выйду на улицу, рухну без чувств. А они не должны были видеть мою слабость.

Мы вышли на улицу. Дег поддерживал меня за руку. Шатаясь и силясь удержаться на ногах, я широко открыл рот, жадно вдыхая влажный воздух джунглей. Я чувствовал, как болят все мои мускулы. Губы вспухли и онемели. Я приложил ко рту платок, чтобы проверить, все ли зубы на месте. Дег испугался:

— Мартин, вы...

Я прервал его:

— Да, я знаю, на меня жалко смотреть. Пойдем отсюда, Дег.

Я шел, ничего не видя перед собой, в ушах звенело. Я держался за Дега. Ночная прохлада была лип-

кой и противной. Нас окружала сплошная тьма — нигде никакого огонька, только на пароходе мигала слабосильная лампочка. Бледно светила луна. Я почувствовал смертельную усталость. Но дело было не только в этом.

Дег подвел меня к гряде досок в нескольких шагах от бормочущей реки. Я сел и некоторое время приходил в себя, ожидая, пока утихнет боль. На это понадобилось, наверное, четверть часа.

Отдышавшись, я сказал:

— Дег, я был чемпионом по боксу в среднем весе, в университете...

— Я понял это, Мартин. И вы победили этого негра.

— Я не о том, глупый! Просто я хочу сказать, что неплохо разбираюсь в боксе... Так вот, этот негр умеет драться, удар у него поставлен. Словом, свое дело знает. А это значит, — добавил я, передохнув, — что он не дикарь... Ни один местный дикарь не смог бы так драться... Спорю, что это американский негр, Дег.

— Американский негр? Из Соединенных Штатов? Вы хотите сказать?..

— Да.

— Но... в таком случае, Мартин...

— Вот в том-то все и дело, — ответил я. Рядом текла река, и мы молча смотрели на воду. Матовый свет луны серебряными полосками отражался в ней. Джунгли, обступившие нас со всех сторон, грозно дышали.

— Вернемся, Мартин, — озабоченно предложил Дег. — Вам надо полечить губы.

Он был прав. Но я возразил:

— Нет, подождем еще немного. Комиссар должен узнать, что мы здесь, одни, словно непослушные мальчишки... Знаешь, Дег, — добавил я, с трудом выговаривая слова, — эта командировка начинается интриговать меня...

Глава 6

СЕКРЕТ В МАРАГУА

На следующее утро я проснулся с пылающей головой и с невероятно распухшей губой. Дег уже встал и брился. Он испуганно посмотрел на меня:

— Вы сегодня очень плохо спали, Мартин, говорили во сне...

— Надеюсь, я не наговорил никаких глупостей, дорогой Дег.

— Не в том дело. Мне кажется, мы попали в беду, и поэтому...

— Самодуры нравятся мне намного меньше любой беды, — прервал я его. — Поначалу, — продолжал я, вставая и разглядывая синяки, — попытаюсь привести в порядок лицо. Потом пойдем побеседуем с комиссаром.

Через полчаса мы вышли из гостиницы. Утро было сырым и душным. Над рекой висел белесый туман. Теперь, при дневном свете, Марагуа выглядел еще более жалким и убогим, а местные жители еще пришибленнее. Мы побродили по городу, и странное дело — никто не обращал на нас внимания. Только несколько босяков-мальчишек следовали за нами, бормоча что-то жалостливое и протягивая к нам ладони. Перед церковью, давно уже заброшенной, мы обнаружили жалкий безмолвный индейский рынок. На главной площади, почти заросшей тропическими растениями, медленно ползали какие-то черные насекомые, а люди казались онемевшими марионетками среди странных, потусторонних декораций. Из окон многих домов свисали, спускаясь до земли, лианы с крупными мясистыми цветами. На стенах домов, обожженных солнцем и изъеденных сыростью, можно было еще различить какие-то выцветшие надписи, вывески магазинов или винных погребов. Это были

поблекшие следы давней, минувшей жизни. Джунгли вернули себе то, что люди пытались у них отнять.

Мы спросили, где находится резиденция комиссара, и пошли по немощеной пыльной улочке между рядами покинутых обветшалых хижин к небольшому пригорку. Здесь стояла довольно приличная вилла, возле которой на длинном штоке болтался замызганный бразильский флаг. Вокруг цвели высокие экзотические растения с длинными остроконечными листьями, похожими на кинжалы. В их гуще сидел метис в замусоленной военной форме, но без оружия. Заслышав наши шаги, он нехотя поднял голову и равнодушно посмотрел на нас.

Мы спросили у него, где комиссар. Двое журналистов, сказали мы, хотят видеть его. Он выслушал нас, прищурившись, и ответил:

— Господина комиссара нет. Он уехал, — и показал рукой в сторону реки. А потом снова опустил голову, как бы давая понять, что разговор окончен. Двери виллы были закрыты, окна тоже. Может, комиссар был в Марагуа, а может, следил за нами... Впрочем, это ничего не меняло. Он не желал разговаривать с нами — вот и все. Мы ушли.

Несколько нищих полуголых ребятишек с непомерно раздутыми животами появились неизвестно откуда и окружили нас, ничего однако не говоря и не решаясь попросить милостыню. Дег раздал им жевательные резинки и мелочь. Они убежали.

— Напишите об этом, Мартин, — сказал Дег, глядя им вслед, — напишите, что здесь, в Марагуа, дети никогда не кричат и не смеются.

— Пойдем в гостиницу, Дег, — предложил я, — тут столько всего, о чем можно было бы написать. Но мы приехали сюда из-за Онакторниса, не забывай об этом.

Мы вернулись в гостиницу, и день этот, проведенный в ожидании вертолета, тянулся невероятно долго. Оказавшись среди этих туземцев, таких изнуренных и несчастных, таких непробиваемо равнодушных ко всему окружающему, мы почувствовали себя за пределами цивилизации: беспомощные люди перед страшным живым океаном джунглей и жалким форпостом рода человеческого, Бог весть какими силами

поддерживающим свое существование. На что мы могли рассчитывать?

На заходе солнца, когда мы попытались купить что-нибудь на рынке, еще более молчаливом, чем прежде, мы встретили старика — того, которого комиссар, напугав, выгнал из гостиницы. Он быстро шел куда-то через площадь, но, увидев нас, внезапно остановился. Бросив в нашу сторону тревожный взгляд, он рысцой пустился по улочке, терявшейся среди хижин. Он уже готов был завернуть за угол и исчезнуть, когда мы окликнули его:

— Эй, дружище!

Он остановился, вздрогнув, словно в спину ему вонзилась стрела, и застыл в такой позе. Когда же мы подошли, он, едва повернув голову, спросил шепотом:

— Почему вы так зовете меня?

— А что? Разве вы нам не друг?

Он повернул к нам свое иссушенное лицо и с такой горечью посмотрел на меня, что я невольно содрогнулся.

— Друг, — повторил он и сразу же отрывисто спросил: — Что вам надо от меня?

— Ничего, мы хотели только поприветствовать вас. Вчера вечером вы так поспешно скрылись...

Он стиснул зубы, пожал плечами:

— Мне надо идти, — сказал он и хотел удалитьсь, но я удержал его за руку.

Я почувствовал, как он дрожит, увидел, с каким страхом он смотрит на меня. Этот человек был унижен, запуган, избит и доведен до такого состояния, что боялся даже поднятой руки. Мне стало невероятно жаль его.

— Вы что же, боитесь меня? — спросил я.

Он не ответил.

Тогда Дег, пытаясь улыбнуться, произнес:

— Мы хотим быть вашими друзьями.

— Друзьями! — сурово воскликнул старик и покачал головой. — Нет, друзей тут нет. Впрочем, — добавил он, помолчав, — если вы угостите меня...

— Конечно. Пойдем выпьем.

Старик с удовлетворением усмехнулся:

— В Марагуа часто испытываешь жажду, — он

сделал несколько шагов и вдруг остановился. — Нет, — воскликнул он, — не могу, господа... Я забыл, что должен завершить одну работу... очень срочную...

— Но мы только по стаканчику...

— Не могу, не могу, — волнуясь, повторил он и протянул дрожащую руку, словно отстраняя нас или умоляя не удерживать его. Мне показалось, старик хотел что-то сказать, но он резко повернулся и убежал. Дег, бросившийся было вслед за ним, сделал несколько шагов, остановился и покачал головой:

— Господи, да что с ним случилось?

— Обычная история — страх перед комиссаром.

Больше мы ни о чем не говорили и вернулись в гостиницу. Дег занялся фотоаппаратами, а я принялся за свои заметки. Хозяин гостиницы притворился, будто не видел нас, так же вели себя и слуги. Я избил человека, нанятого комиссаром, и поэтому причинял им немалое неудобство. Но они не решались выгнать меня.

Мы сидели в нашей комнате уже часа два, как вдруг кто-то легонько и осторожно постучал в дверь.

— Можно войти? — услышали мы голос старика. Дверь приоткрылась, и мы увидели его иссушенное лицо. Он натянуто улыбался.

— Господа... я был весьма невежлив утром... Хотя и хотел принять ваше приглашение... Теперь же я закончил работу, которую должен был сделать и... И вот я пришел.

— Входите, входите, — пригласил я. — У нас есть шотландское виски.

Он проворно вошел в комнату.

— Вы сказали — шотландское виски? — переспросил старик, глаза его заблестели, и он протянул руки. Я утвердительно кивнул, достал бутылку и передал ему.

— Судите сами.

Он взял бутылку, приподнял, посмотрел на просвет и, задрожав, пробормотал:

— Шотландское виски... О да... да... Именно такого цвета... — Он вынул пробку и принялся нюхать, глубоко вдыхая и закрывая глаза, словно в трансе: — Да, шотландское виски, конечно... Этот запах... — Он

наполнил до краев бумажный стакан, который протянул ему Дег, и поднес ко рту. Одним глотком опустошил его и на какое-то мгновение замер с остановившимся взглядом, потом закашлялся и, схватившись за живот, согнулся пополам: — Настоящее, настоящее шотландское виски! — повторил он, поднимая на нас глаза, в которых стояли слезы. — Вот уже девять лет, как я не пил его! — Он отер губы тыльной стороной руки. — Меня зовут Савиль, — сказал он взволнованно. — Самюэль Савиль, диплом парижского университета Сорбонна... Медик-хирург, да, да... хороший хирург, думаю... А можно еще немного этого вашего шотландского виски, друг?

Я протянул ему бутылку.

— Меня зовут Купер, для вас — Мартин. А это Альдо Даггертон.

— Зовите меня Дег, — с улыбкой представился фотограф.

Старик, не обращая на нас внимания, налил себе второй стакан:

— О, конечно, очень приятно... — Он так же одним духом выпил еще и затем, глядя на бутылку, сказал: — Действительно хорошее виски, а? Удивительно, до чего благотворно оно действует, не правда ли?

Пожалуй, этого уже было достаточно.

— Что вы пришли сообщить нам, Савиль? — поинтересовался я.

— Что... вы сказали? — спросил он.

— Ну да. Вас послал комиссар, не так ли? Вы хотели что-то нам сообщить или должны были что-то выведать у нас?

Он поднял голову с таким видом, словно решил на невероятно отважный поступок. Мне показалось, что в его глазах вспыхнула давно уже забытая гордость. Но длилось это лишь мгновение. Он опять опустил голову и потерянно пробормотал:

— Да, это комиссар прислал меня сюда... Как вы догадались?

— Не так уж это и трудно. А отчего этот комиссар или шеф, как вы его величаете, так интересуется нами?

— Мы рассчитывали на ваше сотрудничество! — с сожалением добавил Дег.

Старик стоял, опустив голову на грудь, и молчал.

— Он приказал избить нас, вы же знаете это, Савиль? — спросил я. — На пароходе он велел осмотреть мои вещи. Теперь хочет узнать, зачем мы приехали сюда... Но мы...

— А все-таки зачем вы явились сюда? — спросил он, впиваясь в меня цепким взглядом. — Можете сказать правду, Мартин, — добавил он, — я здесь и в самом деле, чтобы шпионить за вами, но я ничего не передам, если не захотите. Поверьте мне.

— Я верю вам, Савиль. Но мы и так говорим правду, с самого начала. Мы здесь действительно для того, чтобы писать статьи.

— Статьи? А какие статьи? — Вопрос звучал настороженно и, как мне показалось, с опаской.

Я улыбнулся:

— Про всякие любопытные вещи — про индейцев, про рыбу пирания и тому подобное... — я сделал паузу. — ну и про медиков, которые живут в джунглях.

Савиль зажмурился, словно неожиданно ощутил острую боль, и я пожалел, что произнес последние слова. Он закричал почти со злобой:

— Но вы ничего не сможете сделать без него! Он здесь самый главный. Он командует, а другие повинуются! Вы даже уехать не сможете из Марагуа, если он захочет помешать вам!

— Мы посетим все места, куда только сможем добраться, доктор Савиль, — заявил я. — Во всяком случае заверьте в этом комиссара. Нам нет до него никакого дела. Но скажите ему также, чтобы он больше не подсылал нам своих горилл.

Савиль поднялся, шатаясь прошел к двери, пошарил по ней, ища ручку, словно слепой, постоял минутку, потом обернулся:

— Ради Господа Бога, — прошептал он, — уезжайте отсюда! И быстрее, быстрее!

Он вышел и быстро сбежал по лестнице.

Мы с Дегом замерли в молчании. Потом Дег спросил:

— Что вы об этом скажете, Мартин?

— Что скажу? Не знаю. Что я могу сказать? Савиль, если это его настоящее имя, что-то скрывает. Наверное, в Марагуа есть какой-то секрет, Дег. И комиссар боится, что мы можем обнаружить его.

— Огромные следы? — прошептал Дег. — Онакторнис?

— Нет, не думаю. Даже если и существует этот Онакторнис, так это всего лишь призрак давних времен. А их секрет, если он есть, это нечто живое и реальное. Нечто принадлежащее сегодняшнему дню.

— Ну, а мы что должны предпринять?

— Ничего. Мы здесь из-за этой проклятой курицы и, черт подери, не станем заниматься ни спившимися врачами, ни одуревшими от власти комиссарами. Давай, что ли, глотнем еще немного виски.

В эту ночь мы спали тревожно. Нас слегка лихорадило, должно быть, от резкой перемены климата в джунглях. Уже на рассвете чей-то незнакомый голос разбудил нас:

— Купер, Даггертон... — Голос звучал тихо и неторопливо. — Где вы?

Я открыл глаза. Дверь в нашу комнату была распахнута, и на пороге стоял какой-то невысокого роста человек. Это был толстяк, его рыхлое смуглое лицо носило следы перенесенной когда-то оспы — множество мелких рубцов. У него были выпуклые мясистые губы, плоский монголоидный нос, коротко остриженные черные волосы. Он смотрел на нас темными, пристальными, словно у змеи, глазами. Одет он был в голубую куртку, стянутую кожаным поясом, на котором висела солидная, армейского образца кобура.

Кобура была пуста. Пистолет он держал в правой руке. И дуло было направлено на меня.

Я замер, и Дег тоже.

С широкой, насмешливой улыбкой человек посмотрел на нас.

— Ну вот и молодцы, — неторопливо произнес он, растягивая слова. — Не двигаться! Ни малейшего движения, господин Купер. Или вам конец.

Глава 7

КУБА

Странно, но колокольчики тревоги не зазвонили. А человек неслышно, осторожно, словно выверяя каждый шаг, прошел в комнату.

— Молчите, Купер, ни слова, — шепнул он, глядя на меня, — и самое главное, не вздумайте, пожалуйста, изображать из себя героя и набрасываться на меня... Не успеете.

Я знал это. Знал, что за внешней медлительностью и осторожностью таится железная, собранная в кулак воля. Знал, что толстая рука, державшая пистолет, — это пучок нервов, готовых лопнуть в любую секунду. Человек, который движется подобным образом, не может быть ни ленивым, ни слабым.

— Я не стану изображать героя, — тихо проговорил я. Хотя должен признаться, у меня было желание поступить именно так. Как только я увидел его в дверях, мне захотелось броситься на него, швырнув ему в лицо одеяло, и свалить ударом. Но, поступив так, я тотчас стану покойником, потому что мне никоим образом не удалось бы поспорить в скорости с пулей. Нет. Спасться я мог, лишь вступив в переговоры. Я сказал:

— Выходит, комиссар больше не подсылает к нам горилл с пудовыми кулаками? Он предпочел теперь человека с пистолетом.

Толстяк нахмурился и сделал предупреждающий жест.

— Молчите. Попозже мы все обсудим, господин Купер. Сейчас есть дело поважнее.

Он говорил очень тихо, едва слышно и больше не

смотрел на меня. Его взгляд, как мне показалось, был направлен на что-то лежащее на моей кровати.

Я снова заговорил:

— Позднее? Когда? Когда убьете нас?

Он горестно улыбнулся и взглянул на меня. Странно, но в его глазах не было ни бешенства, ни слепой злобы, которые должны бы переполнять убийцу. Я удивился про себя, как может человек, собирающийся совершить ужасное преступление, оставаться таким спокойным...

— Но кто вы такой? — неожиданно спросил Дег, лежавший неподвижно, как и я, под своей простыней. Человек даже не взглянул на него.

— Меня зовут Куба, — прошептал он и встал между нашими кроватями.

— Господин Дагтертон, — продолжал он, чуть громче, но по-прежнему спокойно, — пожалуйста, не вздумайте шутить, броситься, к примеру, на меня или что-нибудь в этом роде. Не трогайте меня... — Он умолк, а меня охватило какое-то странное беспокойство. Он продолжал: — В постели господина Купера находится барба амарилла... причем очень скверный экземпляр. Они все скверные, — добавил он после короткой паузы, — но эта, мне кажется, особенно гадкая... Сейчас она меня увидела и пытается понять, что я собираюсь делать... Не вызывайте у нее подозрений, пожалуйста.

В комнате до сей поры стояла мертвая тишина, но теперь показалось, будто безмолвие сгустилось и стало физически ощутимым, а мы буквально окаменели. Я слышал, как глухо забарабанило мое сердце, и почувствовал, как дрожь охватила все внутренности, даже проникла в мозг. Я стиснул челюсти, пытаюсь взять себя в руки, и постарался не думать о том, что могло произойти, если бы я сделал прежде хоть какое-то движение или бросился на Кубу... Холодный пот выступил у меня на лбу. Но длилось все это лишь несколько мгновений. Я снова обрел спокойствие и не шевельнул ни единым мускулом. Взглянув на Кубу, я прошептал:

— Извините меня.

Он улыбнулся, ничего не ответил и начал медлен-

но поднимать пистолет. Я услышал приглушенный вздох Дега:

— Боже милостивый, Мартин!

Теперь и он обнаружил змею. Я перевел взгляд в его сторону и увидел, что он в ужасе смотрит на мою кровать. Мне же змея была не видна. Вероятно, она скрывалась в складках простыни. Я попытался представить ее себе. Но не сумел.

Куба неторопливо целился из пистолета, глядя на змею.

— Уж очень ты гадкая, подруга, — прошептал он, — гадкая и противная... — тут он замер. Ствол пистолета находился на одном уровне с головой змеи. Теперь можно было выстрелить. Но он нахмурился и, не глядя на меня, предупредил:

— Возможно, господин Купер, тут есть и другие барба амарилла...* Кто знает, может там, под простыней, не одна такая, и вы этого не чувствуете...

Я содрогнулся, а Дег испуганно ахнул. Куба неторопливо добавил:

— Тогда не следовало бы стрелять. Эти бестии весьма впечатлительны. Что делать? — отрывисто спросил он.

Я представил себе довольную ухмылку комиссара. Он, наверное, наслаждался бы нашим испугом, воображая, какого цвета наши лица... Это не понравилось мне, и я твердо сказал:

— Стреляйте, Куба, а мы мигом вскочим с постелей. Будь что будет.

Он продолжал целиться.

— Придется немного пошуметь, — пробормотал он и тут же нажал на курок.

Выстрел прозвучал сухо и громко. Меня окатило горячей волной воздуха. Дег с криком вскочил с постели, а я, отбросив одеяло, скатился на пол. Сраженная в голову змея была расплющена о стену, и лохмотья ее купались в зеленоватой крови. Страшное туловище длиной немногим более метра конвульсивно корчилось на полу.

---

* Barba amarilla — разновидность южно-американских змей. — *Прим. перев.*

— Мартин, Мартин! — закричал Дег, бросаясь ко мне. Я поднялся, отбросив простыню, а Куба шагнул вперед и с силой придавил ногой извивающийся остаток змеи.

— Ну, все кончено, — произнес он, притопнул еще раз и отшвырнул сотрясаемую последними судорогами змею. — Кончено, — повторил он, подул в дымящийся ствол револьвера и спокойно вложил его в кобуру. Он посмотрел на нас с легкой и чуть горькой улыбкой. Улыбка на его смуглом лице расплывалась все шире, пока, наконец, он не расхохотался. Он смеялся, а я некоторое время смотрел на него и на бледного, перепуганного Дега, и, наконец, тоже разразился смехом. Этот нервный смех разрядил напряжение, которое парализовывало меня до сих пор.

Я протянул руку:

— Вы нас крепко выручили, Куба, — сказал я. — Спасибо!

— Ладно, ладно, — проговорил он, мягко отвечая на мое пожатие.

Дег торопливо обувался:

— А мы сразу умерли бы? — дрожащим голосом спросил он. Дег подошел к Кубе, тоже пожал ему руку и повторил: — Смерть наступила бы мгновенно? — В словах его слышался страх. Куба пожал плечами:

— Ну, наверное, не совсем сразу. Яд барба амарилла, — он кивнул на недвижную змею, — убивает в течение суток... даже двух, говорят... Однако, — добавил он, сощурившись, — укус этой змеи очень болезненный. На его месте образуется язва, которая... — он умолк и покачал головой: — Ладно, раз она не укусила вас, что теперь говорить. Между прочим, я прилетел на вертолете.

Я уже догадался об этом.

— Тогда дважды добро пожаловать, Куба! — приветствовал я.

— Тысячу раз добро пожаловать! — воскликнул Дег.

— Тысячу раз, конечно! Мы ждем не дождемся, когда улетим отсюда... Прием комиссара, видите ли, был не очень-то сердечный... И я собирался оплатить по счету прежде, чем покину Марагуа.

— Комиссар? Это он, — предположил Куба, кивая на змею, — преподнес вам такой подарочек?

— Вы считаете, что барба амарилла, как вы ее называете, подложил сюда комиссар или кто-то из его людей? — проговорил я.

Дег всполошился:

— Что? Вы думаете, эта бестия проникла сюда... не сама?

Куба покачал головой:

— Думаю, не сама. Определенно могу сказать, не сама. Барба амарилла предпочитает спокойненько сидеть у себя на дереве. Это не домашняя живность, — добавил он с вялой улыбкой. Дег оделся и теперь дрожащими пальцами застегивал пуговицы на рубашке.

— Но для чего, — спросил он, — зачем ему понадобилось это делать? Попугать нас, ладно... Но убивать?..

— Несколько неделикатно для комиссара полиции, если это он затеял такую игру... Как его зовут? — поинтересовался Куба, сощурившись.

Тут колокольчики тревоги снова зазвенели у меня в голове. Я ответил:

— Рентрерос, мне кажется, Матиа Рентрерос.

— А, Рентрерос, да... — медленно повторил Куба, словно что-то обдумывая. — Теперь припоминаю. В Манаусе мне называли именно это имя.

Колокольчики умолкли. Я быстро оделся. В эту минуту мне хотелось только одного — как можно скорее покинуть эту проклятую комнату. Как мы с Дегом ни удерживали себя, наши взгляды все время возвращались к мертвой змее. Нам казалось, что вся комната уже пропиталась ядом. Словом, мы собирались недолго. Как попало засовывая свои вещи в дорожную сумку, я спросил Кубу:

— А почему мы не слышали, как вы прилетели? Где сел вертолет?

— В полумиле от реки, — кивнул он куда-то в сторону. — Там есть подходящая площадка. Знаете, — добавил он, — никогда не следует приземляться на вертолете в селении. Слишком много народу... — Неожиданно он умолк, и я заметил, что глаза его свер-

кнули. — Слишком много народу, — повторил он, — кто пугается, кто кричит, кто как... А иной боится, что его раздавят... — Куба улыбнулся. — Есть и такие, которые любят подслушивать... — говоря это, он неожиданно распахнул дверь. Доктор Савиль в испуге затрясся, увидев нас. Он так и остался стоять в проеме двери, разинув рот. В дрожащих руках он сжимал какой-то сверток.

Куба, сощурившись, улыбнулся и обратился ко мне:

— Кто это, Купер? Ваш гость?

— Вы искали кого-то, доктор Савиль? — спросил я.

Старик слегка покраснел:

— Нет, нет, я... хотел только принести вам... — он протянул пакет — что-то круглое, завернутое в газетную бумагу, — подарок, господин Купер. Для вас.

Я не спешил принимать дар.

— А что это, Савиль? — поинтересовался я. — Еще одна барба амарилла?

Он вздрогнул, заглянул в комнату и, увидев убитую змею, весь передернулся. Потом снова взглянул на меня.

— Это для вас, господин Купер, — повторил он. Положил пакет на стул возле двери, быстро повернулся и ушел. Мы слышали, как он сбежал по лестнице.

— Зачем же вы отпустили его, Мартин? — раздосадованно воскликнул Дег. — Он знал про змею; может быть, это он и подсунул ее сюда?

Я подошел к стулу и взял пакет, оказавшийся довольно тяжелым.

— Интересно, — пробормотал я, — что же тут такое?

— Зачем же вы отпустили его? — раздраженно повторил Дег.

Я покачал головой:

— Дег, дорогой мой, а что, по-твоему, я должен был сделать? Задержать его и заставить говорить, угрожая кулаками? Он знал про змею, нет сомнений. Он видел, что она убита, и ему все стало ясно. А теперь, когда Куба здесь, и все видели вертолет...

— Вертолет! — прервал меня Дег. — Вертолет остался без охраны! Комиссар сможет...

— Нет, не без охраны, — неторопливо остановил его Куба и, обратившись ко мне, добавил: — Пойдемте, Мартин... Можно вас так называть, верно? А почему вы не полюбопытствуете, что за подарок сделал этот ваш старый друг, который подслушивал?..

Я решился и развернул пакет. Это была индейская ваза из какого-то тяжелого, видимо, черного дерева. Ваза была украшена грубо вырезанным восточным орнаментом. Я растерялся, но Куба с усмешкой проговорил:

— Дешевка. Цена ей самое большее несколько сентаво.

Я почувствовал какую-то непонятную жалость к Савилию, и слова Кубы рассердили меня. Я еще раз взглянул на вазу и протянул ее Дегу. Юноша с любопытством осмотрел ее и заметил:

— Нет, все же она неплоха... Если ваза не интересуется вас, Мартин, можно я возьму ее себе?

Я кивнул в знак согласия, но думал в этот момент совсем о другом. И Куба, наверное, думал о том же, потому что он спросил:

— Отчего этот старик... доктор, как вы его называли, делает вам подарки, Мартин?

— Не знаю... Может быть, он хотел отблагодарить за виски?

— Отблагодарить? Такой человек, как этот?

— Я же сказал, Куба, не знаю. Может быть... Впрочем, неважно. Он, видимо, хотел оставить о себе неплохое впечатление... — Я перекинул через плечо свою дорожную сумку: — Итак, будем считать, что наши дела в Марагуа закончены. Ладно, Дег, держи вазу на память об этом прекрасном и гостеприимном городке, управляемом столь любезным комиссаром... Ну, Куба, — добавил я, направляясь к выходу, — пошли! И расскажите мне, кто же остался охранять вертолет?

Куба усмехнулся:

— Конечно, — произнес он, — конечно расскажу, Мартин. А теперь в путь... Пожалуйста, проходите вперед.

Глава 8

ЧЕЛОВЕК В РЕКЕ

Небольшая площадь перед гостиницей была безлюдна, как и берег реки. Старого парохода у причала уже не было. Марагуа был пронизан негустым, липким туманом, в воздухе летали рои комаров, которых приносил из леса легкий ветерок. Куба хмуро осмотрелся.

— Проклятое место, — пробормотал он. — Вымирающий город. И все же... — Он помолчал, потом, обращаясь ко мне, добавил: — Ах, да, Мартин, вы же хотели знать... Так вот, сторожить вертолет я оставил Даалу. И знаете, он очень гордится этим заданием.

— А кто это такой — Даалу?

— Индеец, из местных. Наш проводник... Я давно знаю его, мы с ним, можно сказать, друзья... Я сверху покажу вам места, которые вы хотите посетить, а Даалу поведет вас внутрь. Кстати, — продолжал Куба и, кажется, впервые за все время нашего знакомства его что-то заинтересовало, — в инструктивном письме, которое я получил, говорится о... Стране Огромных Следов. Что это за место?

— Как, вы разве не слышали о нем? — удивился я.

Куба отрицательно покачал головой:

— Нет, никогда... Я спросил о нем Даалу, и он скривил гримасу, которая мне, честно говоря, не понравилась, а потом сказал, что никогда ничего не слышал о таком месте. Тот район, который мы собираемся осмотреть, называется Страной Плакучих Растений.

— Плакучие растения! — воскликнул Дег. — Веселенькая перспектива!

Больше мы не промолвили ни слова и молча двинулись в путь, оставляя за спиной последние дома Марагуа, уже десятилетия как покинутые, жалкие развалины, съеденные джунглями. Мы спустились вдоль реки по тропинке, едва обозначенной в высокой, до колен, траве. Я шел, нервно поглядывая под ноги — мне все время казалось, что я вот-вот наступлю на барба амарилла, и я гнал прочь эти мысли.

— Куба, а вам известна цель нашей командировки? — спросил я.

Он отрицательно покачал головой:

— Я знаю только, что человек по имени Спленнервилль осыпал меня долларами, чтобы я доставил двух журналистов в места, которые называются Страна Огромных Следов. Для пилота вертолета этого вполне достаточно, не так ли?

— Не знаю, кому как. А вы сами как полагаете, Куба?

Он улыбнулся, глядя на меня совершенно сонными глазами:

— Вы — иностранные журналисты, — сказал он, — у вас свои проблемы, своя работа... Но это меня не интересует. В любом случае, однако, можете не сомневаться, что своей профессией я владею хорошо и буду работать с вами до конца. Я здесь для того, Мартин, — закончил он, — чтобы служить вам.

У меня было множество вопросов, которые хотелось бы задать ему, но всему свое время. Я только заметил:

— Мне кажется, Куба, мы сработаемся с вами. Вы чертовски дельный человек.

Он улыбнулся. Минут через двадцать мы подошли к площадке, где стоял вертолет.

Это был вертолет, получивший название по имени его создателя — Сикорский — массивный, выдавший виды, непрозрачный. Он застыл на желтоватой траве. Его могучие моторы молчали, и походил он на неуклюжее огромное насекомое, с трудом выбравшееся из джунглей и теперь отдыхавшее. Вид у него был настолько потрепанный и жалкий, что Дег не смог

сдержанно возглас разочарования. Тогда Куба сказал ему:

— Не судите о нем плохо! Не смотрите на внешний вид! Это старая модель, не спорю, но, знаете, он летает! — Куба говорил о нем с удивительной теплотой, — летает, вот увидите, Дег!

— Вы уверены? — удивился юноша. Мы подошли ближе. На площадке у вертолета никого не было.

Я заметил:

— Не вижу, Куба, вашего индейца, которого вы оставили часовым.

Он устало махнул рукой:

— Он где-нибудь в кустах. Индейцы очень любят прятаться. Думаю, он сейчас целится в вас из духового ружья, но скоро выйдет оттуда, вот увидите.

— Из духового ружья? — воскликнул Дег, замерев на месте. — Надеюсь, он не вздумает с ним шутить, а?

— Нет, не вздумает. Даалу — странный тип, но с друзьями он не позволяет себе шутить. Знаете, прежде он был охотником за скальпами, — продолжал Куба, направляясь к вертолету, — прежде чем стал одним из самых опытных стрелков своего племени. С той поры у него сохранилась привычка целиться в любого встречного... Он говорит, что ему нужно вычислить размеры каждого человека на случай, если придется... — тут он мягко улыбнулся, — убивать его.

Мы подошли к вертолету. Куба повернулся в сторону леса, который с трех сторон окружал площадку, и позвал:

— Даалу!

Тотчас, словно из пустоты, шагах в пятнадцати от нас возник индеец. Он был невысокого роста, щуплый, с непроницаемым лицом, в грязной рубахе, доходившей почти до колен. На нем не было никаких ожерелий или амулетов. Держа в руке ружье, он застыл в ожидании, глядя на нас цепкими, поблескивающими глазами.

— Иди сюда, Даалу.

Продолжая поглядывать в нашу сторону, индеец не спеша направился к вертолету. Куба что-то ска-

зал ему на незнакомом языке, и тот, остановившись в нескольких шагах от нас, ответил, улыбнулся и вдруг подмигнул. Но тотчас же лицо его снова сделалось непроницаемым, словно маска из глины.

— Ну, что я вам говорил, — рассмеялся Куба, — он взял вас на мушку. — Потом он обратился к Далу: — Кто-нибудь появлялся тут?

Индеец покачал головой.

— Никто, — с трудом выговорил он. — Большая тишина. Нет войны.

Куба поднял трап и приставил его к вертолету.

— Да, нет война, — проворчал он и начал подниматься вверх, — нет война... — Он вошел в кабину и, обернувшись, позвал нас: — Идите сюда.

Мы последовали за ним. Внутри было сыро и очень душно. Пригнувшись, мы прошли в кабину. Куба показал:

— Вот здесь.

Я негромко присвистнул. Да, полковник, конечно, весьма постарался сделать все как можно лучше. Вместительное брюхо вертолета было заполнено до отказа всем, что только могло нам понадобиться. Чего тут только не было: оружие и продукты, надувные лодки и отапливаемые палатки... И все упаковано в бесчисленные пластиковые мешки и пакеты. Дег почесал в затылке.

— Черт возьми, Куба, — воскликнул он, — вы хотите сказать, что ваш ящик долетел сюда, груженный всем этим добром?

— Я же вам говорил! Он старый, но он летает! Мы не сможем, разумеется, порхать туда-сюда над джунглями... Топливо есть, но до известного предела. Нужно где-то обосноваться в этой вашей Стране Огромных Следов, выбрать базу, только не Марагуа, конечно...

— Вы правы, Куба, — подтвердил я, — кто знает, сколько заплатил бы наш дорогой комиссар, чтобы разрядить здесь свой пистолет или подсунуть в кабину барба амарилла!

Куба усмехнулся.

— Кстати, по поводу этой бестии, — сказал он

несколько рассеянно, — не стоит ли нанести... прощальный визит?

— Это уже намечено в нашей программе, — ответил я. Но едва я произнес эти слова, как в моей голове вновь загремели колокольчики тревоги, — всего на мгновение, правда. Однако, что же встревожило меня? Слова Кубы или интонация, с какой он произнес их? У меня не было времени размышлять об этом.

— Ладно, — отмахнулся я, — лучше проведем детальный осмотр того, что прислал полковник, и подумаем, как отсюда уехать. Прощальный визит к комиссару отложим на последний момент.

Осмотр багажа и изучение топографических карт мы закончили уже к концу дня. Судя по отметкам профессора Гростера, мы находились примерно в ста пятидесяти милях от Страны Огромных Следов. Далу, с которым Куба долго говорил на каком-то древнем диалекте, сказал, что в дни своей молодости однажды был в тех краях, когда охотился за скальпами. Да, там существовали селения, конечно. Но он не заметил ничего странного. никаких необычных следов, никаких гигантских птиц. Говоря это, он щурился, почти закрывая зрачки, и отводил глаза в сторону. Наверное, о чем-то умалчивал. А может, страшился той тайны, о которой догадывался.

Солнце уже начало заходить за редкие облака на горизонте, когда мы решили слетать в Марагуа, чтобы нанести комиссару «прощальный визит», как говорил Куба. Потом мы думали возвратиться на площадку и переночевать в вертолете. А на рассвете отправиться на поиски Онакторниса. Онакторнис! Что за черт, я вдруг обнаружил, что мы совсем позабыли о нем.

Сев на свое место пилота, Куба ленивым жестом показал на что-то:

— Наденьте это на себя, Мартин, и вы тоже, Дег.

Мы обернулись. Куба указывал на ремни с кобурами и такими же револьверами, как у него. Дег вопросительно посмотрел на меня, и я сказал:

— У меня есть свое оружие, Куба, — и похлопал по карману, где лежал мой П-38.

Он кивнул мне:

— Хорошо, только держите револьвер в кобуре, тогда сможете быстрее выхватить его при надобности. Учтите, Мартин, — продолжал он, — обычно змеи не бывают такими полусонными, как та барба амарилла, что оказалась в вашей кровати. Змеи... и другие обитатели джунглей.

Мы надели ремни с кобурой. Дег был мрачен и чем-то озабочен:

— Черт побери, Мартин! У меня такое ощущение, будто я нахожусь на Диком Западе!

Куба включил двигатель, и вертолет стал набирать высоту, подняв вихрь, от которого ходуном заходила трава на площадке. Даалу съехался в углу, обняв колени и опустив на них голову.

Это произошло через десять минут. Куба сделал широкий круг над рекой, лесом и направился в сторону Марагуа. Увидел его Дег.

Увидел и закричал в испуге:

— Мартин, Мартин!

Я тотчас обернулся к нему. Бледный, как смерть, он в растерянности показывал вниз. Река сверкала в двадцати метрах под нами. Поначалу золотистые отблески ослепили меня, и я ничего не видел, но потом рассмотрел человека. Он лежал в воде лицом вниз — жалкое тело, влекомое течением — этим огромным и вечным потоком жизни и смерти. Руки его были раскинуты, словно крест, ног не было видно. Время от времени он исчезал под водой, потом снова всплывал, покачиваясь. Я не удержался от восклицания:

— Черт возьми! Да это же...

Куба опустил вертолет пониже, от ветра, создаваемого его лопастями, по воде пошла сильная рябь. Я открыл иллюминатор и внимательно посмотрел вниз.

— Это Савиль, — определил я.

— Но за что, Мартин? За что? — в волнении воскликнул Дег. Куба опустился еще ниже, вертолет висел теперь над самой водой, поднимая брызги.

— Ладно, Мартин, что будем делать? — голос Кубы звучал равнодушно. — Выловим или оставим плавать?

Такой подход едва не обидел меня.

— Черт побери, Куба, — воскликнул я, — держись над ним! Я заведу его на берег.

Куба тоскливо посмотрел на меня:

— Тогда побыстрее. Рыбы тут прожорливые. Лестница и веревка у вас за спиной.

Вертолет резко набрал высоту и завис над покойником. Дег помог мне сбросить нейлоновую лестницу и веревку. Я спустился вниз, борясь с воздушным вихрем.

Добравшись до Савиля и держась одной рукой за лестницу, я попытался ухватить труп. Это было трудно и мучительно: течение, казалось, смеялось надо мной. Оно все время раскачивало несчастное тело, топило его, переворачивало или далеко уволакивало от меня как раз в тот момент, когда я готов был схватить его. Когда же наконец мне удалось это сделать и привязать его к тросу, я промок насквозь и обливался потом. Я начал подниматься по лестнице вверх.

— К берегу! — крикнул я Дегу, следившему за мной из кабины. — К берегу!

Дег передал мою команду Кубе, и вертолет направился к берегу. На все это ушло несколько минут. Когда моторы умолкли, Савиль уже лежал на мокрой траве, кишасей насекомыми.

Мы подбежали к трупу, я перевернул его на спину. Лицо Савиля было чудовищно бледным. Широко открытые глаза застыли, словно ледяные, и были полны ужаса, который даже смерть не смогла стереть.

— Доктор Савиль! — в страхе закричал Дег.

Я стоял на коленях возле трупа. Старик казался теперь еще более худым и немощным. Я сдвинул со лба мокрые седые волосы. Закрыв ему глаза. Стоя у меня за спиной, Куба тихо, едва ли не чеканя каждый слог, проговорил:

— Выстрелом в грудь.

Я присмотрелся, действительно, на груди видне-

лось отверстие с обожженными краями, прямо на середине грязной куртки.

— Убит и выброшен в реку, — пробормотал Дег, — но... но как же это возможно?

— Конечно, возможно, — ответил Куба довольно резко. — Если это возможно в Нью-Йорке, то почему этого не может быть тут?

Я поднялся.

— Мертв, — заключил я.

— Ну а поскольку мы не можем вернуть его к жизни, Мартин, — проворчал Куба, — я бы посоветовал заглянуть в его карманы. Там может оказаться какой-нибудь адрес. Короче, может, кого-то надо уведомить.

Я осмотрел карманы Савиля. Это было печальное и бесполезное занятие. А ведь если бы мы случайно не бросили взгляд на реку, это несчастное тело поглотил бы могучий и безжалостный водоворот мира.

«Но мы его увидели!», — сказал я сам себе. Дег положил мне руку на плечо, и я вздрогнул. Он спросил:

— А теперь что будем делать, Мартин?

Глава 9

В ДЖУНГЛЯХ

Я не сразу ответил ему. Прежде я попытался разобраться в своих мыслях. И еще раз напомнил самому себе: сейчас мы находимся за пределами цивилизации. Именно потому, что Савиль был убит пулей, а не стрелой, именно это и означало — здесь не существовало закона, а были только насилие, страх и ненависть.

Я вспомнил дрожащий голос Савиля, когда он рассказывал о джунглях, сделавших его своим пленником. Я чувствовал жалость к этому человеку, прожившему последние часы в жутком страхе. Пуля, прикончившая его, казалось, ранила и меня. Но дело было не только в этом.

Особенно тяжело у меня было на душе оттого, что я понимал: именно наше появление в Марагуа послужило причиной гибели Савиля. Не окажись мы тут, уверен, его бы не убили. Я почувствовал себя почти что виноватым. Но быстро отогнал это ощущение. И сказал:

— Ничего не будем делать, Дег.

Куба посмотрел на меня, улыбаясь, а Дег удивился:

— Ничего? — воскликнул он, невольно отступая. — Как? Убили человека, а мы ничего не будем делать... Ничего?

— Дег, мы не в Нью-Йорке. Сюда не придут ни скорая помощь, ни полиция.

Дег прикусил губу.

— Но это же преступление! — воскликнул он, кивнув на покойника. — И убит он не дикарем!

— Возможно. Так или иначе, мы здесь не для то-

го, чтобы выполнять функции полиции. Нам надо найти Онакторниса и выполнить задание «Дейли Миррор»... — я повернулся к Кубе: — Теперь и вы знаете это, Куба: мы прибыли сюда искать что-то вроде гигантской курицы, которая по идее должна была сдохнуть еще несколько тысяч лет назад... Дег, — продолжал я, — единственное, что мы можем сделать... Что мы обязаны сделать, — это заявить о смерти Савиля властям. Иными словами, — заключил я, — комиссару.

Улыбка на смуглом лице Кубы расплылась еще шире, но в то же время в глазах мелькнула осторожность.

— Комиссару? — удивился Дег. — Вы хотите сообщить о преступлении человеку, который, возможно, его же и совершил?..

— Ну, а ты что бы стал делать? — спросил я и обратился к Кубе: — Нет ли у вас мешка? — Куба кивнул и быстро поднялся в вертолет. Я опять обратился к Дегу, взволнованному и мрачному: — Ну, так что ты мне можешь предложить, Дег?

Он хотел было что-то ответить, но опять прикусил губу и покачал головой:

— Нет, Мартин, вы правы. Нам только и остается, что сообщить об этой находке комиссару.

Минут через двадцать мы приземлились в Марагуа, подняв тучу пыли на площади возле бунгало комиссара. Та же стайка полуголых и голодных ребятишек окружила нас. Мы с Дегом вынесли пластиковый мешок, в котором лежало тело Савиля.

Возле дверей виллы сидели двое мужчин в выгоревшей военной форме — негры. Пока мы приближались к ним, они не шелохнулись. Один равнодушно взглянул на нас, другой так и сидел, свесив голову на колени.

Дег опустил мешок на землю, а я пошел дальше.

— Мне надо поговорить с комиссаром, — твердо сказал я.

Негр, смотревший на меня, что-то пробормотал по-португальски, намекая, что не понимает.

— Где комиссар? — спросил я. Другой негр, не поднимая головы, ответил:

— Нет. — В его голосе звучали насмешка и презрение.

— Убит доктор Савиль. Мы нашли его в реке.

Солдат пошевелился. Потом таким же тоном повторил:

— Его нет.

И тут во мне вспыхнула неудержимая злоба, и рука поднялась почти без моей воли. Я схватил негра за курчавые волосы и рывком поднял его голову. И снова встретился с его заплаканными от удара глазами и увидел еще вспухшие губы... Я узнал его — это был тот самый негр, что напал на меня тогда вечером, когда мы приехали в Марагуа. Я крепче сжал пальцы:

— Где твой хозяин? — закричал я. Он закрыл глаза и усмехнулся, не отвечая. У меня возникло дикое желание ударить его со всей силой, но я взял себя в руки и отступил.

— О'кей! — сказал я. — Я понял его нет. Так или иначе, — продолжал я, поворачиваясь к закрытым окнам бунгало и повышая голос, — тело доктора Савиля тут, комиссар. Оно в этом мешке, перед вашим домом. Делайте с ним что хотите. Я же доложу обо всем этом губернатору в Манаусе, сразу же, как только смогу.

Я повернулся. Дег, насупившись, стоял возле мешка. Из открытого иллюминатора вертолета смотрело темное дуло автомата. Рядом с ним торчал тонкий и грозный ствол духового ружья Даалу.

Мы с Дегом направились к вертолету:

— Прощайте, доктор Савиль, — проговорил я, проходя мимо мешка, — мне очень жаль...

Мы поднялись в кабину. Солдаты не шелохнулись.

Куба отложил автомат и, не торопясь, уселся на свое место пилота.

— Конечно, он был дома, Мартин, — сказал Куба, — и конечно, слышал вас. Выходит, вы объявили... да, вы объявили ему войну, так получается?

Я понимал, что это именно так. И попытался улыбнуться:

— Он уже давно объявил ее нам, Куба. Теперь, по крайней мере, он знает, что мы будем защищаться.

Мы решили не возвращаться на площадку, где приземлился вертолет, а сразу же отправились по нашему маршруту в джунгли, чтобы убраться подальше от Марагуа. Тропический вечер уже накрывал лес своей темной, туманной рукой, когда мы приземлились на небольшой поляне возле чащи высоких деревьев. Мы находились по крайней мере в тридцати милях от города. Река в этом месте превратилась в цепочку небольших озер. В воздухе стоял въедливый сладковатый запах гнилых листьев.

Мы поужинали, не выходя из вертолета, и, пока Дег задумчиво рассматривал индейскую вазу — странный дар покойного Савиля, — Куба развернул передо мной карту.

— К тому месту, которое вы ищете, Мартин, мы можем добраться завтра к вечеру, — равнодушно произнес он. Своим толстым указательным пальцем он обвел какую-то точку на карте: — Вот, если карта, какую дал ваш шеф, верна, то именно здесь должна быть Страна Огромных Следов... — Он помолчал, словно обдумывая что-то.

Тогда я сказал:

— Пришло время, Куба, открыть вам, что же именно мы ищем.

— Нет нужды в этом, если не хотите..

— Впрочем, я ведь уже говорил вам — мы ищем проклятую курицу. Она называется Онакторнис. — Он слушал меня, но, как мне показалось, вполуха. Я продолжал: — Это какое-то чудовище, Куба, гигантская плотоядная птица.

В его глазах я заметил разочарование.

— А! Вы хотите сказать, — неторопливо заговорил он, — что ищете какие-нибудь следы ее, скелеты, кости или нечто в этом роде? Словом, материал для исследования?

Я покачал головой:

— Нет, мы ищем живую птицу.

Он, не улыбаясь, смотрел на меня спокойно и от-

решенно, как и прежде. Я видел, что все это его совершенно не интересует.

— Живую? — переспросил он. — Значит, вы думаете, что именно эта птица оставила огромные следы?

— Ну, это же вполне возможно, — вмешался Дег. — Само название достаточно красноречиво.

! — Ну, разве что так...

— Профессор Гростер был ученым, Куба, а не шарлатаном!

— Ну, разумеется! — В голосе Кубы зазвучала та же ирония, прикрытая ленцой.

Дег не унимался.

— Страна Огромных Следов! — воскликнул он. — Иначе почему так это место назвали? Тут, на Амазонке, ведь нет слонов!

— Нет, конечно, что и говорить, — согласился Куба, улыбаясь, — но видите ли, Дег, на этой... вонючей Амазонке есть одно место, что зовется Страна Мертвых, Которые Воскресли... Так вот я там бывал, но воскресших мертвых почему-то не встречал, уверяю вас. Даже если, — тут он почему-то понизил голос и потрогал свое лицо, испещренное следами оспы, — даже если иные мертвые и воскресают... Так или иначе, — заключил он, — это ваша работа, а не моя. Я отвезу вас туда, куда хотите, как договорились.

Больше Куба ничего не сказал и продолжал рассматривать карту, но я чувствовал, что мысли его были где-то очень далеко. Бесконечно далеко. Где?

В то время, как нас грызли сомнения, Куба без лишних слов вел вертолет в сторону леса. Под нами расстилалась непроходимая тропическая чаща, похожая на бурлящий океан растительности. Мне приходилось видеть джунгли и с земли, и с реки, но эта сплошная масса деревьев, стоявших вплотную непробиваемой стеной, вызывала у меня почти ужас. Я подумал, что никогда не решился бы углубиться сюда, никогда... Стараясь прорваться к животворному солнечному свету, деревья сплетались друг с другом, сжимая соседей в стальных объятиях, и всеми силами тянули вверх свои кроны, отчаянно борясь за свет — верный источник жизни. В этой битве рас-

тения заполнили собой все вокруг — и землю, и воду. Войти в джунгли означало исчезнуть. И если бы мы вдруг рухнули вниз, то навсегда остались бы в этом зеленом куполе, так и не добравшись до земли — он находился слишком высоко над ней. И от этого странного ощущения, что внизу нет почвы, нет привычной тверди, душа наполнялась тревогой. Когда же местами нашим глазам открывалась вдруг какая-то полянка, я чувствовал — да и Дег, очевидно, тоже — острое желание приземлиться туда и облегченно вздохнуть.

Куба, нахмурившись, молчал, а Даалу, съезжившийся в углу кабины, опустил голову, закрыл глаза и, казалось, слушал какие-то далекие голоса, долетавшие из джунглей. Ощущение, будто мы уже терялись в этом мрачном мире, стало еще более гнетущим. И когда я попытался вспомнить Нью-Йорк и свой письменный стол в редакции, то не смог этого сделать. Сейчас для меня существовали только джунгли. И еще это гигантское насекомое — вертолет, летевший над тропическим лесом, и вот этот странный, недвижный воздух. Так мы летели в Страну Огромных Следов.

Дег почти автоматически делал снимок за снимком. Я подумал, что мне тоже пора бы приняться за работу — за свои заметки, но не получалось. Слишком много мыслей обуревало меня. Онакторнис и... Впрочем, нет, дело было не только в Онакторнисе. Не знаю почему, мне казалось, будто какой-то голос что-то нашептывает мне, подает какой-то совет. Только голос этот был слишком далеким и невнятным. Как ни прислушивался я, мне так и не удалось понять, что же он говорит.

Вертолет пролетел над каким-то озером с невероятно зеленой водой, и Куба заявил, что мы, можно считать, уже добрались до цели. Я посмотрел карту, нашел на ней это озеро и даже немного заволновался, впрочем, волнение быстро прошло. Куба между тем о чем-то переговорил с Даалу и сообщил, что внизу находится живария — несколько строений на берегу озера.

— Да, вот она! — радостно воскликнул Дег. Мы посмотрели в иллюминатор. На небольшой вырубке ютилась горстка серых хижин. Куба сделал вираж и начал снижаться, а у меня вырвался вздох облегчения. Значит, там, внизу, были люди.

Мы приземлились, подняв тучу пыли. Куба выключил двигатель, и молчание, потревоженное грохотом мотора, вновь воцарилось вокруг. Какое-то время мы оставались в кабине, словно ожидали кого-то. Пыль медленно оседала на землю. Вокруг не видно было ни одной живой души. Я заметил, что Куба хмурится и беззвучно шевелит губами. Даалу внимательно, зорким глазом осматривал местность и тоже так же шевелил губами. Интересно, что он хотел сказать?

Тишина в раскаленной кабине вертолета длилась уже чересчур долго. Наконец Куба нарушил молчание.

— Ну, что же, пора. Иди, Даалу! — распорядился он.

Индеец уже был готов и ожидал лишь приказа. Едва дверь отворилась, он выскочил наружу и побежал к живарии, иногда останавливаясь, чтобы прислушаться.

Дег, бросив тревожный взгляд на ружья, стоявшие в углу, спросил:

— Что будем делать? Также выйдем?

Куба взглянул на него.

— Спокойно, — сказал он, — спокойно, Дег... — И начал невозмутимо скручивать сигарку. Я наблюдал за Даалу. Он неторопливо приблизился к живарии, держа свое духовое ружье на изготовку. Вокруг стояла звенящая тишина. Листья на высоких деревьях, окруживших живарию, были совершенно недвижимы. Наши уши, оглушенные шумом двигателей, мало-помалу начали различать жужжание насекомых, извечно бесстрастное дыхание джунглей. Животные, однако, пока не обнаруживали себя никакими звуками.

Даалу подошел к хижине и остановился, вытянув шею. Потом неслышно вошел внутрь. Дег следил за ним, вытирая пот со лба.

Через несколько минут индеец вышел и, глядя в нашу сторону, поднял руки и что-то прокричал. Его

крик прозвучал так звонко и неожиданно, что мы с Дегом невольно вздрогнули. Джунгли отозвались на зов индейца гулким эхом. Даалу бегом вернулся к вертолету и стал что-то объяснять Кубе, указывая на джунгли, а потом на хижины. Куба кивнул и поднялся со своего места.

— Никого нет, — пояснил он. — Даалу говорит, что жители живарии ушли, спрятались в лесу. Они испугались, говорит он.

— Это мы их испугали? — спросил я.

— Кто знает, Мартин. Кто знает?

Глава 10

ЗАПАХ, КОТОРЫЙ НЕ СУЩЕСТВУЕТ

— Куба, а почему вас так зовут? Это ваше имя или прозвище? Вы кубинец?

— Кубинец, американец, бразилец.. Разве это не одно и то же?

— Да я просто так спросил.

— Мне часто задают этот вопрос, но я, Дег, и в самом деле не знаю, как ответить. Моя жизнь, впрочем, никому не интересна. А почему вы сами ничего не рассказываете мне? К примеру, об этом чудовище, которое ищете?

Дег улыбнулся и посмотрел на меня. Я держал в руках баночку с пивом.

Отхлебнув немного, я сказал:

— Я ведь вам уже говорил, Куба, речь идет о курице высотой примерно в три метра. Пожирает все, что попало, в том числе и людей. Просто очаровательное создание.

Белоснежные зубы Кубы блеснули в полутьме живарии, где мы ужинали. Помолчав немного, он тихо спросил:

— И вы верите, что она существует?

Я покачал головой:

— Нет. Но шеф послал меня сюда, чтобы найти ее.

— А он верит?

Я вдруг обнаружил, что никогда прежде не задавался этим вопросом. В самом деле, верил ли Сплентервиль в существование Онакторниса?

— Думаю, не верит, — ответил я.

— Тогда зачем же он послал вас сюда и тратит столько денег?

— Это наша журналистская работа, Куба. Най-

дем мы Онакторниса или не найдем, я ведь все равно что-то напишу, а читатели прочтут. Возможно, мой шеф организовал эту экспедицию, потому что считал ее своим моральным долгом перед профессором Гростером, своим близким другом, который, умирая, просил его разведать эту историю.

— Ну, а вас, Мартин, больше интересует история доктора Савиля и комиссара, не так ли?

Это действительно было так. Но я отгонял мысли об этом. Я же не детектив, готовый тотчас броситься по следу любой тайны, где бы она ни встретилась.

— Можно, пожалуй, обосноваться тут, — предложил я.

Куба понял, что мне хочется сменить тему разговора, и согласился:

— Да, можно. Место хорошее. Совсем близко озеро, да и люди здесь должны быть тоже недурные.

— Все это так, — заметил Дег, — только их почему-то не видно.

— Даалу пошел искать. Он говорит, что здесь живут индейцы племени Хаукангас, его дальние родственники, троюродные братья или что-то в этом роде. Подарим им побольше соли, и они не будут нас беспокоить. Конечно. Выгрузим здесь наше снаряжение...

— Там кто-то есть! — воскликнул вдруг Дег, поднимая голову.

Куба засмеялся:

— Не пугайтесь, Дег, успокойтесь. Это Даалу. Будь это индейцы, — продолжал он, поднимаясь, — вы бы их не слышали... Даалу! — позвал он. Проводник опять появился словно ниоткуда. Куба подошел к нему, они о чем-то негромко поговорили, потом Даалу сел и молча принялся за еду.

— Он никого не нашел, — пояснил Куба, и я впервые увидел, что он смущен. Наверное, я тоже был заметно встревожен.

— Можно поговорить с ним? — спросил я.

Куба кивнул и, достав бумагу и табак, принялся неторопливо скручивать сигарку.

— Нет, не сейчас, Мартин. Дайте ему поесть. Мне кажется, что-то беспокоит его.

Мы помолчали. Огонь не горел, и влажная тьма,

полная гудящих насекомых, быстро окружила нас. Вертолет слабо поблескивал в молочном сиянии луны, прикрытой тяжелой завесой туч.

Прошло два часа — два часа полного безмолвия. Куба и Дег забрались в свои мешки и, спасаясь от насекомых, накрыли лица марлевыми платками. Я сидел у порога хижины, поставив ружье между ног. Мысли мои лениво бродили в голове, я пытался представить себе Онакторниса, сказочного монстра, хищную курицу... Но мне плохо удавалось это, зато легко вспомнились огни Нью-Йорка, сверкавшие в темном после захода солнца небе. А потом перед моим внутренним взором проплыли джунгли, возникло испуганное лицо Савиля, злые глаза комиссара... Ах да, где же я видел это лицо, эти глаза? И что хотел сообщить мне голос, который все звал меня откуда-то издалека, звал...

Я попытался сосредоточиться на этой мысли и, возможно, уже готов был прийти к какому-то выводу, как вдруг услышал голос Дега.

— Мартин, — тихо позвал он. Я невольно вздрогнул и обернулся к нему. Он привстал и зашептал:

— Даалу! Посмотрите на Даалу!

Я взглянул. Индеец стоял у окна, и мы хорошо видели его в лунном свете. Даалу смотрел вверх, словно животное, тревожно нюхающее воздух. Его широко открытые глаза блестели. Затаив дыхание, он обеими руками сжимал ружье. Видно было, что он слегка боится чего-то.

— Что это с ним? — спросил я. Тем временем проснулся Куба.

— Молчите! — шепнул он. Мы замерли. Тишина сделалась еще более глубокой. Иногда из джунглей доносился тоскливый вскрик какой-нибудь ночной птицы.

Не знаю, сколько времени сидели мы так недвижно, глядя на Даалу. Вдруг он опустил голову и задрожал, словно в судороге. Затем мы услышали его глубокий вздох — он как бы расслабился. Пальцы, вцепившиеся в ружье, разжались. Даалу беззвучно пошевелил губами, потом взглянул на нас, как будто только сейчас заметил наше присутствие. Я посмот-

рел на него внимательнее, и мне показалось, что его глаза были полны беспредельного изумления.

— Что это было, Куба? — тревожно спросил я.

Прежде чем ответить, тот недоверчиво потер свой подбородок.

— Ах, Мартин, — проговорил он, — спрашиваете, что это было? Ничего такого, что могли бы обнаружить мы с вами... Это был... запах.

— Запах? — переспросил Дег.

— Да, Даалу почувствовал его. Какой-то запах. А теперь его больше нет.

— Что же это было? Запах людей?

Куба некоторое время внимательно разглядывал меня, потом сказал:

— Нет.

— Тогда чей? Животных?

— Нет. Это было что-то такое, чего Даалу никогда прежде не встречал... — Он сделал уж очень долгую паузу, а затем тихо добавил: — Запах, который не существует. Так он сказал.

Меня словно кто-то толкнул — точно такое же ощущение у меня было тогда в кабинете полковника, когда я прикоснулся к когтю. Я промолчал. Куба подождал немного, потом заворочался в своем мешке:

— Запах, который не существует. Неплохо сказано, а? — спросил он.

Жители живарии — всего двадцать пять человек — вернулись домой на рассвете и в недоумении молча окружили вертолет. Даалу вышел им навстречу и стал о чем-то говорить с ними, указывая на нас, очевидно, предлагая дружбу и соль в обмен на гостеприимство. Куба, стоя рядом, высоко поднимал мешочки с солью. Индейцы — мужчины, женщины, дети — подошли наконец поближе и принялись разглядывать нас и даже ощупывать. Нам пришлось пожать множество рук, а Куба сделал даже какие-то ритуальные движения. Хаукангас согласился приютить нас и, спрятав в надежное место соль, помогли выгрузить багаж из вертолета. Все вместе мы подкрепились на берегу озера. Там-то с помощью Кубы и Даалу я и начал расспрашивать индейцев. Я спро-

сил, что значит Страна Огромных Следов. Кроме колдуна никто ответить не смог. А колдун — вишину — беззубый старик, сказал, что такая страна несомненно есть, он слышал это название, только она дальше — на западе. Нет, он никогда не видел подобных следов, но они, конечно, оставлены Великим Духом. Местность, где жили они сами, индейцы называли Страной, Лежащей Перед Холмами. Когда я спросил, не доводилось ли им встречать каких-нибудь крупных птиц, они дружно закивали головами и показали на вертолет. Колдун поспешил объяснить, что «крупные птицы» нередко пролетают здесь. Я понял, что никогда не получу толковых сведений от этих людей, выросших в самом дремучем невежестве, в постоянной борьбе за выживание.

— Ладно, Куба, попробуйте узнать у них, — сказал я, решив прекратить расспросы, — почему сегодня ночью они покинули живарию.

Куба попросил Даалу задать индейцам этот вопрос. Те растерянно переглянулись и заволновались. Один из них что-то неуверенно пробормотал. Куба перевел его слова:

— Они говорят, — объяснил он, — что этой ночью дул злой ветер...

— Запах, который почувствовал Даалу? — спросил Дег.

Куба кивнул.

— Возможно. Говорят, что это дыхание Великого Духа Зла. Кто вдохнет его, умирает. Поэтому они и ушли в чащу.

Наступила тревожная тишина. Все индейцы испуганно смотрели на нас. Я снова почувствовал это странное ощущение беспокойства и опустошенности.

— Но мы же не умерли, — возразил я.

— Это потому, что вы иностранцы, — объяснил Куба, усмехнувшись, — только поэтому.

— Да, понимаю. И... часто дует злой ветер?

Выслушав индейцев, Куба пояснил, что они не могут сказать точно, часто или нет. Бывает время от времени. Но случалось, что и несколько лет их не посещало дыхание Великого Духа.

— И последнее, Куба, прошу вас, попросите их показать свои амулеты.

Он хмуро взглянул на меня, но все же поговорил с Даалу, и тот обратился с моей просьбой к индейцам. Они недоверчиво подошли ближе. Я увидел на них ожерелья из зубов ягуара или рыбы пирании. Они принесли мне также несколько тсанта — набальзамированных сморщенных человеческих голов, отрезанных, наверное, лет десять назад, и разнообразные кости. Никаких когтей, никаких перьев среди амулетов не было.

Дег все сфотографировал. Но он совсем пал духом, видимо, и от усталости. Когда я сказал, что завтра начнем обследовать местность, он хмуро посмотрел на меня, но промолчал.

Мы отправились в путь на рассвете. Со стометровой высоты нашему взору вновь открылся необъятный зеленый ковер джунглей, пересеченный с запада на восток узкой блестящей полоской реки. Мы не видели в чаще никаких просветов, не встретили новых живарий. Часа через полтора, однако, у подножия лесистых холмов показалась довольно большая поляна — тут, видимо, начиналось предгорье, потому что на севере горизонт закрывали горы. Куба повернулся ко мне.

— Приземляемся? — спросил он, указывая вниз. Я помедлил с ответом. Сейчас, во время этой нашей первой разведки, я окончательно понял одну вещь. Прежде я об этом только догадывался, а теперь уже не сомневался. Чтобы обследовать всю эту территорию, нужны многие и многие месяцы, не меньше года, а может, и больше. Спленнервилль дал нам совершенно абсурдное задание, а я не мог отказаться... Меня охватила бессильная злоба. Я уже хотел ответить: «Вернемся назад, Куба!», но все же довольно невежливо сказал:

— Ладно, давай приземляйся. Поднимемся на этот холм.

Мы опустились на поляну с высохшей травой и увидели, как при нашем появлении быстро заскользили в разные стороны длинные желтые змеи. И по-

сему мы углубились в лес с тревогой, следуя за Даалу, который прокладывал путь своим острым мачете. Мы шли под плотным куполом ветвей, где царила влажная, одуряющая жара, с трудом передвигаясь по скользкой и черной почве. Мы беспрестанно отмахивались от гнуса, гудящие тучи которого яростно набрасывались на нас. За своей спиной я слышал усталое дыхание Дега. Когда же, обливаясь потом, мы добрались до вершины холма, он раздраженно закричал:

— Проклятые насекомые! Забираются прямо под кожу! — Он провел рукой по своему влажному лицу и показал мне ладонь — она была черная от раздавленных комаров. — Смотрите, Мартин, видите, что делается! Нет, не могу больше... Это выше моих сил! Не могу... — простонал он, с мольбой глядя на меня, губы его дрожали. — Мартин, — добавил он неожиданно упавшим голосом, — у меня больше нет терпения... Это... невыносимо...

— Держитесь, Дег, я тоже устал... Это первое наше тяжелое испытание.

— Это джунгли, — усмехнулся Куба.

— Конечно, джунгли, но мы привыкнем.

Дег нервно засмеялся. Резко кивнув в сторону небольшой, усеянной серыми камнями зеленой долины, что расстилалась у наших ног, он с горечью произнес:

— Вы считаете, мы привыкнем к этому, Мартин? Привыкнем бродить вот так... без всякого смысла?

Я не ответил. Он был прав; что я мог возразить ему! Мы с Дегом немного постояли на вершине холма, чтобы отдышаться, а Куба и Даалу начали спускаться вниз, в долину. Солнце жгло немилосердно, но на солнцепеке по крайней мере не было насекомых. Я взял бинокль и внимательно осмотрел все вокруг. Глупо, конечно. Чертовски глупо и нелепо.

— О'кей, Дег, побродим немножко, пусть даже без всякого смысла, сделаем все, что в наших силах... Постарайся не падать духом, подкрепишь чем-нибудь, глотни воды... Ничего другого не остается. Мы же не можем бросить все и вернуться, едва начав поиски.

Не глядя на меня, он кивнул:

— Да, конечно, вы правы. Трудно рассчитывать,

что мы сразу же найдем то, что ищем... Согласен, Мартин, поищем еще... сегодня, завтра, послезавтра. Но в конце концов...

— Мартин! — позвал меня Куба. Его голос звучал взволнованно и звонко. Я еще ни разу не слышал его таким. Колокольчики тревоги загремели в моей голове. Я стремительно обернулся и увидел Кубу метрах в двухстах возле кустарника. Даалу стоял рядом, пригнувшись над чем-то.

— В чем дело, Куба? — спросил я. Он продолжал что-то рассматривать.

— Идите! Идите взгляните.

Глава 11

ЖИВАРИЯ В ОГНЕ

Мы бросились к ним. Куба показал на кустарник.

— Взгляните! — повторил он.

Я наклонился, и колокольчики тревоги зазвонили в моей голове еще сильнее.

— Что за черт? — удивился я в свой черед.

Куба медленно проговорил:

— Ягуар. Вернее, был когда-то ягуаром.

— Но кто же мог так расправиться с ним? — Я поднялся.

— Никто из зверей не в силах раскроить ягуара одним ударом, — нахмурился Куба. Потом он заговорил с Даалу, тот закрыл глаза и что-то зашептал в ответ.

— Что ж, допустим, — сказал я, — никто не в силах раскроить ягуара одним ударом, но ведь кто-то же это сделал.

Вокруг стояла какая-то неправдоподобная тишина. Казалось, джунгли притаились и не решались издать ни звука. Я снова присел на корточки и принялся внимательно рассматривать объединенный муравьями остов животного. Ягуар был очень ровно распорот пополам. На его шкуре, сухой и твердой, был только один единственный глубокий и страшный разрез — от горла до живота. Тот, кто убил ягуара, обладал чудовищной силой.

— Есть ли вообще животное, способное нанести такой удар? Другой ягуар, может быть? — спросил Дег после долгого молчания.

— Не знаю, Дег, но будь здесь другой ягуар, вид-

ны были бы следы борьбы, каждый его коготь оставил бы свой след, не так ли, Куба?

Тот согласился.

— Это сделано одним ударом, — сказал он.

— В таком случае... какой-нибудь охотник?

— Не думаю, — проворчал Куба, — во всяком случае, это был не индеец... Он вырвал бы у него зубы. Зубы ягуара — это амулет. Но кто же тогда?... — За глухим спокойствием его голоса я ощутил любопытство, недоумение, изумление. Я осмотрел череп животного, на котором там и тут оставались обрывки кожи. В оскаленной пасти белели целые зубы, все до единого.

— Спросите Даалу, не чувствует ли он здесь какой-нибудь особый запах, — попросил я, желая проверить неожиданно мелькнувшую догадку. Куба поговорил с ним, индеец наклонился к скелету и принялся обнюхивать его, широко раздувая ноздри. Он делал это довольно долго, наверное, с полминуты, потом выпрямился и что-то сказал.

— Нет, — перевел его слова Куба, — животное умерло уже давно. Муравьи хорошо очистили скелет, видите? Остался только муравьиный запах.

— Муравьиный запах... — размышлял я. Меня не покидало странное беспокойство. — Ладно, — сказал я, подумав немного, — что же, пойдём дальше. Осмотрим местность?

Спускаясь по склону, поросшему кустарником, все молчали.

Мы вернулись к вертолету только на заходе солнца, усталые, пропахшие приторным, тошнотворным запахом джунглей. Кроме Даалу, у которого кожа была словно дубленая, все мы были обезображены укусами ненасытных комаров. Даалу убил своим machete молодую анаконду более двух метров длиной и, пока мы в вертолете натирали лица и руки мазями, он принялся сдирать с удава кожу, мурлыкая какую-то песенку. Он работал сосредоточенно и уверенно, но отнюдь не спокойно — то и дело оборачивался в сторону холма, поглядывая туда, словно страшился увидеть там кого-то, кто крадется к нам.

— Даалу чертовски встревожен, — проворчал Куба, снимая рубашку. Я заметил, что спина и плечи его покрыты такими же странными круглыми шрамами, какие были на лице. Я не смог удержаться от вопроса:

— От чего это, Куба? Как это случилось?

— Что?

— Да вот эти шрамы. Извините, что я спрашиваю об этом.

Куба, взглянув на меня, внезапно сделался серьезным. Он стиснул зубы и, странное дело, мне показалось, будто он как-то вдруг похудел. В чертах его появилось что-то жесткое, недоброе, словно это была маска какого-то древнего идола. Я вдруг ясно увидел, что в его жилах течет немало индейской крови. Я пожалел, что задал этот вопрос.

— Извините, Куба, — сказал я, — это меня не касается.

— Ничего, — быстро ответил он. Глаза его сверкнули. Дег смотрел на него, сморщив лоб.

— Ничего... — совсем тихо повторил Куба. Я старался понять, какие мысли вызвал в нем мой неосторожный вопрос. А он вдруг улыбнулся и заговорил совсем другим тоном:

— Как-нибудь, Мартин, я расскажу вам об этом, — пообещал он и указал на индейца: — Я уже говорил, что Даалу очень встревожен... Я никогда не видел его таким.

— Я тоже встревожен, — признался я. Куба кивнул и надел чистую рубашку.

Мы молча ужинали, а тем временем влажная ночная тьма быстро и враждебно окутывала все вокруг. Мы заперлись в вертолете, изгнав с помощью «ДДТ» насекомых. Открыли несколько баночек пива и попытались уснуть, хотя, конечно, никто из нас так и не спал по-настоящему в эти долгие ночные часы. Так в полусне мы и провели эту ночь, вспоминая объединенный труп ягуара и задавая себе вопрос, на который не могли или, быть может, не хотели ответить. И вдруг Дег набрался мужества и задал его, как бы говоря с самим собой:

— Распорот, разрублен пополам одним ударом. А Онакторнис мог был это сделать?

— Не исключено. Онакторнис мог бы, — не сразу ответил я.

— Вы так думаете? — спросил Куба.

— Кто знает, может быть. А может, это сделал кто-то совсем другой. Откуда мы знаем!

— Вы, Мартин, помните его коготь, да? — приглушенно и взволнованно спросил Дег. Да, я помнил. Но я ничего не ответил. Из самого дальнего темного угла кабины донесся тихий размеренный говор Даалу. Куба выслушал его, поглаживая подбородок, и сказал:

— Даалу говорит, что хоть он и бывал в этих краях, ему никогда не доводилось добираться до холмов и спускаться в эту долину. Он говорит, что эти места очень плохие.

— Пусть плохие, — возразил я, возможно, слишком резко, — но мы все равно обследуем их. Перенесем сюда, на эту площадку, все наше снаряжение и устроим здесь базу. Мы же не можем обследовать всю страну, — продолжал я, — тогда уж лучше сразу отказаться от нашей затеи и вернуться домой. Осмотрим как следует эти холмы, а потом — с Онакторнисом или без него — возьмем курс на Нью-Йорк.

На другой день мы полетели обратно в живарию и спустя неделю перебрались с частью багажа и топлива на площадку у холмов. Раскинули лагерь, поставив две прочных палатки. Странное дело, но в укрытии, сделанном своими руками, мы чувствовали себя куда спокойнее и безопаснее.

Однако спокойствие длилось недолго. В этих местах была какая-то странная атмосфера — необычной была здесь сама природа: она поработала все вокруг — уверенно и неумолимо. Но перед этим загадочным, хаотичным нагромождением каменистых холмов, в большинстве своем поросших деревьями и кустарником, джунгли, казалось, остановились в нерешительности, словно опасаясь чего-то. И даже свет здесь был иной — окрашенный не столько яркой зеленью листьев, сколько бездушной серостью камней.

Отчего все вокруг выглядело холодным, мрачным и враждебным. В первый вечер, который мы провели возле палаток, солнце опустилось в красноватые облака, и воздух стал тускло-багров, а наши лица теперь выглядели призрачными, желтоватыми, похожими на античные маски, олицетворяющие усталость и страх.

За все эти дни мы не раз возвращались к останкам ягуара и изучали его, но так и не пришли ни к какому разумному заключению. Теперь нам предстояло слетать в живарию еще раз, чтобы взять остатки снаряжения. Мы отправились туда вдвоем с Кубой, а Дега и Даалу оставили в лагере. Примерно половину дороги мы летели молча. Вдруг Куба заговорил.

— Выходит, — размышлял он, — этот... как его зовут? Этот комиссар Рентрерос не захотел помочь вам, да?

Меня удивил его вопрос. Я давно забыл про Марагуа и про его уголовные тайны. Сейчас меня забавили только наши поиски и я неохотно ответил.

— Ну конечно... Вы же видели, с какой сердечностью он нас встретил.

Куба усмехнулся, и в глазах его промелькнуло что-то жестокое, мстительное.

— Вы правы, — согласился он. — Сначала горилла, этот негр, что пытался свернуть вам шею, потом барба амарилла... неплохой подарок, надо сказать... и наконец, этот доктор Савиль с пулей в груди. Именно так... — Он замолчал, продолжая усмехаться. Потом спросил: — А вы сами видели комиссара?

— Видел. Он в первый же вечер явился к нам в гостиницу... — В голове у меня зазвонили колокольчики тревоги. Куба заметил это.

— В чем дело, Мартин? Комиссар не понравился вам?

— Нет, дело не в этом, — пробормотал я, — просто мне кажется, будто я уже где-то встречал его... Но этого не может быть, конечно.

Минуты две, по меньшей мере, Куба молчал. Потом как-то очень многозначительно проговорил

— Да, Мартин. Не может быть, чтобы вы встречались где-то прежде с комиссаром Рентеросом.

Я хотел было спросить, как понимать его слова, и почему он придает им такую важность, как вдруг Куба закричал, указывая вниз:

— Смотрите! Живария! Горит!

Я посмотрел в иллюминатор и даже вскочил с места: туча густого черного дыма висела над деревьями там, где была живария. Вертолет сделал круг, быстро снижаясь, я открыл иллюминатор и высунулся наружу. В просветах между клубами дыма я увидел высокие, извивающиеся языки голубоватого пламени и хижину — она уже почти сгорела и теперь рушилась, взметая ввысь огромные всполохи искр.

— Это же горит наше топливо! — с отчаянием закричал я.

Куба громко выругался и опустился ниже. Ошибки быть не могло: яростный огонь и его голубой отенок говорили только об одном — наше горючее исчезает прямо на глазах. Меня охватило мучительное желание понять, в чем же дело, броситься туда, что-то предпринять.

— Приземляйтесь, Куба, — приказал я. Он кивнул, и вертолет опустился совсем низко, разгоняя своим вихревым потоком клубы дыма. Я смотрел во все глаза, но так никого и не увидел.

— Возьмите немного правее, к озеру, Куба. Там будет легче приземлиться, а потом...

Я не успел закончить свою мысль, как раздался страшный грохот и на нас посыпались горящие куски пластиковой обшивки. Мы вскрикнули от неожиданности, инстинктивно закрывая лицо руками. Пуля, проделав ровное отверстие в фюзеляже, с глухим ударом застряла в бортовом радиопередатчике.

— Стреляют! — проговорил Куба, и в голосе его не было ни тени волнения. Вертолет сделал еще круг, быстро набирая высоту. Мы слышали, как еще несколько пуль пробили обшивку. Я схватил автомат.

— Поднимайтесь выше, Куба! — крикнул я и, высунувшись в иллюминатор, дал очередь в направлении к земле. Вертолет закачался — отчетливо прозвучала автоматная очередь.

— Мартин! — позвал Куба. Я хоть и стрелял, услышал его слабый голос и обернулся к нему. Вертолет бешено бросало из стороны в сторону.

— Куба! Куба! — закричал я. Он обернулся ко мне, и я увидел, что лицо его залито кровью.

— Пустяки, — отмахнулся он и замазанными кровью руками вновь ухватился за штурвал. — Пустяки... Перевяжите мне лоб, пожалуйста, — добавил он с поразительным спокойствием, — а то я ничего не вижу.

Я отложил автомат. Теперь мы шли уже над лесом и были вне опасности, далеко от пылающей живарии. Я обтер платком лоб Кубе, поискал рану... Она оказалась в волосах у самого лба.

— Нет, ничего страшного, — сказал я с облегчением, — всего лишь царапина. Какой-нибудь пластиковый осколок, отскочил от обшивки. — Пустяки, Куба, — повторил я. Странно, но в этот момент мне почему-то захотелось смеяться.

— Да, только щиплет, — недовольно проворчал он. Я перевязал ему голову платком и спросил:

— Больно?

Куба взглянул на меня. Он был бледен и обливался потом, но постарался улыбнуться:

— Нет, не больно. Только щиплет... Протрите мне вот этот глаз, черт возьми... Ничего не вижу...

Я вытер его лицо, залитое кровью и потом.

— Это тоже выставьте в счет, Мартин, — сказал Куба, — комиссар перешел к военным действиям... Впрочем, — добавил он, — вы и сами объявили ему войну.

Едва не задевая кроны высоких деревьев, вертолет приближался к холмам.

Глава 12

ДВЕ СТАРЫЕ РВАННЫЕ ГАЗЕТЫ

Мы без труда добрались до нашего лагеря. Дег выбежал из палатки, приветливо махая нам, но когда мы приземлились, он заметил следы пуль на капоте да так и застыл с поднятыми руками. А увидев окровавленное лицо Кубы, вытаращил глаза и побледнел.

— Что это? — спросил он взволнованно, пока мы спускались по трапу. — Что с вами случилось, Куба, Мартин?

Вместо ответа Куба принялся внимательно осматривать вертолет.

— Комиссар позаботился, Дег, — вздохнул я. — Еще один подарок. Теперь Рентерос всерьез перешел в наступление. Он обстрелял нас над живарией.

— Обстрелял? Вы хотите сказать...

— Да, он отправился следом за нами и добрался до живарии. Как он узнал, в каком направлении мы двинулись, не понимаю, может быть, какой-нибудь индеец шпионил за нами. Нам повезло, что мы перенбрались сюда... Однако, дело приобретает скверный оборот, Дег. Мы потеряли все, что было в живарии: и снаряжение, и топливо.

— Так что же, у нас совсем ничего не осталось? — испугался Дег.

— Не совсем. Однако, мы не сможем много летать на вертолете.

Тут подошел Куба, вытирая ветошью руки. Он слышал мои последние слова.

— Да, теперь не придется много летать, Мартин. Дай бог, чтоб удалось вернуться в Марагуа, — проговорил он. — А в остальном ничего особенного, — добавил он, указывая на вертолет. — Несколько ды-

рок, и больше ничего... — Он улыбнулся. — Я же вам говорил, этот вертолет творит чудеса. — Он указал пальцем на свой лоб. — Посмотрите кто-нибудь, что тут делается?

— Пойдемте в палатку, я полечу вас и перевяжу как следует, — предложил я и, направляясь туда, спросил фотографа:

— Дег, а тут все спокойно?

— Тут — да. Но Даалу, мне кажется, все время был очень обеспокоен. Как только вы улетели, он спрятался в кустах с этой шкурой анаконды, прихватив ружье. Знаете, он даже немного напугал меня...

— Не обращайтесь на него внимания! — сказал Куба, опускаясь на скамейку. — Он всегда так делает. Он помогал нам...

Я снял платок, пропитавшийся кровью, и смазал рану йодом.

— Ай! — воскликнул Куба, без всяких эмоций, однако. — Мне больно, Мартин.

— Знаю, что больно, но ведь вы умный мальчик и не будете хныкать... — Я наклеил ему пластырь. — Вот и все. Все в порядке, это пустяковая царапина.

Он усмехнулся, вставая:

— Все в порядке, да. Через пять минут мою рану заселят по меньшей мере сотни насекомых, и все разные...

Дег невольно вскрикнул от отвращения, а Куба продолжал:

— Это джунгли. Тут вы можете кричать сколько угодно, да что толку! — Он опять усмехнулся и пошел к вертолету. Мы направились следом за ним и по дороге я рассказал Дегу, что произошло в живарии. Поднявшись в вертолет, Куба выглянул из иллюминатора и крикнул нам:

— Держите!

Дег на лету подхватил вазу доктора Савиля, все еще завернутую в газетную бумагу. Посмотрев на нее, он помрачнел:

— Бедняга, — проговорил он, — интересно, почему...

Тут колокольчики тревоги зазвонили в моей голо-

ве все сразу и так громко, что мне даже стало не по себе. Сам не зная почему, я сказал:

— Дай-ка мне сюда эту штуку, Дег.

Он с удивлением протянул мне сверток. Я развернул пожелтевшие газеты и осмотрел деревянную вазу. Ничего! Черт возьми, совершенно ничего. И все же тревога не оставляла меня. Ведь что-то было, и я держал это что-то в руках...

— Что вы делаете, Мартин? — тихо спросил Дег. — Что происходит?

Я посмотрел на него:

— Это тревога.

— Тревога?

— Да, это сигнал. Что-то звенит у меня тут, в голове... Знаешь, Дег, — продолжал я, — это началось в Корее, во время войны... Мы завтракали — я и мои солдаты — вдали от передовой. Все было спокойно. Выдалось солнечное утро, птицы щебетали, ну и так далее, и тому подобное... Словом, казалось, что загородная прогулка, а не война... И тут, Дег, я вдруг услышал: сотни колокольчиков зазвонили у меня в голове... Я никогда не испытывал прежде ничего подобного. Я испугался и сказал про себя: «Мартин, или тебя стукнули по голове и ты умираешь, либо ты спишь и тебе снится сон». Но меня не убили и я не спал. У меня отчетливо возникло ощущение некоей неминуемой опасности. Тогда я встал и крикнул: «Тревога, ребята, ложись!» Мои солдаты с изумлением посмотрели на меня, но, естественно, повиновались. Ничего не происходило, но колокольчики продолжали звенеть. Мы лежали так на земле несколько минут... Ну, а потом, когда сержант стал интересоваться, не заболел ли я, знаешь, Дег, как раз в этот момент нас начали обстреливать. В лесу оказались партизаны. Нас не застали врасплох... Короче, мы выкрутились. Вот и все... — Я взглянул на Дега и сказал в заключение: — Я вспомнил эту историю, мой дорогой, потому, что с тех пор, когда что-нибудь не так, я неизменно слышу в своей голове колокольчики тревоги...

— Господи, Мартин!

— И знаешь почему? Потому что на небе есть кто-то, кто любит меня и помогает мне.

Он вздохнул, не зная, улыбаться или нет. Потом почесал затылок.

— А сейчас? — спросил он.

— Сейчас колокольчики звонят как никогда!

Он посмотрел в сторону леса и взялся за револьвер.

— Нет, там ничего нет, — проговорил я, продолжая осматривать вазу. — Это здесь, Дег. здесь... — Я поднял бумагу, упавшую на землю, и стал заворачивать загадочный подарок доктора Савиля...

И тут мне все стало ясно.

— Вот! — воскликнул я. — Вот, Дег, черт побери! Как же это мы сразу не догадались!

Куба крикнул мне из вертолета:

— Что случилось?

Но я не стал отвечать ему, а бросился в палатку и разложил обрывки газеты на столе. Дег вбежал следом за мной:

— Мартин, черт возьми, что происходит?

— Здесь две газеты, видишь? — ответил я, рассматривая рваные страницы. — Вот! Первая — это «Денвер Трибюн»... А это — старый «Нью-Йорк Геральд». А вот и даты — 31 марта 1934 года и 20 сентября 1956 года, видишь?

Дег стоял в недоумении. Куба подошел, когда я уже нашел в «Денвер Трибюн» то, что искал.

— Это здесь, — воскликнул я, очень обрадованный. — Вот послушайте! — И я начал читать: «Денвер, 31 марта. Заведующий отделом пластической хирургии нашей больницы доктор Альберт Б. Савиль решил отправиться на Амазонку и поработать там среди местного населения, которое...» Остальное, — прервал я чтение, бегло пробежав текст, — не имеет значения... — Дег и Куба смотрели на меня как завороченные, однако, ничего не понимая. Я начал просматривать другую газету и сразу же нашел информацию, которую искал. Крупный заголовок на три колонки сообщал: «Фриско Мак-Анна уходит от преследования федеральной полиции». Я даже не стал читать дальше, а показал Дегу фотографию

Мак-Анны. Газетная страница была выцветшей, пожелтевшей, грязной, но фотография сохранилась прилично.

— Узнаешь его, Дег?

Он взглянул, наморщил лоб и ничего не ответил. Я сказал:

— Мак-Анна — один из самых страшных гангстеров наших дней. Он убил семь человек к моменту, когда его наконец удалось схватить. А потом сбежал из тюрьмы «Сан-Квинтино», убив часового... Его так и не нашли.

Я помолчал в ожидании. Дег щелкнул двумя пальцами.

— Да, конечно, теперь вспоминаю! Я видел его фотографию у нас в газетном архиве! Да! Это Мак-Анна, черт побери!

— И он тебе никого не напоминает?

Дег посмотрел на меня и перевел взгляд на фотографию.

— Нет, Мартин, — пробормотал он, — никого...

— Посмотри лучше. Посмотри на эти глаза, Дег. Мы с тобой видели их несколько недель тому назад.

Дег отшатнулся.

— Комиссар? — прошептал он.

Куба внимательно следил за нашим разговором. Я подтвердил:

— Именно. Помнишь, у нас с тобой было ощущение, будто мы уже где-то видели его!

— Ну да! Да, черт возьми! Мартин, это... Это невероятно!

— Да, Дег, но это так. И все сходится совершенно точно. Мак-Анна, гангстер, и Савиль, хирург. Знаешь, что такое пластическая операция, Дег? Это когда тебе изменяют нос, губы... Переделывают все лицо, если хочешь. Так вот, Мак-Анна заставил Савиля сделать себе пластическую операцию. Он вынудил его, наверное, с револьвером в руке. Занял место Рентрероса и затаился в Марагуа...

— Сбежал на Амазонку! Действительно, кто бы его тут, в Марагуа, отыскал?

— Конечно. Савиль сделал ему операцию... Однако не смог изменить его взгляд.

Дег в ужасе смотрел на меня. Я продолжал:

— Когда Мак-Анна узнал, что приезжают двое американских журналистов, он, естественно, забеспокоился: журналисты и полицейские — его враги. Сначала он велел обыскать мою дорожную сумку, чтоб узнать, не переодетый ли я полицейский. Потом всеми способами старался запугать нас и заставить убраться.. И тут же смекнул, что истинная опасность для него — это Савиль.

— Конечно! Мы ведь не узнали его. Только Савиль мог сказать нам, кто он на самом деле!

— И возможно, Савиль угрожал ему. Бог знает, сколько раз за эти последние годы.. Мне кажется, я так и слышу, как он говорит: «Я тебе устрою сладкую жизнь, Мак-Анна!» Или: «Вот приедет кто-нибудь в Марагуа, я открою ему, кто ты такой, и тебе конец...» — Я вздохнул: — А вышло так, что с нашим приездом конец ожидал его самого. Когда он пришел к нам выпить виски, бедняга, наверное, как раз и хотел обо всем рассказать. У него не хватило мужества. Но он знал, что Мак-Анна рано или поздно убьет его, и тогда сделал нам этот подарок... Отправил послание.. Остальное мы уже знаем.

Я замолчал. И почувствовал вдруг усталость. Слишком быстро, наверное, я все выяснил. Это было нелегко.

Дег и Куба в задумчивости молчали. Потом Дег спросил:

— А где же в таком случае находится настоящий комиссар Рентерос?

— Кто его знает! Я думаю, его нет в живых. Возможно, Мак-Анна встретил его в Фосе или в каком-нибудь другом проклятом месте еще прежде, чем прибыл в Марагуа... Узнал, что Рентерос отправляется в эти забытые Богом края, где его никто еще не знает, и... покончил с ним. Бросил рыбам пираньям, должно быть.

Я почувствовал пристальный взгляд Кубы и повернулся к нему:

— Как вы считаете? — спросил я.

Он усмехнулся:

— Похоже на детектив, Мартин... Гангстер, кото-

рый сбегает на Амазонку, находит хирурга, готового изменить ему лицо, убивает комиссара, направлявшегося в далекий городок... — Его улыбка стала шире, но как будто еще более горькой, — детектив, да... Но, — добавил он серьезно, — подобные вещи возможны в этих краях. Да, все могло быть именно так, как вы говорите. Вы молодцы, журналисты! — Он одобрительно кивнул и не спеша направился к вертолету.

Больше мы не говорили об этом. Я аккуратно сложил газетные листы. Мы раскрыли тайну Марагуа. И Мак-Анна понимал это. Я не сомневался. Ясно было, почему он нас преследовал и обстрелял вертолет. Возможно, он снова попытается добраться до нас. Он сделает все, чтобы мы не выбрались живыми с Амазонки. Наша жизнь — это его смерть. Он хорошо понимал это. Во всяком случае...

— Во всяком случае, — проговорил я, — мы здесь ради Онакторниса. Сначала надо подумать о газете и об этой курице, которая так дорога полковнику Спленнервилю... Да, Дег, это наш долг. Потом решим, что делать с Мак-Анной, — я невольно улыбнулся, — потому что нам ПРИДЕТСЯ подумать о Мак-Анне. Сейчас он знает, что у нас осталось мало снаряжения и, самое главное, топлива. Он как ни в чем не бывало поджидает нас в Марагуа, Дег, — добавил я. — А полковнику надо будет напечатать экстренный выпуск, когда мы вернемся.

Он посмотрел на меня, шевеля губами, но ничего не произнес. И тогда я добавил:

— Ну ладно, как хочешь — ЕСЛИ вернемся.

В тот вечер мы почти не возвращались больше к разговору о комиссаре, а занимались инвентаризацией — подсчитывали, что у нас осталось. Выяснилось, что продуктов нам хватит примерно на месяц, а топлива, чтобы вернуться в Марагуа и пролететь, наверное, миль сто вдоль реки. Не больше.

— Не очень-то все это весело, не так ли? — проворчал Дег.

Вместо ответа я откупорил бутылку виски.

— Глотни, и тебе все покажется не таким мрачным, — сказал я не очень весело. Тут вернулся Да-

алу, ходивший в разведку. Он сказал Кубе, что обнаружил на востоке старую, давно покинутую живарию. Он молча перекусил и, нырнув в кусты, снова исчез в джунглях. Обстановка становилась все более тягостной. Мы решили лечь спать.

Куба первым заступил на ночное дежурство. Я только-только уснул, как вдруг кто-то начал будить меня.

— Что случилось? — приподнялся я.

Куба знаком велел мне молчать.

— Идемте, — шепнул он. Я разбудил Дега, и мы вышли из палатки. Нас обступила плотная, влажная тьма. И полная тишина.

Мы бесшумно прошли за Кубой до середины площадки. Затаив дыхание, сжимая ружья, остановились и замерли. В абсолютной тишине прошло по меньшей мере полминуты. Вдруг Куба поднял голову и прошептал:

— Чувствуете?

Глава 13

ОГРОМНЫЙ СЛЕД

Да, я почувствовал его. Я почувствовал этот запах — еле уловимый и резкий. Я увидел, что Даалу стоит недвижно у края площадки, подняв голову и нюхая воздух.

Это был очень странный запах, какого я никогда прежде не встречал. Такой даже вообразить себе трудно. Запах, который не существует, сказал Даалу. Да, это было так. Он походил на зловоние чего-то разлагающегося, но не падали, не гниющих растений или увядающих цветов, даже не трупов животных, тлеющих в горячей влаге джунглей, нет, это был запах чего-то живого.

— Да что же это за чертовщина такая, Мартин? — прошептал Дег. В голосе его звучал страх. Я покачал головой.

— Не знаю, но... — Я замолчал, потому что подул легкий ветерок, и запах исчез. Но Даалу все еще чувствовал его, конечно, потому что по-прежнему стоял недвижно в странной позе дикого, настороженного зверя.

Мы наблюдали за индейцем еще по меньшей мере минут десять. Потом он вздрогнул и обернулся к нам, сверкнув глазами. Тщетно было задавать ему какие-либо вопросы.

В эту ночь мы больше не спали.

На рассвете мы обсудили ситуацию. Потеря топлива была для нас, конечно, серьезным ударом. И все же мы могли завершить обследование этой холмистой местности. Мы были почти уверены, что Мак-Анна и его горилла не смогут разыскать нас здесь.

— В живарию, что на берегу озера, — размышлял Куба, изучая карту, — они еще могли добраться на моторных лодках... Я знаю эти лодки — узкие, легкие, с защитой от водорослей... Да, на них вполне возможно добраться до той живарии... Но сюда... Думаю, что невозможно. Им пришлось бы проделать чертовски трудный путь по джунглям. Много дней подряд... Ведь эта ваша Страна Огромных Следов весьма и весьма обширна, Мартин... И к тому же, — добавил он, неторопливо скручивая сигарку, — если он не дурак, этот Мак-Анна, то он станет ждать нас в Марагуа, в своих владениях... В любом случае, однако, — заключил он с какой-то странной улыбкой, — лучше быть начеку и... наготове...

— Это несомненно, — ответил я, взглянув на него. На какое-то мгновение колокольчики тревоги опять зазвонили в моей голове. Куба что-то скрывал. Во всяком случае было во всем этом что-то подозрительное. Мне казалось, что он хочет непременно сразиться с Мак-Анной.

Мы отправились в путь на следующий день, убрав палатки, скрыв следы нашего пребывания и хорошо замаскировав вертолет. Мы перевалили через холм и спустились в долину, где там и тут встречались обширные участки подвижных горячих песков. Я внимательно осмотрел пространство у подножия скал, а Дег сделал сотни снимков.

Каждый день мы уходили все дальше и дальше на восток, где холмы поднимались все выше, а потом неожиданно уступали место джунглям. Это была совершенно непроходимая, дикая местность — что поразительно, здесь попадались болота, кипевшие так, словно подогревались изнутри адским пламенем. Увидев их, Даалу побледнел. Куба о чем-то серьезно поговорил с ним. Казалось, и он тоже испытывает страх...

Впрочем нет, это был не страх. Во всяком случае Куба не думал о нем. Он продолжал вместе с нами поиски Онакторниса, а на самом деле мысли его витали где-то далеко. Я был уверен в этом.

Продвигаясь по тропинке, которую Даалу прокла-

дывал своим неутомимым мачете, мы все время держали наготове шприц с противоядием. Местность кишела змеями и пауками, гораздо более опасными, чем Мак-Анна, во всяком случае здесь, в этом забытом Богом уголке земли.

Нам понадобилось две недели, чтобы осмотреть несколько холмов, и мы еще не нашли ничего — ни гигантских следов, ни Онакторниса. А может быть, все эти блуждания были нам необходимы только для одного: мы невольно стремились отодвинуть от себя неотвратимое — нашу встречу с Мак-Анной.

И возможно — собственный конец.

Это произошло на двадцать седьмой день поисков, когда мы уже заболели лихорадкой, джунгли проникли в нашу кровь, и все вокруг постепенно теряло четкие очертания, и жизнь, нам казалось, замкнулась в этой шепчущейся лесной чаще. Это случилось на двадцать седьмой день бесконечных кошмаров, когда для нас уже ничего не существовало, кроме этой зыбкой реальности, бесконечных блужданий и поисков...

Было 11 часов утра. Начало дня, которому предстояло перевернуть нашу жизнь.

Это Дег обнаружил его. Он шел вместе с Даалу впереди, шагах в пятидесяти, пробираясь между серых камней, вверх по холму. Мы увидели, как Дег остановился, замер на мгновение и опустился на колени. Мы решили, что он наступил на змею, и бросились на помощь...

Подбежали к нему, когда он уже поднимался с колен, держа в руках крупный осколок скорлупы.

Мы замерли. У меня перехватило дыхание. Дег протянул мне свою находку и еле слышно проговорил:

— Смотрите... смотрите, Мартин!

Я никогда не забуду этот момент! Мы потеряли дар речи. Впрочем, я тут же пришел в себя.

— Дай-ка сюда! — Мой голос прозвучал глухо и громко. Я взял этот осколок, похожий на кусок желтоватой керамики. Он издавал едкий, невыносимый запах — тот самый, который в ту далекую ночь так

испугал и заворожил нас. Запах, которого, как сказал Даалу, не существует.

Прошло несколько минут. Я внимательно рассматривал находку. Мои руки дрожали. Дег тронул меня за плечо:

— Но что это, Мартин?

Мне пришлось набраться мужества, чтобы ответить. Я способен был бороться с испугом, с элементарным страхом перед джунглями, мог спокойно выслушивать всякие легенды о чудовищах, не боялся ни змей, ни кошмара этих кипящих болот... словом, мог бороться с чем угодно, что бы ни послал мне сам дьявол... но возражать против очевидности я был не в силах. А этой очевидностью был осколок крупной яичной скорлупы.

— Это не разбитый горшок. Это расколотое яйцо, — пробормотал я, стараясь совладать со своим голосом. — Вы не знаете, Куба, — спросил я, — какое животное могло отложить такое крупное яйцо, как это?

Куба закручивал сигарку и не ответил. Даалу с широко раздувшимися ноздрями глубоко и жадно вдыхал эту тошнотворную вонь. Маленькие черные глаза его были полны ужаса и суеверного страха.

Мы осмотрели скорлупу. По ней змеилась тонкая черная полоска. Может, это была кровь?

— Она валялась вон там, — показал Дег, — в кустах, возле камня. Я чуть было не раздавил ее.

— О'кей, а теперь положи туда, где нашел, и сфотографируй.

— Но тогда нет сомнения, — заговорил Куба, — что ваша курица существует.

Я почувствовал, что в моем сознании все смешалось — совесть и здравый смысл не могли примириться с таким утверждением.

— Как вы можете говорить такое, Куба? — возразил я, возможно, слишком резко. — Насколько всем нам известно, этому яйцу должно быть никак не меньше ста тысяч лет... А может ли оно существовать сто тысяч лет и так омерзительно вонять? Выжил Онакторнис или нет, несомненно, что...

Куба насмешливо улыбнулся и спокойно сказал:

— Вы, я вижу, **ХОТИТЕ**, чтобы он не существовал.

Я тотчас сам задал себе этот вопрос. Да, наверное, Куба прав. Не могло же яйцо хранить такой запах сто тысяч лет..

Я ничего не ответил, меня охватило какое-то гнетущее беспокойство. Я осмотрелся. Часть холма, что возвышалась над нами, покрывал кустарник с какой-то красноватой, увядающей листвой. Если где-то и могло жить ужасное чудовище, то это жуткое место вполне могло быть его прибежищем...

— Мартин, — проговорил Дег, — он существует!

— Боже милостивый, Дег! И ты туда же! Но где? Где он? Ты думаешь, мы в состоянии отыскать эту курицу — ведь мы так измотаны. Представь себе, что... — Я умолк, взял себя в руки и показал на вершину холма. — Пойдемте, ребята, посмотрим там! — И не говоря больше ни слова, направился вверх. Далу обогнал меня и принялся помечать дорогу. Дег, остановившись возле осколка скорлупы, спросил:

— А с этим что делать?

— Возьми с собой, Дег. Пошли!

Он постоял немного в растерянности, но повиновался. Мы поднялись на несколько десятков метров. Стояла невыносимая жара. Воздух был пропитан этим нестерпимым смрадом, к которому добавлялся и обычный запах теплой недвижимой гнили. Он исходил от кипящих зеленых болот, над которыми клубились зеленоватые испарения. Низко стелясь, они расползались между деревьями. Вся эта холмистая местность окаймляла тропический лес, словно последний рубеж земной тверди у края океана.

— Мартин! — позвал вдруг Куба. — Остановитесь и глотните немного бренди.

Я обернулся, собираясь выругаться, но Куба смотрел на меня так дружелюбно и улыбался так горько, что я промолчал. Он протянул мне фляжку.

— Вы слишком быстро шагаете. Не сердитесь на меня, — сказал он, — и не злитесь. Выпейте.

Я чувствовал, что у меня кружится голова. До боли стиснул челюсти и взял фляжку.

— Вы правы, нервы что-то шалят, — я постарался улыбнуться и сделал несколько глотков.

— Это лихорадка, — сказал Куба.

— Наверное. Или Онакторнис. Одна мысль о том, что он может существовать и что...

— Ведь не известно, Мартин, найдем мы его или не найдем. Кто знает.

Я отпил еще немного и почувствовал себя лучше. Вернул фляжку.

— Спасибо, Куба, вы настоящий друг.

— Конечно. А теперь идем дальше, Мартин.

Я снова зашагал между огромными камнями. Нет, это была не лихорадка. Нет, черт возьми, на этот раз Куба ошибался. Это было такое же ощущение, словно... Да, хоть колокольчики и не звонили, я все равно предчувствовал, будто кто-то приближается. Несомненно. Я быстро огляделся по сторонам... Без всякого сомнения, что-то приближалось. Вот оно — колокольчики зазвонили. Я приостановился, но тут же пошел дальше. Воздуху не хватало. Колокольчики едва не оглушали меня. Я твердил себе: «Черт возьми, Мартин, ты же не идиот, чтобы верить этим бубенцам? У тебя, наверное, просто болят уши... Что ты за провидец такой, избранник божий? Почему тебя должны предупреждать?»

Я взялся за револьвер, потом снова сжал ружье. Вскоре мы добрались до вершины холма, поросшего низким кустарником с мясистыми листьями. Дальше виднелась песчаная поляна. Мы остановились и посмотрели вниз, на пройденный путь и на лес, над которым туманом висели испарения кипящей грязи. Нас окружили бескрайние джунгли.

— А мы немало отмахали... — проворчал Куба и вздохнул. Я вытер пот, стекавший со лба.

— Да, немало... — подтвердил я. Колокольчики тревоги прозвенели в последний раз, когда я повернулся к поляне. — Пошли, — сказал я, и колокольчики умолкли. Я шагнул, я сделал только один шаг...

И увидел огромный след.

И в тот же момент просвистела первая пуля. Она расплющила фотоаппарат Дега, и юноша со стоном упал на землю.

— Ложись, Мартин! — закричал Куба, стреляя из ружья в сторону леса.

Я своим телом закрыл Дега. Он вытаращил глаза.

— Мартин! — вскричал он. Я рванул его рубашку.

— Тебя ранило, Дег? Тебе больно? — волновался я, а в воздухе продолжали греметь выстрелы, и пули одна за другой со свистом пролетали над нашими головами. Крови у Дега я не обнаружил, только синяк.

— Все в порядке, — обрадовался я. — Вставай, Дег! — сказал я, нашел его ружье и подал ему. — Вставай!

Обстреливали нас яростно. Автоматными очередями. Куба и Даалу укрылись за скалой и переговаривались, не выглядывая из-за нее. Пригнувшись, я перебежал к ним.

— Где они? — спросил я. Куба махнул рукой:

— Внизу. Пять или шесть человек. Я видел их.

Дег присоединился к нам. Его трясло.

— Мартин, а вы заметили этот след? — спросил он.

Обстрел прекратился. Я ответил:

— Забудь пока о нем, дорогой мой. Лучше подумаем, как выбраться из этой беды... Черт возьми, Куба, а комиссар молодец! Добраться вслед за нами сюда — это ведь нелегко!

— Нет, но у него были наши следы, он... — говоря так, Куба стремительно вскочил, дважды выстрелил наугад в сторону леса и снова присел в укрытие. Он улыбался. Его небольшие водянистые глаза злобно сверкали. Он прошептал:

— Комиссар не такой уж и молодец, как вы думаете. Он преследовал нас. Добрался сюда, в чашу... — В его голосе зазвучала какая-то странная нота, словно его охватила радость дикаря. Я содрогнулся, а он продолжал: — Мак-Анна мог успешно сражаться в Марагуа, там он победил бы нас... но здесь... — Куба злобно прищурился: — Он не знает, с кем имеет дело. Он этого не знает... Конечно.

Куда подевалась его ленивая медлительность! Даже тени от нее не осталось. Мягкое лицо его изменилось до неузнаваемости — стало твердым, сосредото-

точенным. Он весь напрягся, словно пружина. Это немного встревожило меня.

— Ладно, согласен, но ведь и мы не знаем эту местность. Что теперь делать? — спросил я.

— Боже мой, не будь со мной фотоаппарата, пуля меня убила бы! — вдруг воскликнул Дег. Куба спокойно перезарядил автомат.

— Одно несомненно, — проговорил он, — они не обнаружили вертолет. Если бы нашли, не стали бы утруждать себя поисками, не шли бы за нами следом в это гиблое болото. Они сожгли бы вертолет и все... — Он усмехнулся, повернулся к Даалу и что-то сказал ему, потом продолжал: — Спрячьтесь за эти камни, Мартин, и ждите там. — Он произнес этот приказ таким резким и властным тоном, что я поразился и не двинулся с места.

— Так вы собираетесь... — начал я. Он утвердительно кивнул головой.

— Совершенно верно. Это дело, которое касается меня лично. И я разберусь в нем, Мартин.

— Касается вас? Но...

— Никаких «но»... — В этот момент опять, дробя камни, посыпались пули. Куба посмотрел на меня и без улыбки продолжал:

— Вы, Мартин, угадали все — всю историю Мак-Анны и Рентрероса... Вы молодец, я уже говорил вам. Мак-Анна встретил Рентрероса на пароходе по пути в Фос, узнал о его назначении в Марагуа... И решил, что лучшего убежища он нигде не найдет... Он прыгнул его ножом и выбросил в воду, пираньям на корм... А сам занял его место. Просто? Так оно и было. Никаких других вариантов. Только Рентрерос не погиб. Его успел спасти один индейский охотник...

— А еще у него остались на коже следы от зубов пираньи... — подхватил я, кивая на моего собеседника, — похожие на следы оспы.

Куба усмехнулся:

— Да, Мартин. Это мы с Даалу. Будет время, — добавил он, — я расскажу вам, почему ждал столько лет, чтобы... — Он помолчал, лицо его приняло невероятно жесткое выражение, и он что-то бросил Даалу, потом внезапно выскочил из укрытия и исчез.

Даалу последовал за ним. Еще несколько пуль со свистом вонзились в камни. Наступила минутная тишина. Затем снова начался мощный обстрел.

Дег тронул меня за руку.

— Мартин, — проговорил он жалобно, — что ж теперь будет?

Я взглянул на него:

— Кончен бал, мой дорогой.

Глава 14

ЛИЦОМ К ЛИЦУ С КОШМАРОМ

— Как кончен? — испугался Дег. Он опустил голову, задумавшись над моими словами. — Кончен. — потерянно прошептал он и снова глянул на меня. — Но... Куда делись Куба и Даалу?

— Куба?.. Называй его теперь Рентеросом, Дег. Это он — комиссар.

Крайне изумленный, юноша уставился на меня. Больше он ни о чем не спрашивал, а просто медленно опустился на землю с ружьем в руках.

Шум стих. Очевидно, Куба и Даалу пробирались сквозь чащу на встречу с Мак-Анной и его людьми. Если их убьют, то мы с Дегом ненадолго переживем их. Пешком нам ни за что не вернуться в лагерь или в Марагуа. Именно сейчас решалась наша участь, а вместе с нею и судьба многих других людей. Но странное дело — мысль эта почему-то ничуть не волновала меня. Я снова взглянул на страшный след, который, казалось, разодрал землю, и почувствовал себя бесконечно ничтожным, совершенно беспомощным существом, вроде одного из тех насекомых, которых прихлопывал ладонью на своих небритых щеках. Да, именно ничтожным существом. Но вовсе не джунгли рождали у меня это мучительное ощущение бессилия, а он, могучий властелин, переживший тысячелетия — Онакторнис убивал меня. Этот след мог быть отпечатан когда угодно — сто или тысячу лет назад, дело не в том: вот тут, на этом самом месте, проходило чудовище и оставило на память о себе свой оттиск. Я попытался представить его: огромный и свирепый монстр оглядывает все вокруг, ищет жертву... Я содрогнулся...

В тот же момент раздалась короткая очередь. Вы-

стрелы последовали один за другим, похожие на взрыв. Потом донесся приглушенный крик. И снова — тишина.

Мы с Дегом невольно подняли ружья, хотя знали, что не должны стрелять: можно попасть в Кубу или Даалу. Еще несколько выстрелов разорвало перво-зданную тишину джунглей, но голосов слышно не было. Стонов тоже.

Мы напряженно, обливаясь потом, ждали.. Минуту, другую... Мы ждали, что выстрелы повторятся.

Тишина. Прошла еще минута, медленно и неотвратимо. Еще, еще и еще... Но по-прежнему ничего не было слышно. В несколько мгновений наша судьба была решена — в густом полумраке джунглей в смертельной схватке — всего в несколько мгновений. Может, мы с Дегом уже мертвы.

Дег повернулся ко мне.

— Все кончено, да? — с нервной улыбкой еле говорил он.

Я кивнул головой и не пошевелился. Мы продолжали ждать под палящим солнцем.

Прошел час. Или больше. Ни один листок на деревьях не шелохнулся.

— Но... они не возвращаются... Не возвращаются, Мартин...

Обезьяны молчали, приумолкли птицы. Я слышал, что животные замолкают, когда рядом кто-то появляется. Если б Куба и Даалу одержали верх, они бы крикнули нам, сообщили бы о своей победе. А если победили бандиты, они поспешили бы подняться сюда, на холм, чтобы прикончить и нас.. Или, быть может, издевательски помахав нам на прощанье, ушли...

Однако все вокруг продолжало молчать.

Наконец я встал.

— Ладно, Дег, пойдем посмотрим.

С трудом, осторожно пригибаясь, мы спустились в долину. Стреляли в нескольких сотнях метров справа от нас. Мы направились туда и некоторое время, согнувшись, шли по следам, замечая опавшие листья и обломанные ветки. Потом следы исчезли и, выйдя в долину, мы оказались в зарослях каких-то высоких растений. Мы бродили в этой зеленой чаще, наверное,

целый час, не представляя, куда идем, вероятно, кружили на одном месте. Тут среди буйной зелени я заметил что-то блестящее. Это что-то не походило ни на белоснежную орхидею, ни на солнечный лучик на зеленом листе. Я поднял ружье.

— Осторожно, Дег.

Юноша остановился. Ничто не шелохнулось вокруг. Я понял, что поблизости нет ни одного ЖИВОГО человека. Я прошел вперед, сделал всего несколько шагов, как вдруг Дег воскликнул:

— Смотрите, Мартин!

Я обернулся. Возле дерева сидел человек, метис, в военной форме. Сидел так, словно захотел отдохнуть. Голова его свисала на грудь.

Мы крадучись, на цыпочках подошли ближе. Дег наклонился к нему, чтобы заглянуть в лицо.

— Это сделал Даалу! — воскликнул он. Я подошел ближе и увидел в горле метиса короткую стрелу. Индеец сразил его из лука.

— Пойдем, — проговорил я и направился к тому предмету, что блестел на солнце. Приблизившись, я увидел ствол ружья, зажатого в руках негра, того самого, с кем я дрался в далекий уже вечер нашего прибытия в Марагуа. Негр лежал в кустах, в густой траве. По нему уже ползала целая армия муравьев. Он выглядел ужасно.

— А это работа Кубы, — сказал я.

Я чувствовал, как меня охватывает дрожь. И не от лихорадки. Он ужаса! В глазах у Дега стояли слезы, лицо было сплошь облеплено гнусом, но он и не думал смахивать насекомых.

— Мужайся, мой мальчик, поищем их.

Мы пошли дальше, и до нас долетел очень далекий крик обезьяны. Мы обнаружили еще двух человек из банды Мак-Анны. Они теперь тоже навсегда остались лежать во влажной утробе неумолимого леса. Куба и Даалу свершили свою месть. Несколько ружейных выстрелов, две стрелы из лука... Вот так пришла к концу жизнь этих людей. Именно смерть нашли они после долгого перехода по джунглям.

Однако Мак-Анны нигде не было. Не находили мы и наших друзей. Когда на чашу опустились ночные

тени, начали оживать лесные звуки. Мы с Дегом уже совершенно обессилели, на душе было тревожно. Поиски оказались напрасными.

Кубы и Даалу нигде не было. Никого не было. Кто же оставался в джунглях? Только мы одни, ответил я себе на этот вопрос. И от такой мысли я вдруг почувствовал, как кровь заledenела в моих жилах.

Это была бесконечно долгая, кошмарная ночь. Мы не смели шевельнуться. И сидели возле гигантского дерева, не смыкая глаз. Мне все время казалось, будто все вокруг нас находится в движении, будто гнусные звери, тайные обитатели джунглей, так и рыщут неслышно вокруг, следя за нами злыми и хищными зрачками. Извечное дыхание джунглей пугало своей таинственностью, а наши напряженные, обостренные до предела чувства воспринимали это дыхание как чей-то тихий, но грозный шепот. Дег не раз вздрагивал и испуганно кричал:

— Кто там?

И я не однажды вскидывал ружье в уверенности, что не ошибся и кто-то — кто? раненый, может быть? — со стоном подползает к нам...

Но нет. Это был только страх, наваждение. Ничего больше.

На рассвете мы вернулись на холм, где оставили палатку и продовольствие. Забрали все с собой. Взошло солнце, и несколько часов небо было розоватым и безоблачным. Потом над лесом опять нависли тучи. Начинался новый день.

Разбитые, обессиленные, мы с трудом поднялись на другой холм, где видели огромные следы. Нас не оставляла смертельная усталость и жуткое чувство бесприютности, которое охватило накануне вечером и мучило всю ночь. Мы молча опустили на землю возле следа Онакторниса и выпили последние остатки бренди. С трудом кое-что пожевали. Казалось, мы оба боимся заговорить.

И мы молчали. А потом, словно по сигналу, так же молча принялись рассматривать след Онакторниса. Три могучих когтя впились в почву, угадывалась и мощная шпора. Отпечаток был не свежий — почва

по краям затвердела. Мы долго сидели возле него, уставившись в землю. Итак, наша миссия выполнена. Профессор Гростер говорил правду. Именно так все и было. Онакторнис пережил века и укрылся тут, в Стране Огромных Следов. Жив он сейчас или мертв, неизвестно, только это чудовище проходило тут...

— А теперь? — спросил вдруг Дег. Я посмотрел на него. Он выглядел ужасно: похудевший, изнуренный, с обезображенным укусами насекомых лицом, дрожавший в лихорадке. Я знал, что выгляжу не лучше.

— А теперь поставим палатку, — ответил я. — Давай, Дег, больше нам ничего не остается. Надо ждать, пока вернется Куба. И... это все, что мы теперь можем сделать.

Дег сидел недвижно.

— Куда же они ушли? — спросил он упавшим голосом.

Я пожал плечами:

— Думаю, что... Не знаю, может быть, преследуют Мак-Анну. Давай, Дег, поднимайся, займемся делом.

Он продолжал стоять на коленях, закрыв глаза, и руки его безвольно опустились.

Мы поставили палатку в тени большого камня, на краю песчаной площадки, хранящей отпечаток огромного следа. И стали ждать.

Мы ждали девять дней. В первые три дня осматривали лес, поглядывали на небо, прислушивались, но видели лишь лениво проплывавшие облака и слышали только вопли обезьян. На четвертый день Дег, которого била лихорадка, разрыдался и не смог ничего есть. Что происходило потом, не знаю.

В каком-то полубреду, лишь иногда прорываемом недолгими просветами, в сплошном тумане проводили мы долгие часы, сидя на песке и уставившись на след чудовища. Я отлично понимал, что это не поможет нам, что мы должны действовать, восстать против этого оцепенения, охватившего нас, продумать план... Но нет, мы ничего не делали...

Да и зачем предпринимать что-то? Чтоб еще яснее понять, что нам суждено умереть — умереть еще бо-

лее страшной смертью, чем четыре помощника Мак-Анны?

Это произошло на девятый день. Ночью.

Нас вдруг окатил резкий, тошнотворный, нестерпимый запах. Он нахлынул с порывом ветра. Дег проснулся, закашлявшись, а я уже не спал и невольно схватился за ружье. В моей больной голове звонили последние колокольчики тревоги. Я с трудом поднялся. Шатаясь, мы выбрались из палатки. Мы были совершенно одни в джунглях, освещенных ярким светом полной луны, напуганные и подавленные.

— Что это, Мартин? — прошептал Дег.

— Ты слышишь? — спросил я. — Что это? Я... Знаешь, что это...

— ...это чудовище?..

Мы обменялись долгим взглядом. Наверное, мы еще не совсем проснулись. Я ощущал, как у меня подкашиваются колени, ружье казалось невероятно тяжелым. Я жестом позвал Дега за собой, и мы поднялись на самую вершину холма. Посмотрели вниз. Джунгли и серые холмы вокруг были спокойны и недвижны. Не слышно было ни одной птицы. Бульканье кипящих болот доносилось к нам приглушенно, словно очень издалека. Тишина казалась бесконечной.

— Интересно, откуда это... — насторожился я и подошел поближе к тем камням, где нас настигли первые выстрелы Мак-Анны.

Тут я вздрогнул и замер. В ту же секунду в голове у меня прояснилось. Ни сонливости, ни боли, ни усталости — все исчезло.

Я отчетливо услышал эти звуки, словно кто-то яростно тряс дерево, и вновь почувствовал сильный тошнотворный запах. Было слышно, будто что-то рвали на части, раздирали на куски, потрошили... Донесся долгий стон — нет, нет, не стон, а резкий, злой крик, в котором слышалась угроза.

— Дег! — шепотом позвал я.

Дег поспешил ко мне. Он дрожал и едва переводил дыхание. Я показал в сторону чащи:

— Там кто-то есть... В том месте, где мы видели трупы бандитов Мак-Анны...

Он посмотрел туда, губы его беззвучно шевелились, глаза, круглые и испуганные, едва не вылезали из орбит, лицо страшно осунулось. Он догадался:

— Чудовище... Мартин, это чудовище... — Мы не успели больше ни о чем подумать, даже о том, что запах смерти мог привлечь огромную плотоядную птицу. Мы ни о чем не успели подумать, потому что звуки повторились, раздались совсем близко...

Деревья у подножия холма покачнулись, словно былинки, и возник — Онакторнис.

Я не могу передать, что мы почувствовали в этот момент. Но никогда не забуду свои ощущения. Жалкое творение Господа, я оказался лицом к лицу с одним из его чудес. Обреченный бесследно кануть в небытие, я очутился перед существом, которое победоносно бросило вызов векам — перед чудовищем, фантастическим, живым и никому неведомым призраком, перед истинным властелином природы, оставшимся нетленным в яростной схватке со временем... Мне хотелось закричать — от страха и восторга одновременно. Я задрожал, а у стоявшего позади меня Дега стучали зубы...

Тем временем Онакторнис двигался нам навстречу, неуклюже ступая между кустарников и камней. Он находился, наверное, метрах в ста от нас, внизу, у подножия холма. В ярком свете луны мне хорошо было видно, что он остановился, поднял голову с чудовищным клювом и некоторое время постоял недвижно — огромная белеющая масса.

Мы не дышали.

Его ехидная голова качнулась и с безжалостной невероятной медлительностью повернулась к нам. Я почувствовал, что сердце у меня сейчас остановится, и в то же время понял, что чудовище обнюхивает нас. Его глаза — или это мне показалось — злобно сверкнули и уставились на нас.

Потом его огромная пасть открылась. Монстр несомненно увидел нас.

Я хотел было что-то сказать, но не смог. Дег встревоженно прошептал:

— Он нас увидел... увидел нас, увидел...

Его слова вывели меня из оцепенения, я передернулся и, не оборачиваясь, взял Дега за руку.

— Отступи назад, — шепнул я, — только тихо... — и начал медленно пятиться. Дег не двинулся с места, и я невольно натолкнулся на него. Он как завороченный смотрел на Онакторниса, повторяя:

— Он нас видел... Сейчас он приблизится. Он убьет нас... Убьет нас...

— Дег, делай... делай, как я.

Но юноша оказался проворнее, чем я думал. Неожиданно для меня он вскинул ружье и пять раз подряд выстрелил в чудовище. Мне показалось, что пули эти вошли в мою грудь.

— Дег, ты сошел с ума! — завопил я, а он шептал растерянно:

— Что я натворил! Что я натворил!

Пронзительный крик заглушил его слова. Раздался громкий треск ломаемых кустов, и мы услышали тяжелые шаги. Я увидел, как разъяренное чудовище огромными прыжками скачет в нашу сторону.

Глава 15

БОЛЬШАЯ ДУЭЛЬ

Тогда я тоже вскинул ружье.

— Дег, стреляй! Стреляй! — закричал я и спустил курок.

Нас охватил невероятный ужас. А когда страх становится слишком сильным, он неожиданно уступает свое место храбрости. К Дегу, как и ко мне, вернулись утраченные Бог весть уже как давно спокойствие и ясность мысли. Стоя рядом со мной, Дег стрелял уверенно и твердо. Онакторнис неуклюжими скачками устремился к холму и злобно заверещал. В молчании джунг-

лей его крик прозвучал невероятно дико и страшно. Могучие лапы чудовища ломали ветви деревьев, расшвыривали камни, давили кустарник и угрожающе тянулись к нам.

— Стреляй! — снова крикнул я и, прицелившись в эту чудовищную птицу, выстрелил. Я, несомненно, ранил ее, потому что огромная голова Онакторниса запрокинулась назад, клюв распахнулся, и из него высунулся длинный красный язык. Чудовище испустило жуткий вопль, казалось, все вокруг загрохотало и пришло в движение. Дег продолжал стрелять...

И все же чудовище не остановилось, а добралось до самого подножия холма, метрах в двадцати пяти от нас, одним прыжком преодолело каменистую грядку, шумно хлопая крыльями и со скрежетом скользя по камням когтями. Я спустил курок и услышал легкий хлопок — кончились патроны.

— Стреляй! Стреляй! — крикнул я Дегу и со всех ног помчался к палатке, влетел в нее, схватил ящик с патронами и бросился обратно к Дегу.

— Мартин, — крикнул он, голос его прерывался, — нам не остановить его... Не остановить!

— Он не должен подняться сюда! — предупредил я, торопливо заряжая ружье. — Не должен! — и снова принялся стрелять. Чудовище, повернув черную голову в нашу сторону, испускало долгие, леденящие душу вопли и двигалось вверх по холму. Добравшись до открытой песчаной поляны, с немыслимой скоростью пронеслось по ней, подпрыгнуло и взлетело на огромный камень метрах в пятнадцати от нас. Я понял, что нам не остановить его. Наши стальные пули не могли пробить его крепкие перья. Но я все же продолжал стрелять, целясь в голову и глаза. Дег набивал карманы и рубашку патронами.

— Бежим, Мартин! — сказал он. — Нам не выдержать... не выдержать...

Я взглянул на него и подумал, что он опять способен отступить. Я готов был ударить его в этот момент... но не смог. Его напряженное, бледное, измученное лицо обливало потом — он показался мне мертвецом. «Ты точно такой же сейчас, Мартин, — сказал я себе, — ты точно такой же...»

— Бежим, Дег! — крикнул я. — Бежим! Быстро! — И мы помчались со всех ног, добежали до нагромождения скал, закрывавших песчаную поляну и, в кровь царапая руки и ноги, забрались по ним на самую вершину холма. Воздух сотрясали крики чудовища. Оно находилось в нескольких десятках метров под нами, скрытое от наших глаз глыбами камней, но мы представляли его себе — рвущегося вверх, стремящегося за что-нибудь уцепиться, ищущего нас по запаху...

Я осмотрелся вокруг, и меня охватило острое, мучительное ощущение бессилия, панический страх перехватил горло, и я с огромным трудом взял себя в руки.

— Дег, — решил я, — давай укроемся вот здесь... Здесь! И как только он появится... в глаза! Целься в глаза, понял?

Дег хотел было что-то сказать, но не смог. Он схватил меня за руку.

— А почему мы не убегает? — крикнул он. — По-

чему, Мартин? — И показал на лес, который находился внизу, под нами, у каменистого подножия холма.

Я взглянул туда. Действительно, хотелось бежать. Я ощутил слепое желание броситься очертя голову вниз, по крутому склону и скрыться в чаще. Убегать, спрятаться... Я чувствовал, что у меня дрожат колени. Казалось, это сильнее моей воли, и ноги готовы сами собой понести меня туда, вниз, к спасению...

Но я поборол себя:

— Нет! Нет, — мотнул я головой, — это бессмысленно. Разве ты не видел, как быстро бегают это чудовище? Оно настигнет нас через десять метров... Разыщет нас по запаху где угодно. Это безумие — уходить отсюда! Дег, здесь мы еще можем как-то продержаться и... — я замолчал. Продержаться? До каких пор? И зачем?

Дег опять схватил меня за руку:

— Я не хочу так глупо умирать! — проговорил он. — Мне страшно, Мартин! Мне страшно!..

В это время раздался жуткий, торжествующий вопль. Мы были потрясены: голова чудовища появилась у наших ног над гребнем холма, вырисовываясь черным силуэтом на фоне серой массы леса. Я бросился в расщелину между скалами, пытаюсь унять дрожь в руках.

— Стреляй! — закричал я. — Стреляй, Дег! — И сам тоже выстрелил, но не смог прицелиться — никто не сумел бы сделать это на моем месте. Дег опустился возле меня на колени и тоже выстрелил. Мы, конечно, попали в него, но Онакторнис не остановился, а с криком рванулся выше и взлетел на песчаную площадку, с которой мы только что убежали. Остановившись на мгновение, он с клекотом, опуская и поднимая свою мощную голову с распахнутым клювом, бросился на нас. Небо окрасилось перламутровым цветом, звезды таяли. В зыбких предрассветных сумерках чудовище показалось мне еще страшнее.

Я стрелял непрерывно, и ружье уже обжигало мне руки. Дег что-то крикнул, но я не понял его, и тогда

он поднялся и с воплем ужаса попытался забраться на высокую каменную стену у нас за спиной.

— Стой на месте, Дег! Стреляй! — крикнул я, а Онакторнис в этот момент сделал огромный прыжок и оказался всего в нескольких метрах от нас, хлопая крыльями и поднимая вихрь перьев. На какое-то мгновение резкая, нестерпимая вонь буквально придавила нас к земле, возникло жуткое ощущение, будто мы задыхаемся. Теперь я уже ничего не соображал, я словно опьянел от этого кошмара. Когда клюв чудовища ударил по камню в полуметре от меня, я схватил ружье и прикладом стукнул по нему — глупо, конечно, — а потом два или три раза спустил курок. Дег, продолжая кричать, тоже стрелял и попал в шею и в голову чудовищу. Тлетворное дыхание Онакторниса, приблизившегося вплотную к нам, обдавало нас смрадом. Его пасть, истекающая кровавой пеной, открывалась и закрывалась с сухим щелканьем в нескольких шагах от нас. Потом его коготь взметнулся вверх, разрывая траву и кусты, и опустился прямо у наших ног. Камни так и брызнули в разные стороны. Жар, исходивший от чудовища, обжигал наши лица, его запах душил, а оно все тянуло и тянуло к нам свой клюв. Стремясь ударить нас, Онакторнис искал опору среди камней. И найди он ее, нам наступил бы конец. Но тут...

Я услышал собственный крик, последний предсмертный крик, быстро подступавший к моим связкам. Я судорожно обернулся. Дег карабкался вверх по камням, что громоздились за нашими спинами, я последовал за ним и отбросил ружье. Вопли чудовища оглушали нас, впиваясь в мозг, а через минуту в наши тела точно так же должны были вонзиться его когти. Вдруг мы с Дегом оттолкнулись и провалились в расщелину в одном шаге от клюва Онакторниса, который тотчас с силой ударил им по камню. Мы поднялись в полном отчаянии, и я уже совсем было приготовился принять столь ужасный конец, как вдруг услышал вопль Дега:

— Куба! — кричал он так громко, что голос его заглушил резкие крики чудовища. — Куба! Это Куба!

Я взглянул вверх и, невольно отступив на шаг,

увидел в бледно-сером небе темный силуэт вертолета, даже, как мне показалось, услышал гул мотора.

— Куба! Куба! — тоже закричал я. Вертолет летел прямо к нам.

Онакторнис тоже услышал его. Он испустил громкий крик, поднял голову и со злобным клекотом замахал крыльями.

Куба резко сбросил высоту, перекрыл границу леса, подлетел к холму и завис над песчаной площадкой, поднимая тучи желтой пыли. И тут Онакторнис подпрыгнул и бросился прямо на вертолет — перед ним возник новый враг, такое же чудовище, как он сам, соперник, которого нужно сразить. Я различил круглое лицо Кубы. Оно было искажено ужасом и жестокостью одновременно...

Удар был тяжелый, сокрушительный. Мне показалось, что вертолет сейчас разлетится на куски от огромного веса чудовища. Его атаки следовали одна за другой. В воздухе носились сотни перьев, раздавались пронзительные крики Онакторниса, заглушавшие на какое-то время шум двигателя. Мгновение — другое птицу и вертолет, казалось, было не различить — оба выглядели одинаково неуклюже. Нанеся мощный удар клювом, Онакторнис пробил капот, а его когти внезапно стиснули лопасти. Вертолет с глухим рокотом резко снизился, задрожал и отлетел в сторону, но чудовище продолжало атаковать. Отступив на несколько десятков метров, Куба вернулся и снова ринулся вперед. На этот раз Онакторнис не бросился на него, а подождал, задрал клюв, и зашелся в пронзительном крике, готовясь нанести новый удар. Резко развернувшись, Куба взял правее и одновременно стал снижаться, так резко, что сильно стукнулся о землю. Лопасти разрезали густой от пыли воздух, и одна из них с бешеной силой ударила чудовище по голове. Птицу отбросило на несколько метров, и она осела на мохнатых от перьев лапах. Но длилось это всего мгновение. Онакторнис тотчас привстал и опять бросился в сражение... Вертолет отлетел к песчаной площадке, перевалил через гребень холма, прошел метрах в пятидесяти над нами. Оцепенев от ужаса, мы наблюдали за этой неве-

роютной дуэлью. Я был совершенно ошеломлен всем происходящим, но все же увидел, что из иллюминатора вертолета выбросили автомат, и он врезался в песок между камнями. Куба снова вернулся к Онакторнису, который, обливаясь темной кровью, подпрыгнул, разъяренно хлопая крыльями и судорожно шевеля когтями.

Не знаю, что тогда двигало мною, только отваги у меня уже не оставалось. Тем не менее, забыв про все на свете, я бросился к автомату вниз по камням, в этот зловонный водоворот песка и перьев. Я упал, протягивая руки к оружию, с трудом, но все-таки добрался до него, прижал к себе, покатился по земле, а потом быстро поднялся на колени... Онакторнис повернул ко мне свой окровавленный клюв... Но прежде чем он успел сделать хоть одно движение, я выпустил в него сразу все сорок пуль... Я увидел, как в его горле появился с десяток кровоточащих отверстий, заметил, как передернулось огромное туловище... Мне показалось, что лапы его опять стали подгибаться... Я уже готов был испустить победный клич, преисполненный радостью, как вдруг птица собралась с последними силами, прыгнула мне навстречу и занесла надо мной когтистую лапу...

И в этот момент ее настиг вертолет. Он летел совсем низко, над самой поверхностью, и с размаху ударил Онакторниса всей своей массой. Чудовище издало крик, и к небу взметнулся фонтан густой крови. Огромные когти скрючились, рассекая воздух, один из них глубоко вонзился в обшивку вертолета. Тот закачался и чуть не рухнул на землю.

— Куба! — завопил я. — Осторожно, Куба! — И словно услышав меня, вертолет с натужным ревом набрал высоту, поднимая Онакторниса в воздух. Чудовище бешено металось и пыталось снова ударить клювом капот. Вертолет с трудом, сильно раскачиваясь, пересек песчаную площадку и скрылся по ту сторону холма. Дег бросился ко мне.

— Мартин! Мартин! — закричал он. Мы пустились бежать, чтобы что-то узнать, увидеть, но наши ноги были словно налиты свинцом, и вдруг мы ус-

лышали отчаянный злобный вопль, а вслед за ним мощный всплеск...

И сразу же наступила полнейшая тишина. Мы в ужасе остановились.

Потом снова донесся гул вертолета, похожий на предсмертный хрип.

Дег, обливаясь слезами, опустился на землю. Я собрал остатки сил и побежал дальше, но споткнулся, упал, снова поднялся и с невероятным трудом вскарабкался на камни...

И увидел. Вертолет, болтаясь из стороны в сторону, летел над открытым пространством вдоль болота. Темная поверхность водоема медленно колыбалась, разгоняя туман, висевший над ним, словно колеблющийся занавес. На поверхности болота вспучивались огромные мутные пузыри.

Я все понял. И невольно испустил испуганный крик.

Чудовище упало в болото. И утонуло в нем, навеки исчезнув в мрачной бездне.

Потом я бросился к Кубе, который, еле держась на ногах, выбрался из вертолета, опустившегося на краю топи. Кубу трясло как в лихорадке. Его рубашка была разорвана и обрызгана кровью.

Кровь была повсюду — на капоте, на обшивке, на лопастях, погнутых и расшатанных. И все вокруг было усеяно перьями. От пышущего жаром раскаленного металла исходила жуткая вонь Онакторниса. В обшивке вертолета торчал сверкающий и твердый, как сталь, коготь.

Встретившись, мы с Кубой ничего не сказали друг другу, а только обменялись долгими взглядами. Далю выпрыгнул из вертолета, протянул руки в сторону кипящей трясины, опустился на колени и запел нечто торжественное.

Куба хотел было что-то сказать, но не смог. Губы его дрожали. Я дружески похлопал по плечу нашего спасителя и прошел к болоту. Оно простиралось передо мной, равнодушное и враждебное. Зеленоватый туман снова медленно сгустился над ним. Трясина бурлила так, словно внутри прибавилось огня, из

глубины вырвалось и лопнуло несколько крупных пузырей... Впрочем, нет. Я не уверен, что видел все это. Может быть, мне только померещилось. На душе у меня было невероятно тяжело. Горло пересохло. Угнетало чувство полнейшего разочарования.

Царила абсолютная тишина.

Не знаю, сколько времени провел я, глядя на эту кипящую топь.

До меня дошел громкий голос Кубы, я уловил отдельные слова:

— Напрасно пытаться... не сможем... кончено... Уничтожен.

Я не ответил ему. Теперь мне уже все было совершенно безразлично. Меня угнетала горькая, безысходная тоска, от которой, вероятно, уже невозможно было избавиться.

Дег спустился с холма, шатаясь, словно во хмелю. Он не остановился возле меня, а прошел к самому краю болота, пристально глядя на воду и с трудом переводя дыхание. Его пальцы сжимались и разжимались. Словно он хотел что-то ухватить, но ловил только воздух.

Да, так оно и было на самом деле. Счастливый случай был упущен.

В этом болоте оказалось навеки погребенным самое поразительное существо, какое мы когда-либо видели на своем веку. Самое грандиозное приключение, какое нам довелось пережить.

Мы стояли и смотрели, как прикованные.

Когда снова раздался голос Кубы, солнце было уже высоко в небе. Куба попросил нас:

— Помогите мне. Давайте посмотрим, что с вертолетом.

Глава 16

«НАМ ПРИШЛОСЬ УНИЧТОЖИТЬ ЕГО...»

Покачиваясь из стороны в сторону, вертолет направлялся в Марагуа. Он летел над тропическим лесом — бескрайним и бездушным.

Мы сидели на своих местах и молчали. Мы о многом могли бы поговорить, разумеется, но не проронили ни слова. Каждый думал о своем. То, что мы пережили на холме, перечеркнуло все другие впечатления, эмоции, уничтожило страх. В течение нескольких минут — скольких? — да сколько нужно, чтобы взошло солнце — мы находились как бы вне реальности. Как же привести теперь в порядок мысли? Пока что это было слишком трудно. Шум двигателей, накрывая нас, словно волной, оглушал и уносил куда-то далеко. Мы опять ощутили усталость, она проникла в ноги, в сердце. В наш мозг. Голова была слишком тяжелой, и я свесил ее на грудь. Я увидел свои руки — руки, которыми сражался. И убил чудовище...

Нет. Я отогнал эту мысль, с содроганием.

Мы летели медленно. Казалось, вертолет вот-вот рухнет. Получив пробоины в великой битве, обессиленный, усталый, он мог не выдержать и потребовать отдыха.

— Нет, не упадет, — вдруг крикнул Куба, хотя вертолет, сотрясаясь, снижался до самых крон деревьев, — он дотянет до Марагуа, вот увидите.

Мы промолчали. Нам не было никакого дела до Марагуа. Ровным счетом никакого.

Куба снова заговорил:

— Хотите, Мартин, расскажу, что случилось с Мак-Анной?

Я только взглянул на него, и он продолжал:

— Вам не интересно это сейчас, я понимаю. Но таков уж этот мир, — добавил он, показывая на джунгли под нами, внизу. — Запомните это, Мартин.

— Вы правы, Куба.

— Прав, это точно. Под холмом, когда мы с Даалу спустились навстречу бандитам, Мак-Анне удалось убежать от меня... Я видел, как он неся, хорошо видел его спину, и мог выстрелить в него. Но я не сделал этого.

Дег поднял голову.

— Почему? — спросил он.

Управляя штурвалом, Куба продолжал:

— Потому что он должен был узнать, кто я такой... Мак-Анна должен был знать, что я не гнусный убийца вроде него, а меч Фемиды. — Торжественный тон, каким он произнес эти слова, удивил меня. Я понял, что отыскать Мак-Анну было для него важнее, чем найти Онакторниса. Кто знает, может, он был прав. Такова жизнь.

Куба продолжал:

— У Мак-Анны был проводник, индеец из той живарии, поэтому он сумел скрыться... Мы с Даалу преследовали его три дня подряд, — он нахмурился, — бегом продираясь сквозь джунгли.

Он замолчал. Тогда я спросил:

— Почему вы рассказываете мне об этом, Куба?

Он улыбнулся — улыбка была горькой, почти отчаянной.

— Потому что должен снять тяжесть с души, Мартин, — не сразу ответил он. — Это конец целой эпохи в моей жизни и... я настиг его, — продолжал он глухим и бесконечно усталым голосом. — Я открыл ему, кто я: жертва его преступления, человек, которого он ударил ножом и бросил пираньям, человек, который после того, как его спас Даалу, семь лет пролежал в больнице... — Он провел рукой по щекам на своем лице и показал на лоб: — Здесь было пусто, — прошептал он, — один туман. Я ничего не помнил, кроме этих проклятых рыб, которые

кружили вокруг меня... Да... — Он глубоко вздохнул. — Я все это сказал Мак-Анне, прежде чем напасть на хижину, в которой он укрылся.

Вертолет задевал днищем верхушки деревьев. После долгой паузы Куба продолжал:

— Когда закончилась перестрелка у подножия холма, я мог бы вернуться за вами, естественно. Но я не сделал этого, потому что тогда у меня не было бы больше случая сразиться с Мак-Анной. С вами вместе, — добавил он, — я вынужден был бы двигаться медленно и не смог бы догнать его. Я должен просить у вас прощения, — заключил он.

Я покачал головой.

— Да нет. Вы прибыли вовремя, Куба. Как всегда.

— Как и в тот раз, — тихо произнес Дег, — с барба амарилла.

— С тех пор, как ко мне вернулась память, — снова заговорил Куба, — я только и ждал случая, чтобы попасть в Марагуа. Узнав, что двум журналистам нужен вертолет, я сразу же предложил свои услуги. Я даже заплатил за то, чтобы эта работа досталась именно мне. Остальное, — хмуро добавил он, — вы знаете.

Да, остальное мы знали. Больше не было сказано ничего.

На закате вертолет приземлился на площади у гостиницы в Марагуа. Возле нее стояла та же небольшая кучка людей. Они смотрели, как мы спускаемся с вертолета. Мы прошли в гостиницу. Завидев нас, хозяин принес несколько стаканов и бутылку агуардиенте.

Мы долго молча пили. Даалу тоже выпил с нами. Дега грясла лихорадка. Мне очень многое хотелось сказать, но я не знал, как это сделать, да и стоит ли говорить. Так, в молчании, мы просидели за стаканом вина до тех пор, пока не наступила лунная ночь. Луна теперь вызывала у меня суеверный страх.

Наконец, я поднялся и вышел на улицу. В отдалении блестела серебром река. Вскоре я услышал, как шатаясь подошел Дег. Потом появился Куба и тоже остановился возле меня, рядом с юношей. На-

верное, они ждали, что я что-нибудь скажу — поставлю заключительную точку. Видимо, это действительно было необходимо.

И тогда я заговорил:

— Это было величайшее свидетельство эволюции жизни на земле, — тихо начал я, обращаясь к самому себе. — Это был... мост в предысторию человечества. Но нам пришлось уничтожить его... Да простит нас Бог... — Я чувствовал, как горькое, мучительное волнение охватывает меня.

Куба шепнул:

— Или мы или он, Мартин.

— Ну да, конечно. Разве это не любопытно, Куба? Я бы непременно погиб, если бы вы не пришли на помощь, друг мой... И все же, если выбирать между мною и Онакторнисом, то было бы лучше, чтобы погиб я... Я ведь всего-навсего человек. Он же был... чудовищем.

Дег и Куба тяжело дышали у меня за спиной. Я продолжал, закрыв глаза, словно отдаваясь во власть какого-то странного сна:

— Думаю, что у меня навсегда останется в душе это чувство вины... и жалости. Однако, — добавил я, помолчав и думая о том, что без сомнения скажет мне Спленнервиль, — хороший журналист не должен усложнять дело.

Мы помолчали.

— Что же вы собираетесь делать дальше, Мартин? — поинтересовался Дег. — Напишите обо всем этом?

Я посмотрел на него. Глаза его лихорадочно блеснули и в них была видна тревога. Я покачал головой.

— Нет, — сказал я.

Куба крепко сжал мою руку.

— Нет. Вы молодец, Мартин.

Спустя три дня мы покинули Марагуа на пароходе. Куба не отплыл с нами. Он передал со мной в Манаус длинный отчет губернатору провинции. Отчет был подписан так: комиссар Матиа Рентерос. Куба остался ждать ответа. Мы попрощались, почти

ничего не сказав друг другу. Пароход начал отходить от причала, и я почувствовал какое-то прямо-таки дьявольское волнение.

А Куба, стоя на причале, весело крикнул:

— Я пришлю вам барба амарилла на Рождество, Мартин!

Похоже, только в эту минуту я и вздохнул, наконец, облегченно. Да, так уж устроен мир, такова жизнь — улыбка, шутка, прощальный привет...

— Сами привезите ее, Куба, — ответил я, — только не забудьте револьвер!

Пароход шел по серой воде. Мы с Дегом продолжали прощально махать рукой до тех пор, пока Марагуа не стал таким, каким мы его увидели первый раз — призрачным и нереальным. Мы долго еще стояли и молча смотрели в ту сторону, пока наконец городок не исчез, словно поглощенный джунглями.

ЭПИЛОГ

«Полковник Джордж В. Спленнервиль, президент и директор.»

Шеф ждал нас за большим письменным столом. Он был, как всегда, элегантен и свеж, уверен в себе. Полковник протянул нам крепкую, холеную руку и предложил сесть. Мы опустились в мягкие кресла. Он посмотрел на нас, улыбаясь и что-то бормоча, потом взял бумаги и глянцевые фотографии, лежавшие на столе.

— Огромная работа, ребята, — сказал он довольным тоном, — огромная. Блестящая. История про Мак-Анну — это же история века. Никогда не читал ничего подобного. Роман. Я уже уступил, — добавил он, — права на публикацию четырем журналам. Может быть, из этого сделают фильм. Вы сделаете... — поправил он, улыбаясь, — и мы заработаем немало денег, ребята. Да. Да, отлично, — и снова углубился в бумаги.

Мы находились в Нью-Йорке уже двенадцать дней. Запершись дома, я написал про все, что случилось с нами в командировке. Написал на одном дыхании, сходу, пока не заболела голова и не устали руки. Мы отправились искать доисторическое чудовище, подчеркнул я, а нашли чудовище наших дней — Фриско Мак-Анну. Я рассказал историю доктора Савиля, Кубы, Даалу, описал Марагуа, который неумолимо поглощали джунгли. Рассказал и про барба амарилла, и про пылающую живарию. Я упомянул обо всем и обо всех — кроме НЕГО.

Потом отправил рукопись и фотографии Дега полковнику. Он пришел в восторг.

— Гораздо лучше этой проклятой курицы, Мартин, — кричал он мне в телефонную трубку, — намного лучше. Тем более, что читатели все равно не

поверили бы нам. История Мак-Анны в сто тысяч раз правдивее, живее. В сто тысяч раз.

Теперь я действительно почувствовал усталость и кроме того меня переполняла горечь. Я молча смотрел на Спленнервиля, который читал вслух отдельные фразы и повторял:

— Да, отлично... Это твоя лучшая работа... Ты у меня лучше всех пишешь, я уже говорил... Рози! — позвал он вдруг в микрофон.

— Да, полковник?

— Позовите ко мне главного редактора и...

Это был самый подходящий момент. Я поднялся и жестом остановил его.

— Прошу вас, полковник... — сказал я. Он недовольно посмотрел на меня:

— В чем дело?

— Подождите, пожалуйста.

— Ну? Что с тобой? Чего ждать?

— Подождите, пожалуйста, десять минут! — воскликнул я. Он посмотрел на меня, прищурившись:

— Ладно, Мартин, не сердись, Мартин...

— Я не сержусь.

— Ну да, я хочу сказать — не волнуйся. Рози, подождите, не зовите пока никого. Я скажу вам, когда нужно будет. И не беспокойте меня. — Он выключил микрофон и повернулся ко мне: — Ну, так в чем дело, почему ты не хочешь, чтобы они пришли? Все с нетерпением ждут встречи с вами... хотят увидеть вас, черт возьми! С тех пор, как вы вернулись, вы заперлись в своих четырех стенах, словно прокаженные!

— Я же работал, полковник, понимаете?

Он хлопнул рукой по столу:

— Работа, все время работа! Ну ладно... Что ты хочешь сказать мне? Это касается работы?

— Я хотел сказать... — заговорил я, но не знал, с чего начать. Я вдруг растерялся, однако продолжал:

— Есть одно дело, полковник...

— Дело? Какое?

— Речь идет об Онакторнисе.

Полковник сделал решительный жест:

— Не будем больше вспоминать о нем, мой дорогой. С точки зрения журналистики это отработанный материал. Совершенно отработанный. Старый Гро-

стер, — продолжал он, немного подумав, — хотел поиграть с нами, позабавиться... Словом, Мартин, я доволен твоей работой. Можешь поверить мне.

Он продолжал что-то говорить, а я достал пакет и положил его на письменный стол. Он сразу умолк. Нахмурился. В глазах его мелькнула тревога, когда он перевел взгляд со стола на меня.

— Что это? — спросил полковник.

— Посмотрите.

Шеф немного поколебался, потом развернул пакет.

Он кусал губы, глядя на перо и коготь, которые я привез. Коготь был измазан черной, запекшейся кровью. И я опять почувствовал этот невыносимый запах, а Дег побледнел и сжал ручки кресла.

Прошла наверное целая минута. Спленнервиль медленно поднял на меня глаза. И я прочел в них немой вопрос.

Я подтвердил

— Да, полковник.

— Но в таком случае...

— Профессор Гростер не сыграл с вами шутку.

— Да, конечно...

— Онакторнис, — произнес я, невольно содрагаюсь, — существует. Или, — мрачно добавил я, — существовал.

Полковник покраснел, потом побледнел. Хотел что-то сказать, но промолчал. Закрыв глаза, нахмурился. Я понял, что должен помочь ему.

— У нас нет ни одного доказательства, полковник, кроме этого пера и когтя. Нет ни одного снимка. Пуля попала в фотоаппарат Дега. И Онакторнис...

— Что Онакторнис? — спросил он, не открывая глаза.

— В кипящем болоте. Похоронен. Вытащить его оттуда стоило бы огромных денег.

— Но у меня есть деньги, — проговорил он.

— Конечно. Только мы, скорее всего, ничего не найдем там... — Теперь я целиком выполнил свой долг. — Решайте вы, полковник. Мы с Дегом будем немь, как рыбы. Верно, Дег?

Юноша решительно кивнул. Полковник продолжал сидеть, закрыв глаза. Он вел серьезную борьбу с самим собой, я понимал это. Что делать? Сообщить обо

всем — значит вызвать на себя критику и насмешки ученых, публики, других газет... Или пусть все останется в кипящем болоте и в наших воспоминаниях? Что делать? Организовать новую экспедицию или...

Шеф посмотрел на меня своими голубыми, холодными глазами.

— Ладно, ребята, — воскликнул он, и было ясно, что он снова чувствует себя вполне уверенно, хозяином положения, — хороший журналист не должен усложнять дело. Важно, чтобы я знал, что Гростер был настоящим другом. Ну, а я еще подумаю, и мы со временем вернемся к этому разговору... — поспешно солгал он, потом добавил: — Да, Мартин, а что ты теперь собираешься делать?

Опять зазвонили колокольчики тревоги.

— Собираюсь отправиться в Канаду, на рыбную ловлю, — медленно, но твердо заявил я.

Он взглянул на меня.

— Да, да, — сказал он, немного помолчав, — а я думал, что... — Он нахмурился, сделал нетерпеливый жест, но потом улыбнулся и протянул руку: — Хорошо, Мартин, хорошо... Наверное, Дег тоже поедет с тобой... Ладно, постарайтесь выловить для меня хорошего осетра... Кто знает, мы еще вернемся к этому разговору... к этой курице, как она там называется...

— Конечно, вы еще вспомните о ней, полковник. Онакторнис.

— Да, да, верно — Онакторнис. Ладно, вернемся к этому разговору. Возможно. А теперь идите. Вы, должно быть, устали?

Он пожал нам руки и смотрел вслед, пока мы направлялись к двери. Я взялся за ручку, когда он произнес:

— Молодец, молодец, Мартин! Ты прекрасно поработал. Наверное нелегко было в джунглях, а?

Я улыбнулся и, закрывая дверь, ответил:

— Нелегко, полковник? Ну, конечно, досаждали иногда комары.

РОМАН

Тайна древнего
КОЛОДЦА

ПРОЛОГ

Эта история началась в 1795 году. Началась в тот день, когда Дэн Мак-Гиннес (шестнадцать лет, никакого желания учиться, страсть к приключениям) оказался на острове Оук, что на Честерском траверсе города Честер (Новая Шотландия, Канада). Остров был необитаем, и Дэн рассчитывал обнаружить в лесу немало непуганой дичи. Он вытащил из воды свое каноэ, взял ружье, банку с порохом и отправился на охоту.

В тот момент он и не подозревал, что охота эта продлится всю жизнь, мало того, не прекратится и после смерти, ибо многие и многие любители приключений пойдут по его следам.

Дэн пошел берегом, держась между каменистым пляжем и лесом. Он готов был в любую минуту вскинуть ружье и выстрелить, как вдруг увидел эту большую серую птицу, недвижно сидевшую на суку старого дуба. Он прицелился, хотел было спустить курок...

И вдруг замер. Замер, да так и стоял в растерянности некоторое время.

Что же это такое, черт возьми!

Теперь он ясно видел. Это была не птица. Дэн медленно подошел ближе и поднялся на небольшой холм, где росло дерево. Приблизившись к нему, он внимательно рассмотрел эту серую и недвижимую вещь.

Это был деревянный блок, снятый, видимо, с какого-то старого судна и привязанный к суку.

Дэн в изумлении смотрел на этот странный для необитаемого острова предмет.

Кому понадобилось укрепить здесь корабельный блок? И зачем? Он осмотрелся, словно ожидая уви-

доть что-нибудь еще. Но больше ничего необычного вокруг не было. Только царила удивительная тишина. Где-то очень далеко в лесу щебетали птицы. Дэн в задумчивости опустил голову...

От неожиданности у него прямо-таки перехватило дыхание.

На земле под деревом возле самых его ног виднелась ровная круглая впадина. Кто-то вырыл здесь эту яму, а потом засыпал ее. А блок, подумал Дэн, вновь взглянув на него, повесил тут как опознавательный знак.

Он еще некоторое время постоял в нерешительности. В голове его повторяемое тысячами разных голосов звучало одно и то же слово, которое сам он однако все еще не решался произнести. Он задрожал от волнения и пустился бегом к берегу, столкнул на воду каноэ и начал быстро грести, торопясь к дому.

А тысячи голосов кричали ему: «Сокровище! Сокровище!..»

Дэн рассказал об увиденном своим друзьям Тони Вогману и Джеку Смиту. Те в изумлении переглянулись, и Тони прошептал:

— Послушай, Дэн, ведь про сокровища пиратов болтают много, вот только никто еще никогда не находил ни одной монеты...

— Но кто-то же вырыл эту яму на острове Оук!

— Верно, но может, он сделал это только для того, чтобы похоронить свою собаку. Я не верю во все эти истории про сокровища!

Джек Смит поддержал товарища:

— Я тоже не верю. Искать сокровища — только зря время терять, больше ничего.

Тогда Дэн Мак-Гиннес решительно заявил:

— Хорошо. В таком случае — прощайте!

— Прощайте? Ты куда?

— Приготовиться. Завтра вернусь на Оук и буду копать. Справлюсь и один!

И он пошел, гордый и решительный. Но не успел сделать и десяти шагов, как Джек и Тони догнали его:

— Эй, Дэн, подожди! — закричали они. — И мы с тобой!

На другой день ребята высадились на острове. Внимательно рассмотрели блок, потом сняли куртки и принялись за работу. Сердца их горели нетерпением, головы были полны надежд и мечтаний.

Сокровище! А почему бы и нет? Лет пятьдесят назад здесь на побережье было пиратское гнездо. Говорят, что тут-то и обитали знаменитые герои многих легенд — Морган, Барбанера, Капитан Кидд и другие корсары. Вполне возможно, что кто-нибудь из них, прежде чем отправиться в новое морское путешествие, спрятал в каком-нибудь надежном месте свою добычу. Сокровище!

А они втроем сейчас обнаружат его и сказочно разбогатеют!

Ребята копали беспорядочно, как придется, лишь бы поскорее. И когда на глубине примерно трех метров их лопаты наткнулись на что-то твердое, они прекратили работу и молча осмотрели яму. Кто знает, может, они уже достигли цели. Может, это и есть клад? Они опустились на колени и принялись руками осторожно разгребать землю...

Но нет, никакого сундука с сокровищем там не оказалось. Ребята обнаружили только массивный настил из дубовых балок. Друзья трудились в тот день до заката. Копали и два следующих дня, пока не разобрали наконец этот настил. Но и тогда не нашли ничего похожего на сундук. Под дубовым настилом была только земля.

И они принялись копать дальше.

Они работали несколько недель. Обнаружили еще один такой же настил — на шестиметровой глубине. И еще один — на десятиметровой. Колодец становился все глубже. В нем уже опасно было работать. Ребята принялись искать помощника, но никого не нашли.

— Вы с ума сошли! — говорили все в один голос. — Копать на острове Оук! Там же водятся призраки! А

сокровищ никаких нет и в помине. Только понапрасну тратите время, силы и деньги!

Да, действительно, они тратили время, силы и деньги. И месяца через два обнаружили, что все это уже подходит к концу. А тут нагрянула холодная зима. Дэн, Тони и Джек прекратили поиски. Опавшие листья и грязная жижа заполнили яму под деревом на острове Оук.

И все же мечта была слишком прекрасной, чтобы так просто расстаться с нею. При первой же возможности трое друзей снова принялись копать колодец, а через несколько лет Дэн и Джек, ставшие к этому времени уже молодыми людьми, даже переселились на остров, чтобы по-прежнему продолжать поиски сокровища. Дело было уже в 1804 году, когда к ним явился какой-то элегантный господин. Он заглянул в яму и, приподняв цилиндр, поинтересовался:

— Господа Мак-Гиннес и Смит, если не ошибаюсь?

Юноши подняли кверху свои измазанные землею лица.

— Это мы.

— Симеон Линдс, коммерсант, — представился незнакомец. — Если вы будете так любезны подняться сюда, я смогу сказать вам нечто такое, что наверное представит для вас интерес.

Друзья удивились и выбрались из колодца. И Симеон Линдс, в избытке обладавший и долларами, и фантазией, сказал им, что слышал разговоры про сокровище и хочет войти в их компанию. Он готов предоставить деньги, рабочих, необходимые материалы и инструменты. Что хочет получить взамен? Свою долю. Он предлагает поделить сокровище на четыре части, ведь Тони, насколько ему известно, хоть и не живет на острове, приезжает сюда работать. Согласны?

Дэн и Джек посмотрели на свои руки в мозолях и порезах, на свою рваную одежду, измазанные ботинки. Они понимали, что одни, без чьей-либо помощи, никогда не доберутся до дна этого проклятого колодца.

— Хорошо, — согласились они. — Будем компаньонами, господин Линдс.

Приехали рабочие, и раскопки возобновились. Каждый три метра обнаруживался мощный дубовый настил. На глубине двадцать семь метров под толстым слоем кокосовых листьев и древесного угля оказалась гранитная плита с какими-то странными символами. Это было похоже на послание.

— Черт возьми! — воскликнул Линдс. — Не понимаю, что тут написано, ребята, но у меня нет никаких сомнений, что мы копаем не зря!

Казалось, они и в самом деле добрались до сейфа. Огромная металлическая кувалда, сброшенная с высоты тридцати метров, ударилась обо что-то более твердое, чем дубовый настил. Все, горя нетерпением, замерли.

— Давайте спустимся, — прошептал Дэн.

Линдс задумался, потом покачал головой.

— Нет, уже темнеет. Отложим до утра. Завтра, ребята, найдем сокровище!

Завтра — сокровище! Никто не мог уснуть в эту ночь.

И на рассвете все собрались возле колодца, волнуясь, дрожа от нетерпения, полные решимости продолжать работу.

— Ну что ж, надо спуститься туда, — предложил Линдс, заглянул в колодец и осекся.

— Что там? — воскликнул Дэн, бросаясь к колодцу. Линдс не ответил, только кивнул, мол, смотри сам. Дэн заглянул в колодец. Он был полон воды.

— Вода! Но откуда же она, черт возьми, появилась там?

— Не знаю... Какой-нибудь источник... Водоносный слой...

Наступившее молчание прервал кто-то из рабочих:

— В таком случае... Надо начинать все сначала!

— Конечно, — сказал Линдс. — Только теперь все уже проще. Достаточно вычерпать воду! Нам покори-лась земля, не помешали дубовые настилы, неужели остановит вода? За работу, ребята!

Целый месяц пытались они вычерпать воду из колодца. Тщетно. Вода неизменно оставалась на одном и том же уровне. В течение еще двух месяцев рабо-

чие вырыли второй колодец, рядом с первым, рассчитывая на большей глубине обойти источник... И тоже напрасно. Внезапно глинистый грунт на дне второго колодца провалился, и из глубины его вырвался мощный фонтан воды, обрушившись на рабочих, которым просто чудом удалось спастись. Стремительно прибывавшая вода вскоре заполнила доверху и второй колодец.

На этот раз надежды и в самом деле совсем уже не осталось. Линдс, потерявший на раскопках уйму денег, вышел из дела, оставшись едва ли не нищим. Вскоре умер Дэн Мак-Гиннес. В последние минуты перед смертью он что-то бормотал про свое сокровище. Тони и Джек остались на вновь опустевшем острове сторожить два заполненных водой колодца.

В 1849 году образовалось новое Общество, и раскопки возобновились, но теперь уже с помощью бура, который приводила в движение лошадь. Из затопленного колодца извлекли обломки еловых и дубовых досок, куски металла... Стало ясно, что там, на глубине, находится деревянное перекрытие, защищающее сейф с сокровищем.

Особенно взбудоражились все, когда бур вынес на поверхность три звена какой-то золотой цепи. Люди кинулись к колодцу... но увидели в нем только свои жадные лица, отраженные в грязной воде, оберегавшей сокровище.

Решили выкопать третий колодец. Его сделали гораздо глубже — тридцать четыре метра. Многие тонны грязной воды мощным потоком хлынули в него неизвестно откуда и тоже заполнили до самого верха. Среди всеобщего отчаяния Тони Вогман, ставший к этому времени уже стариком, заметил, что вода эта соленая... Значит, она попадает сюда из моря.

— Из моря!.. Во время отлива, — припомнил он, — я видел в бухте Мита, как вода стекала с берега. Значит, до отлива она где-то находилась, что-то заполняла. И видимо, именно оттуда попадает сюда, на дно наших колодцев!

Все бросились к заливу. Он был недалеко — мет-

рах в ста пятидесяти от колодца. Стали копать на берегу, чтобы понять, куда же уходит вода во время прилива. И были потрясены, когда обнаружили то, что было скрыто под песком. Люди не хотели верить собственным глазам. Но им пришлось убедиться, что все это — правда.

Под песком кто-то словно выложил огромный пол: сотни гигантских каменных плит, образовавших платформу длиной в сорок пять метров. И вся она была устлана тоннами, многими тоннами кокосовых листьев и морских водорослей. Короче говоря, это была гигантская губка, которая впитывала воду во время прилива и постепенно пополняла...

Что? Это они узнали позже, когда отыскиали на берегу отверстия пяти подземных каналов, тянувшихся от платформы к колодцу. Эта огромная губка заполняла водой каналы, а те в свою очередь переносили воду в колодец с сокровищем!

Придя в себя от изумления, искатели вновь принялись за работу. Разрушить губку и платформу было невозможно. Тогда возвели плотину, чтобы не подпускать воду к губке, так сказать, отодвинуть море. Вскоре работа была закончена, но однажды бурной ночью волны разметали сооруженную с таким трудом дамбу.

Выходит, море тоже защищало сокровище!

Ладно. Вырыли еще один колодец, опустились на глубину тридцать пять метров и опять двинулись по горизонтали в сторону колодца с сокровищем. Внезапно дно его провалилось, и внизу открылась черная пустота. Деревянные настилы, земля, вода. Все это до сих пор невероятно усложняло работу искателей, делало ее опасной, почти невозможной. А теперь еще и эти пустоты!

В те дни скончались Джек Смит и Тони Вогман. Они умерли с великой тяжестью на душе.

Но остров все равно не был забыт. Создавались новые экспедиции, которые привозили сюда современную буровую технику. Но однажды взорвался па-

ровой насос, и при взрыве погиб рабочий. После этого многие отказались от опасной затеи.

В 1893 году новые попытки добраться до дна колодца предпринял Фредерик Блэр, делец, у которого, как у Симеона Линдса, были в избытке доллары и фантазия. Он начал с того, что взорвал динамитом гигантскую губку и каменную платформу на берегу бухты Смита. Взрывы сотрясали воздух, остров содрогался, но огромная губка была наконец уничтожена. Однако колодец с сокровищем по-прежнему доверху был заполнен водой. Имеется, значит, еще один канал... Может, он тянется с другого конца острова? Принялись усиленно его искать, но так ничего и не нашли.

Тогда Блэр опустил в глубину зонд, и тот вынес на поверхность все, что ему попало на пути. Это были куски цемента, обломки дубовых балок и, наконец, мелкие металлические осколки.

— Там находится сундук! — уверенно заявил Блэр, изучив все это. — Дубовый сундук, залитый цементом. Запускайте второй зонд!

Зонд опустился на сорок шесть метров. Сильное волнение снова охватило всех, когда появились обломки золотых цепей и обрывок старинного пергамента, на котором тушью было начертано слово «там». Выходит, там, внизу, было не только золото, но и какие-то документы! Блэр оповестил весь мир о своем открытии: может быть, там, в недрах того крохотного островка в Атлантическом океане тайлось объяснение каких-то важнейших для судеб человечества событий! Раз их запрятали так глубоко, значит, они имеют особую важность! Документы знаменитых судебных процессов? Тайные послания короля? А может быть, рукописи Шекспира?..

Блэр возобновил работы, согласившись на финансовую поддержку других заинтересованных и заинтеригованных этой тайной людей. Когда же Блэр скончался — в 1951 году — потратив шестьдесят лет на борьбу с колодцем, буры уже давно были остановлены на глубине пятидесяти метров, поскольку не способны были пробить огромную металлическую платформу, находившуюся там.

А ведь использовались электрические буры (в 1936 году подводный кабель доставил на остров электрический ток, позволив включить мощные насосы). Сюда, на остров Оук, были приглашены специалисты по прокладке шахт, технике бурения, лучшие инженеры...

— Неужели, — удивлялись многие из них, — этот колодец, построенный еще до 1795 года по старинке, невозможно осушить современными методами?

Неужели такое возможно? Но с того дня, когда Мак-Гиннес решил поохотиться на острове, и до нашего времени, было истрачено уже более двух миллионов долларов. Результат — нулевой.

— Тот, кто построил этот колодец, подлинный гений. У него была уйма денег и множество рабов. Это, конечно, великий инженер. И ему необходимо было запрятать что-то очень важное. — Таков был вывод, к которому приходили многие, смиряясь с поражением.

Остров опустел. Теперь сюда заглядывали лишь редкие туристы да любопытные, чтобы сфотографироваться возле колодцев, полных жидкой грязи.

В 1959 году на острове Оук высадился канадский рабочий Роберт Ресталл. Он приехал сюда с семьей и построил дом на этой маленькой полоске земли, населенной одной лишь дичью. Наверное, ему не давал покоя дух Мак-Гиннеса да и всех остальных умерших здесь, так и не увидев дна колодца.

Ресталл решительно принялся за работу. Он осушил колодец глубиной в сорок шесть метров и, не спеша, полный надежд, принялся копать по горизонтали в направлении к главному колодцу, к тому, где предполагали найти сокровище. Ему помогало несколько друзей.

— Очень может быть, что нам и удастся достичь цели, — говорил он каждый вечер, отмывая черные от грязи руки и хмурая лоб. — Этот колодец рыли люди, которые могли и не знать чего-то. Может быть, у них не было такой техники, как у нас... Отчего бы не попробовать? — И с надеждой он отвоевывал пядь за пядью...

А теперь прочитайте вот это жуткое сообщение,

которое появилось в итальянской газете «Коррьере» в августе 1964 года. Оно глубоко взволновало общественное мнение всего мира, вновь пробудив интерес к этой загадке века, ответ на которую скрывался в недрах острова Оук.

«КАНАДА. ТРАГЕДИЯ ПОД ЗЕМЛЕЙ

Четверо умирают из-за сокровищ капитана Кидда.

Таинственный газ вырвался из-под земли во время раскопок, которые велись в поисках сокровища легендарного пирата.

ГЕЛИФАКС (Канада), 18 августа

Охота за сокровищами, достойная стать сюжетом лучшего приключенческого романа, трагически завершилась смертью четырех участников раскопок.

Роберт Ресталл, 59 лет, одна из жертв, в 1959 году начал поиски сокровища на маленьком острове Исландский Оук, затерянном вдали от побережья Новой Шотландии, надеясь отыскать клад легендарного пирата Уильяма Кидда.

Вчера, когда вместе с шестью товарищами он рыл яму на глубине десять метров, один из рабочих почувствовал удушье, по-видимому, из-за подземного газа, и упал. Остальные шестеро попытались помочь ему, трое из них, видимо, также по причине отравления газом, так и не смогли выбраться на поверхность.»

Новые жертвы. Провалилась еще одна попытка.

Выходит, когда-то очень давно кто-то бросил вызов. И другие поколения приняли его, однако, несмотря на мощную технику, какую каждый год предоставляет в их распоряжение технический прогресс, так и не смогли победить — достичь дна колодца.

И все же...

Глава 1

ПРОФЕССОР ИСТОРИИ

Полковник Джордж Спленнервиль указал на одно из двух больших кресел, стоявших в его кабинете у огромного окна:

— Да садись же, Мартин, черт возьми! — проворчал он. — Чего стоишь?

Я и в самом деле остановился на пороге. Получив приглашение, я закрыл тяжелую дубовую дверь и прошел по мягкому голубому ковру. Утонув в кресле, повернулся к Спленнервиллю. Он сидел за своим письменным столом и не спеша набивал трубку, явно о чем-то задумавшись. Я заметил, что он набивает в трубку слишком много табака. Это был очень плохой признак — что-то весьма озаботило моего шефа.

Спленнервиль взглянул на меня и произнес:

— Остров Оук.

— О нет! — тут же возразил я, вскочив с кресла. — Хватит! Только не это. Оук уже никого больше не интересует, а меня меньше всех. С тех пор, как скончался этот несчастный Роберт Ресталл, написаны сотни статей и...

Он попытался перебить меня, но я продолжал:

— И вся эта история с таинственным колодцем теперь уже похожа на кожуру трижды выжатого апельсина, так что...

— Мартин, черт побери! — вскричал Спленнервиль, хлопнув по столу кулаком. — Ты дашь мне, наконец, говорить или нет?

— Да, конечно, — неохотно согласился я, — но...

— Никаких «но»! Если я вызываю тебя сюда, значит у меня к тебе серьезный разговор! Кто руководит этой газетой, ты или я?

Он всегда задавал этот вопрос, когда хотел, чтобы я замолчал. Я не стал возражать. Он подождал немного и продолжал:

— Я руковожу, Мартин, хоть ты и не отвечаешь на мой вопрос. А посему садись, постарайся помолчать и выслушать меня.

Я кивнул и снова сел в кресло, вытянув ноги:

— Хорошо, шеф, слушаю вас.

Но прежде чем продолжать, Спленнервиль нажал кнопку и из динамика прозвучал голосок Розы, его секретарши:

— Слушаю вас, господин Спленнервиль.

— Он еще тут, Розы, этот господин?

— Тут.

— Хорошо. Не отпускай его. Ясно?

— Ясно.

— И еще — меня ни для кого нет! — Спленнервиль отпустил кнопку. — Так вот, Мартин, — продолжал он, повернувшись ко мне. — Речь идет об острове Оук. Надо полагать, ты в курсе дела, не так ли?

— Надо полагать, шеф.

Словно не слыша моего ответа, он продолжал громко и настойчиво:

— В 1795 году какой-то мальчик, не помню уж, как его звали...

— Дэн Мак-Гиннес, — вставил я.

— Не помню, как его звали, — раздраженно повторил он, — отправился поохотиться на этот пустынный остров — остров Оук, на траверсе Честера в Новой Шотландии. Пустынный, полный дичи остров. Ну и что же он там обнаружил? Не уток, нет. Он обнаружил там судовой блок, висящий на суку большого дерева, а под ним большую яму. А потом... — тут он прервал речь и вопросительно взглянул на меня.

— Что потом? — спросил он после некоторой паузы.

Я пожал плечами. Он крепко шлепнул ладонью по столу и возмущился:

— Тебе что, и в самом деле надо рассказывать всю эту проклятую историю, которая началась в 1795

году и закончилась несколько недель назад, вернее, вовсе даже не закончилась! Неужели, черт возьми, нужно тратить целый день на этот рассказ?

— Не надо, — возразил я. — Я ведь уже говорил вам, что хорошо знаю, в чем там дело. — И добавил: — История эта известна всем, и теперь уже больше никого не волнует, что там лежит на дне.

— Как это понимать? — поинтересовался он, хмуря мохнатые брови.

— А что может быть на дне этого колодца? Сокровище, спрятанное каким-нибудь пиратом. Сколько оно может стоить? Мак-Гиннес и другие искатели полагали, что миллиона два, по тем временам это огромное состояние, но весьма скромное в наши дни. Кого могут сегодня заинтересовать два или три миллиона или даже четыре? Разве что искателей золота вроде бедняги Роберта Ресталла. Но только не публику.

Спленнервиль вспыхнул:

— Там могут оказаться драгоценности, произведения искусства. Или же какие-нибудь документы...

— Драгоценности и произведения искусства попадут в музей, а бумаги, самое большее, порадуют какого-нибудь архивного работника.

— Короче, Мартин, хватит! — воскликнул Спленнервиль. — Хватит, черт побери! Как ты не понимаешь, — продолжал он, тыча в меня своим толстым указательным пальцем, — как ты не понимаешь, что этот непостижимый колодец не что иное как вызов, брошенный нам, современным людям?

— Отчего же, прекрасно понимаю. Ведь именно это соображение я сам высказал в своей статье, помните?

Он покраснел и промолчал. А я продолжал:

— Так что мне остается только еще раз повторить вам, что с точки зрения журналистики вся эта история с островом Оук — отработанный пар.

Спленнервиль вздохнул, опустил голову и снова занялся своей трубкой.

— В таком случае, — проворчал он, не глядя на меня, — по-твоему, я должен отправить восвояси того человека, что ждет там?

— Какого человека? Того, которого вы велели не отпускать?

— Именно.

— А кто он такой? — осторожно поинтересовался я. — Еще один искатель, который придумал оригинальный способ добраться до дна колодца?

Спленнервиль чиркнул спичкой и начал выпускать изо рта клубы дыма.

— А этого, по-твоему, мало? — полюбопытствовал он, искоса глядя на меня.

Я промолчал. Он продолжал:

— Мало? — И видя, что я не отвечаю, добавил: — Черт побери, Мартин, ты что, оглох? Я же к тебе обращаюсь!

— Я отлично слышу, шеф. Очевидно, еще один инженер, еще один изобретатель с проектом, который тянет на полмиллиона долларов. Такие типы приходят дюжинами. Чего вы хотите от меня? Я только удивляюсь, что...

Он прервал меня повелительным жестом:

— Тебя удивляет, что я велел ему подняться сюда, ко мне, не так ли? — спросил он. Я заметил в его глазах легкую насмешку. — Дело в том, Мартин, что речь идет не об инженере и не об изобретателе.

— Тогда кто же он? Авантюрист? Сколько сотен миллионов долларов ему требуется?

Спленнервиль нахмурился.

— Этого я еще не знаю. — Мне показалось, он был озабочен. — На все попытки добраться до дна колодца истрачено уже около двух миллионов долларов... Пугающая цифра.

— Любой проект будет стоить не менее полумиллиона, шеф.

— Знаю. Но на этот раз, — он выдвинул ящик стола, — на этот раз совсем другое дело. — Он взял из ящика визитную карточку. — Угадай, о ком идет речь. Угадай, кто прислал мне письмо, сообщая, что знает верный способ добраться до дна колодца.

Я отрицательно покачал головой. Спленнервиль усмехнулся и придвинул микрофон:

— Розы, пригласите сюда нашего гостя.

Потом он встал из-за стола и протянул мне ви-

зитную карточку. Я взглянул на нее, и меня тотчас охватило волнение, более того — тревога.

— Что? — воскликнул я, потрясенный. — Но это же...

Спленнервиль, не обращая больше никакого внимания на меня, направился к двери. Я снова прочел фамилию и хотел было опять обратиться к шефу, но тут дверь открылась и на пороге появился Аллен Брэггс, профессор истории Гарвардского университета.

Я встречал его фотографии в газетах, видел их на обложках его книг по истории. Он нередко выступал и по телевидению. Но сейчас его тонкое, нервное лицо, украшенное высоким лбом, показалось мне изможденным, хотя и величественным. Дверь за спиной профессора закрылась, и он остановился, осматриваясь вокруг. За стеклами массивной черепаховой оправы сверкал пыливый взгляд.

Спленнервиль протянул ему свою огромную ручищу.

— Черт возьми, профессор Брэггс, — воскликнул он, — весьма и весьма польщен вашим визитом к нам, в «Дейли Монитор»! Садитесь, прошу вас! Извините, что пришлось подождать. А это, — добавил он, указывая на меня, — это Купер, Мартин Купер.

Брэггс бросил на меня пронзительный взгляд и улыбнулся:

— Очень рад познакомиться, господин Купер! — Он с готовностью пожал мне руку.

— Это я очень рад, профессор, — проговорил я, несколько растерявшись. — Я ваш большой поклонник. Читал все ваши статьи. Последняя — о наполеоновских войнах — меня просто восхитила.

— А я, — тут же ответил Брэггс, — в восторге от ваших статей об Амазонке. Вот почему и попросил господина Спленнервиля познакомить меня с вами.

Я не знал об этом. И сам факт, что знаменитый американский историк пожелал познакомиться со мной, несколько смутил меня. Но Спленнервиль уже подвел профессора к креслу:

— Ладно, ладно, — воскликнул он, — располагайтесь, профессор Брэггс, устраивайтесь поудобнее. — Он

подождал, пока мы уселись, и добавил — Итак, мы наконец-то встретились!

Брэггс сидел в кресле прямо, сохраняя на лице некоторую суровость. Он был весь внимание, хотя ничего не ответил моему шефу. А тот продолжал:

— Раз уж мы потеряли много времени, давайте теперь наверстаем упущенное. Я получил ваше письмо, профессор. Интересно все, что вы пишете насчет острова Оук... Купер тут полчаса пытался убедить меня, что предприятие это уже никого больше не интересует и, честно говоря, мне трудно было спорить с ним. Но если этим проклятым колодцем интересуется такой человек, как вы, профессор, тогда совсем другое дело. Не так ли, Мартин?

— Конечно, — согласился я. Тревога моя улеглась, но все же я был настороже. Брэггс улыбнулся и промолчал.

— Если не возражаете, профессор, — добавил Спленнервиль, — давайте начнем с конца, а потом уже вернемся к началу. Итак... Во что обойдется проект? Я хочу сказать: сколько будет стоить экспедиция, если не считать расходов на дорогу и экипировку?

Профессор Брэггс не торопясь снял очки и ответил лаконично:

— Нисколько.

Глава 2

ПОСЛАНИЕ РИЧАРДА ФОКСА

Спленнервиль занес авторучку над листом бумаги, собираясь записать сумму, названную профессором, но, услышав его ответ, поднял голову и посмотрел сначала на него, потом на меня, и опять перевел взгляд на ученого.

— Нисколько? — изумился он.

Возникла долгая пауза. Я снова ощутил какую-то смутную тревогу.

— Профессор, — обратился я к Брэгтсу, — колодец на острове Оук заполнен грязью. Разве не следует очистить его перед тем, как спускаться?

Или вы полагаете, что нужно вырыть другой колодец?

Он спокойно посмотрел на меня и отчетливо произнес:

— Нет, я не считаю, что это необходимо, господин Купер.

Спленнервиль пришел в себя от изумления и энергично включился в разговор:

— Минутку, профессор, минутку! — воскликнул он. — Может быть, мы не так поняли друг друга. Вы собираетесь спуститься на дно колодца без всякого оборудования и без каких бы то ни было усилий. Это вы хотите сказать?

— Без всякого оборудования и без каких бы то ни было усилий, — невозмутимо повторил Брэгтс, надевая очки. — Если мои расчеты верны и если, — добавил он, слегка улыбнувшись, — мне будет сопутствовать удача, я спущусь на дно колодца без всего этого.

— Каким же образом, профессор? Каким путем? — поинтересовался я. Он снова снял очки и объяснил:

— Тем самым, что однажды уже был пройден, господин Купер.

Спленнервиль выругался, а я не удержался от следующего вопроса:

— Пройден? Кем?

— Единственным человеком, побывавшем на дне колодца.

До нас не сразу дошел его ответ. Мы переглянулись, и Спленнервиль осторожно переспросил:

— На дне колодца? Вы сказали, профессор, что кто-то уже был на дне колодца?

Брэгтс кивнул:

— Я так полагаю... Более того — уверен в этом. Я имею в виду, конечно, не того, кто велел вырыть этот колодец, а другого человека, который ничего не рыл, но добрался до... — Он умолк на полужеле, а затем с улыбкой добавил: — Думаю, будет лучше, если мы вернемся к самому началу.

Спленнервиль согласился, что так будет лучше, и профессор, открывая потертый кожаный портфель, лежавший у него на коленях, продолжал:

— Должен признаться, я никогда не интересовался островом Оук. Более того, я даже не имел представления о его существовании. Я понимаю, что это весьма предосудительно для ученого, — добавил он как бы извиняясь, но мои научные интересы чаще приводили меня в Европу, чем в Америку. И лишь совершенно случайно... — тут он извлек из портфеля аккуратно сложенный вдвое лист бумаги, — я узнал об этом острове. Это произошло в Национальном архиве города Симансак в Испании.

— В Испании? — удивился Спленнервиль, наморщив лоб.

Брэгтс кивнул:

— В Симансаке хранятся все документы, касающиеся истории испанского королевства. А вы знаете, что в течение трех столетий испанцы жестоко охотились за пиратами в Атлантическом океане... Бумаги, которые я обнаружил, как раз упоминают об одном английском пирате, захваченном в 1702 году и повешенном на следующий год в Кадиксе. Это некий Ричард Фокс, корсар средней руки, насколько я по-

нял. Так вот, — продолжал Брэгтс, разворачивая лист, — бумаги Фокса оказались Бог весть каким образом в одном пакете с наполеоновскими документами... Я достал их и уже хотел было засунуть обратно в конверт, как вдруг меня удивили вот эти слова... «Описание блока.» Эти два слова были помещены вроде заголовка над длинной страницей текста... Смотрите, — он протянул мне лист. — Это ксерокопия... Видите? «Описание блока.» Я ничего не понимаю в морском деле, — продолжал профессор, пока мы со Спленнервилем молча рассматривали бумагу, испещренную грубыми и неровными строчками, — но я знаю, что блок — это всего-навсего простой ролик и ничего больше. Мне показалось странным, что понадобилось столько слов для его описания. А вам, — спросил он, — разве не показалось бы это странным?

— Пожалуй, — ответил Спленнервиль, — теперь, когда вы обратили на все это внимание, это действительно кажется странным. А вообще-то мне бы и в голову не пришло... А тебе, Мартин?

— И мне тоже, — согласился я.

Брэгтс улыбнулся и снял очки:

— Историк у свойственно любопытство уже по его профессии, — сказал он. — В тот момент у меня было очень много неотложной работы, но я все же решил познакомиться с бумагой. Что же такого интересного было в этом самом блоке? Так я выяснил, что Ричард Фокс имел в виду не просто блок вообще, а совершенно конкретный блок, — тут Брэгтс прочитал — «блок, повешенный мною, Ричардом Фоксом, на суку высокого дерева на острове Оук 7 ноября 1701 года, и да поможет нам Бог, и примет бедный Оливер, и да будет так».

— Тот самый блок, который нашел Мак-Гиннес! — воскликнул Спленнервиль.

— Совершенно верно. Я прочитал всю записку Ричарда Фокса и, по правде говоря, ничего не понял, но мне показалось, что написана она очень возбужденным человеком... Короче говоря... — продолжал Брэгтс, надевая очки, — я вложил этот лист обратно в конверт и продолжал работу. И не вспоминал о нем до тех пор, пока два месяца спустя не прочитал

в «Дейли Монитор» вашу статью о гибели Роберта Ресталла и о колодце на острове Оук. Кстати, примите мои комплименты, господин Купер, ваша статья превосходна.

— Можно просто — Мартин, профессор, — сказал я, — и большое спасибо..

Спленнервиль прервал нас:

— Итак, профессор, прочитав статью Мартина, вы вспомнили послание Ричарда Фокса и описание блока. А потом?

— А потом я вернулся в архив и перечитал это послание... — Он помолчал, взглянул на нас, и я заметил в его глазах некоторую тревогу, почти что страх.

— Не прочтете ли вы его и нам? — попросил я.

Брэггс снял очки и после некоторого колебания ответил:

— Конечно, конечно. Слушайте. «Описание блока, — начал он, — повешенного мною, Ричардом Фоксом, на высоком дереве на острове Оук 7 ноября 1701 года, и поможет нам Бог, и примет бедный ОЛИВЕР, и да будет так. Остров имеет координаты 44 градуса северной широты и 65 градусов западной долготы. Сильный южный ветер. Ануби, Джордж ранен и умирает от удара саблей в шею, Мерсье с воспалением легких. Ричард Фокс, ОЛИВЕР Лемб, капитаны. Сильный восточный ветер. Имеем то, что имеем. Дерево высокое, с наклоном на север, высотой в 25 пядей, примерно. Блок деревянный из тонкого дуба, приобретенный в Бресте в 1699 году. Во время сражения 10 числа прошедшего месяца в него попала пуля, и я снял его, и это было на рейде Пенсильвании, чтобы поместить сюда. В блок вбиты железный гвоздь, три медных и один латунный. Веревка, проходя по желобу, закрывает сначала медные гвозди, потом латунный. Масштаб один к ста. Пуля, попавшая в блок, расщепила дерево, и там, где имеется эта расщелина, как бы находится дерево, и пусть будет так. ОЛИВЕР.»

Брэггс прервал чтение и заметил:

— Видите, имя ОЛИВЕР написано заглавными буквами... Оно повторено трижды, и у меня возникло

ощущение, когда я читал записку, будто это какой-то призыв, крик о помощи. Конечно, это не подпись: это написано Фоксом точно так же, как и остальной текст. — И профессор продолжал чтение: — «Мы спустились гораздо ниже любой пропорции блока. Был день Господен 7 ноября 1701 года, и мы спустились. Мы искали воду для Джорджа. Было 7 ноября и оставалось 18 минут до полного захода солнца, и да поможет Господь нам, грешникам. Из-за ожога не могу больше писать четко. Однако никто мне не верит, и все считают, что это черный порошок. Камень не походил на черный порошок и не горел огнем, иначе я не взял бы его! Мы спустились на пропорцию, которую я могу указать. Да помогут мне Бог и ангелы, и да будет так. Дверь оказалась очень старой. ОЛИВЕР хотел открыть ее и открыл. В блоке есть медный гвоздь, и идя по четырем точкам с половиной, глядя на солнце, думаю, найдем выход. Но не всегда. ОЛИВЕР, ОЛИВЕР. Когда я обжегся, то отбросил камень и позвал на помощь. Наверное, это был какой-нибудь злой дух (да поможет мне и сбережет меня Господь Бог, и да будет так), который коснулся меня. ОЛИВЕР открыл дверь, я позвал и поднялся. Дверь! В дни Господни 8, 9, 10 и 11 ноября я искал выход за 18 минут до полного захода солнца и раньше, но не нашел. Место было однако это. ОЛИВЕР. Да поможет и спасет меня Бог и даст мне место на небе возле своих ангелов и святых, пусть поместит меня в их сонме за мой ожог, из-за которого я страдаю, и сжалившись надо мной, и да будет так. Ричард. Ричард Фокс. Ричард. Пишу скверно. Ветер больше не восточный. Вода на борту. Похоронен. Оставил ОЛИВЕРУ необходимое: порошок, рыбу, ром, пули и его вещи по нашему обычаю. Ануби, Мерсье, Ричард Фокс, капитан.»

Брэггс закончил читать, но не поднял глаз. В глубочайшей тишине, наступившей вслед за чтением, слышен был только размеренный стук маятника больших напольных часов, стоявших возле письменного стола.

— Мартин, — произнес наконец Спленнервиль и,

не глядя на меня, указал на письменный стол. Я понял его жест и принес бутылку виски с рюмками.

— Выпьете что-нибудь, профессор? — предложил он, но Брэггс покачал головой.

— Не раньше захода солнца.

— Черт возьми! — воскликнул Спеннервиль. — Я тоже пью только после захода. Прекрасное правило. Но сегодня я сделаю исключение!

Мы молча выпили. Оживились. Спеннервиль сказал, показывая на бумагу:

— Так, профессор, мне легче думать. Должен признаться вам, я мало что понял из всего этого. Сообразил только, что Фокс обозначил на блоке нечто вроде плана острова... Верно?

— Верно, — подтвердил Брэггс. — Мак-Гиннес рассказывал, что нашел блок на дереве, а под ним обнаружил яму. А куда делся сам блок, неизвестно. Во всей этой истории острова Оук и его колодца нигде нет больше никаких следов этого блока, не так ли, Мартин?

— Да, пожалуй, именно так, — согласился я.

— Может быть, Мак-Гиннес и его друзья, — сказал Брэггс, — сожгли блок, чтобы подогреть ром или зажарить утку... Не подозревая, — тихо добавил он, как бы обращаясь к самому себе, — что сожгли ключ, который открыл бы им колодец. А теперь, — вздохнул он, — этот ключ утерян. И навсегда.

Глава 3

ДЕВЯТЬ ДНЕЙ ЗА ДВА С ПОЛОВИНОЙ СТОЛЕТИЯ

— Навсегда, — пробормотал Спленнервиль, — утерян навсегда... Этот ваш корсар однако сообщает какие-то сведения: масштаб один к ста и еще что-то в этом роде...

Брэггс покачал головой:

— Без самого блока такие указания ничего не стоят. Только одна-единственная подсказка в его письме полезна: чтобы обнаружить вход, нужно двигаться на запад, «глядя на солнце».

— Прекрасно. Блок утерян, и навсегда, спору нет. Теперь очередь за вами, профессор, не так ли?

Профессор промолчал, а Спленнервиль продолжал, разглядывая послание:

— Давайте все же придем к какому-то выводу. Пока не доберусь до сути, мне всегда как-то не по себе. Уж очень загадочна эта дьявольская история... Повторяю, я понял очень мало, скорее даже совсем ничего. А ты, Мартин? — обратился он ко мне.

— Тоже немного, — ответил я, глотнув виски, — но кое-что, думаю, понял.

— Тогда расскажите, Мартин, что вы поняли, — попросил Брэггс, надевая и тут же снимая очки. — Мне хотелось бы сравнить ваши заключения с моими.

— Ну, — начал я, стараясь взвешивать каждое слово, — Ричард Фокс и его приятели попали, возможно, вполне случайно, на остров Оук 4 или 5 ноября. Они измучены, измотаны, двое корсаров при смерти, у Мерсье больны легкие. Джордж умирает от сабельного удара, полученного в схватке 10 октября. Пираты сходят на берег, чтобы пополнить запасы питьевой воды. Этим заняты Ричард Фокс и Оливер

Лемб, два капитана. 7 ноября, примерно на закате, когда они, должно быть, искали какой-нибудь источник, вдруг обнаружили... не знаю точно, что именно, но видимо, какую-то пещеру, яму... Короче, какой-то вход. Они проникают внутрь, спускаются очень глубоко, пока не наталкиваются на запертую дверь. Лемб вскрывает ее. Ричард Фокс собирается последовать за ним, но неожиданно что-то мешает ему это сделать... — Тут я прервал свою речь. Какое-то беспокойство охватило меня. В голове зазвонили колокольчики тревоги.

Брэгтс слабо улыбнулся, совсем еле заметно:

— Ну, а потом? — спросил он.

— Потом, — неуверенно продолжил я, — потом Фокс, видимо, испугавшись какого-то ожога, с криком возвращается на поверхность. Лемб остается. Он не возвращается наверх ни вечером, ни на другой день. Выждав еще немного, Фокс пытается снова спуститься вниз, но не находит того места, куда они входили вместе с Лембом, не знаю уж почему... Проходит несколько дней, Джордж умирает, его хоронят. Потом все уезжают, оставив продукты и оружие на случай, если Лемб появится. Прежде чем покинуть остров, Фокс снимает блок и, вбив в него гвозди, намечает ими нечто вроде плана. За исходную точку он выбирает высокий дуб, стоящий на пригорке в северной части острова, куда они причалили, бросив якорь. Он укрепляет блок на крепком суку. Привязав его, замечает под деревом яму и сразу же связывает ее с тем входом, который обнаружили они с Лембом.

— Кто знает, — прервал меня Брэгтс. — Может, этот несчастный пират хотел рыть в том месте, искать, узнать... Но ему надо было двигаться дальше, и он уехал, унося с собой ужасные воспоминания. Уехал со своей отчаявшейся компанией навстречу смерти... — Профессор поднял глаза сначала на меня, потом на Сплэннервиля. — Его поймали под Рождество в южной части Атлантики и повесили пару месяцев спустя, — добавил он каким-то странным суровым голосом.

Последовало долгое молчание. Брэгтс встал и прошелся вдоль огромного окна. Потом заключил:

— Итак, вероятно, на острове Оук все и в самом деле происходило примерно так, как рассказывали вы, Мартин. Случайно обнаружили какой-то вход, вошли в него и спустились куда-то вниз, открыли дверь... Все это, однако, — добавил он, поворачиваясь к нам, — кажется вполне естественным. Мы с вами тоже ничуть не удивились бы, обнаружив на пустынном острове какой-то подземный ход, дверь... А вот то, что его испугало, — камень... —

— Это верно, — согласился я, — камень, который обжог ему руку...

— Вот это и странно, — вставил Спеннервиль, подливая себе виски.

Брэггс хладнокровно согласился.

— Очень странно. Тем более, что камень обжог его не мгновенно. Ричард Фокс поднял его и некоторое время держал в руке, прежде чем почувствовал боль.

— Я другого не понимаю, — сказал Спеннервиль, — какого дьявола пирату понадобилось брать этот камень? Что он с ним намерен был делать, зачем он ему понадобился?

— Может быть, — предположил Брэггс, — камень выглядел не совсем обычно, чем и привлек к себе внимание, а может, Фокс поднял его, чтобы раздавить, скажем, паука, а может, вообще без всякой причины... Многое делается иной раз без всякого смысла.

— Как бы то ни было, он при этом страшно перетрусил, насколько я понял, если подумал даже о каком-то злом духе!

— А о чем еще он мог подумать, по-вашему, господин Спеннервиль? — заинтересовался Брэггс.

Спеннервиль вспыхнул.

— По-моему? Вот еще! Откуда мне знать! И не смотрите на меня так, профессор! Черт побери, откуда же мне это знать!

— Тут есть только одно объяснение, господин Спеннервиль, — сказал Брэггс, направляясь к нему и держа руки за спиной. — Я не вижу никаких других. **ЭТОТ КАМЕНЬ БЫЛ РАДИОАКТИВНЫМ.**

Спеннервиль отпивал в этот момент из своего

стакана виски и от неожиданности едва не поперхнулся:

— Что? — вскричал он, вскакивая с места. — Радиоактивный камень?

— Я в этом не сомневаюсь, — спокойно ответил Брэггс. Он повернулся и внимательно посмотрел на нас. — Ожог, полученный Ричардом Фоксом, был вызван радиоактивным облучением.

— Ладно, профессор, — снисходительно, примиряющим тоном сказал Спленнервиль, — радиоактивный камень в 1701 году!.. Не станете же вы уверять, будто в той дыре валялись куски урана!

— Урана? Я не говорил, что это был уран. Но я сказал вам, что Ричард Фокс получил радиоактивное облучение. Уверенность, господин Спленнервиль, у любого ученого всегда зиждется на доказательстве.

Тут поднялся с кресла и я. Мне тоже показалось, что профессор несколько перегнул палку.

— Вы сказали — доказательство? — переспросил я.

Брэггс внимательно посмотрел на меня, хотел было ответить, но передумал. Он быстро прошел к своему креслу, где лежал его портфель, открыл его, извлек несколько страниц и протянул их мне со словами:

— Вот тут есть свидетельство профессора Де Ла Крус, сотрудника кафедры ядерной физики Мадридского университета. Профессор Де Ла Крус приехал со мной в Симансак, исследовал с помощью своих приборов лист бумаги, написанный Ричардом Фоксом, и выявил слабую радиоактивность: облученная рука корсара передала бумаге лучи, поразившие его. Возможно, считает профессор Де Ла Крус, лучи омикрон.

— Омикрон? — в один голос воскликнули мы со Спленнервилем.

— Омикрон, — спокойно подтвердил профессор Брэггс. — Это все равно, что он потрогал камень, облученный взрывом водородной супербомбы.

Спленнервиль довольно быстро пришел в себя. Он направился к письменному столу, взял трубку и принялся энергично вытряхивать из нее пепел. Затем, набивая табак, спросил:

— Надеюсь, вы не шутите, профессор? И профессор Де Ла Крус действительно существует, не так ли?

— Существует. Более того, сейчас профессор находится как раз здесь, в Нью-Йорке, на конгрессе.

— Неплохо, неплохо, — продолжал Спленнервиль, — выходит, два несчастных пирата пострадали от атомной энергии еще за двести пятьдесят лет до Хиросимы... Все это чертовски интересно, не так ли, Мартин?

— Конечно, — подтвердил я.

— Но я еще не знаю, профессор, — продолжал Спленнервиль, — каков же ваш план. Поэтому вернемся, если вы не возражаете, к началу. Вы говорили, что собираетесь добраться до дна колодца. Как вы думаете найти этот проход? Блок исчез, так что указания вашего документа ничего не дают. Так как же? Если проход, найденный двумя пиратами, не что иное как один из каналов, — а это мне кажется вполне вероятным, то как вы его найдете? Вы не считаете, — продолжал Спленнервиль, набивая трубку табаком, — что нужно копать, бурить и производить другие подобные работы? На поиски этих каналов за сто семьдесят лет было истрачено около двух миллионов долларов. Как же вы собираетесь найти их, не затратив на это ни цента?

Брэггс улыбнулся:

— С помощью профессора Де Ла Крус и прибора его изобретения — это великолепно усовершенствованный счетчик Гейгера. Если радиация, которая обожгла руку Ричарда Фокса, оставила след на листе бумаги, она, несомненно, намного сильнее там, где находится камень, не так ли? И вы правы, скорее всего это будет один из каналов, по которому колодец заполняется водой.

— Ну, что вы, профессор! — воскликнул Спленнервиль. — Люди, искавшие этот канал, обследовали остров Оук метр за метром, пядь за пядью. Вот Мартин был там, все видел, и говорит, что остров так вспахали, что больно смотреть. Если этот вход действительно находится так близко, что его можно обнаружить без всяких инструментов, то за сто семьдесят лет его давно бы открыли.

Я взглянул на Брэггса. Вопрос Спленнервиля был категоричным. Не найди наш уважаемый профессор истории точного и убедительного ответа, он предстал бы перед нами пустым фантазером...

Ответ Брэггса был, разумеется, и точным, и убедительным. Слегка улыбнувшись, он сказал:

— Сто семьдесят лет, господин Спленнервиль? Да, конечно, речь идет о довольно длительном периоде, и я уверен, что, располагая таким количеством времени, рано или поздно кто-то мог бы найти этот вход в туннель или канал, который обнаружили Фокс и Лемб... Но на самом деле, — продолжал он, немного помолчав, — на самом деле времени у всех этих искателей было гораздо меньше. С того далекого 7 ноября 1751 года по сие время, господин Спленнервиль, вход в канал был виден всего лишь девять дней. И девяти дней за два с половиной столетия, — спокойно заключил он, — конечно же слишком мало, чтобы повезло, вернее, не повезло кому-то еще.

Глава 4

ПРОФЕССОР ДЕ ЛА КРУС

— Слишком мало, это верно, — согласился Спеннервиль, кладя трубку. — Но я думаю, профессор, вы наверняка можете объяснить, почему?

— У меня предельно убедительное объяснение.

— Прилив и отлив? — поинтересовался я.

Брэггс посмотрел на меня, сняв очки.

— Совершенно верно, — согласился он. — Я тоже сначала исходил из этого предположения. Вода уходит в положенное ей время и открывает берег, какой-то вход.. Но не слишком ли это просто, как вы считаете, Мартин?

— Пожалуй.

— Приливы и отливы сами по себе ничего не объясняют. Море наступает на берег и отступает от него с каждой лунной фазой, движение воды обусловлено положением Солнца и Земли.. Эти моменты повторяются с определенной регулярностью и частотой.

— Это верно, — согласился Спеннервиль, — два раза в день.

Брэггс подтвердил:

— Правильно. В таком случае вход был бы даже чересчур видим, и за сто семьдесят лет кто-нибудь непременно его заметил бы. 7 ноября 1701 года лунная фаза была три четверти, и Солнце находилось под прямым углом к Земле, а Луна... Это идеальное положение, — продолжал он после некоторой паузы, — для взаимной нейтрализации, то есть отлив очень сильный. Но и это происходит тоже довольно часто — два раза в месяц. Проблема, — продолжал Брэггс, направляясь к своему креслу и

сядась на его ручку, — была, следовательно, в другом... Надо было понять, чем отличался обычный отлив от отлива, который был 7 ноября 1701 года. Я начал просматривать старинные лунные календари и всякие другие давно запылившиеся численники, чтобы сопоставить фазы Луны, Солнца... а также планет. Потом стал изучать этот район Атлантического океана...

— Извините, профессор, — прервал его Спленнервиль, морща лоб, — мне кажется, вы говорили, что никогда не были на острове Оук.

— Не был, — ответил Брэггс. — Я исследовал океан, сидя в своем университетском кабинете. В нем было так много океанографических карт, что некоторые коллеги даже подшучивали надо мной... Могу утверждать, — добавил он, мягко улыбаясь, — что знаю дно Атлантического океана лучше многих моряков. Я консультировался также у специалистов по океанологии, которым известно все о приливах и отливах. Однако 7 ноября 1701 года по-прежнему оставался в этом отношении самым рядовым днем, ничем не отличающимся от сотен других. Мои поиски не дали никаких результатов. Как это нередко бывает, — продолжал профессор, — ответ на мой вопрос мне принесли случайности.

— И первая, — заметил я, воспользовавшись некоторой паузой, — это страница, которую вы обнаружили в архиве в Симансаке. А как выглядела вторая, профессор?

Брэггс улыбнулся:

— Вторая случайность предстала передо мной в обличьи трески.

— В виде чего? — удивился Спленнервиль. — Трески?

— Да, это была несчастная треска, чучело которой я увидел в Морском музее в Оксфорде, куда пришел проконсультироваться. Я поинтересовался у директора музея, чем таким особенным отличается этот экземпляр обыкновенной трески, что заслужил отдельную витрину. «Ничем, — ответил директор, — просто ее выловили у побережья Техаса. Поэтому и находится в музее. Обычно треска никогда не опуска-

ется южнее определенной широты. Встретить ее в этих водах — случай редчайший...» Этот факт, — продолжал Брэггс, — меня, разумеется, несколько не заинтересовал, но я все же заметил: «Какой же огромный путь она проделала!» и хотел было сменить тему разговора, как вдруг директор сказал: «Она проделала его не самостоятельно. Ей помог отлив Хальмера».

— Отлив Хальмера? — проворчал Спленнервиль. — Это еще что за чертовщина?

Профессор ответил не сразу. Он поднялся с кресла, неторопливо пересек комнату по мягкому ковру и остановился у большой географической карты мира, висевшей на стене. Он провел своим тонким указательным пальцем черту возле самого Северного полюса и объяснил:

— Этот отлив начинается примерно вот здесь. У него очень длительные и поразительно регулярные интервалы. Никому еще не удавалось объяснить, какая сила приводит его в движение. Так же, впрочем, как и другие приливы и отливы. Этот отлив распространяется вот на такую зону океана, — и профессор очертил пальцем большую окружность с севера на юг, — и гаснет, как только попадает в теплые воды. Это явление не влечет каких-либо особых последствий и отмечается весьма редко, потому и изучено очень мало, я бы даже сказал, вообще осталось без внимания. Вот почему, — заключил он, — я так медлил с ответом.

Брэггс умолк, а мы, подойдя к карте, стояли недвижно, слушая, как громко тикает маятник величественных напольных часов, стоявших в углу. Потом Спленнервиль осторожно спросил:

— Отлив Хальмера, профессор, отмечался 7 ноября 1701 года, не так ли?

Брэггс молча кивнул, и Спленнервиль продолжал:

— Выходит, из-за того, что Солнце, Земля и Луна находились в каком-то особом положении относительно друг друга, отлив этот и был таким сильным, что обнаружился вход... — Спленнервиль умолк. Он стоял, огромный, недвижимый, посреди кабинета, опустив руки в карманы. Наморщив лоб, он подошел к

столу, разжег свою трубку и принялся энергично пыhtеть ею. Брэггс достал из кармана платок и протер лоб. Он вдруг показался мне слабым и усталым.

— Профессор, — сказал я, — отлив Хальмера отмечается...

— Каждые двадцать девять лет, Мартин, четыре месяца и двадцать четыре дня. Он зафиксирован в 1758 и 1788 годах, за несколько лет до того, как Мак-Гиннес нашел блок Ричарда Фокса, а потом в 1817 году и в 1845-м. В нашем веке вход в галерею или туннель, как хотите, был открыт в 1905 и в 1937 годах и вновь откроется... — Он помолчал, и мы со Спленнервилем замерли в ожидании его слов. Профессор посмотрел на нас, помолчал еще какое-то время и наконец произнес: — Через семнадцать дней. Немногим более чем через две недели вход откроется, чтобы закрыться до 1995 года.

— Черт побери! — вскричал Спленнервиль, опуская трубку и вытряхивая на стол пепел и горящий табак. — Семнадцать дней! Но это же чертовски мало, профессор! Какого дьявола вы не приехали сюда раньше?

— Я приехал, — сухо ответил Брэггс, — как только закончил свои расчеты. Позавчера я еще ни в чем не был уверен. Судьба, — добавил он вдруг тихо и устало, — неожиданно поставила меня перед странным выбором и предлагает сделать его немедленно — да или нет. Но я, — продолжал он, глядя куда-то вдаль и мягко улыбаясь, — не считаю все это шуткой. Нет, это вполне честный и прямой вопрос — да или нет?

Наступила тишина. И я почувствовал, как во мне разгорается невероятное любопытство и неодолимое желание узнать тайну колодца. Я понял вдруг истинный смысл мною же самим написанных слов: загадка острова Оук — это вызов, брошенный людям. Да, да! Человек, который придумал этот колодец и построил его, призвал на его защиту не только землю, дерево, цемент, газ, который удушил Роберта Ресталла, радиоактивный камень, обжегший испуганного Ричарда Фокса, но и сами таинственные и

неодолимые силы природы: Солнце, Луну, этот почти неизведанный и невероятный отлив, возникавший на севере Атлантического океана и неудержимо увлекавший его воды на юг. Это был вызов, шедший из глубины веков. А ведь еще совсем недавно я пытался убедить Спленнервиля, что больше нет никакого смысла заниматься этим Оуком. Теперь же я ни за что на свете не отказался бы от попытки опуститься на дно колодца и потому ответил профессору так, как требовали мое сознание и совесть:

— Да! Конечно же, да!

— Я не хочу, разумеется, ставить вам ультиматум, — произнес Брэгтс, старательно собирая свои бумаги, — но мне нужен ваш ответ не позднее чем через три часа. Итак, интересует вас мой план или нет? Если да, буду счастлив. В противном случае...

— Противного случая не будет, профессор, — прервал его Спленнервиль, решительным жестом ставя точку. — Эта история меня интересует, и Мартин готов отправиться с вами. Не так ли, Мартин?

— Конечно.

Брэгтс взглянул на Спленнервиля, потом на меня. Он улыбнулся несколько грустно и произнес:

— Как я уже сказал, я счастлив.

В тот же вечер около восьми часов я приехал к Спленнервилю домой. Мы ждали Брэгтса и профессора Де Ла Круса, чтобы поужинать вместе и принять окончательное решение. Дег, фотограф, присев на краешек кресла, грыз соленый миндаль, беря его из вазочки на столе. Застенчивый по натуре, он явно стеснялся и потому, оказываясь в гостях у Спленнервиля, был обычно весьма молчалив. Я предложил ему:

— Ешь, Дег, пока есть возможность!

Он положил в рот еще одну миндалинку и смущенно, не поднимая на меня глаз, переспросил:

— Пока есть возможность?

Тут подошел Спленнервиль и рывкнул:

— В чем дело, черт побери? Тебе не нравится мой миндаль?

Молодой человек покраснел, и его огромные отто-

пырненные уши, казалось, засветились, словно неоновая реклама:

— Да нет, — ответил он, — очень нравится. Но Мартин сказал...

— Я слышал, что он сказал, черт побери! Ешь, пока есть возможность! Ешь, Дег, потому что на дне колодца тебе не приготовлено никаких лакомств! Ты ведь именно это имел в виду, Мартин?

Я возразил:

— Нет, я хотел сказать, что скоро придут Брэггс и этот испанец Де Ла Крус. Если Дег так стесняется нас, что же с ним будет, когда придут оба профессора!

— Да, да! — согласился Спленнервиль и добавил: — Де Ла Крус! Что за имя! Интересно, каким ты его себе представляешь, Мартин?

— Ну, ядерные физики все немножко похожи друг на друга. Высокий, лысый, с массивным выдающимся вперед лбом, как у марсианина, и... — Я умолк, потому что в этот момент вошел слуга-негр и доложил:

— Профессор Брэггс и профессор Де Ла Крус, господин Спленнервиль.

— Вот и хорошо. Проси. — И Спленнервиль направился к дверям. У Дега, которому с его места видна была соседняя комната, вдруг округлились глаза, он покраснел и быстро встал.

— Нет, это не марсианин, Мартин, — шепнул он мне.

Я тоже поднялся с кресла, и когда Брэггс и Де Ла Крус вошли в гостиную, обомлел от изумления.

— Эта история с колодцем, — пробормотал я, — похоже, полна неожиданностей...

Профессор Де Ла Крус шел навстречу Спленнервилю и улыбался.

Это была красивая девушка с медно-рыжими волосами.

Глава 5

СТИВЕН СТЕНДИЛК

Они приблизились к нам. Брэгтс, как всегда, с грустной и чуть насмешливой улыбкой приветствовал нас.

— Добрый вечер, господа, — сказал он, — позвольте представить профессора Линду Де Ла Крус. Она спустится с нами на дно колодца.

Протягивая нам руку, девушка не улыбалась, а внимательно слушала профессора, называвшего наши имена. Я почувствовал нечто вроде горькой обиды на Брэгтса. И когда пожал тонкую руку в черной кружевной пер-

чатке, отрезал:

— Нет.

Она, конечно, сразу же поняла, что я имею в виду, и в глазах ее вспыхнула тревога. Но прежде чем она успела раскрыть рот, Спленнервилль пригласил:

— Прошу, господа, прошу... Пройдемте в гостиную. Оттуда видна река...

Пока мы шли в гостиную, он тихо спросил меня:

— Что значит это «нет», Мартин?

Я ответил ему лишь тогда, когда мы расположились в больших мягких креслах перед необъятным окном. Гигантские небоскребы Манхеттена сверкали огнями в вечернем мраке, ярко освещенные суда медленно скользили по темной воде. Я объяснил:

— «Нет» профессору Де Ла Крус. — И посмотрел на девушку. — Мне кажется, ей придется довольствоваться местом у колодца. Мы не сможем взять ее с собой вниз.

Мои слова заметно смутили всех. Никто не возражил, но я был уверен, что кроме Брегтса, все согласны

со мной. Я заметил, как губы девушки дрогнули, но длилось это одно мгновение.

— Извините, господа, — снова заговорил я, — но речь идет о том, чтобы спуститься под землю, в какое-то совершенно неведомое и опасное место... И никому не известно, сколько времени будет открыт этот вход туда...

— В течение часа, полутора часов... — остановил меня явно недовольный моими возражениями Брэггс.

Но я продолжал:

— Час или полтора... Все равно придется очень спешить, бежать, если хотим выбраться на поверхность. Короче, предприятие это, безусловно, опасное и, насколько можно предвидеть, окажется невероятно трудным... — Я снова посмотрел на девушку. — Извините, — заключил я.

— Вы хотите напугать меня, господин Купер? — спросила она, сверкнув своими огромными глазами из-под медно-рыжей челки.

— Ничуть, но...

— Я не боюсь, — прервала она меня, — я отлично знаю, о чем идет речь, и сама вызвалась участвовать в экспедиции. Я очень сильная, господин Купер, — добавила она, — мои предки...

— Профессор, ваши предки тут ни при чем, — начал было я, — дело в том...

Теперь мне не дал договорить Брэггс.

— В нашей экспедиции, — твердо сказал он, — профессор Де Ла Крус как раз один из самых важных участников.

— Не сомневаюсь в этом. Профессор Де Ла Крус может подсказать место входа в туннель, ведущий к колодцу, и подождать нашего возвращения наверху.

— Возможно, я так и сделаю, господин Купер, — воскликнула девушка, — если испугаюсь или передумаю. Я не фанатичка, знаете ли...

— Профессор, — обратился Брэггс к девушке, — господин Купер имел в виду...

— Черт возьми! — воскликнул Спленнервиль, подкатывая к нам столик на колесиках, уставленный бутылками. — Что за церемонии? Почему вы все еще величаете мисс Де Ла Крус профессором? Мы ожи-

дали встретить лысого ученого мужа с выпуклым, как у марсианина, лбом! Линда, — продолжал он, наполняя бокалы, — по-испански означает красивая. Черт побери, Мартин и мистер Брэггс, неужели вы не можете называть ее просто мисс Линда? Что же касается этой проблемы, то мы еще вернемся к ней. Не стоит сейчас обсуждать ее. Давайте выпьем коктейль, черт возьми, а потом отправимся ужинать.

Перед нами возвышался огромный сливочный торт, и мы уже собирались отдать ему должное, как официант вручил Спленнервилю конверт. От вскрыл его, прочел письмо и сообщил.

— Это телекс от корреспондента нашей газеты в Галифаксе, в столице Новой Шотландии. Я просил его собрать сведения об острове Оук, — продолжал редактор, размахивая листком. — Он пишет, что после смерти Ресталла остров сделался местом паломничества множества туристов, особенно по субботам и воскресеньям. Но теперь там, похоже, никого нет. Несчастливая семья Ресталла покинула его... Это, впрочем, не означает, что там теперь пустыня.

— Жалы! — воскликнул Брэггс.

Спленнервиль пожал плечами:

— Постараемся не привлекать внимания, — сказал он, — отправимся туда туристами, на яхте... Я распорядился, чтобы «Монитор» сразу же снялся с якоря. Через несколько дней вы встретитесь с ним в Галифаксе.

«Монитор» — личная яхта Спленнервиля. Я спросил:

— Значит, вы тоже, шеф, примете участие в этой игре?

Он многозначительно посмотрел на меня:

— Кто знает, Мартин! Кто знает! Мне надо отдохнуть немного, и это, возможно, самый подходящий случай. Естественно, — продолжал он, — я не полезу в колодец. Мне там делать нечего. Эти игры не для меня. Как вы считаете, мисс Линда, можем мы с вами подождать их на берегу?

Линда, до сих пор слушавшая его с легкой улыбкой, нахмурилась:

— Разве вы не сказали, господин Спленнервиль, что эту проблему еще предстоит обсудить? Почему бы нам не поговорить сейчас о более важном — об экипировке, например?

— Да, да, экипировка. Я считаю...

— Господин Спленнервиль, — прервал его Брэггс, доставая из кармана лист бумаги, — я приготовил список всего, что необходимо. Вот, посмотрите.

Спленнервиль взглянул на бумагу и, усмехнувшись, протянул ее мне. Четким, аккуратным почерком профессор Брэггс перечислил очень немногие необходимые, по его мнению, вещи: специальные противорадиационные костюмы, электрические фонари, лопаты, ломы, длинный канат.

— Канат, — объяснил он, — понадобится, чтобы вытащить на поверхность...

— Что? Сокровище? — смеясь, перебил его Спленнервиль. — Кому мы поручим это дело, Мартин?

— Есть один надежный человек, шеф.

Спленнервиль указал на телефон:

— Так позвони ему.

Я направился к телефону. Брэггс остановил меня:

— А что? Вы считаете мой список неполным? Чего-то в нем, возможно, недостает, но обсудив...

— Профессор, — сказал я, — об экипировке позаботится мой друг. Мой старый армейский товарищ. Мы вместе воевали в Корее, он готовил экипировку для командос... Это человек, — убежденно добавил я, — которого отличают одновременно два редких свойства: воображение и практическая сметка. Мы можем положиться на него.

— Но я надеюсь, вы не собираетесь брать его с собой? — встревожился Брэггс. — Экспедиция укомплектована. Профессор Де Ла Крус, то есть мисс Линда, займется научной частью, я — археологическими находками, вы, Мартин, будете, так сказать, руководителем, а господин Даггертон станет фотографировать все, что возможно. Зачем нам еще кто-то? Впрочем, — добавил он, — если есть возможность, то я бы предложил доктора Хольшштейна, молодого геолога, который...

— Который, — прервал я его, — не сумеет исп-

равить вышедший из строя кислородный прибор. Нет, профессор, позвольте уж решать мне. Илк нужен нам. Он, — пояснил я, набирая номер телефона, — самый дельный и самый молчаливый человек, какого я когда-либо встречал. С ним мы как за каменной стеной. Сейчас я вам это докажу.

Они смотрели на меня, явно заинтригованные. Зуммер прозвучал в трубке два или три раза, потом донесся мужской голос:

— Стивен Стендилк.

— Привет, Илк. Это я, Мартин Купер.

— А, лейтенант!

— Послушай, Илк, ты в курсе истории с островом Оук, с этим колодцем, я хочу сказать?

— Нет.

— Неважно. Мне надо бы поговорить с тобой об этом и немедленно, если возможно. Я у Спленнервиля, дом 32, 57-я стрит. Можешь приехать, скажем, через час?

— Да.

— Отлично, Илк! Жду тебя!

Я положил трубку. Спленнервиль воскликнул:

— Все ясно! Я слышал, Мартин. Ты прав. С таким другом не пропадешь.

Илк появился в библиотеке, куда мы перешли после ужина, ровно через час. На нем были узкие брюки, слегка потертые в коленях, и старая кожаная куртка. Он казался более худым, чем прежде, зато плечи стали как будто еще шире. Илк задержался на мгновение в дверях и направился ко мне своей раскачивающейся походкой, слегка наклонив голову вперед. Волосы его были очень коротко подстрижены, почти что сбриты, и лицо индейца с твердо очерченными скулами походило на бронзовую маску античного воина.

Я пожал ему руку.

— Рад видеть тебя, Илк, — и, обратившись к остальным, сказал: — Господа, это Стивен Стендилк Хаймукта из племени Кроус. Его имя означает Неторопливый Лось. Но мы будем называть его просто Илк.

Я представил ему собравшихся, и он цепким взглядом окинул каждого.

— Садись, Илк, и послушай меня.

Я подробно рассказал ему, в чем дело. А закончив, спросил:

— Хочешь поехать с нами, Илк?

Черные, как уголь, глаза Стендилка заблестели от радости. В его душе вспыхнула — я в этом не сомневался — жажда приключений. Он коротко кивнул.

— Хорошо, — заключил я в полной тишине, пока все внимательно разглядывали индейца, — тогда сразу же принимайся за дело, Илк! Нам нужно экипироваться. И у тебя на это... всего три дня!

Илк опять взглянул на меня, его суровые губы неожиданно растянулись в улыбке. И он опять коротко кивнул.

— И чтобы все было в самом лучшем виде! — добавил Спеннервиль. — Это необходимо для престижа моей газеты.

— Да.

Илк поклонился всем и удалился, оставив своих новых знакомых в некоторой растерянности. Профессор Брэгтс пробормотал:

— Господа, сколько же слов мы тратим понапрасну каждый день!

Илк был пунктуален. Через три дня превосходная экипировка уже находилась на борту «Монитора», который сразу же отправился в Галифакс под командой самого Спеннервиля.

Мы же, я хочу сказать — профессор Брэгтс, Линда, Дег, Илк и я — через неделю вылетели самолетом.

Когда четырехмоторный лайнер поднялся со взлетной полосы аэропорта «Кеннеди», у меня внезапно возникло ощущение, будто что-то завершилось, подводится какая-то черта — я словно оторвался от чего-то, нет, не от места, где жил, не от земли, а от времени.

Глава 6

ОСТРОВ ОУК

«Монитор» накренился от внезапного порыва ветра, пенистая волна прошла по палубе, плотный туман неожиданно развеялся, и остров Оук открылся перед нами в бурном просторе океана.

Мы молча смотрели на него. Все, что происходило до сих пор — перелет из Нью-Йорка, плавание вдоль изрезанных берегов Новой Шотландии, переход на восточное побережье — все это было лишь прологом. История начиналась вот сейчас, в этот момент. Во мне зашевелилось какое-то смутное беспокойство, и я постарался приглушить его.

Спленнервиль горой возвышался над небольшим штурвалом, держа во рту погасшую трубку.

— Вот и дошли! — провозгласил он, и я уловил в его голосе гордость человека, прошедшего свое судно через опасные рифы к намеченной цели. — Пожалуйте на свой остров, профессор!

Брэггс повернул к капитану свое обхваченное капюшоном, мокрое от морской воды лицо, казавшееся тонким и прозрачным, и с удовольствием произнес:

— Мой остров.

Спленнервиль подозвал одного из матросов и передал ему штурвал.

— Держи с подветренной стороны! — приказал он.

Мы спустились в каюту, тесную и теплую, именовавшуюся кают-компанией. Спленнервиль пыхтя разжег свою трубку и неожиданно заявил:

— Я не сойду на берег. Я руковожу газетой, а не занимаюсь журналистикой. Для меня это путешест-

вие и в самом деле только отдых. Что вы на это скажете, профессор?

— Согласно расчетам, которые я сделал, — ответил Брэггс, — самый низкий уровень отлива будет завтра утром примерно между пятью и шестью часами...

Спленнервиль вопросительно посмотрел на меня.

— Мы сойдем на берег, — сказал я, — в северной части острова, там, где когда-то высадился Мак-Гиннес. Может, кого-нибудь обнаружим там...

— Сейчас на острове никого нет, — прервал меня Спленнервиль. — Мне подтвердили это по радио из Честера. Бурное море, похоже, не пускает сюда праздных искателей приключений. Так что вперед, Мартин!

— Мы, конечно, обследуем остров и попытаемся найти вход в туннель. Когда найдем, вы сразу же пойдете на «Мониторе», и мы заберем экипировку.

Индеец кивнул. Я продолжал:

— Мы должны найти этот вход еще сегодня вечером, чтобы проникнуть в него, как только спадет вода. Придется ночевать на берегу. Думаю, — заключил я, — мне больше нечего добавить.

Наступило молчание. Первой его нарушила Линда.

— Пойду возьму свой прибор, — сказала она и вышла из каюты.

«Монитор» подошел к северной части бело-зеленого острова и встал на якорь метрах в двадцати от берега. Мы спустили на воду надувную резиновую лодку. Спленнервиль, стоя на борту яхты, хмуро наблюдал за нами. В серой предутренней мгле с земли долетал лишь горьковатый запах мокрой травы и грязи. Мы направились к небольшому причалу, к которому для смягчения ударов были привязаны старые шины. Волны нервно накатывали на узкий песчаный берег, белый от ракушек и гальки. Несколько чаек с криком пролетели мимо, к темной чаще леса, откуда доносился картавый гомон морских птиц. Мы продвигались к острову, ничего больше не обсуждая.

Я первым спрыгнул на берег. Сразу же за причалом оказалась небольшая асфальтовая площадка,

неровная и покрытая лужами. Кое-где виднелись остатки изгороди. В желтевших листьях кустарника пряталась деревянная будка. Видимо, именно тут выходил из воды электрокабель, уложенный в 1936 году. Немного поодаль возвышалось нечто вроде деревянной башенки, над которой мотался рваный рукав — словно старое забытое знамя над давно покинутым полем битвы.

Мы молча зашагали по узкой грязной тропинке, сохранившей местами куски асфальта. Несомненно, мы шли той же самой дорогой, которая привела Мак-Гиннеса к дубу с подвешенным на его суку блоком.

Но высокого, мощного дуба мы не увидели. Алчные кладоискатели, пытаясь проникнуть в колодец, за последние полвека основательно изуродовали и опустили остров, некогда цветущий рай для животных. На месте дерева оказалась какая-то сторожка из полусгнившего теса. Некоторые доски, державшиеся на одном лишь ржавом гвозде, скрипели и шатались под порывами ветра. Вдруг мы остановились — перед нами предстал барак, в котором, несомненно, жил со своей семьей Роберт Ресталл, последний искатель пиратских сокровищ. Проржавевшая от дождей и снега жестяная крыша со временем не выдержала и провалилась, обнажив утыканные старыми гвоздями балки. Ветер укрыв ободранный скелет дома легким слоем песка. Я заглянул в окно с тонкими матовыми стеклами. Пустая комната тоже была засыпана песком. На полке в углу валялась небольшая розовая кукла. Конечно же, это была игрушка дочери Роберта Ресталла. Она лежала без одной руки и, казалось, пристально смотрела огромными голубыми глазами на пригорок, где находился колодец, словно тоже слышала могучий призыв сулящей богатство неизвестности.

— Бедные люди! — по-испански тихо произнесла Линда у меня за спиной. Я обернулся к девушке. Она была очень бледна.

— Да, — сказал я, — здесь жили очень бедные люди... — и тотчас же осекся. Невозможно было говорить что-либо еще в этой юдоли безнадежной ни-

щеты. Я кивнул головой и, указывая вперед, двинулся дальше, остальные последовали за мной. Мы прошли еще немного и оказались у края колодца. Это был широкий кратер, заполненный грязной зеленоватой жижей. Мы остановились. Слышно было только, как скрипели раскачиваемые ветром доски. И где-то далеко настойчиво горланили чайки.

Некоторое время все молчали. Потом Брэггс произнес:

— Эта грязь... — и умолк. Я увидел, как он вздрогнул при звуке собственных слов. Я знал, что он хотел сказать, и закончил его мысль:

— Эта грязь, — громко заговорил я, нарушая трепетное волнение, охватившее нас, — покоится тут вот уже полтора столетия, с того самого утра, как колодец заполнился водой. С того дня и начались разные беды. Но мы пришли сюда не для того, чтобы отмечать печальный юбилей или позволить себя испугать... Мы должны сделать свою работу, и мы делаем ее. Дег, — приказал я, — сфотографируй все это. Мисс Линда, не хотите ли приняться за дело? Прошу вас!

Мои товарищи посмотрели на меня с изумлением, едва ли не с обидой, но всем, похоже, стало немного легче. Пока Дег делал первые снимки, Линда открыла кожаную сумку, висевшую на плече, и достала из нее небольшой прибор, похожий на транзисторный приемник. Девушка направила прибор в сторону колодца и нажала кнопку. Послышалось негромкое тиканье. Мы все внимательно смотрели на нее. Она скривила губы и, взглянув на нас, объявила:

— Легкие следы лучей дельта.

— Тогда идемте на берег, — предложил я. — Раз речь идет о туннеле, через который поступает вода в колодец во время отлива, то давайте не медля искать это место. Мы не имеем права терять время.

Дег поспешил вперед, чтобы сделать снимки. Мы вдруг увидели, как он споткнулся и упал. До нас донесся металлический лязг.

— Дег! — крикнул я, и мы поспешили к нему, но он уже поднялся.

— Проклятье! — воскликнул он. — Именно тут это должно было произойти.

Оказывается, он упал в яму, заваленную металлоломом и мусором. Никто из нас даже не улыбнулся. Мы двинулись дальше на север. На песке не было видно никаких следов, лишь кое-где встречались прогалинки зеленой и желтоватой травы. Спустя какое-то время мы увидели еще одну сторожку и под нею колодец, в котором нашел смерть Роберт Ресталл и трое его отчаявшихся товарищей. Из длинной железной трубы, торчащей в гранитной скале, с легким плеском лилась, устремляясь к колодцу, вода. Недалеко стоял джип, мотор которого служил очевидно генератором электричества, рядом лежало несколько канистр из-под бензина. Илк наклонился, поднял старый резиновый сапог и перевернул его. Он был полон воды. Неподалеку валялась почти засыпанная песком старая кожаная куртка.

Мы осмотрели колодец. Он был глубиной метров в десять и медленно заполнялся водой. Внизу виднелись балки. Именно там погибли от внезапного выброса газа четыре человека. Казалось, тут ощущаешь какое-то смертоносное, ледяное дыхание. Тот, кто прорыл этот колодец, защитил его с изощренной фантазией, с жестокой решимостью, на какую только был способен. Внезапно я почувствовал сильнейшее чувство протеста. Ну что ж, если нам брошен вызов...

— Пошли, ребята, спустимся к берегу. Начнем оттуда!

Мы не стали больше обращать внимания на окружающее нас — на утесы, покрытые мхом и маленькими розовыми цветочками, на деревья, сгибающиеся от ветра, на могучие дубы. Мы двинулись вдоль берега, и Линда пристально следила за стрелкой своего компактного прибора.

Мы уже два часа обследовали побережье. Профессор Брэгтс с тревогой спросил:

— Опять ничего, мисс Линда?

В его голосе звучал едва ли не страх. Девушка сжала губы и покачала головой:

— Легкие следы... Какой уровень радиоактивности можно обнаружить повсюду.

— Ну, а у тебя, Дег, как дела со снимками? — спросил я у фотографа.

— Я сделал немало хороших кадров. И должен признаться, — добавил он, — немного проголодался.

Мы преодолели гряду скалистых камней, усыпанных ракушками, и прошли небольшой участок песчаного пляжа. Я помогал Линде перебираться по камням, на которых росли низенькие, ярко-зеленые сосны. Волнение усилилось. Море словно нападало на нас, время от времени обдавая колючими холодными брызгами. В одной из скал на берегу я заметил широкую расщелину, где вода бурлила особенно сильно.

— Посмотрите-ка сюда, мисс Линда, — попросил я, — а потом отправимся в другую сторону, чтобы..

— Мартин! — перебила меня девушка. — Идите сюда!

Подбежав, я услышал, как громко — словно большие напольные часы — тикает приборчик в ее руке.

Глава 7

НАКАНУНЕ

Нам показалось, будто ветер внезапно утих и море успокоилось: мы слышали только ритмичное тиканье счетчика, суровое и настойчивое, словно голос, доносящийся из какого-то иного мира.

Мы окружили Линду и, затаив дыхание, смотрели на ее маленький прибор, на котором то загоралась, то гасла желтая сигнальная лампочка, казавшаяся нам живым существом.

Я спросил:

— Что все это значит? Есть радиация?

Линда с трудом оторвала взгляд от прибора и посмотрела на меня. Мне показалось, она была испугана.

— Да, — ответила она не совсем уверенно, — лучи омикрона и... очень сильные. Смотрите. Стрелка указывает на отметку 32, это значит...

— Неважно, что это значит, мисс Линда, — прервал я ее. — Мы все равно в этом не разбираемся. Нам ясно только одно — вход, видимо, здесь.

Я посмотрел на широкую расщелину в скале. Оттуда из-под этого мрачного укрытия сквозь бурлящую воду какой-то таинственный голос вот уже Бог весть сколько веков шлет свой загадочный призыв. И все это время, вплоть до сегодняшнего пасмурного утра, он оставался неслышанным. Услышать зов предстояло нам — услышать, понять и ответить. Наступило долгое молчание. Я понял, что все мои товарищи тоже страшно волнуются, предчувствуя непредвиденные испытания. Первым заговорил Брэггс. Он неуверенно скользнул по скользким камням, взглянул на бушующие у самых его ног волны и сказал, обращаясь к нам:

— Вы сказали «видимо», Мартин? Почему? Вы не уверены, что это... именно здесь?

Я ответил не сразу. А прибор между тем настойчиво и равномерно тикал.

— Нет, профессор, — пожал я плечами, — у меня нет уверенности в этом. Вполне возможно, что в каком-нибудь другом месте на побережье в ста метрах отсюда или в одной миле, прибор мисс Линды обнаружит еще более сильные сигналы. Может быть, и напрасно, — добавил я, — но необходимо продолжить обследование.

В это время ветер усилился, высокая волна накрыла всех с головой и рассыпалась в дюнах за нашими спинами. Брэггс невольно пригнулся. Потом он опять заговорил. По лицу его крупными каплями стекала вода, глаза выглядели усталыми.

— Да, Мартин, вы правы, — медленно сказал он, — лучше... лучше продолжить поиски.

Но я возразил:

— Если вы не устали, профессор, и вы тоже, мисс Линда...

— Идемте дальше! — дружно ответили они, и голоса их звучали одинаково решительно.

Мы продолжали поиски, продвигаясь вдоль кромки воды. Низкие темные тучи напоздали на море, отчего вода становилась свинцово-серой. Мы опять пробирались по нагромождениям серых камней, чередовавшихся с небольшими просветами песчаного пляжа, и Линда отважно карабкалась рядом, наблюдая за прибором, который теперь упрямо молчал. Я чувствовал, как во мне нарастает какое-то мучительное возбуждение, желание поскорее предпринять что-то еще. Дважды мы в волнении останавливались, когда раздавались тихие сигналы прибора, боясь, что он опять затикает громко и неумолимо. Ведь тогда нам придется выбирать...

В абсолютном молчании мы добрались до южной оконечности острова, где начинался болотистый берег. Тут я остановился и решил:

— По-моему, бесполезно идти дальше. Фокс и Лемб искали воду, когда наткнулись на этот вход... Мало вероятно, чтобы они дошли до этой низины.

Мы не спеша вернулись к расщелине в скале и

молча присели отдохнуть. Илк открыл фляжку и протянул ее Линде. Резко и сладко запахло ромом. Линда отпила глоток.

— Спасибо, — проговорила она. Потом взглянула на меня и с робкой улыбкой протянула фляжку мне. Я передал ее Дегу:

— Выпей, мальчик, — предложил я, — потом сходи к Спленнервилю и попроси его привести «Монитор» сюда. Скажи, что это здесь.

Дег глотнул рому, поднялся и быстро побежал по берегу. Его фигура еще некоторое время мелькала за дюнами и кустарниками. Настроение у всех было мрачное и подавленное. Мы сидели на ветру, тучи опускались все ниже, беспокойнее метались и кричали чайки. Брэггс стоял у самого края скалы, глядя вниз, себе под ноги. Линда делала какие-то записи в блокноте, а Илк сидел молча, скрестив по-индейски ноги. Бесстрастное и суровое лицо его было обращено к морю.

«Вот это место, Мартин, вот здесь, прямо перед тобой», — усмехнулся я про себя. Это было чертовски просто, слишком даже просто. Сотни людей потратили сотни лет на поиски входа, потеряли около двух миллионов долларов, но так ничего и не добились. А мы, благодаря воображению историка и маленькому тикающему приборчику, нашли это место за какие-то три часа!..

«Монитор» подошел на самых малых оборотах двигателя и отдал якорь возле выдвинувшегося в море утеса. Дег и Спленнервиль спустили на воду надувную лодку и начали грести к берегу. Слышно было, как шеф ругается при каждом взмахе весла.

Он побрел к нам, ступая сапогами по глубокой воде. Услышав тиканье прибора, нахмурился:

— Ну, так что? — спросил он. — Нашли вход?

— Кажется, да, — ответил я, указывая на широкую расщелину в скале.

Брэггс подошел ближе и снял очки:

— Завтра на рассвете будет ясно. И у нас останется полтора часа, чтобы...

— Всего полтора часа, — перебил Спленнервиль, — ясно. А потом вода поднимется и снова заполнит

туннель. Но в сущности мы могли бы иметь столько времени, сколько нам нужно. Теперь никто не помещает нам воздвигнуть тут плотину, осушить этот участок берега и спокойно спуститься туда.

Мы с изумлением посмотрели на него. Никому и в голову не приходила подобная мысль. Приключение увлекло, захватило нас, и предложение Спленнервиля невольно вернуло всех к действительности, которая показалась теперь весьма прозаической.

— Однако, — продолжал он решительно, — мы не станем делать ничего подобного. Черт возьми, я уверен, что тут наверняка есть какой-нибудь подвох, как и в том колодце, что под блоком. Это проклятое место поглотило слишком много денег, и я не намерен вкладывать сюда ни цента. Если вздумаю строить плотину, то через пару лет окончательно разорюсь. Полтора часа... — протянул он, скривив рот. — Если не встретится неприятностей, то этого вполне достаточно, чтобы обследовать колодец.

Я облегченно вздохнул:

— Вот это другой разговор, шеф, — улыбнулся я и кивнул Илку и Дегу. — Давайте, ребята, перенесем с яхты экипировку.

Настала ночь. Ветер стих, в воздухе был разлит горьковатый запах трав, коры деревьев, мутной влаги. Океан вздыхал, словно огромное, таинственное существо. Фонарь на «Мониторе» светил в полной тьме желтым приглушенным сиянием.

Переодевшись в специальный костюм, предохраняющий от радиации, я сидел на скале возле небольшой палатки, которую делил с Дегом. Рядом лежал рюкзак, собранный Илком, кислородная маска, небольшой шлем. Отличная экипировка. Илк позаботился обо всем. Тем не менее...

Меня не покидало какое-то странное беспокойство, а временами возникал едва ли не страх. Такое ощущение я испытывал на войне в ночь перед атакой, и в Стране Огромных Следов, на Амазонке, где довелось пережить невероятные приключения... Что-то мы найдем внизу, на дне колодца? Может, какое-нибудь сокровище? Документы? Что это может быть еще? Что еще может представлять такую ценность,

чтобы упрятать это что-то столь хитроумным способом, чтобы так скрывать, оберегать и защищать? Или мы вообще ничего не найдем и будем довольствоваться только экскурсией туда, где некогда побывали два пирата. Еще несколько часов, и все будет ясно. Еще несколько часов, и мы ответим на этот вызов, брошенный людям...

— Не спите, Мартин?

Я вздрогнул и обернулся. Линда извинилась:

— Я напугала вас, простите...

— Нет, нет. Не сплю, мисс Линда. Вы ведь тоже... — Я подвинулся. — Не хотите ли присесть?

Она молча села рядом. Некоторое время мы молчали и только смотрели на фонарь «Монитора», колыхавшийся в бездонной тьме моря. Линда обхватила колени руками и опустила на них голову. Вдруг она спросила:

— Вам ведь не страшно, правда?

— Если говорить честно, нет, не очень. У нас хорошее оснащение.

— Мне тоже не страшно... Мартин, но... я не очень уверена...

— Если хотите... — заговорил я, но она сразу же прервала меня:

— Нет, я не собираюсь оставаться наверху. Я здесь для того, чтобы спуститься в колодец... — Она помолчала, потом спросила: — А вам нужно, чтобы я осталась тут?

В темноте я не видел ее лица, различал только бледное пятно и слабый блеск глаз.

— Нет, Линда, я не противлюсь вашему желанию, — успокоил я.

— Спасибо, — тихо прошептала она, помолчала, потом сказала:

— Профессор Брэггс — великий ученый, вы не находите? И удивительный в своем упорстве.

— Очевидно, это так. Только мне непонятно, почему ему так хочется спуститься в колодец. Непонятно также, почему он обратился в газету и именно ко мне.

Линда прошептала:

— Он историк, Мартин. Его интересует все, что когда-либо делали люди. И вы оба, газета... Думаю,

он обратился к вам, прочитав материал об Амазонке.
Это невероятно интересно.

— В самом деле, замечательное приключение. Только не столь загадочное, как этот проклятый колодец.

Тут из темноты донесся голос Брэггса:

— Мартин!

Мы обернулись.

— Что случилось? — насторожился я.

— Смотрите, начинает светать! — ответил он.

Глава 8

КАМЕННАЯ ДВЕРЬ

Я поднялся. Далеко на востоке была видна лишь слабая дрожащая полоска света. Я возразил:

— Нет, профессор. До рассвета по крайней мере еще часа два.

— Но это уже совсем скоро, — с волнением произнес он.

— Этого достаточно, чтобы немного отдохнуть. Лучше пойти и поспать. Я разбужу всех, — громко сказал я, не давая Брэггсу возразить. — Доброй ночи, мисс Линда. Спокойного сна, профессор.

Примерно около четырех часов утра мы все уже были на ногах, в защитных костюмах, шлемах, с кислородными масками и рюкзаками наготове.

Светало. Мы различили размытый туманом, но изящный силуэт «Монитора». Спустились к расщелине. Своим большим электрическим фонарем Дег осветил бурлящую у наших ног воду, которая заиграла тысячами разноцветных бликов, отразившихся на влажных камнях. Еще совсем немного времени и, повинаясь тысячелетнему зову, вся эта огромная водяная масса сдвинется с места и подхваченная какими-то таинственными гигантскими силами отойдет, отхлынет, отодвинется и обнаружит вход в туннель. И тогда загадка острова Оук будет, наконец, решена.

Мы молчали. Ожидание становилось все напряженнее. Я распорядился:

— Я войду первым. За мной профессор Брэггс, потом мисс Линда, Дег и Илк. Сеть готова, Илк? — спросил я.

— Да, — как всегда кратко ответил он.

У Илка были приготовлены туго скрученная ней-

лоновая сеть и какое-то необыкновенное пневматическое ружье, с помощью которого он собирался закрепить в скале металлический стержень, привязанный к сети.

— Смотрите! — воскликнул Дег. — Эту скалу мы раньше не видели!

— Начинается отлив! — торжественно произнес Брэгтс.

Вода в расщелине бурлила еще сильнее, чем прежде, едва ли не кипела, с каждой новой волной опускалась все ниже и ниже, обнажая крутой скалистый берег, покрытый мокрыми водорослями. И вот наконец возле расщелины появилось песчаное дно. Море отодвигалось быстрее, чем мы ожидали. Дрожащим от волнения голосом Брэгтс повторял:

— Через несколько минут... Через несколько минут...

Между тем становилось все светлее. Дег погасил свой фонарь. Воздух был свежим, опалово-голубым.

— Смотрите! — воскликнула Линда, показывая в сторону «Монитора». С трудом оторвав взгляд от расщелины, мы посмотрели туда. На борту яхты показалась массивная фигура Спленнервиля. Он наблюдал за нами в большой бинокль и приветливо махал рукой.

Минуты тянулись медленно и мучительно.

Море продолжало отходить. Мы смотрели на зеленую, блестящую от влаги скалу, облепленную ракушками и оплетенную водорослями. Я приказал надеть кислородные маски. Илк проверил работу респираторов, взял наизготовку пневматическое ружье. Я посмотрел на товарищей. Выстроившиеся на краю скалы, они походили на каких-то необычных солдат, готовых к бою. Вода у расщелины все еще кипела, пенилась и бурлила в слабом перламутровом свете дня, а потом вдруг с хлопотанием и шумом отступила, отодвинулась и ушла в расщелину, открыв ее всю целиком и оставив на мокром песке сотни лопающихся пузырьков. В моих наушниках раздался оглушительный возглас Брэгтса:

— Вот он! Вот он!

И еще мне показалось, что в этот момент зазвуч-

чала какая-то торжественная мелодия, возносившаяся от земли к небу и заполнявшая все вокруг, оглушавшая и опьяняя меня. В эту минуту мы увидели этот долгожданный вход — темный, широкий, неведомый, открылся он навстречу дневному свету после долгих лет пребывания во мраке. Когда последняя капля воды канула в его Бог весть каком глубоком зеве, я скомандовал:

— Илк, огонь!

Илк выпустил из пистолета зеленую ракету, и та трепеща взвилась в небо. Спленнервиль понял наш сигнал.

— Запускай сеть!

Илк выстрелил из пневматического ружья. И тотчас стальное крепление вонзилось в скалу. Тогда я спрыгнул вниз, на скользкие камни, и направился к расщелине, вернее, ко входу в туннель.

— Пошли! — позвал я товарищей.

Проем был примерно в один метр диаметром и располагался как раз на уровне моих плеч. Пока Дегщелкал своей электрической вспышкой, я ухватился за край проема, залепленный мокрыми водорослями, и подтянулся. Просунул внутрь ногу, немного помедлил, посмотрел на своих товарищей, стоявших рядом и едва отличимых друг от друга в одинаковых защитных костюмах.

— Ну, ладно, — произнес я, включил переносной фонарь и посмотрел внутрь. Луч света вспыхнул, скользнул по гладкой стене и затерялся во мраке. Я попытался опустить ногу внутрь, но не нащупал дна. Тогда я посветил фонарем и увидел, что высота здесь гораздо больше, чем я предполагал. Я ухватился за край проема двумя руками и медленно сполз вглубь. Почувствовав, что прочно стою на мягком песке, я крикнул:

— Все в порядке, ребята, вперед!

В проеме появился Брэгтс, жадно оглядел все вокруг и только потом взглянул на меня. Я протянул ему руку.

— Пролезайте, профессор!

После него молча и торопливо перебрались через

проем все остальные. Несколько мгновений, включив лампочки на шлемах, мы стояли, словно оцепенев, в какой-то нерешительности. Но тут я повернулся к товарищам и, взмахнув фонарем, дал сигнал двинуться в путь. Теперь я был спокоен.

Туннель был высотой в два, а шириной в полтора метра или немногим больше. Он стремительно уходил вниз, в глубину острова, прямо к колодцу. Под ногами у нас лежал плотный слой песка, усыпанный ракушками и покрытый водорослями, стены были гладкие и мокрые. Там и тут поблескивали в свете наших фонарей скопления голубых и желтых кристаллов. Казалось, мы попали в одну из тех катакомб, какие вырывали в первую мировую войну осажденные в горах.

Все молчали. Говорить было пока не о чем, ничего не удавалось разглядеть, кроме песка, водорослей, минералов. Мы могли только думать о том, какой гигантский труд понадобился людям, чтобы вырыть эту галерею. Мы могли, разумеется, гадать, что нас ждет, но странное дело, я меньше всего думал об этом. Я жил только настоящим моментом, ощущал его секунду за секундой, шаг за шагом.

Мы шли по галерее примерно минут пятнадцать. Ничто вокруг не менялось. Но вот проход расширился, я остановился и обернулся к спутникам. Профессор Брэгг посмотрел на меня:

— Мартин... — начал он.

— Да, профессор.

— Я... я думаю, что еще рано о чем-либо судить, но все же, на какой мы глубине, как вы думаете?

Илк подошел ближе и показал мне рулон нейлоновой сети — он был размотан примерно на четверть. Я сказал:

— Где-то на глубине двадцать пять метров, если судить по этой сети. На полпути, думаю я...

— На полпути, да... — пробормотал Брэгг, — на полпути...

Дег внимательно осматривал идеально гладкие стены туннеля.

— Неплохая работа, а? — похвалил он.

Никто ему не ответил. Нас вновь охватило беспо-

койство. Оно ознобом поползло по моему телу, я читал его в глазах своих товарищей. Линда подошла ко мне и обратила внимание на прибор, лампочка которого мигала нервно и ярко.

— Радиоактивность резко повысилась, — объяснила она.

Я кивнул и скомандовал:

— Идем дальше!

Спуск сделался еще круче. По-прежнему ничего не было видно, кроме песка, водорослей, минералов и ракушек. Фонари наши светили слишком мощно, и моя гротескная тень все время устремлялась вперед, словно торопясь раньше меня достичь цели. Я взглянул на термометр, укрепленный на запястье. Он показывал три градуса ниже нуля. Влажность была, естественно, очень высокой. Мы двигались в зеленоватом тумане, осязаемом, словно легкая вуаль. Я ускорил шаги. Обратный путь будет, наверное, гораздо труднее, даже с помощью нейлоновой сети. Нельзя терять ни минуты.

Впрочем, мы и не мешкали, а продолжали быстро спускаться. Внезапно туннель резко сузился, и мы уперлись в тупик. Моя тень упала на каменную стену, на которой там и тут видны были следы от ударов ломом. Я поднял руку.

— Оставайтесь здесь, — приказал я и пошел дальше один. За поворотом направо туннель протянулся еще метров на двадцать, а глубже уже ничего не было видно. Тогда я позвал товарищей и мы продолжали путь все вместе. Ощущение, что находишься на большой, на очень большой глубине, с каждым шагом становилось все острее. Если мы не обнаружим ничего в ближайшие десять минут...

Вдруг я остановился. Под ногами больше не шуршал песок. Я покрутил фонарем. Спуск набирал крутизну и шел теперь совсем под откос. Я осторожно шагнул вперед, посветил фонарем. И замер. У меня буквально перехватило дух. Мурашки побежали по коже.

Внизу, метрах в десяти от меня находилась огромная комната с каменными стенами, нечто вроде про-

сторной камеры. Невероятно... Какие же циклопы вырыли это чудо! Пол ее покрывала зловещая черная лужа. В одной из стен я заметил дверь — массивную дверь из гранита и железа.

Мои спутники приблизились ко мне и тоже остановились в нерешительности.

— Каменная дверь... — пробормотал Брэггс. — А там, за нею, дно колодца! Я уверен в этом!

— Пойдите! — громко воскликнула Линда. — Смотрите! Камни! Камни!

На земле лежали темно-серые и красноватые камни. Очевидно, что один из них обжег Ричарда Фокса.

Я не шелохнулся. Только слышал, как громко стучит мое сердце. Товарищи мои тоже слышали биение своего сердца и ничего больше. Наверняка.

Глава 9

«ДИК, Я ВЕРНУСЬ СЮДА»

— Пошли! — сказал я, и голос мой прозвучал глухо. — Время не ждет. Бросай сеть, Илк. Спустимся друг за другом.

Илк бросил мне моток сети. Я развернул ее и быстро спустился вниз. Товарищи освещали мне путь. Пол камеры был покрыт тонким песком и ракушками, таинственно поблескивали в темноте какие-то камни. Мне показалось вполне естественным, что Ричард Фокс подобрал один из них. Коварный защитник колодца разложил эти кам-

ни здесь специально для того, чтобы они привлекали внимание.

Я подавил в себе желание немедленно броситься к двери.

— Спускайтесь! — крикнул я.

Первым очень смешно сполз Брэггс. Вслед за ним спустились и все остальные. Илк собрал сеть.

— Мартин, — позвал Дег.

Я обернулся. Он освещал своим фонарем огромную темную лужу.

— Это, наверное, что-то вроде выхлопной трубы... Вода вытекла отсюда, я думаю.

— Может быть... Займись съемкой, Дег!

Линда присела возле одного из камней и направила на него свой приборчик. Он тут же громко запищал. Брэггс осматривал дверь, проводя своей тонкой рукой по деревянным доскам и ржавым пластинам из кованого железа, накрывавшим массивные каменные блоки.

— Вода, — проговорил он, — вода запирает эту дверь, Мартин. Видите? Тут вовсе нет замка... ничего

нет! — Глаза его за стеклами маски блестели. — А там, за этой дверью, там...

— Хорошо, попытаемся открыть ее. Помоги-ка мне, Илк!

Илк уже был рядом. Он снял с пояса нож и провел им по периметру двери, срезая водоросли, залепившие ее поверхность. Потом достал из рюкзака короткий стальной ломик.

— Я знал, Илк, что ты ничего не забудешь, — похвалил я его, беря инструмент из его рук.

Пытаясь просунуть ломик между дверью и стеной, я слегка нажал на него. Ракушки, песок, мелкие камушки с негромким шорохом осыпались на землю. Дверь не шелохнулась.

— Давайте помогу! — нетерпеливо предложил Брэггс.

Я не отвечал и продолжал стучать ломиком там и тут. Дег и Илк тем временем очищали ножами нижний край двери, засыпанный песком. Меня охватило невероятное волнение и лихорадочное желание проделать все как можно быстрее.

— Илк, — сказал я, — что надо предпринять, чтобы...

Тут я насторожился и замер.

Раздался негромкий металлический щелчок.

Я отпрянул от двери. Все окружили меня. Мы замерли.

Дверь медленно открывалась. Было полное ощущение, что кто-то толкает ее с той стороны — медленно и осторожно, точно опасаясь раньше времени обнаружить ее секрет.

Я даже вздрогнул от такой мысли.

— Открывайте, профессор, — предложил я.

Брэггс, пошатываясь, прошел вперед и широко раскрыл тяжелую дверь. Она бесшумно повернулась на невидимых петлях. Лучи наших электрических фонарей заплясали по ту сторону порога.

— Рука! — воскликнула вдруг Линда.

Я тут же поправил ее:

— Перчатка!

За дверью на земле лежала перчатка — большая, тяжелая, грубая.

Ничего другого поблизости не было. Полный мрак. Свет всюду натывался на глухие каменные стены.

Первым шагнул внутрь Илк. Он подобрал перчатку и протянул мне. Я передал ее Брэгтсу, и у него вырвалось восклицание:

— Оливер Лемб!

Он с тревогой посмотрел на дверь.

— Пойдите здесь! — приказал я и прошел дальше. Вскоре я оказался в небольшой круглой комнате, стены которой были выложены гранитом. Мне стало не по себе. Я осмотрел потолок: он был зашит железными пластинами, прочно подогнанными одна к другой. Я перевел взгляд на землю, и Илк осветил то, что мне поначалу показалось моей тенью. Это было круглое отверстие, немногим более метра в диаметре. Колодец в колодце.

— Идите сюда, профессор! — громко позвал я. — Наш друг приготовил нам сюрприз!

Все столпились на пороге, не решаясь войти, осматриваясь по сторонам. Мне показалось, что Брэгтс даже покачнулся, увидев эту небольшую, совершенно пустую комнату. Но его замешательство длилось недолго. Он взял себя в руки и уставился на отверстие в полу.

— Выходит, Мартин, — прошептал профессор, — мы еще не на дне колодца! И это не конец...

— Нет, не конец. Это нечто вроде китайской коробочки, профессор. Знаете, китайцы умеют делать такие коробочки, которые вставлены одна в другую — несколько штук, и совершенно непонятно, как они умудряются их вставить друг в друга...

— Но я абсолютно уверен, что это все-таки дно того колодца, который обнаружил Мак-Гиннес. Диаметр потолка точно такой же, как...

— Извините, профессор, — перебил я, — обсуждать будем потом, на поверхности. Сейчас проблемы в другом.

Не говоря ни слова, мы все словно по сигналу опустились на колени вокруг отверстия в полу. Наши фонари осветили несколько метров каменной стены, на которой хорошо видны были следы от ударов ломом.

— Интересно, какая здесь глубина, — сказал я. И тут же звук моего голоса, как бы вернувшись со дна колодца, прозвучал многократным вибрирующим эхом. Илк достал из кармана стальной шарик, поднес к отверстию и разжал пальцы. Мы притихли, ожидая удара.

Но не услышали никакого отзвука.

Мы ждали долго. Никакого результата. Потрясенный, Брэггс проговорил:

— Но... Я ничего не слышу! Вы поняли? Какая же тут глубина?

— Не волнуйтесь, профессор, — успокоил я его. — Может быть, там на дне песок. Попробуй ракетой, Илк.

Тот уже приготовил ракетницу. Направив ее ровно по центру колодца, он выстрелил. Раздался такой резкий и громкий звук, что мы невольно отшатнулись назад. Эхо тут же вернуло к нам этот выстрел оглушительным громом. Мы посмотрели вниз, наблюдая за ярким светом ракеты. На мгновение мелькнули освещенные и тотчас же проглоченные мраком головокруглительно глубокие стены. Ракета летела все дальше и дальше, опускаясь в чудовищную бездну, пока не превратилась в совсем крохотную, еле светящуюся точку, но и она вскоре исчезла в непроглядной тьме.

Нависла жуткая тишина, нарушаемая лишь каким-то слабым, быстро затухающим шорохом. Мы стояли, как зачарованные, глядя в невероятную бездну, открывшуюся перед нами.

— Но какая же тут глубина, Мартин? — с дрожью в голосе спросил Дег.

— Понятия не имею, — ответил я, не глядя на него. — Зато точно знаю, что это конец нашей экспедиции. — Я показал на ручные часы: — Времени у нас остается ровно столько, сколько нужно, чтобы успеть вернуться назад.

Я осознавал всю горечь своих слов. Я был убит нашим поражением. И теперь мне хотелось как можно скорее уйти отсюда, удалиться навсегда. Все равно больше ничего не оставалось.

Брэггс тронул меня за руку.

— Мартин, — умоляющим голосом проговорил он, — послушайте.

— Слушаю вас, профессор. — Я знал, что ему нечего сказать мне, и он действительно умолк. Я увидел, как в отчаянии он бессознательно шевелит пальцами.

— Согласен, профессор, — сказал я, — у нас могла получиться очень интересная экспедиция... У нас была прекрасная идея. Жаль, что так получилось. Я понимаю, но тут уж ничего не поделаешь. Строитель этого проклятого колодца победил. Скоро этот туннель снова заполнится водой и... Короче, — заключил я, — двинулись обратно.

Но я не стронулся с места, и все остальные тоже не шелохнулись. Кивнув на этот второй колодец, Дег проговорил:

— Выходит, Оливер Лемб упал туда, не так ли, Мартин? И от него не осталось ничего, кроме этой перчатки?

Перчатку держал Брэггс.

— Перчатка, — усмехнулся я, — сокровище!

И снова все притихли. Мне показалось, что где-то очень-очень далеко тикают большие часы. Время неумолимо сокращалось. Надо было возвращаться, и весьма поспешно. Я тронул Линду за плечо:

— Пошли! — сказал я.

Она опустила голову и вышла из круглой комнаты. Мы двинулись за ней, последним, рассматривая перчатку, вышел Брэггс.

— И это все, что мы нашли, — вздохнул он, и вдруг воскликнул: — Да тут что-то есть!

Мы остановились. Внезапно вновь вспыхнула робкая надежда, как бы ожидание какого-то чуда, которое превратит поражение в победу. Брэггс торопливо пошарил в перчатке и достал из нее небольшую дощечку шириной в четыре или пять сантиметров. Он протянул ее нам, держа на ладони.

— Дощечка, — прошептал он, — небольшая дощечка...

— Ладно, профессор, идемте...

Он сделал было шаг, но тут же остановился.

— Здесь что-то написано! — воскликнул он. — Смотрите! Тут вырезано имя — Дик! Смотрите — Дик!

— Наверное, так звали Ричарда Фокса, — предположил я и, взяв Брэггса за плечо, повернул к выходу. — Изучим эту дощечку наверху!

Брэггс шел следом за нами к откосу, впившись глазами в свою находку.

— Дик... — повторял он, пытаясь разобрать, что написано на дощечке. — Дик... я... Дальше неясно, какое-то пятно, — он провел рукой по дощечке, и я уже был готов хорошим толчком добавить ему скорости, как вдруг он прочел всю надпись. И то, что он громко произнес, заставило всех тотчас остановиться. Брэггс прочитал: «Дик, я вернусь сюда. 9 ноября 1751 года».

Наступившее молчание и наша неподвижность казались нереальными. Как в кошмарном сне... Я медленно повернулся к Брэггсу. Горящими глазами он пристально смотрел на меня.

— Что вы сказали? — переспросил я.

И он медленно повторил:

— Дик, я вернусь сюда. 9 ноября 1751 года.

Глава 10

СПУСК ВО МРАК

— Но в таком случае... — начала было Линда и умолкла.

— В таком случае, — продолжил Брэггс совсем тихо, дрожащим, каким-то металлическим, словно воспроизведенным через динамик голосом, — в таком случае Оливер Лемб, попав сюда 7 ноября, прожил еще по крайней мере два дня... В таком случае, — и тут профессор повернулся к черному отверстию колодца, — Лемб спустился туда и вернулся, чтобы оставить это послание, а потом опять полез в колодец. Он был

тут один, — добавил Брэггс после долгой паузы. — Невежественный, неграмотный, ничем не защищенный человек.

Я увидел, как все невольно взглянули на свои защитные костюмы, перчатки, сапоги, словно устыдившись этой брони. Я тоже ощутил нечто вроде унижения, но тотчас возразил:

— Нет, профессор, нет, черт возьми! — воскликнул я. — Мы не должны стыдиться наших костюмов и инструментов! Этот человек, Лемб, сумел опуститься в колодец, это верно. Но он погиб там, пропал навсегда в этой клетке, умер от радиации. Мы же пришли сюда не из праздного любопытства. Несмотря на всю нашу подготовку, мы ошиблись и...

Я умолк. Теперь все смотрели на меня. В глазах моих товарищей за стеклами масок я читал то же глупое желание, какое испытывал сам: продолжать поиск. Не уйти, не оставить свою затею, не закончить экспедицию, а повторить путь, пройденный Оливером Лембом в его героическом и безрассудном невежестве.

Каждый из нас чувствовал то же самое. Я был руководителем и решить предстояло мне.

— Мы потерпели неудачу, это факт. Если только не продолжим спуск... Вы хотите спуститься дальше, профессор Брэггс? — спросил я.

Он гордо вскинул голову и промолчал. Я обратился к остальным моим спутникам.

— А вы?

Они тоже не ответили. Их молчание означало только одно — да. И я предложил:

— Нужно решать немедленно, потому что время идет, у нас всего несколько минут... Подумайте. Решите. Хочу однако, — добавил я, — обратить ваше внимание на одно существенное обстоятельство, которое впрочем вам и так известно, а именно: мы, конечно, сумеем опуститься, раз уж это сумел сделать какой-то человек двести пятьдесят лет назад. А вот подниматься обратно будет гораздо сложнее. Давление воды накрепко прихлопнет эту дверь, и неизвестно, удастся ли нам открыть ее. А потом придется пробиваться навстречу мощному потоку воды, поднимаясь вверх по туннелю. У нас, конечно, превосходные непроницаемые костюмы и отличные кислородные баллоны, есть и нейлоновая сеть, по которой можно подняться. И тем не менее, не станем обманывать себя, все это будет невероятно трудно. Если задержимся тут еще на несколько минут, — заключил я, — значит, дальше будем очень рисковать. Речь идет о жизни и смерти.

Я посмотрел на каждого в отдельности.

— Профессор Брэггс, мисс Линда, Дег, Илк?

Никто не ответил. Каждый из них выдержал мой взгляд и ничего не сказал. Я знал, что они переживают то же, что и я. Теперь уже невозможно было вернуться. Они понимали это. Нас всех охватило какое-то опьянение. Мы никогда не смогли бы объяснить, что это было.

Словно по какому-то молчаливому сговору мы стояли не двигаясь, не произнося ни слова, как будто нарочно ожидая начала прилива. Минуты прошли, и вода, освободившись от могучей и незримой силы, которая увела ее от берега, начала движение обратно,

снова захватывая скалистые прибрежные камни и заполняя туннель. И еще двадцать девять лет четыре месяца и двадцать четыре дня не осветит эти камни солнце. И никто не увидит входа в туннель.

В эти минуты первородные силы природы все решили за нас, перекрыв путь к отступлению и сделав бессмысленным любое сожаление. Профессор Брэггс поднял руку и торжественно произнес:

— Решено!

Я вздрогнул, и у меня возникло желание, которое, правда, тут же и прошло, схватить этого Брэггса и размозжить ему голову об стену.

— Хорошо, — твердо сказал я, приходя в себя. — Раз решено, тогда за дело. Дег, следи, чтобы дверь была закрыта как можно плотнее. Илк, скажи, сколько у нас в запасе кислорода?

— На 12 часов. Плюс еще на три в резервных баллонах.

— Всего, значит, 15. Будет нелишним, если найдем воздух в колодце.

— Воздух? — спросила Линда, и я впервые услышал, как задрожал ее голос. — Но где?

Больше она ничего не сказала. Воздух на дне колодца, уходящего в недра земли на невообразимую глубину, «за пределы мыслимых размеров», как писал Ричард Фокс! Трудно было представить это! Трудно, да и ни к чему. Надо действовать — вот и все.

— Если Лемб жил еще два дня, — сказал я, — значит, ему было чем дышать, неважно, каким воздухом. Посмотрим лучше, как он мог спуститься. Он ведь спустился, но...

— Отсюда! — воскликнул Брэггс. Мы повернулись к профессору. Он стоял на коленях и держался за маленькое железное кольцо, укрепленное возле стены. — Лемб привязал к кольцу веревку и потом...

— Но не до самого же дна! — проговорил Дег, стоявший у закрытой двери.

Я сел на край колодца и заглянул в бездну. «Он спускался до тех пор, — размышлял я, — пока не добрался до чего-то, на что смог встать.»

Я медленно водил лучом фонаря по стенам колод-

ца и на глубине десяти метров увидел наконец-то, что мы не заметили поначалу, — первые ступеньки вертикальной лестницы. Это были железные скобы-перекладки, укрепленные в стене.

— Вот они! — сказал я. Мои слова утонули в колодце. Я привстал: — Итак, за дело... Илк!

Илк уже разрезал сеть. Я привязал один ее конец к кольцу.

— Я полезу вниз первым, — решил я, — и привяжу сеть к первой ступеньке, а вы спускайтесь за мной. Но только очень осторожно, держитесь крепко. Падать туда не рекомендую!

Я взял сеть, приготовленную Илком.

— Так, не будем терять времени! — Я крепко обвязался ею, сел на край колодца и свесил в него ноги. — Спускаюсь! — крикнул я.

Все молчали, пока я растворялся во мраке.

Мне показалось, будто со дна колодца до меня долетает чье-то тяжелое, леденящее дыхание. Оно чувствовалось даже сквозь защитную маску. Меня охватил ужас, какого я не испытывал еще никогда в жизни, жуткий страх перед темнотой и пустотой. Вися в колодце, я ощупывал стены руками и ногами. Коснувшись их, я неожиданно успокоился и крикнул, не обращая больше внимания на эхо:

— Спускайтесь!

Я перемещался медленно, покачиваясь над бездной. В свете фонаря я видел, как приближаются скобы-перекладки лестницы, и старался дотянуться до них ногами. Наконец, спустившись еще немного, я крепко ухватился за скобу.

Колодец был очень узкий и неровный, и я нередко скользил по стене спиной. Погасив свой фонарь, я взглянул вверх, увидел освещенный круглый проем колодца и темные силуэты моих товарищей.

— Я на ступеньке! — крикнул я. — Давайте сюда еще сеть!

Несколько метров сети осторожно опустились на меня. Я начал спускаться со ступеньки на ступеньку. На десятой остановился и привязал конец сети. Те-

перь я уже больше ни о чем не думал и был совсем спокоен. Дело есть дело.

— Можете спускаться! — крикнул я наверх. — Сеть привязана!

Наверху стояла полная тишина, никто не двигался. Потом я увидел силуэт Брэггса, закрывший на мгновение светлый проем, услышал, как он кряхтит, скользя вдоль стены, и радостное восклицание, раздавшееся, когда он поставил ногу на первую ступеньку.

— Спуститесь пониже, профессор, и как следует привяжитесь! — посоветовал я.

Брэггс что-то пробормотал и стал медленно продвигаться дальше, остановившись над самой моей головой.

— Ну как? — поинтересовался я.

— Ничего, ничего, Мартин, не беспокойтесь обо мне.

Линде помогал спуститься Дег, поддерживая ее своей сильной рукой. Теперь я уже ничего не видел, только иногда бил в глаза свет фонаря Илка. Потом донесся его голос:

— Лейтенант!

— Да! — ответил я. — Если все в порядке, спускайся и ты, Илк, и брось мне остальную сеть.

Я снова услышал шуршание падающей сети, подхватил ее и спросил:

— Все готовы? Отвечайте по очереди. Потом начнем общий спуск. Он будет долгим, ребята.

— Я готов! — сообщил Брэггс.

Голос Линды звучал нежно и, мне показалось, немного иронично:

— Я готова, Мартин.

— О'кей, — сказал Дег.

Илк ответил, как всегда, предельно кратко:

— Да.

И опять наступила тишина. Я опустил ногу вниз нащупывая следующую ступеньку.

Глава 11

НА ДНЕ КОЛОДЦА

В полной тишине я делал то же, что и мои товарищи, — осторожно спускался вниз, перехватывая руками скобу за скобой и нащупывая ногой следующую опору. Все это длилось так долго, что в конце концов я утратил всякое представление о времени и даже о пространстве, потому что не мог сообразить, как глубоко мы опустились. Поначалу я пытался было считать скобы, но потом посторонние мысли отвлекли меня, и отсчет прервался. Кто вырыл этот колодец? Когда? Сколько здесь трудилось землекопов? Сколько нам еще спустаться?

Вдруг я заметил, что наша сеть окончилась. До сих пор мы ни разу не воспользовались ею, она просто висела рядом, на всякий случай, но сознание, что она тут и за нее можно ухватиться, придавало нам некоторое ощущение уверенности. Словом, это была надежная гарантия нашего возвращения...

Я включил фонарь и предупредил:

— Сеть окончилась! Будьте еще осторожнее! — Мой голос прозвучал глухо и искаженно. Я пожалел, что заговорил, погасил фонарь и продолжал спуск.

Потом подступила усталость. Я обливался горячим потом, суставы сгибались с трудом. Когда же я спустился еще на пятьдесят или, может быть, сто ступенек, ноги уже едва держали меня, все тело горело нестерпимо и мучительно. В маску поступал чистый кислород, но мне все равно казалось, будто я задыхаюсь. Я подумал, как же выдерживают такое напряжение Брэггс и Линда, и почувствовал некоторые угрызения совести. Во всяком случае, у меня воз-

никло опасение за них. Я ухватился за скобу обеими руками и крикнул:

— Стоп! Делаем остановку! Надо передохнуть! — И с усилием добавил: — Как там дела наверху, профессор, мисс Линда...

Сверху донесся лишь приглушенный шум. Они тоже остановились, опираясь на скобы, пытались немного расслабиться. Я включил фонарь и направил его вверх, но увидел только подошвы сапог Брэггса.

— Все в порядке, профессор? — спросил я.

Я все еще ощущал какое-то странное удушье, мне даже трудно было говорить.

— Все в порядке? — переспросил я.

— Еще... еще далеко? — с трудом выдавил Брэггс.

Я уловил в его голосе беспокойство человека, который опасался, что у него не хватит сил.

— По-моему, уже близко, профессор, — ответил я, — если только эта лестница не приведет нас прямоком в ад... Мисс Линда! Как дела?

Она не ответила. Какое-то мгновение стояла полная тишина. Я взглянул в пустоту под своими ногами и погасил фонарь.

— Пойдем дальше? — спросил я и начал спускаться. Руки и колени болели еще сильнее. Мне отчаянно хотелось только одного: лечь навзничь, разжать пальцы и расслабить ноги, вздохнуть всеми легкими, утолить жажду, поесть...

Не знаю, на сколько ступенек еще мы спустились, думаю, их было немало, и когда я вновь почувствовал сильный жар и такую дикую усталость, что готов был разжать пальцы, то предложил:

— Стойте, ребята! Сделаем передышку!

И сразу же донесся голос Линды:

— О нет, Мартин, пойдите дальше!

Я встревожился:

— Что случилось, мисс Линда? Что-нибудь не так?·

— Нет, нет, — ответила она, спустя мгновение, — но лучше идти дальше, прошу вас, давайте спускаться... — голос ее звучал устало, неузнаваемо... — я думаю... — хотела она продолжить, но Брэггс прервал ее:

— Мисс Линда... — однако и он не смог продол-

жать, потому что в этот момент раздался встревоженный крик Дега:

— Держитесь!

Тут я услышал какой-то шум и суетливое движение наверху.

— Мисс Линда! — прокричал Брэггс тонким, сдавленным голосом, и нога его соскользнула со скобы, ударив меня по плечу. Дег тоже что-то кричал, но я не мог разобрать его слов. Потом он крикнул еще громче:

— Помогите, Илк, помогите! — И я снова услышал какую-то возню.

Я включил фонарь и осветил наверх.

— Что происходит, Дег? Что с мисс Линдой?

— Она, видимо, потеряла сознание, Мартин, — проговорил Брэггс, пытаясь установить ногу на ступеньку, — она висит на моих плечах.

В темноте виднелись лишь ботинки профессора да его правая нога. Я не в силах был что-то предпринять, и это бессилие приводило меня в отчаяние.

— Дег! — крикнул я. — Как дела? Она потеряла сознание? Ты держишь ее?

Снова послышался какой-то шум и спустя некоторое время Дег ответил:

— Да, да, Мартин, она потеряла сознание, я держу ее... Сейчас Илк пытается привязать ее... Поскорее, Илк!.. — Голос Дега звучал глухо, напряженно. Видимо, одной рукой он схватил мисс Линду, другой держался сам... Долго ему не вытерпеть... Я осветил вокруг фонарем и вцепился в скобу, на которой стояла нога Брэггса. Что я мог сделать? Ничего! Ничего! Я опять спросил:

— Ну как, привязали? Что делаете, ребята? — Откинувшись от скобы, я держался за нее одной рукой, спиной касался стены колодца. Посмотрел вверх. Они включили лампочки на шлемах, и теперь за черным и неподвижным силуэтом Брэггса я увидел, как в ярких лучах электрического света кто-то шевелится. Я уже не ощущал ни усталости, ни боли, ни удушья. Меня охватила мучительная тревога и бесконечное отчаяние. Дег и Илк молчали. Я слышал только их тяжелое дыхание, усиленное микрофоном, и глухие

проклятья. Они пытались спустить Линду на веревках. Я успокоился. Волноваться было совершенно бесполезно. Меня исключили из игры, я...

— Мисс Линда! — закричал вдруг Дег, а Илк зарычал, словно раненое животное. И не успел я сообщить, что происходит, даже не расслышал крика Брэггса, как что-то невероятно тяжелое обрушилось на меня, и пальцы, впившиеся в скобу, разжались. Я даже не успел понять, что это мисс Линда. Я понял только одно — падаю, лечу вниз.

Это длилось всего секунду. Но все же я успел подумать: «Умираю! Конец...» Только это и успел подумать: «Конец...»

Это длилось всего одну секунду.

И падение закончилось. Я ударился спиной обо что-то твердое, но не жесткое, наверное, упал на песок. Мисс Линда рухнула на меня и со стоном перевернулась на бок. Колодец многократным громовым эхом отразил крики товарищей, в волнении махавших фонарями. Я вскочил на ноги, исполненный необыкновенного счастья:

— Мы добрались, ребята! — закричал я. — Мы на дне! На дне! Я упал с двух или трех метров. Добрались!

На мгновение наступила тишина, которую тут же разорвали восторженные возгласы моих товарищей. Я склонился над мисс Линдой, лежавшей без сознания на темном песке, устилавшем дно колодца. Остальные быстро спустились друг за другом. Брэггс бросился к мисс Линде:

— Ну, как она? — взволнованно спросил он. Я взял руку мисс Линды и нащупал пульс.

— Ничего. Не страшно. Видимо, она очень устала...

— Она пришла в себя! — воскликнул Дег.

И действительно, Линда открыла глаза, но тут же зажмурилась от яркого света направленных на нее фонарей.

— Мисс Линда! — позвал я.

Она глубоко вздохнула:

— Мартин, — проговорила она, — что-то случилось?

— Ничего страшного. Вы упали, потащили меня

за собой. Мы были в двух метрах от земли. Ничего, мисс Линда, все обошлось. Вам лучше?

Она не ответила, только кивнула головой и тут же потянулась к прибору, висевшему у нее на груди. Я тоже наклонился к нему. Прибор не работал. Сигнальная лампочка не светилась, тиканье прекратилось. Видимо, он вышел из строя, когда мисс Линда уцала.

— Прибор не подает никаких сигналов, мисс Линда, — сообщил я, — может, испортился?

Девушка возразила:

— Нет, просто радиоактивность на нуле... Я еще раньше заметила это... — И помолчав, добавила: — Снимите, пожалуйста, свою маску...

Я не решался. Взглянул на товарищей и хотел было протестовать. Она поняла мое желание и, сделав слабый жест, повторила:

— Прошу вас!

Тогда я выполнил ее просьбу — снял свою маску и, глубоко вздохнув, набрал полные легкие прохладного свежего воздуха. Я тотчас почувствовал невероятное облегчение — сердце и мозг словно возродились к жизни, и я ощутил необыкновенный прилив сил.

— Воздух, ребята! — закричал я и снял маску с Линды. Мои товарищи сделали то же самое. Илк достал из рюкзака фляжку, и мы утолили жажду.

Это произошло всего за пять или шесть минут. Все — и крики, и падение, и разговор с Линдой, и освобождение от масок... Теперь Линда уже могла сесть, оперевшись о стену, ее волосы рассыпались по плечам, но лицо оставалось бледным.

— Ну как? — спросил я. — Уже лучше?

Она молча протянула мне руку. Я помог ей подняться, девушка покачнулась, но удержалась на ногах.

— Мне жаль, что все так случилось, — проговорила Линда.

Тут раздался тревожный возглас Брэггса:

— Мартин, смотрите, Мартин!

Глава 12

СЛЕДЫ НА ПЕСКЕ

Брэггс повторил:

— Смотрите, Мартин!

Я осмотрелся и только сейчас понял, где мы оказались.

— Пусто, Мартин! — воскликнул Дег, шаря вокруг фонариком.

— Пусто... — согласился я. — Помоему, это уж чересчур.

Мы находились в большой квадратной комнате. Стены ее были выложены из тяжелых каменных блоков — гораздо массивнее тех, что мы видели в верхнем колодце. Круглое отверстие его на-

ходилось теперь над нашей головой в центре тяжелого гранитного потолка. Я сделал несколько шагов по песку, покрывавшему пол, и подошел к стене.

— Огромная, пустынная комната, — проговорил я, — и больше ничего!

Тут все наши фонари нацелились на небольшой проем, который Брэггс обнаружил в стене. Отверстие было немногим более полутора метров в высоту и примерно метр ширины — это проход, а значит, есть еще одна дорога, по которой надо идти...

— Какое-то издевательство, — возмутился я, — действительно, китайская коробочка.

Словно сговорившись, никто из нас не сделал ни шагу вперед и даже не наклонился, чтобы получше рассмотреть, что же там, за этим проемом. Лучи наших фонарей шарили по стенам вокруг отверстия, словно мы не решались двинуться по этой вновь открытой нами галерее, как будто боялись убедиться, что и ей тоже нет конца.

— Выходит, мы еще не добрались... до конца... — пробормотал Брэггс.

Подойдя к проему, я опустился на колени и начал

внимательно осматривать землю, освещая ее фонарем. За отверстием начиналась сводчатая галерея длиной метров двенадцать или немногим больше. А далее электрический свет терялся во мраке. Товарищи собрались вокруг меня и молча разглядывали коридор.

— Смотрите! — вдруг воскликнул Дег и показал на землю.

На песке явно виднелись человеческие следы, будто кто-то ходил взад и вперед. Брэггс сказал:

— Это следы Оливера Лемба.

И я почувствовал, как у него дрогнул голос. Все притихли.

Мы долго молчали. И в тишине я опять услышал доносящееся откуда-то издали какое-то непонятное приглушенное дыхание — неторопливое размеренное тиканье, которое я уже улавливал и раньше, когда мы спускались по второму колодцу. Подняв голову, я прислушался еще внимательнее.

Обмануться было невозможно. Что-то ритмично пульсировало, и это «что-то» вдобавок издавало шуршание.

— Вода, — пробормотал я, содрогнувшись, — наверное, вода, или... — Я умолк.

Я сказал это, пытаюсь найти какой-то ответ. Но на самом деле не мог дать никакого объяснения подобному звуку. Впрочем, и мои спутники тоже.

— Ну что, идем дальше? — спросил Брэггс. Я положил ему руку на плечо:

— Нет, профессор, хватит!

Брэггс изумленно посмотрел на меня:

— Хватит? — Он не поверил своим ушам. — Как это — хватит?

Я показал ему на часы.

— Уже восемь, — сказал я, — это значит, что мы путешествуем уже три часа. — Произнося это, я и сам ужаснулся — три часа! Мне казалось, мы находимся в этом несчастном колодце целый век! Вот почему необходимо, — продолжал я, — совершенно необходимо немного перекусить.

— Но, Мартин, мы... — начал было Брэггс, и остальные тоже посмотрели на меня с удивлением.

— У нас в запасе сколько угодно времени, профессор. Весьма возможно, нам придется пробыть

здесь гораздо дольше, чем хочется. Что у нас имеется из еды, Илк?

Он улыбнулся, опустил рюкзак на землю и извлек из него пакетики солдатского пайка...

— Вот и хорошо, — поблагодарил я, усаживаясь прямо на землю, — ничего другого и не ожидал от такого повара, как ты!

Дег засмеялся, и напряжение немного ослабло. Мы уселись вокруг фонаря и принялись есть, оживленно обсуждая события. Даже смеялись чему-то. Но вдруг все умолкло. И снова с тревогой прислушались к далекому приглушенному шуму. Опять наши взгляды невольно обратились к проему в стене, и один-единственный вопрос вытеснил все остальное: что же нас ждет дальше, на том конце этой новой галереи? Что?

— Ну, скажите мне, Мартин, разве это не поразительно? — заговорил вдруг Брэггс.

В полумраке я увидел, как блестят его глаза. Сейчас передо мной был совсем другой человек, несколько не похожий на того профессора, который две недели назад в кабинете Спеннервиля умел превосходно владеть своими чувствами.

— Конечно, — подтвердил я, — даже слишком. Как вы думаете, когда построен этот проклятый колодец, профессор?

— Примерно, в конце XVII столетия... — ответил он задумчиво. — Впрочем, откуда мне знать, когда! Но, думаю, не раньше... Тогда о такой технике и не мечтали в здешних краях. Это, несомненно, одно из самых невероятных творений инженерной мысли, какие когда-либо существовали на земле, и я все время задаюсь вопросом, что же мы найдем в новом туннеле...

Мы продолжали есть. Закончив трапезу, я спросил мисс Линду:

— Как вы себя чувствуете? Сможете продолжить путь?

Она улыбнулась:

— Смогу, Мартин!

— О'кей, тогда пошли! — Я поднялся, надел шлем. Илк достал из своего рюкзака длинную веревку, ту самую, которой пытался привязать мисс Линду, сде-

лал на ее конце петлю, как на лассо, и укрепил на своем ремне. Он выглядел прямо-таки настоящим ковбоем.

— Кого собираешься заарканить, Илк? — поинтересовался я. — Какого-нибудь бычка?

Он улыбнулся, но ничего не ответил. Тогда я включил свой фонарь.

— Пошли! — сказал я и, нагнув голову, вступил в туннель.

Я медленно продвигался вперед, внимательно осматривая землю и стены. Остановился только в конце галереи, почувствовав, что дальше передо мной простирается какая-то огромная пустота. Мощный луч фонаря выхватывал из мрака какие-то странные отблески и фантастический каскад искр. Еще шаг вперед...

Я не удержался от возгласа изумления.

После жуткого мрака в колодце, после кошмара тусклых каменных плит, перед нами открылась невероятная, загадочная красота гигантского грота, созданного самой природой. Совершенно ошеломленные, мы смотрели на все, что высвечивали наши мощные фонари, — на фантастически высокий свод и целый каскад изящных сталактитов — настоящий каменный лес. Некоторые из них, похожие на алмазные колонны, опускались до самой земли. Туда, где, казалось, раскинулся немыслимой красоты ковер из драгоценных минералов. Тысячи идеально круглых, словно оледеневших камушков в свете скрещивающихся лучей переливались всеми цветами радуги, а сталактиты светились различными оттенками — розовым, золотистым, голубоватым, ярко-зеленым, белоснежным, или же, напротив, были совершенно черными, как антрацит. С земли из ослепительной россыпи сверкающих разными красками минералов им навстречу поднимались сталагмиты. Высочайший свод грота постепенно снижался в левой части, и там лучи наших фонарей пропадали в плотном, черном тумане.

Мы замерли, глядя, как зачарованные, на эту поразительную картину. Открывшееся нам зрелище заставило забыть обо всем на свете. Однако эта пауза вынудила нас вернуться к действительности. В на-

ступившей тишине мы опять услышали страшное, тяжелое дыхание — еще более торжественное и, похоже, все усиливающееся.

Дег заговорил первым:

— Но... где мы? — И неуверенно шагнул вперед. Не отвечая ему (что мы могли сказать?), все последовали за ним. Линда посмотрела на свой прибор и знаком дала понять, что все в порядке.

— Красиво, нет слов! — сказал я. — Но мы не можем себе позволить роскошь любоваться подобной панорамой, пока не доберемся до дна этого проклятого колодца и не вернемся на яхту, к Спленнервиллю. А он, — добавил я, испытывая странное чувство сожаления, — наверное, уже готов дать сообщение о нашей гибели в «Дейли Монитор».

Я прошел вперед, словно подталкиваемый каким-то закипающим необъяснимым гневом. Вскоре под моими сапогами закрипели блестящие шарики. Я почувствовал, что почва уходит под уклон. Свод, украшенный сталактитами, понижался. Двигаясь дальше, мы задевали их шлемами. Пещера становилась все уже. Перед нами возникло нечто вроде черного экрана, который открывал дорогу, чтобы тотчас закрыться за нашими спинами. Внезапно камушки, скрипевшие под ногами, исчезли, уступив место плотному белому песку. Я остановился, осветил фонарем во все стороны. Если Оливер Лемб тут был, должны остаться и его следы...

И я увидел их. Меня опять охватил страх. Мы все были готовы ко многому. Мы понимали, что можем увидеть тело пирата.

Но такого мы никак не ожидали.

Я промолчал. Не было никакой нужды говорить что-либо. Мои товарищи все увидели сами. Придя в себя от неожиданности, мы включили свои фонари и наконец Брэгг спросил:

— А это что? Что это?

На песке отчетливо видны были следы Лемба — квадратные отпечатки тяжелых сапог. Лемб прошел тут и не вернулся обратно.

Но на песке остались не только его следы.

Рядом с ними четко обозначались отпечатки двух босых ног.

Глава 13

ТО, ЧТО ОСТАЛОСЬ ОТ ОЛИВЕРА ЛЕМБА

Не без труда удалось мне подавить изумление и тревогу.

— Илк! — позвал я. Индеец подошел и начал внимательно рассматривать сначала след, оставленный сапогом, а потом отпечаток босой ноги. Прodelав это, он пошел по следам и вскоре исчез в темноте.

— Посмотрите, пожалуйста, — попросил я мисс Линду, — что показывает ваш прибор возле каждого из этих отпечатков.

— Хорошо, — кивнула она, но как мне показалось, несколько неуверенно, и направила счетчик на следы. Мы затаили дыхание, наблюдая за ее действиями. Ждать пришлось недолго.

— Это совершенно разные следы, Мартин, — определила мисс Линда. — След от сапога сохраняет незначительную радиоактивность, а след от босой ноги совершенно чист.

Тут вернулся Илк. Лицо его было хмурым. Он угрюмо взглянул на меня.

— А теперь, Неторопливый Лось, — обратился я к нему, — докажи, что люди племени Кроус умеют читать следы. О чем они говорят?

Глаза индейца сверкнули мрачным огнем.

— Лемб шел за босоногим человеком... — медленно произнес он, — но до какого места, не знаю. Дальше песок кончается, и все усыпано камнями. Там, внизу, — прибавил он, указывая рукой вперед, — большая пустота, лейтенант.

Он стиснул губы, словно устав от того, что ему пришлось так много говорить. Профессор Брэггс тотчас же склонился над следами.

— Да, — проговорил он, — да, да, да... Это следы,

оставленные сапогом XVIII века... Нет сомнения... Однако, — добавил он, поднимая ко мне бледное лицо: — выходит, еще кто-то спускался сюда? Возможно ли такое? Возможно ли, о Господи?

— Не знаю, профессор, — резко ответил я, — но так или иначе, кроме Лемба здесь был кто-то еще. Во всяком случае, — мрачно заключил я, — никто из них не вернулся назад. Мы найдем их останки.

Все посмотрели на меня, и мне показалось, содрогнулись от ужаса. Я подал знак головой:

— Идем!

Я пошел по мягкому песку, и мои товарищи последовали за мной, погасив фонари, стараясь не наступить на следы Лемба и загадочного человека, ходившего босиком. Дорога шла под уклон все круче и круче. Вскоре, как и доложил Илк, песка не стало, под ногами закрипели камни. Я освещал дорогу впереди себя метров на тридцать. А дальше я рассмотрел какой-то гребень, слабо светившийся на фоне абсолютного мрака.

— Там, видимо, крутой откос, — решил я, останавливаясь. — Ты прав, Илк, это большая пустота.

Брэггс, следовавший за мной, встал рядом.

— Свод поднялся выше, — проговорил он. — Мартин, мы... в пещере, в гигантской пещере... гигантской!.. — Голос его прервался, лицо покрылось потом. Я встревожился, увидев его таким взволнованным.

— Вы хорошо себя чувствуете, профессор? — спросил я. Его зрачки расширились до предела.

— Хорошо? О да, хорошо... — ответил он и попытался улыбнуться. — Не обращайтесь внимания на мое волнение. Наверное, — добавил он, — это из-за темноты.

Мы двинулись дальше и остановились у самого края откоса. Лучи наших фонарей терялись во мраке, откуда, казалось, чуть-чуть повеяло свежестью. Я подобрал камушек и бросил его в темноту прямо перед собой. Слышно было, как он покатился, потом раздался сухой удар, и эхо тут же гулко подхватило этот звук, медленно угасая.

— Да, — проговорил Брэггс, — там какая-то большая пустота...

— Илк, — попросил я, — Илк, дай-ка осветительную ракету.

Достав пистолет, Илк зарядил его и выстрелил, направив вверх. Ракета с шипением взлетела во тьму и взорвалась, рассыпавшись на множество ярких огоньков. В их свете мы увидели еще одну поистине необъятную пещеру с удивительно гладкими, едва ли не отшлифованными зеленоватыми стенами. Земля внизу, метрах в пятнадцати под нами была частично покрыта камнями, а местами чистым белым песком, и на нем отчетливо проступали следы сапог Лемба и чьих-то босых ног. Они вели в глубину пещеры, очень далеко — не менее полумили к высокой каменной скале, разделенной ровно пополам огромной вертикальной трещиной.

Следы вели к ней. Но обратно вернулся только один человек. Мы видели его следы, неровные, идущие вкривь и вкось — следы отчаянно уставшего человека.

Смертельно раненного человека.

Это был Оливер Лемб. Мы проследили за отпечатками его сапог от самой трещины до того места под откосом, у края которого мы все стояли, охваченные страшным волнением.

Мы направили лучи наших фонарей вниз, под откос. Брэггс внезапно опустился на колени, словно какая-то неведомая сила сразила его:

— Ах! — простонал он. — Это Оливер Лемб! Смотрите! Это он!

Да, это был он. Вернее, то, что осталось от него.

Он лежал у подножия откоса. Смерть настигла его, когда он отчаянно пытался подняться наверх. У него иссякли последние силы, и он упал. Распростертый на камнях труп лежал головой к нам, вытянув вперед руки. То, что некогда было его лицом, теперь стало побелевшим за два с половиной столетия черепом.

Потрясенные, мы молчали, неотрывно глядя на безмолвный прах Лемба.

— Ох, Мартин! — еле слышно проговорила Линда, и я почувствовал, как ее пальцы коснулись моей руки и сразу же отвернулись. Я не испытал ужаса, никто не испытывал его.

Огоньки ракеты гасли один за другим, и мрак снова победно и неумолимо завладевал пещерой.

Я сказал:

— Направимся вниз и пойдем дальше, держась правой стороны, так, чтобы не потревожить прах Лемба.

Мы довольно легко спустились по крутому откосу и подошли к Лембу. Осветили его нашими безжалостными фонарями. И я услышал, как все мои товарищи, кроме Илка, издали изумленные и испуганные возгласы.

Я негромко проговорил:

— Спокойно, ребята, спокойно.

Надо сказать, что здесь я впервые испытал настоящий ужас.

Между ребер Оливера Лемба торчало глубоко воткнутое копьё.

— Спокойно, — повторил я, вдруг ощутив ледяное, бесконечное, как и этот проклятый колодец, спокойствие. Мы с Илком подошли ближе к труп, а Дег, Брэггс и Линда держались позади, в нескольких шагах.

Голова Лемба склонилась на плечо. Грубая куртка из синей ткани и обветшавшие штаны прикрывали скелет. На черепе еще видны были остатки черных волос. Тонкие фаланги пальцев впились в камни, сапоги выглядывали из песка.

Копьё вошло глубоко. Вокруг раны на куртке широко расплзлось темное пятно. Сабля в ножнах лежала рядом. Пистолет был засунут за ремень, видневшийся под курткой. Рядом на земле возле кучки пепла валялся кусок почерневшего дерева — факел, конечно. Не было никаких следов веревки.

— Это... — начал было я, но тотчас умолк. Вот он, этот человек, наш предшественник — он опустился в колодец, ничего не предусмотрев, не сделав никаких предварительных расчетов, не то, что мы. Оказавшись один на один перед неведомой тайной колодца, он пошел ей навстречу с таким же бесстрашием, с каким сотни раз бросался на абордаж в кровавых пиратских схватках. Он отправился навстречу неведомому, вооружившись лишь факелом, саблей и пистолетом. И, конечно, мужеством.

А некто, должно быть, босоногий человек, подкараулил его с копьём в руке. Раненый Оливер Лемб хотел вернуться. Но дойдя до подножия откоса, почувствовал, что силы покидают его. Он еще боролся, протянул руки, вцепился пальцами в землю, пытался подняться... И остался тут, в этом губительном мраке колоссальной могилы.

— Кто же убил Лемба? — тихо спросила Линда, мужественно шагнув вперед. Девушка вопросительно посмотрела на меня. Я кивнул на ее приборчик, и она направила его на мертвеца.

— Легкие следы радиоактивности, Мартин, — сообщила она, потом взглянула на Лемба и молча перекрестилась.

— Его сразили внезапно, — сказал я, — он даже не успел защититься... — и я показал на саблю, — она в ножнах, а пистолет на поясе.

Хмурый Илк утвердительно кивнул.

— Но кто? Кто еще мог оказаться здесь? — воскликнул Брэггс. — Кто-то, пришедший вместе с Лембом? Нет, нет, Ричард Фокс написал бы нам об этом. Тогда... — И профессор в растерянности посмотрел на следы босых ног. — Чьи это следы? Чьи?

— Довольно, профессор, — вмешался я. — Если и есть ответ на ваш вопрос, то он там, внизу, перед нами. Понятно?

Он посмотрел на меня, словно испугавшись, и я добавил примирительно, пытаясь улыбнуться: — Не сердитесь, профессор. Мы все сейчас немножко нервничаем.

Тем временем Илк, не утративший присутствие духа, осмотрел тело Лемба. Достал из его кармана пару золотых монет, показал мне и положил обратно. Наконец, покачал головой, как бы говоря, что больше ничего нет.

— Копье, Илк, — попросил я. — Мисс Линда, не смотрите сюда.

Она поняла и отвернулась. Илк крепко ухватил копьё обеими руками и вырвал его из скелета Лемба. Раздался глухой стук, и я постарался заглушить его голосом.

— Надеюсь, найдем еще что-нибудь.

Илк показал мне копьё. Тело Оливера Лемба превратилось в жалкую горсть праха.

Глава 14

ЛОВУШКА

Мы замерли, глядя на то, что осталось от этого отважного человека: двести пятьдесят лет его несчастное тело пролежало тут, в этом фантастическом склепе и не превратилось ни в песок, ни в камень, сохраняя подобие человеческого облика... И вот пришли мы и...

— Оливер Лемб! — проговорил профессор Брэггс, и голос его прозвучал торжественно и глухо. — Оливер Лемб! Мы продолжим ваши поиски!

Если и было какое-то колдовство, заставившее нас стоять недвижно и молча, то слова профессора нарушили эти чары. Я взглянул наверх — последняя осветительная ракета уже не светила, а лишь мерцала во мраке красноватой точкой.

— Пошли! — встрепенулся я. — Нам нужно добраться до той трещины... Быстрее! — попросил я то-варищей. — Если кто-то устанет, пусть скажет, ясно?

Никто не возражал, и я решительно направился вперед.

Какое-то время мы шли молча. Каждый, казалось, был погружен в свои думы. Но на самом деле всех занимала одна мысль, терзал один и тот же вопрос: «Кто? Кто убил Оливера Лемба? Кем был этот босоногий человек, преследовавший пирата? Куда он делся, если не вернулся назад?»

Двигаясь вперед, я испытывал то же чувство, какое нередко приходилось переживать во время войны — ощущение, будто за мной непрерывно наблюдает какой-то невидимый враг, готовый сразить меня.

Казалось, в этом мраке, беспрестанно надвигающемся на нас и тотчас замыкающемся за нашими спинами, таились чьи-то злобные глаза. И руки, готовые задушить нас.

Но не только это ощущение вызывало неприятное чувство тревоги. И я, и все мы смутно чувствовали, что есть нечто загадочное в этом странном месте, куда мы попали. Брэггс утверждал, что колодец построен в XVII веке. А может, он ошибается? Может, все это возникло гораздо раньше?

Но если раньше, то когда?

Отпечатки ног виднелись на песчаных участках и исчезали там, где земля была покрыта круглыми сверкающими камушками. Следы Лемба, когда он направлялся в глубину пещеры, были четкими и уверенными, а обратно, раненный, он еле шагал, теряя силы, и отпечатки его были либо едва обозначены, либо глубоко вдавлены в песок. Босоногий же человек оставлял следы абсолютно четкие, ровные на всем протяжении пути. Кем бы он ни был, но шел он к своей цели твердо, размеренными шагами. Видно было, что он хорошо знает дорогу, по которой идет.

Спустя какое-то время у меня возникло странное чувство: мне показалось, будто я вдруг остался совсем один в этой пустыне. Я быстро обернулся и с облегчением увидел силуэты моих спутников. Я остановился в раздумье. Тут до меня донесся голос Брэггса:

— А нельзя ли идти побыстрее, Мартин?

— Нет, — ответил я, — разве только бегом, но тогда...

— А почему бы не побежать? — спросил Дег, едва ли не с вызовом. — Тут всего-то четверть мили! Почему бы и не побежать и не добраться поскорее до конца?

Мне тоже хотелось бежать, и какой-то внутренний голос упрасивал меня поторопиться, прибавить скорость. Но я удержал себя.

— Ни в коем случае! — воскликнул я. — Не будем терять голову. Мы здесь всего шесть часов, куда вы спешите! Поймите, что в нашем положении надо сохранять спокойствие!

Я услышал, как Брэггс проворчал что-то себе под нос, но не разобрал что, а Дег выругался сквозь зубы. Меня вдруг взорвало:

— Вперед! — приказал я, направляя свой фонарь на следы.

Все же я ускорил шаги. И эта четверть мили оказалась, наверное, самым тяжелым участком пути. Подойдя к скалистой стене, расколотой вертикальной трещиной, мы почувствовали, что ноги наши отказываются служить. Мы остановились передохнуть. Мне захотелось пить. Илк молча снял с пояса вместительную флягу, протянул ее нам. Дег же тем временем освещал своим фонарем расщелину. В ней обнаружился узкий проход, метров через пятнадцать исчезавший за поворотом.

— Пойдем дальше! — умоляюще попросил Брэггс, и я подумал, что нервы его сдают. — Пойдем дальше, Мартин, прошу вас... Не надо останавливаться!

— Разумеется. Сейчас пойдем, — успокоил я его. — Мы ведь здесь не для того, чтобы стоять на месте и...

Я умолк, потому что Линда тронула меня за руку, давая понять, чтобы я замолчал и прислушался к какому-то звуку. В наступившей тишине мне почудился приглушенный шепот. Что-то непонятное доносилось оттуда, куда мы шли. Илк тоже насторожился, хотя лицо его осталось невозмутимым.

— Но... что это? — прошептал Брэггс.

Я жестом успокоил его.

— Ничего! Идемте!

Мы осторожно вошли в расщелину. Следы исчезли. Вскоре проход свернул вправо и стал понемногу спускаться.

— И это еще не все? — с грустью спросила Линда.

Дег нервно усмехнулся:

— Вы правы, Мартин, мы явно направляемся напрямиком в ад!

Он вдруг остановился, поднял голову. И мы снова услышали глухой шепот, доносящийся из мрака. Глупо, конечно, но я достал из рюкзака револьвер. Сжав холодную рукоятку своего верного друга, я на мгновение почувствовал себя спокойно. Но тут же ус-

мехнулся и спрятал оружие. Ну кто еще может тут быть, кроме нас, пятерых сумасшедших?

— Там, впереди, кто-то есть, — прошептал Брэггс, беря меня за локоть. — Там кто-то говорит... Кто-то есть! Слышите?

Теперь все мы совершенно отчетливо слышали какое-то поскрипывание, словно кто-то убегал от нас.

— Внимание! — предупредил я, пожалев, что спрятал револьвер в рюкзак. Мы замерли, словно ожидая с минуты на минуту увидеть кого-то в глубине прохода.

И до нас донеслось то же тяжелое дыхание, какое мы услышали, когда только вошли в колодец.

Что-то явно пульсировало впереди. Доносились какие-то могучие вздохи. Похоже, накатывался неведомый подземный прибой. Какое-то новое колдовство...

— Пошли посмотрим, черт возьми, что это такое! — воскликнул я, но тут же одумался. — Да там никого нет и быть не может. Это всего лишь эхо наших голосов... Лучше помолчите!..

Все остановились и умолкли. Действительно, скрипы и вздохи затихли. Я заметил растерянное лицо Брэггса.

— Ну, да, — пробормотал он, — ну, конечно, кому здесь быть, кроме нас?..

— Это человек, который убил Лемба, — вдруг выпалил Дег, но тут же отрицательно покачал головой: — Господи, какие же глупости я говорю! Ведь Лемб был убит два с половиной века тому назад... Нет, нет, Мартин, — и он крепко сжал виски пальцами, — я перестаю что-либо понимать!..

— Но этот шум, — сказала Линда, — не иллюзия, и не обман слуха. Мы ведь слышали его с самого начала, просто теперь он стал явственнее.

— Пойдем посмотрим, что это такое! — снова предложил я. И двинулся вперед. Илк шел следом за мной, а остальные погасили фонари, сберегая энергию. Однако Илк этого не сделал. Я уже собирался посоветовать ему тоже выключить светильник, но передумал. Если Илк что-то считал нужным сделать, значит, для этого у него были веские основания.

Мы шли вперед, и проход вел нас теперь, никуда не сворачивая. Он сделался шире, примерно метра в полтора. Стены выглядели неровными, испещренными складками, словно древние маски. Расщелина уходила очень далеко вверх, под самый свод этой огромной пещеры. Неожиданно мы сделали еще один крутой поворот, и я остановился.

— Взгляните, — позвал я. На земле лежал длинный толстый канат, несомненно принадлежавший Оливеру Лембу. Он походил на гигантскую окаменевшую змею.

— Значит, Лемб был здесь, — заметил Брэггс.

Мы пошли дальше. Вдруг меня остановила какая-то смутная тревога. В голове загремели колокольчики. Дег спросил:

— А теперь что, Мартин?

Не раздумывая, я ответил ему:

— Опасность!

Опасность существовала. Я несколько не сомневался в этом. Я ощущал ее каким-то десятым чувством. Что-то происходило...

Я медленно двинулся дальше, освещая фонарем дорогу прямо перед собой. Шагах в двадцати опять возник поворот...

Тревога еще сильнее охватила меня: «Что с тобой, Мартин? — спросил я себя. — Что с тобой происходит?»

— Лейтенант! — Крик Илка прорвал тишину, словно бомба, сработавшая в глубине колодца. Я не успел даже испугаться. Я почувствовал только, как что-то очень тяжелое навалилось на меня, и полетел на землю. Падая, я понял, что это Илк бросился на меня, и потому, упав, не стал сопротивляться, а покатился по камням... И в этот момент буквально на расстоянии ладони от моей головы пролетело копьё и ударилось о стену.

Если бы не Илк, оно вонзилось бы мне в бок. Точно так же, как когда-то сразило Оливера Лемба.

Глава 15

БАШНЯ И МАЯТНИК

— Стойте! Ни с места! — успел крикнуть я, падая и катясь по земле, сбитый с ног расторопным Илком. Я перевернулся на спину и увидел, что Брэгтс, Дег и мисс Линда, потрясенные, стояли не двигаясь и во все глаза смотрели на нас с Илком, лежащих посреди сверкающих, будто стекло, обломков копья. Я приподнялся и заглянул в темное отверстие в стене, зиявшее в метре над землей. Отсюда и вылетело копьё. Я ощупал землю перед собой и почувствовал, как что-то сдвинулось у меня под руками. Это был светлый, совершенно круглый камень.

— Что это за ловушка, Илк? — спросил я.

Илк поднялся.

— Алгонкинская, — неохотно ответил он, — такие ловушки ставят на зверя в густых лесных зарослях.

— Подумать только, — усмехнулся я, поднимаясь с земли. — Едва не погиб точно так же, как... Оливер Лемб. И если бы не ты, Илк... — Я ударил себя в бок, в то место, куда могло вонзиться копьё.

Брэгтс нерешительно шагнул мне навстречу.

— Ловушка? — переспросил он, освещая фонарем все вокруг. — Что вы говорите? Алгонкинская ловушка?..

Вместо ответа я наступил на круглый камень. В отверстии в стене раздался щелчок. Древний механизм с секретом все еще давал о себе знать.

— Вот здесь, убедились? Подойдите ближе, — предложил я. — Теперь уже не опасно.

Брэгтс посветил в отверстие.

— Ничего не видно! — проговорил он в растерянности и опустил на колени. — Смотрите, — прошептал он, — тут какие-то знаки, надпись, смотрите! Видите, мисс Линда?

Девушка тоже наклонилась. Мы все стали рассматривать загадочные письма.

— Как ты обнаружил эту ловушку, Илк? Я ничего не видел! — удивился я.

— Одна уже была раньше, лейтенант, позади, где Лемб оставил веревку. Я наступил на нее и услышал щелчок. Вот потому и... — Он умолк и сжал губы.

Я дружески похлопал его по плечу.

— Спасибо, Неторопливый Лось! — поблагодарил я.

— Мартин, — растерянно позвал Брэггс, — Мартин, я не могу расшифровать, что тут написано, какая-то криптограмма, наверное...

Мисс Линда рассматривала другой камень, лежащий сзади, тот, что стал роковым для Лемба.

— Тут такие же знаки, профессор! — сообщила она.

Я коротко приказал:

— Дег, сфотографируй все это. Потом расшифруете эту криптограмму, профессор.

— Но...

— Прошу вас, идите дальше. Думаю, дорога будет еще труднее. Но так или иначе, надо сначала перекусить.

Я достал из рюкзака кое-какую еду. Моему примеру последовал только Илк. Остальные отказались. И даже Дег сказал:

— Мартин, может быть...

Я не дал ему закончить:

— Ешь, Дег, молчи и выплевывай косточки... — Я попытался улыбнуться: — Извините, мисс Линда, извините, профессор... Так говаривал мой дед... Полагаю, — добавил я, садясь и принимаясь за еду, — он был прав.

Мы молча перекусили. Я очень волновался, остальные тоже сгорали от нетерпения. Только ведь всем известно — ничего нельзя предпринимать на пустой желудок.

И тут я спросил:

— Выходит, это алгонкинцы, Илк?

Он кивнул.

— Алгонкинцы, — заговорил Брэггс, — не могли добраться сюда в доколумбову эпоху! — Я увидел, как у профессора округлились глаза, словно перед ним открылось нечто невероятное, даже напугавшее его. Он стиснул зубы, покачал головой и больше ничего не сказал.

Мы собрали рюкзаки и двинулись дальше, тщательно, всеми фонарями освещая каждую складку в скалистых породах, высокие своды над головой. Мы обнаружили и заставили сработать еще пять таких ловушек. Копья вылетали с невероятной силой, казалось, в них вселился злой дух, жаждущий крови и желающий любой ценой преградить пришельцам дорогу...

Куда?

Ответ мы получим — я был УВЕРЕН, что мы его получим — по ту сторону железной двери, которая возникла перед нами в глубине прохода — страшная, мрачная, таинственная.

На этот раз мы не медлили. И это было понятно. Ведь нам оставалось преодолеть одно, самое последнее препятствие. Мы сгрудились у двери, пытаясь дотянуться до массивного кольца в самом ее центре. Это удалось сделать Брэггсу. Он ухватил его, и мы замерли. Профессор невероятно напрягся, стараясь повернуть кольцо, даже заморгал от напряжения.

— Тяните на себя! — закричал я. Брэггс собрал все свои силы и дернул кольцо. Дверь дрогнула и открылась.

И тут на нас обрушился невероятный грохот. Казалось, что всех обдало само дыхание недр. Если у Земли есть сердце, то мы оказались рядом с ним, ощутили его биение.

Профессор Брэггс издал невообразимый крик. В нем было все — отчаяние, радость, изумление, страх, восторг, вера и неверие. Но больше всего в нем было благодарности. И мы, переступив порог вслед за ученым, закричали от восторга, забыв обо всем на све-

те — невольно возблагодарив в душе Господа за то, что он позволил нам увидеть это.

Неимоверное пространство — поистине необъятный, невообразимый мир, куда вывела нас таинственная дверь. Над нашими головами в немыслимую высь уходило какое-то необычное небо — свод немыслимо гигантской пещеры. Мрак исчез, и все вокруг заливал странный, магический свет, в воздухе вилась тончайшая зеленоватая пыль и легкий колышавшийся туман. Тревожное сияние исходило от далекого, невидимого свода, отражалось от необозримых, уносившихся на головокружительную высоту стен. Переступив порог двери и оставив позади узкий туннель со множеством коварных ловушек, мы оказались в неизмеримой, бескрайней долине, границы которой терялись неизвестно где. Но...

Но вовсе не ошеломляющие, беспредельные масштабы этой пещеры повергли нас в изумление. Отнюдь не она заставила подумать, будто все это нам снится. Нам показалось, будто сама смерть осенила нас своей невидимой, легчайшей рукой, и мы оказались на том свете, даже не заметив этого.

Но нет, нет! Это не сон! Перед нами действительно уносилась в неимоверную высь потрясающая башня. Гигантская до абсурда. Как небоскреб Манхэттена. Ее вершина терялась в тумане, скрывавшем от нас своды пещеры.

Мы видели ее крепкий, уходящий в землю, словно корни тропического дерева, поразительный фундамент, сложенный из огромных каменных блоков и массивных балок, могучих связок гигантских стволов, стянутых толстыми металлическими обручами. И с трудом отрываясь от этого фундамента, возвышавшегося метров на пятьдесят над землей и — по видимому, настолько же уходившего вглубь, возносились на невообразимую высоту какие-то фантастические леса — причудливое переплетение огромных балок, креплений, опор, перекладин, канатов, натянутых до предела, кое-где сплетенных в толстые узлы, а где-то привязанных к огромным кольцам и связкам стволов... Мы с волнением смот-

рели на это чудовищное сплетение, на эту невообразимую конструкцию, уходящую в пугающую высь...

Но и необъятная пещера, и этот таинственный свет, и неимоверно высокая башня, и ощущение своей ничтожности, и наш страх — все это померкло перед другим потрясением. Все еще не веря своим глазам, мы вдруг поняли, что эта башня — всего лишь основание гигантского движущегося маятника, который с невозмутимой и бесстрастной равномерностью раскачивается перед нами.

Мы не могли оторвать от него глаз, следя, как он с легким шорохом приближается — так шуршит опавшая листва. Маятник проходил мимо нас и удалялся, медленно унося свой невероятный груз, похожий на жернова какой-то гигантской мельницы. Перемещаясь, маятник издавал шум, похожий на тяжелое дыхание великана, и крепкие конструкции башни скрипели под его тяжестью, но сразу же умолкали, словно испугавшись. Это и было то самое дыхание, какое мы слышали в колодце, то тиканье, что так испугало и озадачило нас. Когда груз проходил мимо, примерно в десяти метрах от земли, на нас волной налетел сухой ветер, отчего перехватило дыхание, но длилось это лишь мгновение — маятник удалялся, теряясь в сумрачном тумане. Дойдя до крайней точки, он возвращался. И так он двигался века!..

Брэггс шагнул вперед. И упал на колени.

— Но кто же, — воскликнул он, — кто смог?.. — Профессор не произнес больше ни слова. Действительно, кто смог задумать такое творение и осуществить свой замысел? Кто смог спустить сюда, в этот загадочный подземный грот, тысячи рабочих, доставить многие тонны строительного материала? Кто заложил фундамент этой башни, более впечатляющей, нежели египетские пирамиды, более совершенной, чем небоскребы? И какая тайная сила приводит в движение этот маятник? И... как давно?

Я с трудом пришел в себя от изумления и с усилием отвел взгляд от этого потрясающего зрелища. Мне понадобились вся моя воля, все мужество. Шаг-

нув вперед, я почувствовал, что меня шатает. И все же я подошел к Брэггсу и тронул его за плечо.

— Пойдемте, профессор, — сказал я. Но он покачал головой и не сдвинулся с места. Потрясенный, он завороченным взглядом следил за могучими колебаниями маятника.

— Пойдемте, профессор, — громче повторил я. — Все, что мы ожидали... Все наши предположения... Сокровища, документы, корсары минувших веков... — Я опустил голову и усмехнулся нашей наивности. — Все это заблуждение! Идемте отсюда.

Мои спутники подошли ближе и окружили Брэггса, словно солдаты своего раненного в бою товарища. Линда опустилась возле него на колени и взяла за руку:

— У вас важная задача, профессор, — сказала она, — открыть все это, — и она кивнула на башню, — миру.

Брэггс, казалось, не слышал. Он медленно поворачивал голову вслед за движением огромного металлического жернова. И каждый раз, когда доносилось его дыхание и налетал порыв ветра, он вздрагивал, словно снова и снова приходил в изумление, вновь и вновь переживая потрясение.

Потом он посмотрел на Линду и с какой-то отчаянной решимостью в голосе произнес:

— Да, вы правы. Лучше уйти.

Я опять тронул его за плечо. На этот раз он поднялся. Я протянул ему фляжку, которую мне передал Илк.

— Выпейте это, профессор, вам станет лучше. Побудьте с ним, мисс Линда, — добавил я. — А мы втроем пройдем немного дальше. Илк, Дег, пошли!

Слева от нас в нескольких сотнях метров просматривался какой-то обрыв. Виден был его неровный край. Мы направились туда, и Дег по пути снимал камерой. Я испытывал какое-то странное чувство: внутри все дрожало, словно моя душа была последним листком, оставшимся осенью на ветке дерева, и леденящий ветер стремился сорвать и унести его прочь...

Куда? Можно ли было найти более нелепое, более

фантастическое место, чем то, где мы сейчас находились?

Я остановился, чтобы немного глотнуть из фляжки. Дег побежал вперед к еще неведомому обрыву. Я предупредил:

— Думаю, пора возвращаться, Илк. Мне кажется, что...

Илк прервал меня, тронув за плечо, так как до нас донесся взволнованный голос Дега:

— Мартин! Мартин! Идите сюда! Скорее!

В испуге мы подбежали к нему. Опустившись на колени, Дег пристально смотрел с крутизны. И тут мы услышали новый шум. Приблизившись к Дегу, я тоже опустился на колени и чуть не сорвался вниз.

Глава 16

СКОЛЬ ВЕЧЕН МИР?

Я лишь мельком взглянул туда и не смог смотреть дольше. Я с содроганием отпрянул от края обрыва. Мне показалось, будто чья-то рука пытается столкнуть меня в бездну.

— Это фантастика, Мартин! — проговорил Дег. — Какой-то новый мир... Тут совсем другой мир...

Всеми силами стараясь сохранить хладнокровие, я снова посмотрел вниз.

Очень далеко в глубине, метрах в ста подо мной, свет меркнул, уступая место густому туману, поднимавшемуся снизу. Оттуда доносился неистовый грохот kloкочущей воды, многократно умноженный эхом.

— Илк, давай ракету! — попросил я индейца. — Надо посмотреть...

Илк запустил две ракеты. Они вспыхнули одна за другой и повисли огромными, ослепительно яркими зонтами. За мерцающей пеленой тумана мы рассмотрели несколько стремительных потоков, которые мощными пенистыми каскадами вырывались из мрачных расщелин, завихряясь, сталкиваясь друг с другом, образуя при этом бурлящий водоворот, а затем устремлялись в бурную стремнину таящейся где-то на самом дне пропасти реки, уходявшей Бог знает куда. В ярком свете ракет блеснули гигантские острые утесы и могучие валуны, передвигаемые кое-где течением, а на гладких отвесных стенах пропасти зияли там и тут огромные черные отверстия других каналов, из которых вода не вытекала, но они словно ждали своего часа.

— А это еще что такое? Что это? — раздался у

нас за спиной голос Брэгтса, и мы, вздрогнув, обернулись, как по сигналу. Опустившись на колени, он, как и мы, смотрел в пропасть, и его тонкие пальцы (я вспомнил, как спокойно они закрывали кожаный портфель тогда, в кабинете редактора в Нью-Йорке) в отчаянии вцепились в землю.

Мы не ответили. Илк пустил третью ракету, на этот раз зеленую, и гигантская бездна заполнилась прозрачным, пугающим светом, от которого болели глаза и делалось как-то не по себе. А снизу с сильным порывом ветра до нас долетели холодные водяные брызги. Линда провела ладонями по лицу.

— Но... но вода соленая! — воскликнула вдруг она.

Обернувшись, мы увидели, что девушка облизывает мокрые губы.

— Соленая!

И тут мы тоже почувствовали соль на наших руках и лицах.

— Наверное, — с испугом продолжала Линда, — когда отлив освобождает проход, сюда втекает вода, остываясь в канале.

— Ну, конечно, конечно! — воскликнул Брэгтс, неосторожно наклоняясь над пропастью. — Конечно... Подземный мир... Целая сеть каналов... Плененное море... Нечто неслыханное... Невероятное мастерство! — Он снова наклонился над пропастью, и крепкая рука Илка, рванув его назад, спасла от гибели. Брэгтс рассердился, и тогда я посоветовал ему:

— Успокойтесь, профессор... Ведь если вы окажетесь там, то никому не сможете рассказать о том, что видели тут!

Он молча кивнул в ответ, с трудом поднялся и повернулся к маятнику, видневшемуся в сумраке пещеры.

— Это оттуда, — прошептал он, — идет воздух... Оттуда он подается маятником, понимаете? Неизвестно, откуда точно, но мы узнаем и это... — Он в волнении стиснул ладонями лицо, потом провел ими по своему потному лбу. — Все возможно, вы понимаете это, не так ли? Наверное, маятник втягивает воздух

из жерла какого-нибудь вулкана или огромного неведомого грота... Или, кто знает, через какой-нибудь фильтр, да, фильтр в море...

— Потрясающе! — в изумлении воскликнула Линда. Я взглянул на нее. Она была очень бледна и крайне взволнована, и мне показалось, сейчас потеряет сознание. Я успокаивающе тронул ее за плечо.

Брэггс сердито посмотрел на девушку.

— Не верите! — воскликнул он. — Профессор Де Ла Крус, вы не верите, что воздух втягивается сюда маятником? А маятник в свою очередь приводит в движение воды из этих каналов... Из моря, приливами и отливами. И воздух, благодаря своему давлению, является главным балансирующим элементом всего этого устройства? — Дрожащей рукой он сделал широкий жест. Мы слушали его речь, ошеломленные, даже испуганные, и понимали, что ученый прав, конечно, прав. Его мозг, возбужденный всеми этими бурными эмоциями, был настолько наэлектризован, что профессор даже срывался на крик.

— Профессор Брэггс, — предложил я, — а теперь пойдемте назад.

Будто не слыша моих слов, он продолжил, обращаясь к Линде:

— Вам, ядерщикам, изучающим точные науки, числа, абстракции, вам всем не хватает одной очень важной для ученого вещи... — Брэггс ткнул себя пальцем в лоб, и мне даже показалось, будто он сошел с ума, и выпалил: — Вам не хватает фантазии! Фантазии! — повторил он, повышая голос: — Потому что между небом и землей существуют куда большие связи...

— Хватит, черт возьми! — закричал я, но так как Брэггс смотрел на меня странным, злым взглядом, я схватил его за плечи: — Хватит, черт побери! Профессор! — я принялся трясти его. — Я понимаю, что это не очень-то вежливо с моей стороны, но довольно болтовни. Нам нужно выбраться на поверхность, выйти отсюда и рассказать миру о том, что

находится здесь, под этим проклятым колодцем! — Я заставил его повернуться и двинуться к башне. — Теперь ничто не имеет значения — ни газета, ни мы с вами! Есть дело поважнее нас... Нам необходима помощь, понимаете вы это или нет?

Я почувствовал, как его пальцы, сжимавшие мою руку, расслабились... Опустив голову, он произнес:

— Да... Да, Мартин... Извините меня...

Я отпустил его. Он взглянул на меня, и на его усталом лице появилась улыбка:

— Терпение, терпение, друг мой, — прошептал он. — Я... конечно, стар для подобных волнений и... Извините меня.

— Ладно, профессор, идемте. Извините и вы меня.

Мы быстро пошли к выходу из пещеры, как вдруг опять заметили следы босоногого человека. Мы остановились все сразу. Следы были отчетливые, будто свежие. Дег выругался, а Брэггс опять задрожал от волнения:

— Человек! — закричал он срывающимся голосом. — Человек! Мы забыли о нем! Он властелин всего этого! — Профессор повернулся к башне. — Смотрите, — прошептал он, простирая к ней обе руки, — смотрите, там есть другие следы... Он прошел туда... Он ушел под башню...

Как зачарованные, смотрели мы на белую полосу песка и на четкие следы, шедшие между гигантскими опорами башни. Этот человек...

— Проклятье! — закричал я. — Идемте! Мы должны сообщить миру о том, что нашли! Мы должны это сделать! Это наш долг!

Брэггс вытаращил на меня глаза:

— Долг?! — воскликнул он. — Вы говорите мне о долге! А зачем, спрашивается, я сюда пришел? От жадности или ради славы? О нет, именно по долгу ученого я нахожусь здесь! — Его лицо, казалось, сделалось совсем тонким, едва ли не прозрачным, глаза невероятно расширились и заблестели. — Потому что я историк, — заговорил он глухим голосом, — потому что это мой долг — изучать жизнь человека, все,

что он сделал, о чем мечтал, думал... И вот тут, — громко продолжал он, — тут находится ответ! Сколько давно существует мир? Сколько лет нашей цивилизации? Сколько? — распалялся он, отступая назад и с вызовом глядя на нас. — Сколько? Я узнаю это! --- И с этими словами, обращенными, словно вызов, к бесстрастному маятнику и зловещему шуму, доносившемуся из пропасти, Брэгг повернулся и, размахивая руками, стремительно побежал прямо к башне.

— Остановите его! — крикнул я, и мы все сразу бросились догонять профессора, при этом Илк нечаянно толкнул Линду, они упали и покатились по земле. Мы с Дегом принялись помогать им. На это ушло всего несколько секунд, но их было достаточно, чтобы Брэгтс успел убежать далеко. Когда мы снова бросились за ним, он уже был под маятником. Мы увидели, как ученый зашатался, борясь с порывом ветра, поднятого маятником, но удержался на ногах и исчез среди гигантских опор фундамен-

та башни.

Мы добежали туда буквально за минуту. И остановились как вкопанные. Брэгтса нигде не было.

Кругом царил жуткий полумрак. Всюду поднимались гигантские колонны, похожие на стволы какого-то фантастического окаменевшего леса. Воздух дрожал, и с высоты окутанных туманом конструкций башни доносились непрерывные скрипы, скрежет и глухие удары, похожие на бой барабана, а также резкий звук, словно стонало какое-то раненое животное. Казалось, башня — живое существо, какой-то огромный Атлант, который, тяжело дыша, жалуется на свой тайный и вековечный труд. Я прислушался и в полной мере ощутил всю тяжесть пугающей древности этого места. И меня вдруг вновь охватило чувство, которое я испытал, когда уезжал из Нью-Йорка. Тогда мне почудилось, будто я покидаю не свой мир, а скорее свое время, но сейчас это чувство было гораздо сильнее. Линда вывела меня из этого колдовского состояния. Она нашла в себе силы двигаться и спросила:

— Где же профессор?

Я развел руками.

— Профессор! — позвала Линда.

Никто не ответил. Я недоумевал. Неужели Брэгтс решил поиграть с нами, спрятавшись, как ребенок, среди этих гигантских лесов, чтобы посмотреть, что мы станем делать. Я тоже позвал его:

— Профессор Брэгтс, выходите, пожалуйста! Обещаю вам, мы задержимся еще ненадолго и обследуем основание башни. Вы слышите меня, профессор?

В ответ — мертвое молчание. Только гудение качающегося маятника. Я крикнул снова:

— Профессор, послушайте нас...

И тут примерно в сотне шагов спереди справа я увидел Брэгтса. Его фигура четко вырисовывалась на фоне слабого света, среди гигантских стропил.

— Мартин! — позвал он. Илк хотел было поспешить навстречу профессору, но я остановил его. Я сразу же уловил в голосе Брэгтса уже знакомую интонацию: это говорил ученый. Несомненно, он взял себя в руки. Я крикнул:

— Как дела, профессор?

Брэгтс включил свой фонарь и помахал им:

— Все в порядке, — ответил историк, но в голосе его я уловил волнение. — Все в порядке... Тут... Идите сюда, друзья! Простите меня, — извинился он, когда мы подошли, — я немного увлекся...

— Бывает... — хмуро заметил я.

— Но, Мартин, мы уже у цели... — прерывающимся голосом продолжал он и направил луч фонаря на землю. — Босоногий человек прошел тут... он недалеко... — Луч прорезал тьму. — Смотрите! Он направился туда!

Мы ошеломленно смотрели в ту сторону, куда показывал профессор. Метрах в двадцати от нас высился огромный квадратный камень, и в нем был прорублен вход.

Следы босоногого человека терялись за его черным порогом.

Я посмотрел вверх.

— Мы, должно быть, находимся под самым центром башни, — предположил я и не узнал свой соб-

ственный голос, настолько искаженно он вдруг прозвучал здесь. — Выходит, именно сюда мы и должны были прийти. Здесь дно колодца.

Мы двинулись дальше. Илк внимательно осматривал землю, опасаясь еще какой-нибудь, возможно, последней ловушки, которая могла прервать наш путь. Мы шли, ступая прямо по следам, которые видели перед собой.

Возле низкой двери в квадратном камне мы остановились. Постояли в нерешительности. Это был финал. Тогда я сказал:

— Мисс Линда, проверьте, пожалуйста, радиоактивность. — Девушка отважно шагнула вперед со своим приборчиком и, спустя некоторое время, покачала головой:

— Никакой радиации.

— Давайте включим весь наш свет, — предложил я, — и помолим Господа, чтобы там не оказался еще один колодец.

Мы зажгли все наши фонари. Пять ослепительно ярких лучей света решительно бросились в темноту.

И сразу же осветили человека.

Линда негромко вскрикнула. Остальные оцепенели от изумления и неожиданности.

Человек восседал на троне из серого камня, возвышавшемся в самом центре помещения. Он сидел, аккуратно положив руки на подлокотники, высоко держа голову, слегка выпятив вперед подбородок, и весь его облик был исполнен необыкновенного величия. Плащ, накинутый на тело, спускался складками до самой земли, но не закрывал его ступни, на которых не было ни сандалий, ни украшений.

Лучи наших фонарей дрожали, отчего тысячами отблесков сияла усыпанная рубинами и изумрудами маска, которая скрывала череп, лицо, шею человека и, опускаясь на плечи, высоко поддерживала голову.

Никогда еще тишина не казалась мне такойokaменевшей.

Мы замерли, как изваяния, не шелохнувшись, и были так же недвижны, как и этот человек, что сидел напротив нас. Мы как будто ожидали, что через

минуту-другую пустые черные глазницы его маски оживут, и в них сверкнет грозный сверлящий взгляд.

Я не смел шевельнуться. Я уже ни о чем не думал.

Потом один из нас шевельнулся. Это был Брэггс. Он спокойно и неторопливо подошел к самому трону, к ногам этого немыслимого человека, превращенного (когда? сколько веков тому назад?) в идола. Я понял, что настает момент наивысшей победы профессора. Брэггс стоял и смотрел на своего побежденного соперника. Мы по-прежнему не двигались с места. Раздался удивительно спокойный голос профессора:

— Он знал все. Это был человек, которому были доверены все тайны. Он дождался последнего большого отлива, убедился, что закрылась первая дверь, спустился в колодец ступенька за ступенькой, спокойно прошел по всем пещерам, спустился по крутому откосу, миновал узкий туннель, прошел под маятником и вошел в этот камень. Надел золотую маску. Сел и стал ждать смерти...

— Илк! — крикнул я, и индеец бросился вперед, успев подхватить Брэггса, который от огромного волнения едва не потерял сознание. Мы уложили его на холодный каменный пол. Илк достал фляжку с ромом.

— Дайте ему выпить, мисс Линда, — велел я, — а я пойду посмотрю, что тут творится.

Я осветил комнату. Кроме каменного трона в ней больше ничего не было. Но вдоль стен, грубо обработанных резцом, стояло множество небольших цилиндрических сосудов, а за тронем лежало несколько отполированных камней с какими-то неведомыми знаками. Меня вдруг охватило прежде совершенно незнакомое, необыкновенное волнение и вновь возникло ощущение сильной тревоги. Я вернулся к Брэггсу.

— Как вы себя чувствуете? — спросил я, наклонившись к нему.

— Хорошо, Мартин, хорошо... Я немного устал, вот...

— Можете подняться?

— Зачем? Вы хотите... хотите уйти?

— Нет, хочу спросить вас, что это такое?

Он приподнялся с помощью мисс Линды и обвел помещение глазами. Илк и Дег освещали длинные ряды цилиндрических сосудов. Я спросил:

— В них хранятся свитки папируса или пергамента, не так ли, профессор? Или, во всяком случае, мне кажется...

Брэгтс стиснул зубы и с огромным усилием попытался сесть.

— Да, — проговорил он, — да, это нечто вроде римских «капсул»-шкатулок... Помогите мне подняться, прошу вас...

Мы поддержали его, и он сделал несколько неуверенных шагов.

— Да, — продолжал он, — в этих цилиндрах находятся... свидетельства... Иначе и быть не может... В этой комнате, в этом камне... — он помолчал и выпалил одним духом: — в этом святилище хранится свидетельство... какой-то великой цивилизации... — Он метнул на меня горящий взгляд и громко провозгласил: — Атлантиды! — Этот возглас неожиданно придал ему силы. — Впрочем, — продолжал он, — какое это имеет значение — Атлантида или не Атлантида! — Отстранив нас, он шагнул вперед. — А этот человек — хранитель истории народа, жившего и исчезнувшего Бог знает когда... Народа, оставившего нам открытой дорогу и... — Силы снова покинули профессора, но он удержался на ногах. Тогда я показал ему один из гравированных камней, который нашел за тронем. Он всмотрелся в него. Я никогда не видел лица бледнее, чем у Брэгтса, каким оно стало в этот момент. Он прошептал:

— Неизвестные письма... Неизвестные... Смотрите... Знаки повторяются... — Ученый задрожал, и Илк подошел ближе, готовый удержать его, если тот снова вздумает убежать. — Это ключ ко всему... Трудно разобрать, трудно связать эти письма, но я сумею расшифровать, я уверен... уверен...

— Прекрасно! — согласился я. — Следующая экспедиция все прояснит. А пока сними-ка все это, Дег, и пошли!

Готовя свою кинокамеру, Дег спросил:

— Можно открыть одну из этих емкостей, профессор?

— Ни в коем случае! — вскричал Брэгтс, бросаясь между Дегом и сосудами. — Вы что, с ума сошли! Это же все может превратиться в пыль! Они стоят тут многие тысячелетия! Это несомненно! Сумасшедший!

Напуганный едва ли не до смерти, Дег попятился, потом принялся снимать все вокруг. Брэгтс взял один из сосудов — он был легким.

— Да, — сказал он, — письменные свидетельства... Я уверен в этом. — Он восторженно посмотрел на меня: — Здесь, Мартин, заключен секрет цивилизации и человечества.

— А теперь пойдете, профессор, — сказал я. Снова загремели колокольчики тревоги. Брэгтс заколебался, оглядел все вокруг и снова устремил взгляд на недвижно сидящего на троне человека, и я увидел, как пальцы профессора крепко сжимают сосуд. Илк готов был подхватить его... Но нет, профессор взял себя в руки. Он сумел это сделать. В ответ на мое предложение он кивнул в знак согласия, но еще ближе подошел к человеку на троне.

— У тебя, — прошептал он, — было невероятное терпение, брат мой! И клянусь — у меня его тоже хватит. Иденте, Мартин! — решительно сказал он, оборачиваясь ко мне. — Иденте!

В обратный путь мы пустились едва ли не бегом, как будто за нами кто-то гнался. Линда старалась не отставать от меня, и я видел, что она вся дрожит. Когда мы выбежали из-под башни, она воскликнула:

— Не надо оборачиваться! Ради Бога, не оглядывайтесь!

Я поторопился:

— Скорее навстречу! Как можно скорее!

Мы пробежали еще совсем немного, как вдруг Дег остановил меня:

— Эй, Мартин! Посмотрите сюда!

— Что еще, Дег? — недовольно спросил я, оборачиваясь к нему.

Он направил свой фонарь в сторону одной из гигантских опор башни.

— Ничего страшного... Только вот... какие странные гвозди, видите?

Мы остановились, и Брэггс даже вскрикнул от удивления. На высоте примерно двух метров массивные балки были пробиты сотнями гвоздей, причем размещены они были так ровно и симметрично, что казалось, это было сделано какой-нибудь современной машиной. Гвозди выступали над поверхностью крепких старых балок сантиметров на пять или шесть и, похоже, были даже не вбиты, а вставлены в заранее подготовленные отверстия, как это делают, когда крепят обшивку на старых парусниках. Шляпки гвоздей были по крайней мере в ладонь шириной, и на них были выгравированы какие-то знаки. Брэггс сравнил их со старинными письменами на камне, который подобрал в саркофаге возле трона.

— Интересно, — проговорил он, — те же знаки, те же письмена... Может быть, это нечто вроде календаря... Либо тут заключены какие-то сведения о конструкции маятника... Смотрите, — продолжал он, трогая своим тонким указательным пальцем одну из шляпок, — она поворачивается...

Дег осматривал другие балки.

— Здесь тоже все утыкано гвоздями, — сообщил он.

Брэггс был абсолютно спокоен и превосходно владел собой.

— Очевидно, они хотели получше укрепить эти

опоры, потому что они центральные, — заметил он. — Или, возможно, это только украшение.

— Сфотографируй все это, Дег, и пошли отсюда. Профессор, положите сосуд в рюкзак. Не стоит нести его в руках всю дорогу.

— Вы правы, — согласился Брэгтс и спрятал сосуд в рюкзак.

Мы тронулись дальше, едва Дег закончил съемку. Но сделав несколько шагов, Брэгтс вдруг остановился.

— Боже мой! — закричал он. — Да ведь это... Это же египетские иероглифы! Иероглифы, Мартин! Надпись сделана на двух языках!

И профессор показал нам шляпку одного из гвоздей и то, что на ней было выгравировано. Действительно, сначала шел ряд каких-то загадочных знаков, а потом — иероглифы. Брэгтс посмотрел на меня блестящими глазами:

— Это... это невероятно, — прошептал он и, обернувшись к Илку, попросил: — Пожалуйста, Илк, дайте мне ваш нож.

Но Илк, прежде чем исполнить просьбу профессора, вопросительно посмотрел на меня. Я не возражал. И нож оказался в руках Брэгтса.

Похоже, судьба разыгрывала с нами жуткую шутку.

Брэгтс принялся возиться с гвоздем, пытаясь извлечь его.

— Минутку, Мартин, всего минутку! — торопливо говорил он. — Вы понимаете, это может стать ключом ко всему! Двухязычная надпись! С помощью такой двухязычной надписи можно, к примеру, было бы расшифровать язык этрусков...

Я прервал его:

— Бог с ним, с языком этрусков! Если вам действительно нужен этот гвоздь, скажите, и вам помогут. Илк, помоги ему.

Но в этом не было никакой необходимости. Раздался какой-то странный металлический звук, казалось, он донесся откуда-то очень издалека, из какой-то немыслимой глубины, и гвоздь оказался в руках

Брэгтса — он легко вышел из дерева, словно выскользнул из балки, в которую был вставлен. Это был железный стержень толщиной в палец, длиной, как мне показалось, сантиметров в тридцать. Брэгтс с волнением обратился ко мне:

— С его помощью, Мартин, мы наверняка сможем расшифровать.

— Отлично, но сейчас нам надо спешить.

Никто не возражал. Мы сделали, вероятно, шагов пятнадцать, не больше, как вдруг...

У нас за спиной внезапно раздались какие-то странные звуки, словно что-то лопалось. Казалось, крушатся огромные льдины, только во много раз громче, или отчаянно стреляет пылающее сухое дерево. Звуки эти таяли где-то на самом верху невероятной башни, которая вдруг вся завибрировала. Мы остановились, задрав головы. Помимо скрипа, скрежета, треска и свиста ветра мы слышали еще и другой звук — резкий и немощный одновременно. Затем снова возобновился прежний треск, только на этот раз нам показалось, будто он исходит с еще большей глубины...

— Что происходит, черт возьми? — предостерегающе воскликнул Дег. Я поднял руку. Меня вновь охватила тревога.

Но вокруг все затихло. Мы в растерянности смотрели вверх.

— Черт возьми... — повторил Дег, но голос его перекрыла новая череда оглушительных взрывов. В башне ничего не изменилось, мы это поняли. Просто почему-то заскрипели эти вековые стволы, словно внезапно устав от своих вековых трудов.

— Надо уходить отсюда! — сказал я. Но не двинулся с места. Остальные тоже не шелохнулись.

Мы недвижно стояли, тревожно прислушиваясь, как затихают все эти странные звуки. Теперь слышен был один лишь посвист воздуха, рассекаемого гигантским маятником. Только это. Наконец окончательно установилась тишина, пугающая, невероятная. Брэгтс поднял руку, сжимавшую гвоздь, и проговорил:

— Но... это... — и умолк.

Тысячи мыслей мгновенно пронеслись в моей голове, но все вытеснила только одна, и я крикнул:

— Бежим, ребята, скорее! Как можно скорее!

Мы побежали по этому окаменевшему лесу и вскоре выбрались из-под основания башни. Маятник уходил от нас вправо. Мисс Линда взглянула наверх:

— Мне кажется, — сказала она, подавляя волнение, — что света стало меньше.

Я тоже заметил это. И крикнул еще громче:

— Скорее, ребята! — И направился к железной двери, в которую мы вошли примерно час назад и которая теперь, казалось, была так далеко, почти недосягаемо далеко. Пока мы приближались к ней, становилось все темнее. Все тише рассекал воздух маятник.

— Идите вперед! — приказал я, пропуская своих спутников. Я осмотрелся. Да, так и есть. Маятник словно утомился. Он терял силу, двигался все медленнее и медленнее. Я видел, как груз приближается слева, проходит через вертикаль, направляется вправо, но уже с трудом. Я посмотрел на башню. В своей грандиозной неподвижности она была словно окутана каким-то зеленоватым туманом. Свет меркнул все быстрее.

Я хотел было поспешить вслед за моими товарищами, как вдруг услышал какое-то странное глухое бормотание. Земля словно бы задрожала. И с этого мгновения уже не прекращался угрюмый рокот, с каким текут горные реки. Илк бросился ко мне:

— Лейтенант! — крикнул он, показывая в сторону пропасти. Мы бросились туда, и все смешалось в моей голове: в жутком кошмаре переплелись тысячи вопросов, ни на один из которых я не мог дать ответа. Подбежав к краю пропасти, мы легли на землю, и нас тут же обволокло туманом, окатило брызгами, да так, что на какой-то миг перехватило дыхание. Грохот все нарастал. Илк быстро зарядил ракетницы и выстрелил сначала вверх, а потом вниз.

Мы невольно вскрикнули от удивления. Не было больше поразительного каскада, не было черных отверстий каналов, пропасть заполнялась серой пенящейся водой. Бурля и завихряясь, она поднималась

нам навстречу. Мы смотрели на все это, словно завороченные взглядом гремучей змеи. А вода между тем прибывала все быстрее и быстрее, обдавая нас могучим фонтаном брызг.

— Она заполняется, Илк! — ужаснулся я. — Бежим!

Мы бросились догонять товарищей, которые уже приближались к двери и махали нам фонарями, чтобы мы видели, куда бежать, потому что вокруг становилось все темнее и темнее. Я почувствовал, что дышать стало труднее, но вовсе не оттого, что мы бежали.

— Недостаток воздуха, Илк! — крикнул я, и голос мой прозвучал глухо, отрывисто. Дег бросился нам навстречу. Он уже был в кислородной маске.

— Скорее надевайте маски! — прокричал он.

Мы чувствовали, что легкие вот-вот разорвутся, и поспешили воспользоваться его советом. Дышать сразу же стало легче.

Я махнул рукой в сторону пропасти.

— Там поднимается вода, целое море. Еще немного, и здесь... — Я умолк, обернувшись к башне, словно отвечая на какой-то неожиданный призыв. Я стиснул зубы: «Держись, Мартин!» — приказал я самому себе. И сумел сохранить спокойствие.

Маятник больше не двигался. Он висел неподвижно на своем мощном канате. Мне показалось, что он умер.

Мы бросились к дверям. Я увидел, что Брэггс и Линда стоят у входа в огромную пещеру. Профессор был в необыкновенном волнении.

— Мартин, что мы сделали, скажите, ради Бога! — умолял он.

Я грубо подтолкнул его вперед.

— Не знаю, что мы сделали, зато знаю, что сделаем! Прочь отсюда, прочь! — Брэггс пытался возразить, но я вытолкнул его за дверь. — Бегите! — крикнул я. — Быстро! Быстро!

Все повиновались. Я заметил, что каждый, прежде чем выйти за дверь, оглянулся на башню. Ее вид, вероятно, останется у всех самым впечатляющим воспоминанием.

А чудовищный грохот становился все сильнее. Вода заполняла пропасть так стремительно, словно это был небольшой колодец. Еще несколько минут, она зальет все вокруг — и бросится вслед за нами...

— Э-гей! — закричал Дег.

Тут я обнаружил, что все еще стою на пороге и всматриваюсь в этот громыхающий мрак.

— Я здесь! — отозвался я и, переступив порог, закрыл за собой дверь. — Вперед! — скомандовал я. — Вперед, и как можно быстрее!

Мы со всех ног пустились бежать по туннелю, по которому прежде шли с такой осторожностью. Брэггс что-то доказывал, однако его не было слышно. Несколько раз он пытался задержаться, но мы все вместе увлекали его вперед. На середине туннеля я остановился.

— Дег, — сказал я, — беги вместе с ними вперед изо всех сил!

— Хорошо! — ответил он и сразу же скрылся во мраке.

— А ты, Илк, останься. Нам надо подорвать этот туннель и преградить путь воде!

Илк снял свой рюкзак и напомнил:

— В вашем рюкзаке тоже есть взрывчатка, лейтенант! — Я опустился на колени, и мы быстро подготовили все необходимое. Я поджег бикфордов шнур.

— Бежим, Илк!

Мы помчались по пещере, наступая на следы босоногого человека, мимо останков Оливера Лемба, торопясь догнать товарищей. Грохота мы уже не слышали. Но мы знали, что ревущий прилив вот-вот перельется через край пропасти. Мы догнали товарищей, которые остановились передохнуть.

— Что вы там делали? Что делали? — с тревогой спросил Брэггс.

— Бежим дальше! — скомандовал я. — Через несколько мгновений туннель будет взорван... Иначе вода хлынет сюда, и тогда...

Брэггс испустил совершенно безумный крик и набросился на меня, словно желая схватить за горло.

— Что вы натворили? — вскипел он. — Безумцы! Безумцы! — И он хотел было броситься назад. Но

Илк подставил ногу, и профессор упал. Индеец схватил его за руку.

— Вперед! — приказал я. Но не успел я произнести это слово, как за нашей спиной раздался взрыв, заполнивший пещеру чудовищным грохотом. Рушилась скала, блокируя туннель и тем самым образуя преграду между нами и водой.

«Как долго продержится она?» — спрашивал я себя, пока мы двигались дальше.

Глава 19

В БУТЫЛКЕ

Мы приблизились к подножию крутого откоса и остановились шагах в десяти от праха Оливера Лемба, чтобы отдышаться после долгого бега. Брэггс упал на землю. Он стонал, едва ли не хрипел. Линда бросилась к нему и что-то зашептала.

— Мартин, — сказала она, жоднявшись, — взгляните, достаточно ли тут воздуха?

Я рывком снял маску, собираясь сразу же надеть ее, если почувствую, что воздуха мало. Но кислорода было достаточно. Я набрал его полные легкие.

— Все в порядке, мисс Линда, — успокоил я.

Прежде чем снять свою маску, она осторожно помогла освободиться от нее Брэггсу. Профессор мучительно долго кашлял и выглядел еще более старым, нежели прежде.

Илк и Дег внимательно глядели в ту сторону, откуда мы пришли. Оттуда доносился мрачный, глухой рокот, время от времени дополняемый долгими грохочущими звуками. Что-то обваливалось по ту сторону высокой каменной стены, рушилось под яростным натиском воды. Я подумал, что там, в полумраке, развалились башня и маятник, и от этой мысли мне стало прямо-таки физически больно. Мы, мы разрушили это грандиозное свидетельство ушедшей цивилизации, и мало утешительного в том, что сделали это непреднамеренно.

— Это я... — воскликнул вдруг Брэггс, — я...

Мы все обернулись к нему.

— Это я, — продолжал профессор, — неосторожно взял гвоздь! А почему? Потому что, восхищаясь

этой башней, ее мощью, ее силой, я смотрел на нее со стороны, так сказать, в целом... И совсем не подумал, — с горьким вздохом добавил он, — что этот совершенный механизм состоял из тысячи деталей... — Тут он поднял руку, сжимавшую гвоздь. — Этот кусочек металла — одна из них... Что-то очень важное, вставленное на свое место каким-то гением. Без этого гвоздя маятник не мог двигаться. Как перестало бы работать и самое совершенное электронное устройство, если вынуть из него даже самую крохотную деталь... Что толку, — заключил он, — от всех моих знаний, если я не сообразил, что делаю... — Он закрыл лицо руками, и слезы потекли из его глаз. Отчаянное рыдание профессора звучало на фоне мрачного глухого шума воды. Тогда я снял рюкзак.

— Илк, есть у нас что-нибудь на такой случай? — спросил я. — Глюкоза или что-либо в этом роде?

— В каждом рюкзаке, лейтенант, — ответил индеец.

— Вы слышали, — громко сказал я, — в рюкзаке у каждого. Дальше будет еще труднее.

Брэггс посмотрел на меня. Он выглядел измученным, с мокрым от слез лицом.

— Но я же вам сказал, Мартин, что это я...

— Да, я слышал, — отрезал я, — но вина не только ваша, профессор. Мы все были там, под этой проклятой башней, вспомните.

Брэггс сделал протестующий жест:

— Только я, — проговорил он, — я один...

Мне пришлось достать из рюкзака таблетки глюкозы.

— Можете думать, как вам угодно, профессор, а пока проглотите вот это. Мы должны идти дальше. И немедленно.

Мисс Линда поднялась. Она была очень бледна, глаза лихорадочно блестели.

— Мартин, — тихо проговорила девушка, — но у него совсем, совсем нет сил... Мы ведь не можем...

— Нет, — прервал я ее, — мы поможем ему. Мы не должны останавливаться. Эта стена способна рухнуть под напором воды, и тогда... Вспомните о колод-

це, по которому нам еще предстоит подниматься, мисс Линда.

Она отшатнулась от меня. В глазах ее я увидел ужас.

Мы преодолели крутой откос за полчаса и продолжали путь по его гребню. Невероятный грохот и рокот по ту сторону стены разрастался все больше, под ногами содрогалась почва, слышался страшный треск, повторялись какие-то мощные, глухие удары. Как ни обширна была пещера, где стояла башня, как ни необъятна, ясно было, что и она заполнится водой, и тогда разъяренная стихия станет искать другую лазейку...

— Постараемся, — вздохнул я, опускаясь на колени возле профессора, лежавшего на земле, — постараемся продолжить путь, ребята... Вы слышите, профессор?

Он приподнял голову, но ничего не ответил. Я встал. Илк помог Линде. Дег долго пил из фляжки. Я осветил фонарем дорогу.

— Ну, двинулись, двинулись! — скомандовал я.

И мы, шатаясь, пошли дальше. Я задержался у края откоса. Прежде чем уйти, искал фонарем останки Лемба. Хотел что-то сказать. Но промолчал. И шагнул в грохочущий мрак.

Мы миновали большую пещеру со сталактитами, уже не обращая больше внимания на ее красоту. Свет наших фонарей быстро скользил по этому сверкающему каменному лесу. Мы с Дегом поддерживали Брэгтса, который временами едва не падал. Мисс Линде помогал Илк. Она иногда спотыкалась, но держалась мужественно. Мы вошли в низкий туннель, который вел в мрачную комнату под колодцем. Воздух здесь был холодный, и сюда тоже доносились непрестанный глухой рокот и клокотание воды, все поднимавшейся и поднимавшейся, словно заполнявшей какой-то сосуд...

Мы остановились под колодцем. Брэгтс опустился на землю. Линда села рядом с ним и некоторое время отдыхала, опустив голову на грудь и тяжело дыша. За несколько минут мы пробежали весь путь, кото-

рый раньше преодолевали метр за метром в течение нескольких часов. Теперь нам предстояло подняться по этой жуткой лестнице, справиться с сотнями и сотнями скоб-ступенек. Я содрогнулся при мысли об отчаянном безрассудстве, заставившем нас броситься в подобную авантюру. Но я не испугался смерти. Никто не страшился ее. Каждый из нас боялся другого — оказаться не на высоте в этом приключении, которое нам послала судьба.

Я подождал, пока сердце перестанет стучать так бешено, и сказал:

— Оставим здесь все, что только можно выбросить. Подумай, Илк, как лучше опустошить рюкзаки. Я пойду первым, потом профессор, затем Дег, Линда и наконец Илк.

Индеец протянул мне несколько крепких стальных карабинов, которые достал из рюкзаков.

— Как ты угадал? — обрадовался я. — Давайте прицепим карабины к ремням и во время передышек сможем прикреплять себя к скобе.

Все молча посмотрели на меня. Брэгтс что-то проговорил, но он едва шевелил губами, и я не понял его.

Мы все сделали очень быстро. Молча. Я чувствовал, как наваливалась усталость, но потом она прошла. Я подумал, а каково же приходится Брэгтсу и мисс Линде. Но другого выхода у нас не было. Прежде чем начать подъем, мы все притихли и опять услышали приглушенный, но все же зловеющий грохот. Видимо, большая пещера тоже заполнилась водой. Теперь...

Я взялся за первую скобу.

— Итак, — сказал я, — пошли.

Не было в моей жизни переживания страшнее этого. Никакая фантазия не могла бы изобрести что-либо более жуткое, что-то подобное этому подъему по стенам колодца. До этой минуты все наше приключение под землей было только легкой прогулкой. Перчатка Лемба, можно сказать, бросила вызов, прах пирата взволновал, вонзенное в его тело копьё испугало, пещеры покорили красотой, туннели изу-

мили своей конструкцией, следы босоногого человека привели нас к достойному финишу — к загадочному камню под маятником. Все это заставило нас забыть про усталость и холод, и другие тяготы долгого пути. Но теперь они все разом обрушились на нас и принялись терзать наши тела — горло, легкие, голову, ноги. Поистине крестный путь.

Ступенька за ступенькой начали взбираться мы по лестнице, все чаще и чаще останавливаясь передохнуть. Мы карабкались вверх уже, наверное, часа три — точно не знаю. Мне приходилось тащить за собой Брэгтса — он совсем обессилел и теперь беззвучно плакал, а Дег и Илк поднимали тоже вконец ослабевшую мисс Линду. Я уже не раз мысленно ставил крест на всей нашей затее, не сомневаясь, что наверх нам ни за что не выбраться, и столь же часто готов был, закрыв глаза, одним прыжком переправиться в самое чрево Земли, на дно колодца.

И все же мы держались с отчаянным упорством. Еле дыша, мы взбирались по скобам-ступенькам, сердца наши, казалось, сейчас выскочат из груди. И побуждало нас двигаться только сильнейшее нервное напряжение, которое, словно огромный маятник, колебалось между отчаянием и силой воли.

Мы, должно быть, достигли уже середины пути, когда услышали взрыв.

Это был не просто взрыв, сухой, резкий удар, — нет. Это был неимоверный грохот, чудовищной силы гул. Колодец задрожал, нам показалось, будто порыв холодного урагана налетел на нас снизу, и мы замерли все сразу, как по команде. Со дна колодца до нас донеслись тысячи немыслимых звуков, тысячи голосов, злобных и разгневанных, какие только способен был издавать яростный прилив, разрушивший стену и искавший иное свободное пространство.

— Стена не выдержала! — воскликнул Дег.

— Пристегивайтесь карабинами! — скомандовал я. — Скорее карабины.

— Поднимается, лейтенант! — негромко произнес Илк.

И быстро натянул кислородную маску.

— Профессор Брэггс! Надели? — спросил я, и он глухо ответил:

— Да...

В этот момент прозвучал новый грохот, и его уже невозможно было спутать ни с чем другим — с чудовищным ревом в колодец рванулась вода. Мы смотрели вниз, хоть ничего не было видно, словно ожидая, что с минуты на минуту прилив настигнет нас... Мне пришлось сделать невероятное усилие, чтобы прервать это роковое ожидание.

— Вперед! — крикнул я и стал подниматься, резко дергая за собой товарищей.

Мы кое-как взбирались наверх, а рокот воды становился все громче и ближе. И неожиданно мы заметили, что наши костюмы словно сделались вдруг тесными, горячий пот, обильно покрывавший наши тела, стал почему-то липким. Не останавливаясь, я спросил:

— Все в порядке?

Но никто не ответил. Спустя некоторое время Илк крикнул:

— Лейтенант, вода!

И в тот же момент мы услышали, как она клочет у нас под ногами. Вода заполнила пещеры, туннели и теперь устремилась сюда, в колодец, словно догоняя нас. Я хотел было рвануться вверх, но передумал — прилив все равно настигнет нас через несколько мгновений. Потом я крикнул:

— Проверить герметичность костюмов! Воздуха пока хватит. Теперь пусть вода толкает нас наверх! Мы можем пойти на это!

Выкрикивая это, я удивился, что вода все еще не подошла к нам. Почему-то она поднималась очень медленно. И тут мисс Линда удивительно спокойно объяснила, в чем дело.

— Воздух оказывает сопротивление, Мартин. Он сжимается, поэтому вода и прибывает так медленно... Именно поэтому давят на тело и наши костюмы...

Теперь я все понял. Я вспомнил далекие школьные годы, вспомнил, как учитель физики удивлял нас опытом, когда воздух мог помешать воде заполнить бутылку. Да, далекие школьные годы... А сейчас в бутылке оказались мы сами...

Глава 20

ВЗРЫВ

Однако этот кошмар неожиданно прекратился — скобы-ступеньки кончились. Я ухватил нейлоновую веревку, свисающую сверху.

— Стоп! — приказал я, и голос мой прозвучал чересчур резко. — Отдохните, прикрепитесь карабинами!

Раздались облегченные вздохи и позвякивание карабинов. Но тут я услышал еще один, весьма сильный звук, который заглушил грохот kloкочущей в колодце воды. Оказывается, звенело в ушах. Давление воздуха все усиливалось.

— Я поднимусь первым, — сказал я, и что-то сдавило мне горло, — потом вы двое, Илк и Дег. А Линда и Брэгтс держитесь на карабинах. Мы вытащим вас!

Это было чудовищно трудно. Но нужно было принять последнее усилие. Мы знали — это последний рывок, потому у нас и хватило сил совершить его. Когда же мы наконец выбрались из колодца и оказались в небольшой пещере, возле той двери, где нашли перчатку Лемба, мы просто рухнули на землю и долго приходили в себя, пронзая темноту лучами наших фонарей.

Не знаю, сколько времени мы пролежали так. Пока лихорадочно колотившееся сердце успокаивалось, я пытался привести в порядок свои мысли. Мы подошли к двери в туннель, это верно. Но как выйти отсюда? По ту сторону этой каменной преграды, стоящей тут уже многие века, должно быть, даже тысячелетия, и выдерживающей могучий натиск воды, находилось море, готовое ворваться сюда, к нам, и

ринуться вниз, в колодец. Напор воды будет настолько сильным, что не позволит нам выбраться наружу. И все же я придумал способ, как выйти отсюда. Мне он казался вполне надежным. Надо замуровать колодец, тем более, что он не так уж и велик — диаметром чуть больше метра. Для этого с помощью взрывчатки можно выбить из стены несколько каменных плит. Потом взорвать дверь и расширить проем. Пещера постепенно заполнится водой, давление спадет, и мы сможем, не борясь со стремительным потоком, подняться вверх по туннелю, ведущему на берег. Костюмы у нас были герметичные, кислородные приборы в порядке, они к тому же работали и под водой. Нейлоновая лестница, прикрепленная у входа в туннель, поможет нам не заблудиться и двигаться в нужном направлении. Мы вполне могли бы проделать все это. В нормальных условиях... Но сейчас...

В ушах немилосердно звенело, костюмы, облепляя тело, сжимали его в поистине чудовищных объятиях. Но нам необходимо действовать, причем незамедлительно, если мы хотим остаться в живых. Я поднялся. Илк уже сидел и смотрел на меня пристально и хладнокровно. Остальные лежали, не двигаясь.

— За дело! — сказал я Илку, и Дег тоже встал. Я подошел к краю колодца и заглянул вниз. Луч моего фонаря не осветил воду, внизу пока царил только мрак. Звон в ушах заглушал все звуки, доносившиеся оттуда. Но мы не имели права больше задерживаться. Медлить было просто нельзя. Только где взять время, чтобы...

И тут меня внезапно осенило.

— Илк, скорее измерь расстояние до воды в колодце... Мисс Линда, — продолжал я, глядя, как она, опираясь на локоть, пытается приподнять голову, — мы долго не выдержим, не так ли?

Она безнадежно покачала головой. Я увидел, как она отвела взгляд.

— Мисс Линда! — гневно воскликнул я, но она уже взяла себя в руки. Я добавил: — Нужно спешить!

— Лейтенант! — позвал Илк. — Вода метрах в пятидесяти или чуть больше.

— Пятьдесят метров... Нам надо продержаться всего несколько секунд, — определил я и почувствовал, что говорить становится все труднее. — Нам нужно дожидаться момента, когда вода из колодца встретится с водой из моря... Тогда она поможет нам... Понимаете, мисс Линда?

Девушка с трудом поднялась на колени и тут же обмякла, безвольно опустив руки.

— Да, — еле слышно произнесла она, — вы правы... Когда все заполнится водой, ее напор спадет... Поторопитесь, Мартин... — прошептала она, свесив голову на грудь от предельной усталости. — Быстрее...

— Взрывчатку! — приказал я. — Дег, Илк, взрывчатку! Подорвем дверь!

Возможно, они и не услышали мой глухой голос, но поняли, что я хотел сказать, и, присев, стали доставать из своих рюкзаков пластиковые бомбы. Мы закладывали их для взрыва, чувствуя, как временами меркнет наше сознание и накатывается тяжелая мучительная дремота. Мы подложили взрывчатку у порога двери и по ее сторонам на уровне примерно полутора метров. Я прилаживал бикфордов шнур и вдруг почувствовал, как чья-то дрожащая рука легла на мое плечо. Обернувшись, я увидел Брэггса. Он подполз ко мне и глядел на меня красными от слез, усталости и нервного возбуждения глазами.

— Что случилось, профессор? — торопливо спросил я.

Он посмотрел на бомбу, покачал головой и стал что-то говорить, но из микрофона до меня донеслось только непонятное бормотание. При этом он махал руками и показывал на колодец.

— Ничего не понимаю, профессор, — сказал я, — не сейчас, прошу вас... Потом объясните мне все, что хотите! Потом! — И отвернулся от него, продолжая работу. И тут он рванул меня, резко, грубо, неожиданно сильно. Я стоял на корточках и, чтобы не упасть, невольно оперся одной рукой о землю и оказался с ним лицом к лицу.

— Какого черта вам надо! — не выдержал я.

— Не так! — с мучительным усилием прокричал он,

и голос его, казалось, доносился Бог весть откуда. — Нельзя! Так вы все разрушите! Мы не можем! Нельзя!

— Все уже разрушено, профессор! Мы пытаемся не умереть...

— Готово, Мартин! — доложил Дег.

Мы поднялись. Трудно было держаться стоя. Казалось, почва в любую минуту готова уйти из-под ног. Меня сильно мутило, гул в ушах становился нестерпимым. Брэггс все еще держал меня за руку, я почувствовал, как его трясет, будто в лихорадке. Он возбужденно жестикулировал. Я ничего не мог понять из его трагического бормотания. Слышал только, как повторяются слова «разрушение», «спасение», «цивилизация», «долг», «смерть», «жертвы» и наконец:

— Не делайте этого, Мартин, не делайте!

Этот крик лишил его последних сил. Он тяжело рухнул на землю и больше не шевелился.

Я показал на стены пещеры:

— Всем лечь на землю у стены, головой вперед, лицом вниз... Прижаться друг к другу... Сначала я, потом Дег, мисс Линда, Илк, Брэггс... — Я чувствовал, что теряю сознание, что нет больше сил терпеть стальные тиски костюма, казалось, какая-то гигантская невидимая рука неумолимо прижимает меня.

— Скорее ложитесь!

Мы упали на землю совсем недалеко от того места, где должен был произойти взрыв. Будь у меня возможность просчитать шансы спастись, я бы отказался от всего и наверное попросил бы о помощи. Но из двух смертей — от давления и от взрыва — мы выбрали последнее.

Илк поджег шнур. Бомба должна была взорваться ровно через минуту. Я попытался предупредить:

— Держитесь крепче. Взрыв будет сильный, но... мы выстоим, можем выстоять...

Я почувствовал, как Дег ухватился за мой ремень. Остальные тоже, подумал я, сделают так же. Мы должны выдержать. Я молил Бога, чтоб обломки стены не раздавили нас. Пока сгорал бикфордов шнур, я успел подумать еще, что если мы удачно разместили взрывчатку, то стена разорвется в полуметре над

нашими головами, и после взрывной волны я сразу же брошусь вперед...

Я начал считать, уже теряя сознание, путаясь в мыслях, не ощущая уже ни малейшей боли: «Пятнадцать секунд, четырнадцать, тринадцать...»

Руки Дега заостенели от напряжения...

«...десять, девять, восемь, семь...»

Вот тут, на седьмой секунде, это и произошло.

Брэггс внезапно вскочил и с невероятной силой, со стоном и отчаянием бросился к двери, к бикфордову шнуру...

— Брэггс! — завопил я, пытаюсь остановить его. — Нет! Брэггс, нет!

Он схватил шнур и нелепо пытался погасить его. Но у меня уже не было ни сил, ни возможности, ни решимости подняться.

И семь секунд пролетели очень быстро.

Взрыв был оглушительный. Слепящее пламя заполнило пещеру, земля задрожала. Казалось, наши головы тоже разлетелись на куски вместе с этой бомбой. И град камней обрушился на наши тела. Я задрожал. Всех нас трясло. Я приподнял голову и последнее, что увидел, прежде чем жидкий мрак накрыл нас с головой, это черневший силуэт Брэггса с воздетыми к небу руками, который вырисовывался на огненном фоне взрыва.

С чудовищным ревом набросилась на нас вода из моря. Она, пенясь, бурля и клокоча ворвалась в пещеру, ударилась о ее древние стены и тут же откинулась назад, бурля и негодуя. Потом грубо схватила наши тела и разметала во все стороны в чудовищном водовороте. Дег отчаянно цеплялся за мой ремень. Я с ужасом представил себе зев колодца, в который огромной воронкой с клокотанием устремилась бурлящая вода. Я искал, за что бы ухватиться, но ничего не попадалось под руку. Вода сорвала и унесла мой шлем, холод сковывал тело. Клокочущий водоворот отчаянно крутил меня, мелькнула мысль, что теперь действительно пришел мой конец, вот-вот, и все — точка! Тем не менее я начал судорожно искать глазами хоть какой-нибудь проблеск света, будто за него можно было уцепиться и спастись от гибели...

Но кругом стоял сплошной мрак.

Однако все это — взрыв, водяной вихрь, ворвавшийся в пещеру, воронка в отверстии колодца — все это длилось лишь несколько мгновений. Вода, устремившаяся в колодец, столкнулась с той, что поднималась из чрева земли: и я почувствовал, как все кругом задрожало, и где-то очень далеко что-то обвалилось.

А потом прозвучал еще один взрыв, я ощутил какое-то движение под водой.

И все. Остались только мрак и тишина.

Руки Дега по-прежнему крепко сжимали мой ремень. Мы с ним были живы, это очевидно. А другие? Брэгтс, Линда, Илк...

Терзаемый этим вопросом, я поднялся, ощущая, что Дег тоже встает, так как он продолжал держаться за мой ремень. «Мы с Дегом живы, — повторил я, — а остальные?» и включил фонарь, висевший на груди. Он едва горел и ничего не освещал, виден был только блеклый круг. Точно такой же круг появился в руке у Дега. В пещере стояла вода, уже утихомирившаяся. Казалось, она устилает пол какими-то огромными черными покрывалами. Теперь я чувствовал себя лучше, ужасный звон в ушах прекратился, и костюм перестал клещами сжимать тело. Я понимал, что мы не можем терять ни минуты. Надо найти Илка, Линду и Брэгтса, а потом попытаться как можно скорее подняться вверх по туннелю, к выходу на берег. Мы не сможем долго находиться в этой ледяной воде. Холод уже давал о себе знать.

Не двигаясь с места, я покрутил своим фонарем. В центре пещеры я увидел отверстие колодца. Если б кто-то из нас оказался там, то вряд ли у него хватило сил выбраться. Я прижался спиной к стене и стал ждать. Дег стоял рядом. Мы взялись за руки.

Ожидание длилось недолго. Вскоре еще два блеклых луча с радужным ореолом появились слева от нас внизу. Илк и Линда еще лежали, но сигналили нам своими фонарями. Слава Богу, они спаслись! Я шагнул вперед, вращая фонарем, и увидел, что две светящиеся точки пошли наверх. Они поднимались. Я протянул руку, шаря ею в холодной черной воде. И сразу же ощутил крепкую ладонь Илка. Я подумал: «Осторожно пробирайся вперед, Илк!» И мне показа-

лось, будто он услышал мои мысли. Илк медленно двинулся вперед, держась за стены. Когда мы все собрались вместе и распознали друг друга, я неожиданно почувствовал, что силы покидают меня. Но это было скорее облегчением, нежели слабостью, и длилось недолго. Теперь нам необходимо было найти дверь, чтобы выбраться наружу. Но прежде следовало отыскать Брэгтса. Очевидно, мы все сейчас думали об этом, потому что, держась за руки, стали отступать назад, а коснувшись стены, пошли обратно. Мы найдем Брэгтса, лежащего на земле: скорее всего мертвого, я в этом уже не сомневался — он не мог выдержать такой силы взрыва и напора воды. Если, конечно...

Мы продвигались вперед, понимая, что в любую минуту каждый из нас может попасть ногой в отверстие колодца, и все готовы были удержать товарища от падения. Мы шли, а мою голову все время сверлила мысль — надо спешить, если мы не хотим, чтобы зловещая пещера стала нашей могилой...

Внезапно я вздрогнул и остановился. Дег испуганно сжал мою руку. Я добрался до отверстия колодца. В этом я был уверен. Или по крайней мере подошел к тому месту, где оно находилось прежде, ибо этого круглого отверстия, ведущего вниз, в огромную пропасть, уже не было. Когда поток, ворвавшийся в пещеру, пенясь и бурля, столкнулся с потоком, поднимавшимся из недр, стены колодца рухнули и земля вздыбилась. Под ногами у нас оказались кучи камня. Больше ничего.

Совершенно убитые, мы двинулись дальше, пока не наткнулись на противоположную стену. Мы обследовали таким образом все пространство и убедились, что Брэгтса нигде нет.

Только тогда мы стали искать дверь и, найдя ее, совершенно измученные страхом и холодом, двинулись дальше. Я шел, вытянув вперед руки, и вскоре обнаружил нейлоновую сеть, которая плавала, подобно водорослям, поймал ее и передал остальным. Сейчас вода помогала нам двигаться, казалось, теперь она стала нашим союзником. Не проявляя прежней

враждебности, она словно подталкивала нас друг к другу. И мы поднимались вверх по туннелю без особых сложностей. Но больше я ничего не помню. Я чувствовал, как силы покидают меня, сознание затуманивается, а глаза все время ищут свет — яркое зеленоватое пятно впереди, которое вывело бы нас из мрака и спасло от смерти.

И я увидел его. Наверное, увидел, хотя не был в этом уверен. Помню, что уцепился обеими руками и перевалился через него. Помню ослепительное сияние, ударившее по глазам, когда подобно жутким морским чудовищам, мы выплыли из черной воды. Но ослепило меня не солнце, а прожекторы. «Еще ночь, Мартин», — сказал я себе и услышал голос Спленнервиля. Больше ничего не помню. Илк, единственный из нас, кто, выйдя из колодца, не потерял сознание, рассказал мне потом, что Спленнервиль и его команда вытащили нас из расщелины на сушу. Илк уверял, что в эту минуту полковник плакал.

Теперь Спленнервиль стоял передо мной и набивал табаком трубку. Мы находились в кают-компании «Монитора». Здесь было тепло, светло, и на столе дымилась чашка горячего бульона. Полковник наполнил рюмки ромом.

Мы выбрались из колодца несколько часов назад. Сейчас уже светало. То, что нам показалось целым столетием, на самом деле длилось меньше суток. Даже намного меньше. Мы смертельно устали, но нам было еще не до отдыха. Только мисс Линда, приняв горячий душ, быстро уснула и еще спала в своей каюте.

Я поднял рюмку. Спленнервиль улыбнулся:

— Итак, все закончено?

Я только что рассказал ему все и утвердительно кивнул:

— Закончено.

Полковник опустил голову и закрыл глаза. Через мгновение спросил:

— Что напишем о Брэгтсе? Ведь не можем же мы сообщить, что он погиб, как... как банальный иска-

тель сокровищ! — И не глядя на меня, предложил — Но не можем и правду сообщить. Никто не поверит в эту историю с гротом, башней, маятником, Атлантидой или каким еще дьявольским местом, как вы там ни назовете то, что нашли! Без доказательств вам никто не поверит!

Дег сидел, закутавшись в толстое одеяло. Его трясло, и он сжимал обеими ладонями чашку с горячим бульоном. Пристально глядя на нее, он просто-на-прост:

— Все, все погибло... Фотоаппараты, кинокамера, пленки, кассеты... Должно быть, все уничтожил взрыв. Мы даже не заметили... — Он сделал отчаянный жест. — Ни единого снимка не сохранилось!

— Не расстраивайся, парень! — попытался утешить его Спленнервиль. — Пей-ка лучше бульон.

— Вы сказали — Атлантида? — спросил я. — Да, может статься, это был тот самый легендарный материк, исчезнувший на дне океана. А теперь случайно найденный нами... У Брэггса, — добавил я, — были доказательства, письменные свидетельства, я имею в виду. Теперь и они погибли... — Я умолк, потому что дверь тихо отворилась и в кают-компанию вошла мисс Линда.

Она была смертельно бледна. На ней был толстый вязаный свитер, и в нем она выглядела еще более тоненькой и маленькой — совсем девочкой. Даже голос ее, когда она заговорила, показался мне детским. Но глаза сверкали неукротимым огнем.

— Так и не нашли? — спросила она.

— Нет, мисс Линда, — ответил я. — Разве это возможно?

Она опустила голову и прошептала:

— Извините.

— Садитесь, мисс Де Ла Крус, — предложил Спленнервиль, — прошу вас, и выпейте что-нибудь. Как сказал мне Мартин, — продолжал полковник, — волна сбросила профессора Брэггса в колодец.

Мисс Линда кивнула и так и осталась сидеть, опустив голову. Мы долго молчали, слушая, как плещут волны о борт «Монитора».

— Но как же нам быть, Мартин, — снова заговорил Спленнервиль. — Что мы напишем о Брэггсе?

— Что он погиб в море, — ответил я не сразу. — Что его снесла волна, когда «Монитор» шел вдоль побережья острова Оук... Он был вашим гостем, а вы сопровождали своего сотрудника Мартина Купера в экспедицию на дно колодца... в поисках сокровища. Сообщим в газете так. И никто из нас, — заключил я, — не скажет никому ничего другого.

Мы помолчали. Потом мисс Линда тихо проговорила:

— Он вернулся туда... Как это справедливо. Ибо то, что он нашел, было только его открытием, больше ничьим. Благодаря ему, — продолжала она, внезапно повышая голос и глядя по очереди на каждого из нас, — мы пережили самое главное и волнующее событие в своей жизни... Сколь вечен мир? Я уверена, профессор нашел бы ответ на этот вопрос... А теперь он... — девушка прослезилась, — теперь он в этой огромной могиле... вместе с другими... Это справедливо. Он счастлив этим, счастлив... — и она тихонько заплакала.

И тут Илк решительно и громко заявил:

— Я же говорю — он победил!

Я тоже так считаю. Я думаю об этом, когда пробуждаюсь среди ночи в холодном поту и мне мерещится тиканье этого немыслимого маятника. Я думаю, Илк прав. Профессор Брэггс и в самом деле одержал победу в этом своем сражении, начавшемся так случайно в тиши архива и закончившемся невероятным открытием в каменном саркофаге под фантастической башней. А бросившись к бикфордову шнуру и стремясь погасить его, разве не хотел он вернуться обратно, в эту огромную могилу? Разве не смерти искал он, потрясенный тем, что невольно разрушил грандиозное свидетельство неизвестной цивилизации? И разве не нашел он геройскую смерть в том огромном склепе?

На все эти вопросы я могу ответить только утвердительно. И когда постепенно проходит кошмар от

этого тяжелого воспоминания, я представляю себе, как профессор Брэггс, преображенный в своей победе, спускается вниз по тайным путям, идет по туннелю, проходит по большой пещере, вижу, как движется он вперед уверенным, ровным шагом — точно так же, как шел тот, босоногий человек. Вот он идет, спускается вниз и находит место, которое тысячелетия ожидало его в самом сердце этого исчезнувшего мира.

ПОВЕСТИ

Пульсирующий

КАМЕНЬ

ВОЛЧОК

Глава 1

До рассвета оставалось уже недолго. Кабинеты редакции опустели. Последний экземпляр «Дейли Миррор» был отправлен в газетный киоск. Остановились усталые печатные станки. Закончилась еще одна рабочая ночь.

Я уже надевал плащ, собираясь отправиться домой, как вдруг зазвонил телефон. Я снял трубку.

— Купер слушает.

— А, я застал тебя, Мартин, отлично! — обрадовался полковник Спленнервиль, президент и директор газеты. —

Что делаешь?

— Собираюсь домой, шеф.

— Отменяется. Лети скорее в Нью-Осмонд. Там что-то случилось в метро. Состав сошел с рельс.

— Послушайте, полковник...

— Никаких разговоров, Мартин. Я узнал об этом от одного моего друга, который оказался в этом составе. Катастрофа произошла пять минут назад. Поспешишь — приедешь первым.

— Послушайте, но почему именно я должен туда ехать? В газете столько молодых журналистов, которые хотят работать... Из редакции новостей, например... Почему не послать кого-нибудь из них?

— Я не посылаю никого из них, — зарычал в трубку Спленнервиль, — потому что в «новостях» никого нет! Что за газета, черт возьми! Стоит мне уйти, как все тут же разбегаются!

— И все же, шеф... — начал было я.

— Мне нужен хороший репортаж и отличные снимки! Немедленно! — приказал полковник и опу-

стил трубку в тот момент, когда я хотел его спросить:

— Но как же я смогу фотографировать?

Я так и остался с трубкой в руках. Что делать? Звонить Дегу?

«Не будят друзей в такую пору, Мартин!» — сказал я сам себе, взял шляпу, фотоаппарат и вышел.

Было холодно, накрапывал дождь, небо покрыто мрачными тучами. Огни Манхэттена отражались в мокром асфальте. Я сел в машину, направился в Нью-Осмонд и прибыл туда через полчаса. На площади стояло много машин — полиция, скорая помощь, пожарные. Несколько полицейских сдерживали небольшую толпу. Вокруг не наблюдалось никакой суеты, все было спокойно, фоторепортеры еще не набегали. Невероятно, но я кажется действительно прибыл сюда первым.

Я предъявил удостоверение корреспондента полицейскому. Что-то проворчав, он разрешил мне спуститься по лестнице, опутанной мощными пожарными шлангами. На станции метро народу было мало: лишь несколько полицейских да группа пожарных в ослепительно ярких касках. Горел весь свет, и движение поездов продолжалось по двум туннелям. Третий однако был закрыт несколькими щитами. Я направился туда.

— Где это случилось? — спросил я у сержанта полиции. Он указал на туннель:

— В полуmile отсюда, внутри. Вы из прессы, да? Ну, тогда идите.

Я спустился на рельсы и двинулся по туннелю. Сюда доставили несколько огромных прожекторов, так что свет просто слепил. Пройдя до поворота, я увидел сошедший с рельсов и прижатый к стене состав. Несколько рабочих приводили пути в порядок. Стоял резкий запах горелого металла. Казалось, событие пустяковое.

— Это не похоже на катастрофу, — заметил я, подходя к одному пожарному и показывая ему свое удостоверение. — А где пассажиры? Где погибшие? Раненые?

— У себя дома, — отрезал он. — Кто вам сказал,

что были погибшие и раненные? Только у одного — сильный ушиб, возможно сотрясение мозга. А вот ущерб довольно серьезный.

— Что же мне тут делать в таком случае?

Он махнул рукой:

— Идите взгляните на рельсы. Может, и найдете, что написать... Дорогу, ребята! — крикнул он группе рабочих, склонившихся над рельсами шагах в десяти от моторного вагона. — Вот посмотрите.

Я взглянул и был потрясен. Мне пришлось пови-
дать много всяких странных вещей. Но такого я еще не видел.

Кусок рельса — метров пяти-шести длиной — был искривлен самым невероятным образом: казалось, чья-то стальная рука взяла его и скрутила штопором. Однако, на нем не было ни трещин, ни разломов. Можно было подумать, что его просто так, играючи, взяли, скрутили и бросили...

— Как это может быть? — пробормотал я. — Кто же это так развлекается, превращая рельсы в штопор?

— Никогда не видел ничего подобного, — сказал один из полицейских. — Мне известно не больше вашего.

— Повторяю вам — рельс был раскален! — громко говорил машинист поезда, вытирая пот со лба. — Когда я увидел, что он красного цвета, я начал тормозить, что было сил. Не сделай я этого, нас бы всех разнесло на куски!

— Это точно! Так и было, — поддержал машиниста его помощник, худой парень, еще не оправившийся от испуга. — Я все видел. Рельсы пылали, я вам скажу! Поэтому Норман и затормозил.

— И благодаря тормозу спас и свою шкуру, и пассажиров, — снова заговорил машинист. Он посмотрел на меня:

— Вы из прессы, да? Вот и хорошо, напишите, обязательно напишите, что я спас людей. Состав сошел с рельс, согласен. Но поезд можно починить, а мертвого человека уже никто не вернет к жизни!

— О'кей, напишу, не сомневайтесь.

Я задал еще несколько вопросов, осмотрел локо-

мотив. Стена туннеля была сильно повреждена — ободрана, исцарапана на протяжении пятидесяти метров. И в самом деле, просто чудо, что все обошлось без жертв.

Я вернулся к рельсу и еще раз осмотрел его самым тщательным образом пядь за пядью. Что за сила могла так скрутить его? Когда я задавал себе этот вопрос, в ушах у меня зазвонили колокольчики тревоги. Странно. Обычно колокольчики звонят лишь в том случае, когда опасность где-то совсем рядом. Большая опасность.

Я невольно вздрогнул. Сделал дюжину снимков, записал кое-что в блокнот и ушел. Наверху толпа уже разошлась, машины пожарной и скорой помощи тоже уехали.

Я вернулся в редакцию смертельно усталый, передал пленку в фотолабораторию и набросал небольшую заметку.

— Что это? — спросил меня стенографист, которому я диктовал ее. — Фантастический рассказ?

— Почти. Ты бы видел этот рельс, мой мальчик. Хочешь, могу добавить сюда и про летающую тарелку... — Я замолчал. Стенографист смотрел на меня, покусывая ручку.

— Ну, а дальше что? — спросил он.

— Ах да... — я продолжил диктовать. Но колокольчики все еще гремели.

Я вернулся домой и поймал себя на том, что мои мысли все время возвращаются к этому скрученному рельсу. Я пытался найти какое-то объяснение, но не находил, хотя прекрасно знал, что рано или поздно любая загадка проясняется. Почти всегда так бывает в журналистике: кажется, будто нашел что-то совершенно невероятное, а потом появляется какой-нибудь человек, который объясняет тебе, что ничего странного нет, и дело совсем простое, а рельсы скручиваются подобным образом в результате каких-то вибраций, и вообще это происходило уже тысячу раз...

Моя заметка, впрочем, была напечатана на восьмой странице дневного выпуска. Это означает, что

событие уже утратило интерес. Нет жертв — нет и сенсации. Фотография получилась довольно хорошей — видны были моторный вагон, рабочие, скрученный рельс.

«Ладно, Мартин, — сказал я себе, — дело закрыто!»

Нет. Дело не было закрыто. Позднее, уже вечером, когда я отоспался и вернулся в редакцию, раздался стук в дверь. В комнату осторожно заглянул Дег.

— Можно, Мартин? — спросил он.

— Привет, Дег. Конечно, можно. В чем дело?

— Тут у меня твои снимки, Мартин, — сказал он, кладя папку на стол. — Я хочу сказать, фотографии этого происшествия в метро. Они удачно получились. Все-то вы умеете делать!

— А как же!.. Только не говори об этом полковнику, Дег.

Он улыбнулся и начал показывать мне снимки, которые сам увеличил. По чистой случайности, думаю, они получились действительно удачно. Очень отчетливо были видны все детали: моторный вагон, лежащий на боку, распахнутые двери, исцарапанная стена туннеля, гравий между шпал, рельс, превращенный в штопор...

И тут я увидел его.

Я увидел возле скрученного рельса маленький волчок. Одна из тех игрушек, которыми развлекаются дети, забава, которую можно купить в любом магазине.

Я, должно быть, вздрогнул или побледнел, словом, сделал что-то, весьма удивившее Дега:

— Что случилось? Что-то не так, Мартин?

Я посмотрел другие снимки. Вот он. Самый обычный волчок. Правда, на нем не было привычных разноцветных полосок. Старая, поломанная игрушка, наверное, ее выбросил какой-то мальчишка, которому она надоела...

— Что случилось, Мартин? — снова спросил Дег. Я посмотрел на него. Прошло, наверное, с полминуты. Я ждал, пока умолкнут колокольчики тревоги.

— Это... волчок, Дег, — недоуменно произнес я.

Он не понял. Попытался улыбнуться:

- Волчок?
- Да. Вот тут, видишь?
- Конечно, вижу.

Я глубоко вздохнул. Наверное, мои слова прозвучали глупо. Я сказал:

— Дег, этого волчка не было, когда я делал эти снимки... Не было, — продолжал я, повышая голос и тем самым не давая ему прервать меня. — Я осмотрел рельс пядь за пядью. Уверен — его не было.

Наступило долгое молчание. Мы с Дегом смотрели друг на друга. Дег хотел улыбнуться, но у него это плохо получилось, и он пробормотал:

— Вы хотите сказать, что... не видели его, Мартин?

— Нет. Я хочу сказать, что его там не было.

— Но... — Он замолчал и показал пальцем на волчок.

— Да, вот он, вижу. Есть волчок. Но тогда...

— Господин Купер, будьте добры, — раздался в это время из динамика голосок Розы, секретарши полковника, — шеф хочет видеть вас. Но по поводу интервью на сессии Объединенных наций.

— Да, да, иду... — Я с трудом отвлекся от своих странных мыслей и звона колокольчиков. Я взял свои блокноты и направился к двери. Прежде чем выйти, повернулся к Дегу, который так и остался у стола.

— Дег, — сказал я, — отбой! Будем считать, что я ничего не говорил. Раз волчок есть на снимке, значит, он там был. Я его не заметил, вот и все. Бывает. Призраки не существуют, а тем более призраки-волчки... — Я прекрасно понимал, что не был убежден в своих словах, но продолжал: — Так или иначе, линию чинят, а для печати это дело не представляет интереса. Поэтому не будем ломать голову из-за этого волчка, не так ли?

— Да, конечно.

— Ладно. Еще увидимся.

Остальное произошло часом позже. Мне позвонил Слими, руководитель отдела новостей.

— Еще одна беда, Мартин, снова в метро, как и

вчера. В том же туннеле, в Нью-Осмонде, только на расстоянии километра.

— Да? А что случилось сегодня? Еще один рельс превратился в штопор?

— Нет, похоже, что-то с кабелем высокого напряжения. Перерублен. Это произошло десять минут назад. Разумеется, уже пошли разговоры про саботаж. Не хочешь съездить туда взглянуть, вместе с Дегом?

Колокольчики тревоги загремели как никогда прежде. Я взглянул на снимки, которые Дег оставил на моем столе. Этот маленький волчок... И ответил в трубку:

— Нет, Слимми, мне некогда. Извини.

— Ну, поскольку первую заметку написал ты, я подумал...

— Серьезно, Слимми, мне очень жаль, — прервал я его.

— О'кей, pošлю кого-нибудь из моих ребят.

Я положил трубку, набрал номер Дега и попросил его ждать меня в четыре утра с фотоаппаратом. В это время в туннеле поубавится полиции, журналистов, рабочих, пожарных. Тогда мы и пойдем..

— Искать волчок, — проговорил я.

Глава 2

Все оказалось, как я и предполагал. В четыре утра на станции Нью-Осмонд уже почти никого не было. Мы долго шли по пустому перрону к туннелю, закрытому для движения. Сонный полицейский, что дежурил у щитов, загоразживавших вход, спокойно пропустил нас. Мы спустились на рельсы и направились в темный туннель. На соседних линиях движение продолжалось, и время от времени земля вздрагивала у нас под ногами. С грохотом, похожие на огнедышащие чудовища, проносились составы.

На месте вчерашнего происшествия возле скрученного рельса и моторного вагона все еще работала бригада ремонтников. Минут через десять мы подошли к участку, где произошла вторая авария. Или акт саботажа. Здесь тоже горели яркие светильники, но всего два техника осматривали черные ленты кабелей, висевших под потолком туннеля. Услышав наши шаги, они обернулись, и я показал им свое удостоверение.

— Я — Купер из «Дейли Миррор».

— Немного опоздали, — неохотно ответил один из них.

— Бывает. Можно узнать, что тут произошло? Какого рода повреждение?

— Будь это просто повреждение!..

Мы подошли ближе, и Дег воскликнул:

— Боже милостивый!

По всей стене от основания до половины свода на отлично уложенных плитах и по кирпичу шла зигзагообразная канавка глубиной примерно в два сан-

тиметра и такой же ширины. Словно огромная дрель нечаянно провела эту бессмысленную непрерывную линию, а дойдя до толстого жгута кабеля, просто перерезала его, словно бритва тонкую бечевку. У самой земли дрель — или что-то другое — казалось, обесилела — канавка окончилась. Я невольно взглянул на черный гравий между рельсами. Может, дрель оставлена на земле...

— Но что же это было? — спросил я.

Один из техников пожал плечами:

— Хотел бы я знать... — ответил он и сразу же добавил: — Не спрашивайте нас, пожалуйста, нам нечего сказать вам.

— Можно сделать несколько снимков?

— Конечно. Только нас не снимайте, пожалуйста.

Я подошел к Дегу, который возился с фотоаппаратами, и шепнул:

— Дег, смотри внимательно прежде, чем делать снимок.

— Я уже смотрю, Мартин, — ответил юноша, сжав губы. Он, видимо, все еще не понимал меня. Наверное, решил, что я немного тронулся. Он начал работать, а я самым тщательным образом осматривал туннель. Ничего! Только гравий. Кое-где обрывки проводов. Ветошь. Я посмотрел и под нею. Дег продолжал фотографировать. Техники отошли в сторону и молча наблюдали за его работой.

— Скоро закончите ремонт? — поинтересовался я.

— Мы-то закончим часов через пять-шесть, если не обнаружим еще чего-нибудь. А вот устранить этот разрыв кабеля... На это понадобится три дня.

— Благодарю вас, — ответил я. — Ты все снял, Дег? Тогда пошли.

Мы вышли из метро, со стороны океана дул холодный ветер. Мы поехали в Бронкс, к реке, где Дег жил в своем небольшом уютном домике в удивительно спокойном квартале. В его подвале была оборудована фотолаборатория.

— Тут есть кофе, выпейте, Мартин, а я пока проявлю пленку... — он говорил как-то неуверенно.

— Ты, наверное, думаешь, что я рехнулся, не так ли, Дег?

Он покачал головой и удалился, ничего не ответив.

Дег вернулся минут через двадцать с большими отпечатками, только что вынутыми из ванночки, с бумаги еще стекала вода. Он остановился в дверях. Я поднялся ему навстречу. Мне уже не надо было задавать ему никаких вопросов.

— Покажи, — попросил я.

Дег прилепил снимки один за другим на деревянную доску. Мы стояли и, как заколдованные, молча смотрели на этот маленький волчок, лежащий на гальке между рельсами, возле окурка, как раз у того места, где был перерублен кабель. Маленькая игрушка, которую, наверное, выбросил какой-нибудь мальчик...

Я был предельно спокоен — именно потому, что никак не мог объяснить этот феномен. Однако, когда я поднял чашечку горячего кофе, пальцы мои дрожали.

— А почему он не виден простым глазом, Мартин? — спросил Дег. Я покачал головой. Что тут можно ответить. Он продолжал: — И какое отношение может иметь этот волчок к таким повреждениям? — Я опять промолчал. — Боже милостивый! — воскликнул Дег и стиснул голову обеими руками. Я оторвал взгляд от снимка с волчком.

— Знаешь, Дег, есть один человек, который может помочь нам. Постарайся отпечатать эти снимки по-лучше... Я хочу сказать, увеличь их как можно крупнее, чтобы можно было рассмотреть волчок как следует. Хорошо?

— Да, Мартин, я понял. Увеличу до предела. А вы куда?

Я помахал ему рукой, открывая дверь.

— Ладно, ты оставайся. Я позвоню тебе.

Солнце едва поднялось, скрытое низкими тучами, когда я вошел в лабораторию профессора Чимнея в Центре Технологической Медицины. Чимней, лауреат Нобелевской премии, один из самых великих ученых,

каких я знал, был единственным человеком, который мог помочь мне, не задавая при этом излишних вопросов. Он был невысокого роста, с густой шевелюрой, и лицом скорее походил на крестьянина, нежели на ученого. Его помощник проводил меня в кабинет профессора. Чимней, встретив меня, покачал своей крупной головой:

— Мартин, тебе не следовало приходить так рано. Я работал всю ночь, устал и собираюсь поспать, — говоря это, он пожал мне руку.

— Даже если б вы уже спали, я все равно разбудил бы вас, профессор. Дело срочное.

— Ну тогда объясни, что тебя привело сюда?

— То, что вы — великий ученый. И мой друг.

— За дружбу спасибо! Ну, так в чем дело? Чем я могу помочь? — На невозмутимом лице его была заметна усталость.

— Профессор, — спросил я, — какая разница между глазом человека и объективом фотоаппарата?

Глаза его блеснули. Он скривил губы и вместо ответа спросил:

— А что ты хочешь увидеть, Мартин? — Но так как я не ответил ему, продолжал: — Разница большая. Глаз не все видит, например, инфракрасные лучи, тепловое излучение и многое другое. Фотообъектив в некоторых условиях может дать изображение того, что для глаза недоступно, поэтому..

— Я хочу увидеть одну невидимую вещь, — прервал я профессора и показал на свои глаза. — Мне нужны два таких объектива. Можете вы дать их? Пока больше ничего не могу сказать, профессор. Пока еще рано. Извините.

Он посмотрел на меня, вздохнул, поколебался минуту, обдумывая что-то. Потом медленно и устало прошел к двери. И прежде чем выйти, попросил:

— Опустить все шторы, Мартин. Необходима полная темнота.

Он вернулся через несколько минут и положил на письменный стол небольшой кожаный чемоданчик. С улыбкой глядя на меня, он извлек из него странные массивные очки, в которых вместо линз были встав-

лены два окуляра от микроскопа. Он надел эти очки, с трудом закрепив их на затылке, и стал похож на какое-то злобешнее гигантское насекомое.

— Как марсианин, правда? — улыбнулся профессор. — Сейчас я не вижу абсолютно ничего, но если погасишь свет... Вон там, справа от тебя...

Я быстро выполнил его просьбу, и в комнате стало совершенно темно. Я замер в ожидании.

Было очень странно сознавать, что меня могут видеть в этой крошечной темноте. Сама мысль, что она больше не защищает, вызывала у меня острое ощущение беспомощности. Я пошевелился, потрогал, сам не зная почему, горло, но жест этот показался мне глупым, и я не нашел ничего лучшего, как поправить галстук. И тогда в темноте раздался добродушный смех Чимнея.

— Волнуешься, Мартин?

— Ну... Нет, профессор.

— Тогда оставь в покое галстук... И поправь лучше прическу. Волосы у тебя действительно в беспорядке.

В восторге и изумлении я пробормотал:

— Вы — великий человек, профессор!

— Согласен, однако хватит комплиментов. — Потом добавил: — Зажги свет, Мартин. Прибор основан на одном довольно простом принципе, о котором, однако, никто прежде не подумал. Я рассчитал, что... — тут он умолк, нахмурился и добавил: — Я разговаривал, а тебе, наверное, некогда меня слушать, не так ли?

— Не совсем, профессор... Но мне помнится, вы хотели лечь спать.

Он улыбнулся, подошел к какому-то небольшому прибору, стоявшему на столе, заваленном инструментами, что-то потрогал, вытянул вверх короткую пластиковую трубку и спросил меня:

— Эта трубка что-нибудь излучает, как ты думаешь?

— Ничего не вижу.

— Хорошо. Теперь надень очки, а я погашу свет.

Я исполнил его просьбу. Поначалу не видел ничего, но когда Чимней щелкнул выключателем, все, что

было в комнате — мебель, инструменты, книги, приборы — все внезапно вырвалось из темноты, освещенное зыбким, красноватым светом. Предметы были видны вполне отчетливо, как будто освещались мощной яркой лампой.

— Это... потрясающе! — воскликнул я.

— Посмотри на трубку, — сказал профессор, — что теперь видно?

Из трубки, точно плюмаж, поднималось вверх облако тумана. Казалось, его можно было потрогать рукой. Я спросил:

— То, что я вижу, профессор, это... тепло? Инфракрасные лучи?

— Совершенно верно, — подтвердил он. — Сними, Мартин, очки. Не знаю, смогут ли они помочь тебе, — проговорил он, включая свет, — но больше мне предложить пока нечего. К сожалению...

— Хорошо, профессор. Я буду держать вас в курсе дела. Спасибо.

Я вышел от него, неся в кожаном футляре очки. Мое сердце было преисполнено благодарности и страха. Что я увижу там, в метро? Увижу ли вообще что-нибудь? И... было ли там что-нибудь, что можно увидеть?

Я остановился у первого же телефона-автомата и позвонил Дегу.

— У меня тут одна чертовски важная штука, дорогой мой, — сказал я, — когда я ее...

— Мартин... — прервал меня Дег. Голос его звучал глухо и взволнованно. И тут же зазвонили колокольчики тревоги. Я спросил:

— Что случилось? Что-нибудь со снимками?

— Приезжайте скорее, Мартин, пожалуйста. Скорее... — повторил он. — Мне страшно.

Я бросился в машину и помчался к нему. Дважды пролетел на красный свет, обогнал кого-то на повороте, набрал целую коллекцию штрафов, зато пересек город в рекордном темпе. Дег ждал, прохаживаясь по тротуару. Завидев меня, он бросился навстречу.

— Что произошло? — с тревогой спросил я.

— Пойдемте... Эти увеличенные снимки... Волчок... — Мы вбежали в подъезд, он отпер дверь в квартиру, прошел на кухню, и, остановившись на пороге, торжественным жестом указал:

— Смотрите!

Огромные отпечатки были развешаны повсюду — на стене, на шкафах, на доске. С некоторых еще стекла вода, другие еще не совсем просохли. Дег увеличил изображение волчка действительно до предела, если не сказать больше. Картинка получилась нечеткой, размытой — она распадалась на множество черных, серых и белых точек, но благодаря этому передавала истинную сущность снятого предмета.

Я так и замер на пороге, рассматривая одну за другой все эти фотографии. Прошла минута. Две, пять минут...

Наконец, Дег проговорил:

— Видите?

Ох, еще бы я не видел! Я видел перед собой большую машину, идеальную в своей рациональной компактной конструкции. Ясно видны были широкие металлические обручи, множество отверстий, похожих на выхлопные сопла, и узкие, словно прикрытые веки, иллюминаторы. Мне показалось даже, что за мной кто-то наблюдает.

— Что это, Мартин?

— Это не волчок, — ответил я, проходя в комнату. — Это похоже на то, что мы называем... Ну да... На то, что мы называем летающими тарелками.

При этих словах меня охватил страх. Поначалу все мое существо возмутилось, прямо-таки восстало: «Этого не может быть!» — хотел было закричать я. Но в конце концов этот внутренний голос умолк. Я был вынужден отступить перед очевидностью.

Мы молча опустили на диван, не зная, что и сказать. Потом Дег поднялся, прошелся взад и вперед по комнате, пошевелил губами, словно собираясь что-то сказать, но так ничего и не произнес.

Тогда я спросил его:

— Что теперь будем делать?

— Вот! Я то же самое хотел спросить. Что теперь делать?

— Не знаю, — ответил я и поднялся. — Поеду в редакцию, разумеется. А впрочем, я знаю, что надо делать, — добавил я, обращаясь скорее к себе, чем к Дегу. — Конечно, знаю! Сегодня ночью я опять спущусь в туннель и, что бы ни произошло, узнаю, что же там такое. Этот день, Дег, будет самым долгим в моей жизни.

Глава 3

Все утро я провел у себя в кабинете, просматривая новости с телетайпной ленты, полученные за последние тридцать шесть часов. Среди них я нашел две, которые показались мне интересными. В первом случае сообщалось, что около десяти вечера — то есть за несколько часов до того, как состав сошел с рельс — один мальчик в Нью-Осмонде видел из окна, как «страшный диск, весь светящийся и с хвостом, упал на землю». Во втором говорилось про одного продавца сосисок, который готов был поклясться: «что-то светящееся пролетело передо мной и упало куда-то». Управление авиации и Пентагон, отмечалось в сообщении, уже заявили, что не желают принимать во внимание эти два свидетельства.

Но я-то их во внимание принял. Может быть, это что-то светящееся и был волчок, он-то и упал с неба и попал потом через какой-нибудь вентиляционный канал с потоком воздуха в туннель метро. Может, это был какой-нибудь инструмент, брошенный рабочими. А может, и в самом деле прилетел из космоса?..

— Боже милостивый, Мартин! — пробормотал я. Я ломал над этим вопросом голову, волнуясь и считая минуты, которые оставались до вечера, как вдруг мне сообщили по телефону чертовски интересную новость: профсоюзы объявили забастовку. Остановился весь общественный транспорт. Город переполнился автомобилями, всюду возникли пробки, движение было блокировано. Возле некоторых станций метро возникли потасовки..

Я схватил плащ, взял кожаный футляр с очками

и выбежал из кабинета. Забастовка. Поезда стоят, станции пустые, работы приостановлены... Я в волнении возблагодарил небо. Спасибо. Ожидание окончено. Прекратилась эта агония. Я направился на станцию Нью-Осмонд.

Я добрался туда только часа через полтора и спустился вместе с возмущенной толпой, заполнявшей лестницы. На перроне тоже оказалось много народу. Забастовка не была всеобщей — некоторые поезда ходили. Я увидел, что проход в туннель, куда проник волчок, все еще был перегорожен щитами, перед ними горел красный газовый фонарь. Я протиснулся сквозь толпу, спрыгнул с перрона на шпалы и быстро зашагал по подземному коридору, прижимаясь к стене, ожидая в любую секунду услышать за спиной свисток или окрик. Но никто не обратил на меня внимания. У полицейских было немало других забот. Я вошел в темный туннель, оставив позади недовольно гудящую толпу. Дальше была полная темнота — все бригады ремонтников покинули его. Да, само небо помогало мне.

Я прошел дальше и надел очки, которые дал профессор Чимней. В совершенной темноте я вдруг ясно увидел в розовой окраске все, что было вокруг: рельсы, стены, гальку между шпал, оснастку, электрические кабели, сигнальные огни... Дальше я пошел быстрее, внимательно всматриваясь во все, что было под ногами. Беспокойство, не покидавшее меня весь день, нарастало.

Скрученного рельса уже не было. Его заменили. Стояла полнейшая тишина. Я увидел потушенные прожекторы, мотки проводов, инструменты, оставленные рабочими. Тут я почувствовал, что дышать стало трудно. Я приближался к тому участку, где произошла вторая авария.

Вот он, вот материал для ремонта электролинии. Я остановился, словно неожиданно обессилев. Мужество покидало меня. А вдруг кто-нибудь обнаружил волчок и унес? Или, еще проще, он сам исчез? Не век же ему лежать в туннеле... Его судорожные беспорядочные метания по галерее — разве это не поиск вы-

хода, не стремление к бегству? Ну, а очки... Помогут ли?

И тут я увидел его.

Он был шагах в десяти от меня, на том самом месте, где, судя по снимку, находился прошлой ночью. Маленькая игрушка, брошенная каким-то мальчиком. От волнения сердце у меня чуть не выскочило из груди, но я все же сумел взять себя в руки. Волчок лежал, не двигаясь. Колокольчики тревоги звякнули и умолкли.

Я ждал. А чего — и сам не знал. Я смотрел на волчок, как будто ожидал от него какого-то сигнала.

Я достал из кармана электрический фонарик и, включив его, направил на волчок. Тот слабо поблескивал. Тогда я снял очки — волчок исчез. Я с трудом мог различить лишь гальку между шпал. Вновь надел очки — и волчок — вот он, передо мной. Меня охватило лихорадочное волнение, возникло неудержимое желание броситься к нему и схватить. Мне не удавалось унять дрожь в руках. Я погасил фонарик, пошатываясь, шагнул вперед и, недолго думая, наклонился, протянув руку к волчку...

И тут же невольно вскрикнул и отскочил назад — пальцы что-то обожгло, руку пронзила острая, резкая боль, будто я коснулся чего-то раскаленного. Но поразило меня не только это. Волчок сдвинулся с места. Он внезапно отскочил от меня, будто убегал. Теперь он повис над самой землей, в двух метрах от меня, и медленно, еле заметно вращался.

Я едва не закричал. Посмотрел на свою руку — она горела и пульсировала. Но что это было? Я ведь даже не прикоснулся к нему. Я снова взглянул на волчок. Мне показалось, он походил в эту минуту на змею, которая ужалила и отползла, но готова наброситься снова. Меня охватило глубокое разочарование. Не страх, а именно разочарование. Совсем как у ребенка, который, пытаясь сорвать розу, укололся о шипы. Меня будоражило странное волнение. Рука перестала болеть, только слегка зудела, и зуд этот от кисти распространялся дальше, к плечу. Что же произошло?

Мне неудержимо захотелось броситься отсюда со

всех ног. Жуткий страх охватил меня, заполнил и сердце, и мозг.

«Что же это все-таки было, Мартин?» — спросил я себя и начал отступать, неотрывно глядя на недвижно висевший над самой землей волчок. В этот момент почва у меня под ногами завибрировала — в соседнем туннеле проносился состав. Эта дрожь вместе с внутренним волнением сломила меня. Словно обезумев, я помчался по шпалам.

Да, я убегал. Убегал. От чего?

Мне повезло, никто не видел, как я выскочил из туннеля, никто не обратил на меня внимания. Я побежал по перрону, поднялся по пустой лестнице, добрался до своей машины и бросился в нее.

«Что с тобой, Мартин?» — спросил я себя, укладывая очки в футляр. И не смог ответить на этот вопрос. Я весь обливался потом, зуд в руке стал сильнее и сделался почти невыносимым. Должно быть, меня сильно лихорадило, я чувствовал, что весь горю, в горле пересохло. Включая двигатель, я почувствовал, что меня немного подташнивает. Я попытался успокоиться и хотел мысленно вернуться к волчку. Но едва я начинал думать о нем, как меня охватывал жуткий страх.

Я приехал в лабораторию профессора Чимнея после трех часов изнурительного пути среди нескончаемого ряда ревущих машин. Я был совершенно измотан и мучительно хотел пить. Рука пульсировала и слегка покраснела, как от легкого ожога. Но я же не прикоснулся к волчку...

Шатаясь, я прошел по коридору. Увидев меня в дверях, Чимней улыбнулся и хотел что-то сказать, но улыбка застыла у него на губах.

— Мартин! — воскликнул он, бросаясь навстречу. Он остановился, внимательно взглянул на меня и добавил: — Боже мой, Мартин! Что с тобой?

У меня сильно кружилась голова, я обеими руками оперся о стол и ответил:

— Приветствую вас, профессор.

— Что случилось, Мартин? — с тревогой спросил он.

— Немного... устал, профессор, — я положил очки

на стол. — Спасибо, они мне еще понадобятся... — Говоря это, я заметил, что Чимней смотрит не на меня, а на что-то или на кого-то за моей спиной. Там раздавалось негромкое тиканье, непонятное, механически-равномерное.

— Что с тобой случилось? — снова тихо спросил профессор, не глядя на меня.

— Ничего.

— Ничего? — переспросил он и, пройдя мимо меня, взял тот предмет, на который так пристально смотрел до сих пор. Обернувшись, я увидел, что это счетчик Гейгера. Чимней приблизил его ко мне. Тиканье стало громче.

— Мартин, ты облучен!

Я попытался улыбнуться, но не смог. Меня лихорадило, терзало какое-то ужасное беспокойство... Я с трудом проговорил:

— Облучен? Но у меня только немного кружится голова... Вы считаете, что...

Он мягко прервал меня:

— Где ты был?

— Я... гулял.

— Допустим. Но где? Ты был в какой-нибудь лаборатории, на каком-нибудь предприятии, в университете? Где ты нахватал столько радиации?

Я отрицательно покачал головой. Теперь мне было все ясно. Волчок излучал радиацию, а я только поднес к нему руку... Он отстранился от меня, но не настолько быстро, чтобы я не успел облучиться. Внезапно я почувствовал невероятную усталость. Мысль, что этот предмет поступил так разумно, что он способен был вести себя как мыслящее существо, опять испугала меня. Опустив голову, я спросил:

— Как это может быть, профессор? Выходит, я обречен на мучительную смерть, как те облученные... в Хиросиме? Что же такого я сделал? — продолжал я. — Я же ничего не трогал. Только поднес руку... Не спрашивайте меня ни о чем. Я не знал, что он радиоактивный, откуда мне знать?..

— Мартин, — строго сказал Чимней, — речь идет о твоей жизни, понимаешь? Это тот самый предмет, который можно увидеть только с помощью моих очков?

— Да, он.

Профессор положил счетчик, подошел к телефону, и я услышал, как он сухо произнес:

— Говорит Чимней. Приготовьте комнату номер одиннадцать. Да, срочно. Приду сейчас же. Облучение гамма-лучами. Приготовьтесь. Пойдем, Мартин, в душ. Это специальный обеззараживающий душ, который снимает радиацию. Тебе нужно очиститься от этих гамма-лучей, иначе грозит беда. Когда ты.. поднес руку к этому предмету?

— Примерно три часа назад, — ответил я, следуя за ним в коридор.

— Где ты был все это время?

— В машине. Я сразу же поехал к вам. Не знаю, почему.

— Правильно сделал.

Лифт, в котором мы ехали, остановился. Нас встретило несколько человек в странных халатах и пластиковых масках, рядом стояла каталка. Чимней приказал:

— Ложись, Мартин. И пусть они сделают все, что необходимо.

— О'кей, профессор, — ответил я и закрыл глаза.

Под сильным душем меня держали часа два. Струи мутной желтоватой жидкости с очень резким запахом обрушивались на меня со всех сторон то прохладные, легкие, то обжигающие — упругие. Чимней, переговариваясь со своими коллегами, наблюдал за мной в смотровое окошко. Я даже не пытался расслышать, что они говорят. Наверное, сочувствовали, видели во мне осужденного на смерть. Всего лишь жест, простой жест — протянуть руку к волчку — и теперь моя кровь заражена, в ней образовался какой-то яд. Очень может быть. И все же я не ощущал страха. Я не думал, что из-за того, что произошло в туннеле, из-за этого волчка, который сдвинулся с места... тут мои мысли стали путаться. Я знал только одно — в туннеле оказалось нечто невероятно важное, что бы это ни было, и мне необходимо вернуться туда. Все остальное не имело для меня сейчас никакого значения.

Глава 4

Наконец, душ отключили, и меня перевели в небольшую комнату, где поток горячего воздуха в одно мгновение осушил меня. Потом вошел Чимней с другими врачами, они взяли мою кровь для анализа и, что-то взволнованно обсуждая, окружили меня всевозможными гудящими и жужжащими приборами. Вся эта история длилась еще часа два, после чего я был совершенно без сил. Наконец, Чимней поднес ко мне небольшой счетчик Гейгера, и я заметил, что присутствующие замерли в

ожидании.

Счетчик молчал. Все облегченно вздохнули.

— Все в порядке, Мартин. Все в порядке. Однако, что бы ни заставляло тебя снова набрать эти... — тут Чимней помрачнел, — эти проклятые лучи, в которых мы еще толком не разбираемся, не делай так больше.

— Нет, не обещаю вам этого, профессор, — ответил я.

— Не обещаешь? — переспросил Чимней, недовольно глядя на меня. — Это настолько важно, что стоит рисковать жизнью?

— Да.

Он вздохнул, прошел к большому окну, я последовал за ним. Врачи вышли, и мы с профессором остались одни. В комнате стоял приглушенный гул, какие-то приборы издавали далекие неопределенные звуки, словом, ощущалось дыхание крупной лаборатории. Мы молчали. Чимней, казалось, обдумывал мои слова. Наконец он спросил:

— Что это было, Мартин? Можешь сказать мне?

— Могу, конечно. Я знаю, что вы сочтете меня сумасшедшим. В туннеле метро, в Нью-Осмонде, находится одна странная вещь, профессор. Похожа на детский волчок... но это сложная машина. Простым глазом ее не увидеть. Она пытается выбраться оттуда... Как она там оказалась, не знаю. Слетела с неба, наверное. — Глядя профессору прямо в глаза, я добавил: — Это то, что мы называем «летающей тарелкой».

Он выдержал мой взгляд. И остался совершенно невозмутимым. Только мне показалось, глаза его стали строже. Я продолжал:

— Когда я протянул руку, чтобы взять этот волчок, он отодвинулся, профессор. Думаю, он сделал это, чтобы не облучить меня...

— Мартин!.. — начал профессор. Не знаю, почему, но я прервал его, взяв за руку.

— Машина не может думать, профессор, — сказал я. — Даже если это радиоуправляемая машина, она все равно не могла бы поступить так, как поступила. В этом волчке кто-то есть. Кто-то, способный мыслить... Не знаю, как они выглядят, эти существа, черт возьми, меня это и не интересует. Может, они похожи на нас, только ростом всего в один сантиметр или того меньше. А может, чудища, как в научно-фантастических фильмах... Какое это имеет значение? Важно, профессор, что они мыслят... живут...

— Ты отдаешь себе отчет в том, что говоришь, Мартин? — резко прервал меня Чимней.

Я отодвинулся от него. Посмотрел в окно. Погода стояла пасмурная. Вечерние тени уже начали укрывать большой город, словно принимая его в свои угрюмые объятия. Вдали виднелся сияющий огнями Эмпайр Стейт Билдинг.

— Да, я прекрасно отдаю себе в этом отчет. А говорю я, что в туннеле метро находится какой-то ПРЕДМЕТ. Хотите знать все без утайки? Я думаю, что этот предмет прибыл из другого мира. Это космический корабль, профессор.

Он не ответил, продолжая внимательно смотреть на меня.

— Я хочу вступить в контакт с этим волчком, — решительно сказал я. Меня охватило необыкновенное волнение, какого я не испытывал еще никогда в жизни. — Должен ведь быть какой-то способ контакта, не так ли, профессор?

— Мартин, Мартин!

— Мне доводилось видеть куда более странные вещи, можете мне поверить. Удивить меня очень трудно, профессор... И меня не интересует философская сторона этого феномена... Но можно же найти какой-то язык, не так ли? Я знаю, что Калифорнийский университет посылал в космос сигналы, которые могли быть поняты... разумными существами, где бы они ни находились. Разве не так?

— Да, такие сигналы были посланы. Но они остались без ответа.

— Так может быть ответ находится у нас в Нью-Осмонде, на рельсах?

— Универсальный язык? — размышлял Чимней. — Может, такой язык и существует. Конечно, должно быть... Какой? Думаю, тут не обойтись без геометрии и алгебры. Если это разумные существа, а это несомненно, то им тоже должны быть знакомы какие-то понятия, единые для всей Вселенной... Ну да, для всех живых разумных существ. Это может быть понятие пространства. А также времени. Если этот предмет радиоактивен, Мартин, — тихо продолжил он, — и отстранился от тебя, то наверное сделал это, чтобы не убить тебя... Что это? Разве это не чувство жалости? — Профессор сжал пальцами виски. — Боже мой, ты ведь не шутишь, не так ли? Не разыгрываешь меня, я надеюсь? Мартин, мне ведь не снится это... нет. Нет, — твердо сказал он самому себе.

— Не хотите ли поехать со мной, профессор?

— Поехать... туда?

— Да. Посмотреть на волчок. Прошу вас. Поедем!

Чимней устало опустил голову и решительно сделал отрицательный жест.

— Но, профессор, в таком случае я должен спросить у вас, отдаете ли вы себе отчет...

— Не поеду, Мартин, — спокойно, но твердо ответил он. — Нет. Если твой волчок земного проис-

хождения, проблемы не существует. Пройдет несколько недель или месяцев, и все станет известно. Некоторые вещи не могут слишком долго оставаться в секрете. Но, — добавил он довольно мрачно, — если этот предмет ты называешь... если волчок действительно прибыл из другого мира... если они случайно оказались здесь и хотят улететь обратно, не обнаруживая себя... Ох, значит, у них есть для этого серьезное основание. Очень серьезное, самое серьезное, какое только может быть. Наверное, они понимают, что еще слишком рано, что люди еще не готовы к... — Профессор умолк и, подавив вздох, продолжал: — Боже мой, люди изматывали себя многие века, а последние десятилетия мы трудились на износ, но все еще не готовы! Я не могу поехать, понимаешь? Не могу взять на себя ответственность разговаривать с ними от имени всего человечества!

— Да и я тоже, но тем не менее...

— Ты не ученый, — взволнованно воскликнул он, — ясно тебе? Ты имеешь право идти туда, смотреть, выяснять... Я же, — продолжал он, понижая голос, — могу только... ожидать откровения. Или это не судьба наша — ожидать откровения?

Подумав, я согласился с ним. Однако спросил:

— А если они попытаются что-то сообщить мне?

— Они не сделают этого, — убежденно сказал Чимней. Он провел меня в свой кабинет и дал очки. Я ушел.

Я добрался до туннеля поздно ночью. Забастовка продолжалась. Повторяя знакомый путь по шпалам, я чувствовал, что сейчас все завершится. Как? Я не мог ответить на этот вопрос и даже не задавал его себе. Во мне все дрожало от волнения. И почему-то казалось, что с каждым шагом я отдаляюсь от повседневной реальности, чтобы войти в какую-то неведомую сферу, еще более темную, чем этот туннель.

Я опять увидел волчок. Он находился на том же месте — над самой землей, медленно вращаясь вокруг своей оси. Минут десять, наверное, я стоял недвижно, разглядывая его и слыша только стук своего сердца. Потом я достал электрический фонарик и,

включив его, направил на волчок. Выключил, включил, опять выключил. Сосчитал до двадцати, снова повторил свои сигналы: сигнал, пауза, сигнал, затем два сигнала подряд. Я не знал, может ли кто-нибудь понять меня, но таким образом я пытался передать ту простую мысль, что один плюс один равняется двум. Возможно, существует немало других способов общаться при помощи символов, но, полагал я, одна вспышка света плюс еще одна вспышка должны составить две вспышки, всюду, во всех уголках Вселенной...

Я продолжал посылать сигналы и так пристально смотрел на волчок, что в конце концов его очертания стали расплываться. Я подошел ближе и посылал свои короткие световые сигналы еще по меньшей мере четверть часа. И как раз в тот момент, когда я уже решил, что все мои старания абсолютно бесполезны, волчок вдруг сдвинулся с места.

Я вздрогнул. Волчок поднялся в воздухе примерно на уровне моих глаз. На какое-то мгновение он показался мне ЖИВЫМ существом — неведомым и непознаваемым. От этой мысли я содрогнулся, но все же взял себя в руки и сказал:

— О'кей, попытаемся сосчи... — и умолк, потому что резкая боль пронзила мой мозг. На мгновение мне показалось, будто в голову вонзилась пуля или, вернее, стрела. Отступив назад, я зашатался, и тут почувствовал новый удар, а спустя минуту, когда голова моя была готова вот-вот лопнуть, ощутил сразу два одинаковых острых удара. Несмотря на боль и испуг, я невольно обрадовался: один плюс один — два. Сумма! Они ответили мне! Они повторили то, что просигналил им я... Они поняли меня! Они ответили мне, передав свою мысль прямо в мой мозг. Значит, они знали мою анатомию... Значит, они были устроены так же, как я...

Все эти мысли мгновенно пронеслись в моей голове. Я хотел было заговорить, но не смог... Слова немели на моих дрожащих губах. Я что-то пролепетал, мне хотелось кричать. У меня даже не возник вопрос: «Что же теперь делать?» Может, надо бежать вверх

и сообщить миру о своей находке? Не держать же при себе такое открытие?

Я включал и выключал фонарь, и волчок отзывался, отвечая мне теперь не столь болезненными ударами. Один, два, три... два плюс два — четыре... До каких же пор мы будем продолжать считать?

Я задал себе вопрос и сразу почувствовал нечто странное. Как будто какое-то бесцветное и бесформенное изображение проникло в мой мозг. Я почему-то подумал о времени, и слово это само сорвалось у меня с языка:

— Время... время...

Я вздрогнул, глядя на волчок. Там, внутри этого пульсирующего предмета, находился кто-то, пытавшийся связаться со мной. Он передавал мне на универсальном языке мысли какое-то послание. Вот сейчас он говорил: «Время»... А потом в последовательности, которую я не смог бы пересказать, мое сознание заполнили какие-то другие туманные образы. Но я не в силах был уловить ни один из них. Я весь обливался потом и дрожал, как в лихорадке, от невероятного возбуждения. Ко мне обращались с чем-то, а я не понимал! Мне что-то объясняли, а я ничего не разбирал! Я отступил на несколько шагов. Придется опять мчаться к Чимнею, рассказать ему все, заставить приехать сюда. Я должен это сделать.

И тут я почувствовал, что мое сознание вдруг полностью прояснилось. Я остановился. Волчок перестал разговаривать со мной. Почему?

— Почему? — прошептал я. И с волнением ждал ответа. Но ответа не было. Слабо поблескивая, волчок медленно вращался перед моими глазами. Я повторил свой вопрос:

— Почему?

И в ту же секунду в моем мозгу возникла поразительная картина Вселенной. Миллионы звезд сверкали в чернейшем беспредельном пространстве, и я перемещался в нем среди мириадов пылинок, сотканых из света и золота. И вдруг я как бы увидел старинный глобус — это был он, я узнал его — наша

Земля! И увидел, как от нее что-то отлетает, прикасается ко мне и исчезает в межпланетной бездне.

Это видение, думается мне, длилось лишь какую-то долю секунды. Но я все понял.

— О'кей, значит, вы хотите улететь с Земли. Я понял.

Я произнес эти слова спокойным тоном. Теперь я уже был совсем уравновешен. И в то же время взволнован. Мне казалось, я соприкасаюсь с чем-то необыкновенно великим, самым великим, что только может быть. Да, они существуют. Мы не одни, не одни плывем во Вселенной без руля и без ветрил на нашем огромном старом плоту, который называется Земля. Не знаю, что я еще почувствовал. Я так часто думал прежде о других мирах, о летающих тарелках, что теперь от волнения у меня навернулись слезы на глаза. Да, именно так — слезы. Но я не удерживал их, а сказал себе: «Плачь, плачь, старина Мартин, это хорошие слезы...»

И тут в моем сознании снова возникла мысль о времени. Вновь внутренним зрением я увидел отлетающий от Земли волчок. И это торопливое чередование сигналов, обрушившееся на мое сознание, я воспринял как крик тревоги. Наверное, они хотели сказать, что спешат. Наверное, просят помочь. Я понял, что должен, обязан что-то предпринять. И немедленно.

Глава 5

Я шагнул вперед. Теперь я не испытывал ничего, кроме изумления. Выходит, они нуждаются во мне? Должно быть, они сами не могут найти дорогу из этого проклятого туннеля? Обладая высшим разумом, неужели они могут нуждаться во мне?

— Хотите выбраться отсюда? — спросил я, и мой голос глухо прозвучал в этой пронизанной тьмой тишине. И сразу же пожалел, что заговорил. Какой смысл могли иметь мои слова? Я попробовал сформулировать свой вопрос с помощью каких-то образов, но не смог. Моя рука, державшая фонарь, дрожала. Я вдруг почувствовал бесконечную усталость.

— Скажите мне что-нибудь, — проговорил я. — Что вам нужно от меня? Я жду.

Никакого ответа. Волчок продолжал медленно вращаться, словно подвешенный в желтоватом тумане. Стекла очков начали постепенно запотевать.

— Скажите что-нибудь! — крикнул я, и ощущение бессилия и обреченности завладело мною. И тут что-то опять ударило мне в голову. Я зашатался и в тот же миг в моем сознании возникла новая вереница туманных картин. Длилось это не дольше мгновения, но я успел пережить, прочувствовать мучительное ощущение разлада, как будто что-то сломано, вывернуто, уничтожено. Потом я почувствовал себя совершенно опустошенным, настолько, что едва не рухнул на землю. Я понял, что они хотели сказать мне: у них что-то испортилось, в чем-то они ошиблись.

— Да, — пробормотал я, — да... хорошо... Вы ошиблись. О'кей. Вы попали в беду.

Несколько минут длилось полное молчание. Были мгновения, когда меня охватывал ужас, я порывался бежать, но брал себя в руки. Я сам влез в эту историю, сам и должен был выпутываться. Твердое решение ни у кого не просить помощи, а также мысль, что кто-то в этом волчке мог допустить ошибку, вернули мне мужество.

— Нужно вывести вас наверх? — мысленно спросил я. И начал представлять, как подхватываю волчок с земли, как несу его по туннелю, потом иду по лестнице, выхожу на улицу, поднимаю его к небу и отпускаю на свободу — лети! Я вызывал все это в своем воображении таким напряженным усилием воли, так отчетливо и так долго, что, казалось, голова моя просто вспухла. Когда я закончил представлять все это, то почти сразу же ощутил легкий удар в самую середину лба. Наверное, меня поняли. Прилетевшие в сей мир существа поняли нашу реальность. Я шагнул вперед и громко крикнул:

— Иди, Мартин, возьми его и отнеси наверх!

И протянул было руку, но остановился и отдернул ее.

— Я не могу коснуться вас, — сказал я, — вы радиоактивны.

Волчок сразу же перестал вращаться. Одно было несомненно: они распознавали мои мысли так же легко, как мы читаем книгу. И это действительно было так, должно быть, потому, что все мои слова и действия были направлены к одной цели — я хотел, чтобы они поняли меня.

Волчок начал медленно снижаться, точно по вертикали. Оказавшись у самой земли, он упал и вдруг застыл, будто мертвый. И я снова подумал о старой, брошенной каким-то ребенком игрушке. Я смотрел на него, как заколдованный, и постепенно в моем сознании начала медленно формироваться мысль: поступив так, волчок, наверное, перестал излучать радиацию. Вполне возможно, раз они поняли меня. Очень может быть, а почему бы и нет?

— Отнеси его наверх, на свободу, Мартин, — повторил я и, присев, протянул руку. Она дрожала. Мне было страшно. Я опасался, что опять почувствую эту острую боль, а затем меня снова охватит тот жуткий страх и заставит бежать отсюда как ума-

лишенного. Не решаясь дотронуться до волчка, я медленно опустился на колени и погасил фонарик. Я все еще колебался. Снова прикоснуться к смерти? А что со мной будет на этот раз?

Прошло несколько минут. Моя тревога все усиливалась.

— Мартин, — сказал я себе, — ты должен рискнуть. — Я протянул руку, зажмурился, до судороги напряг все мышцы, и прикоснулся к волчку...

Ничего не произошло. Я не почувствовал ни малейшего ожога. Волчок был холодный, словно погасший. Он погас ради меня. Меня охватило невероятное возбуждение. Уронив фонарь, я схватил волчок обеими руками и хотел поднять его, но не смог. Я был ошеломлен — волчок оказался невероятно тяжелым. Я еще раз попытался поднять его. Зарывшись пальцами в гравий, чтобы поудобнее взять его, я всеми силами старался приподнять, оторвать его от земли. Теперь мне удалось это, но от напряжения я зашатался и чуть было не уронил свою ношу. Сколько же он весил? Семьдесят, восемьдесят, наверное, девяносто килограммов. Я сделал несколько шагов, стараясь держать его поудобнее, и попытался представить, что же там внутри, вернее — КТО там! Может быть, такие же существа, как мы, только невероятно крохотные. А может, нелепые создания с длинными антеннами, насекомые, а не люди... Впрочем, какое это имело значение! Какое это имело значение! В полной тишине я двинулся по туннелю, но едва сделал шагов двадцать, как услышал тихий, но звонкий электронный сигнал — Бип! Причем уловил я его не слухом, а непосредственно мозгом. Он не вызвал у меня ни малейшей боли. Я только напугался и остановился, а увесистый волчок чуть было не выскользнул из моих вспотевших рук...

— Бип! Бип! Бип!..

Я понял. Эти секунды отсчитывались для меня. Может быть, те, что находились в волчке, не могли слишком долго оставаться без радиационного излучения, как не может человек долго жить без кислорода, и поэтому считали для меня секунды, напоминая, что время идет.

Я пошел дальше, понимая, что должен спешить. И начал считать сигналы — раз, два, три, четыре... Сколько минут способны продержаться обитатели волчка? Три, четыре, пять? И что случится потом?

Я крепко сцепил пальцы.

— Что сейчас будешь делать, Мартин? — спросил я сам себя. — Что будешь делать? Напишешь очерк для газеты? Расскажешь обо всем читателям? Или отнесешь волчок к профессору Чимнею, положишь перед ним на стол и скажешь: «Вот то, о чем я говорил. А теперь разбирайтесь сами»? — Тут я усмехнулся. — Волчок, — продолжал размышлять я, — вовсе не такая громадная машина, как профессор, наверное, воображает. Раз он попал в метро и не смог выбраться наружу... Высшие существа, да? И все же именно я несу его сейчас на руках, как ребенка, несу, чтобы выпустить на свободу...

У меня защипало глаза, но не от пота, нет — это опять были слезы.

— Мы должны взять их в плен, поместить в магнитное поле и заставить открыть свой секрет... И тогда, Мартин, история человечества пойдет по другому пути.

Эта мысль потрясла меня. Я подумал, что мог бы стать самым великим человеком в мире. Мартин Купер, первый смертный, который поймал волчок, летающую тарелку, прилетевшую из космоса... Поймал! Все это рассмешило меня. Если бы существа внутри волчка захотели, они испепелили бы мой мозг, а если бы вынуждены были остаться в туннеле навсегда, то уничтожили бы мозг у всех землян, начиная с моей черепной коробки и кончая мозгом профессора Чимнея.

Я продолжал свой путь по туннелю. Сигналы продолжали звучать. Мне даже показалось, что они стали громче. Я понял: близок момент, когда волчок вновь начнет излучать радиоактивность, и меня предупреждают об этом. Возможно, сигналы будут нарастать, пока не сделаются нестерпимыми, и тогда у меня в руках окажется чудовище, способное уничтожить все вокруг... Бип! Бип! Бип!

Я опять начал считать сигналы.

— Раз, два, три.. — и шел дальше. Потом остановился передохнуть, прислонясь к стене. Пальцы мои онемели, руки болели, я положил волчок на землю, вытер потные ладони о пиджак, снова поднял волчок и продолжил свой путь по туннелю, которому, казалось, нет конца.

«Нет, я ничего не буду делать. Я опущу его на землю и все, черт побери! Пусть уж они сами подумают о своем спасении, я тут ни при чем.»

Дойдя до участка, где произошла первая авария, я еще немного передохнул. Сигналы звучали громче. Я снял пиджак, завернул в него волчок, и мне показалось, что так стало легче. Шагая по туннелю, я вдруг вспомнил легенду о святом Кристофоре.

Да, святой Кристофор — это гигант, который за грош переносил людей с одного берега реки на другой, сажая их себе на спину. Когда Иисус, тогда еще мальчик, попросил святого показать ему реку, тот засмеялся, поднял его одной рукой и усадил на плечо. Но когда вошел в воду по колено, то вдруг почувствовал, что мальчик почему-то прибавил в весе. И дальше с каждым шагом делался все тяжелее и тяжелее. Гигант с трудом удерживал его на плече, с усилием передвигая ноги; его колени подгибались, он натужно дышал. «Отчего так? — подумал Кристофор. — Что происходит? Старею я или заболел?» Нет, ни то, ни другое. Все объяснялось тем, что святой Кристофор нес на своих широченных плечах весь мир, всю Вселенную, все, что когда-либо существовало под Солнцем, что было прежде и чему еще предстояло быть...

Вот так. Я вспомнил эту легенду, которую узнал в детстве, и представил, что я, Мартин Купер, тоже несу, подобно святому Кристофору, что-то слишком великое для меня, что-то чересчур тяжелое, непосильное...

— Бип! Бип! Бип!

Теперь сигналы уже причиняли мне боль. Сколько еще времени в моем распоряжении, минуты три? Успею ли я выбраться наверх? Я тяжело дышал, и мои ноги просто подкашивались... Девяносто кило-

граммов — это не так уж много, скажете вы. Однако попробуйте пронести девяносто килограммов в небольшом куске металла по туннелю метро.

В отчаянии я начал молиться. Я бормотал не знаю уж какие слова, но молился не о своем спасении. Меня совершенно не беспокоило, что с минуты на минуту я могу получить смертельную дозу радиации. Я молил Господа, чтобы он помог мне успеть, и волчок смог бы улететь из нашего мира. Они вернутся сюда когда-нибудь, но меня здесь уже не будет. Но даже это не имело никакого значения...

Я продолжал считать секунды. Между тем дышать становилось все труднее. И все-таки я радостно воскликнул, когда увидел наконец впереди освещенную платформу станции. Я остановился, снял очки, сунул их под рубашку. Чемоданчик-футляр я где-то потерял. А вдруг не успею вынести волчок? Как убивает радиация? Каким-нибудь страшным ожогом? Или неодолимой слабостью?

— Держись, Мартин! Уже немного осталось, — сказал я себе, обогнул заградительный щит и вышел на свет. Станция была совершенно безлюдна. Я приблизился к перрону, с трудом положил на платформу пиджак с волчком, поднялся наверх, взял волчок и зашагал дальше. Вроде успеваю. Осталось добраться до эскалатора... Ах, нет! Он был остановлен из-за забастовки! Придется своим ходом подниматься по всем этим нескончаемым ступенькам. При одной только мысли об этом у меня перехватило дыхание. Сигналы между тем уже просто вопили в моей голове.

Дальше я двигался качаясь, словно пьяный. Шагов через двадцать услышал возглас:

— Эй, вы!

Я не обратил внимания, даже не подумал, что окрик относится ко мне, и по-прежнему шагал, пошатываясь, но тут услышал за спиной быстрые, тяжелые шаги. Что-то опустилось мне на плечо. Вздвогнув, я остановился. Это была полицейская дубинка. Я обернулся, и хмурый полицейский спросил:

— Это я вам говорю. Что вы тут делаете?

Глава 6

Я с недоумением смотрел на него, тараща свои затуманенные слезами глаза.

— Вы меня спрашиваете? — удивился я. Он оглядел меня с ног до головы.

— Вас, если учесть, что кроме нас двоих тут больше никого нет. Так что вы скажете?

Это был высокий, плотного сложения блондин. Резиновую дубинку он держал в правой руке, легко постукивая ею о ладонь левой. Он смотрел на меня с подозрением, беспокойством и презрением, как свойственно некоторым моим знакомым полицейским. Я сказал:

— Ну ладно, дружище, в чем дело?

Он приставил дубинку к моей груди.

— С вами все в порядке?

— Все в порядке.

Я чувствовал, что земля горит у меня под ногами, а колени дрожат. Волчок сделался еще тяжелее. Но если б я попытался убежать от полицейского, то недалеко бы ушел. Судя по всему, он был усердным служакой и непременно схватил бы меня, да еще пристукнул бы своей дубинкой. Он был абсолютно убежден, что я¹ пьян.

— Я ничего не пил, — сказал я, предвосхищая его вопрос, — ничего не пил со вчерашнего вечера.

— Вот как? В самом деле?

— В моей утробе сухо, как в пустыне.

Мой юмор заставил его помрачнеть.

— Сухо, говоришь, а ну-ка, дыхни!

Тогда я отступил на шаг, положил на землю пиджак с волчком и достал удостоверение.

— Я — Мартин Купер из «Дейли Монитор». Хотите, чтобы я дыхнул, ладно, дыхну. Но только не задерживай меня, приятель. Пожалуйста.

— Мартин Купер, черт побери! — неожиданно обрадовался он. — Черт побери! Тот самый, который ездил на Амазонку ловить Фриско Мак-Анну?

— Да... — ответил я.

Теперь «Бип! Бип! Бип!» уже просто орали в моем мозгу.

— Черт побери! — снова воскликнул он, широко улыбаясь. — Какие статьи, господин Купер! Великолепные! Я вырезал их и, знаете, храню до сих пор.

— Мне... мне очень приятно, приятель.

Он протянул мне ладонь.

— Хочу иметь честь пожать вам руку!

И он пожал мне ее, и даже слишком крепко.

— Я тоже очень рад, — поблагодарил я. — Извините. — И наклонился за пиджаком. Я поднимал волчок с невероятным трудом. Полицейский с любопытством наблюдал за мной, в его глазах снова вспыхнули подозрение и недоверие.

— Я уже не так молод, как вы... — объяснил я, пытаясь улыбнуться, — а то, что у меня тут, чертовски тяжелое...

— Вижу, — подтвердил он, покусывая губу, — вижу...

Я взял сверток под мышку и не спеша направился к выходу. Он пошел рядом, но через несколько шагов остановился:

— Черт побери, господин Купер, вы что-то плохо выглядите, вы знаете это?

— Да, приятель, знаю... Я немного устал... — Голова у меня теперь раскалывалась, и мне казалось, что волчок начал нагреваться. Я пошел дальше, а полицейский все не отставал. Некоторое время он молчал, видимо, обдумывая, что бы сказать, потом покачал головой:

— Трудная же у вас работа, господин Купер, не

так ли? Никакого отдыха, ни днем, ни ночью, без конца колесите по всему свету, тут и олимпийский чемпион не выдержит!

— Конечно!

Я увидел, что он рассматривает мой пиджак с волчком. Прежде чем я успел что-либо сказать, он заметил:

— По правде говоря, вы не очень-то похожи на журналиста... В таком виде... с пиджаком под мышкой...

— Это тоже связано с профессией, — возразил я. Да, волчок постепенно нагревался все сильнее. От него исходило какое-то влажное невыносимое тепло, казалось, еще немного, и оно проникнет прямо в грудь. Я глубоко вздохнул. Это была моя ошибка.

— Помочь вам как-нибудь? — сразу же спросил полицейский и добавил: — Извините, что я вмешиваюсь, но в тот туннель вход ведь запрещен, господин Купер. — Говоря это, он опять остановился. Пришлось остановиться и мне. С такими типами надо быть осторожным. Не понравлюсь ему, и тогда...

— Вы правы, сержант, — проговорил я, — но что поделаешь. Такова моя работа. Это связано с теми авариями... Я сделал несколько снимков... Но если хотите задержать меня... — Меня лихорадило, я обливался потом. Нужно было идти дальше, нужно было, необходимо было! Я знал, что несу смерть. Свою, его?

Он покачал головой:

— О нет, конечно! Такой журналист, как вы!

Мы пошли дальше. Теперь я уже готов был бежать, хотя на самом деле у меня вряд ли хватило бы на это сил. Сигналы между тем уже просто разрывали мою голову. Те, кто был в волчке, предупреждали меня: время подходит к концу! Я чувствовал, что весь пылаю.

— Должно быть, это что-то очень тяжелое, — то, что вы несете в пиджаке, да? — посочувствовал сержант, дубинкой указывая на сверток.

— О, да... Это новая модель фотоаппарата, знаете...

— Помочь вам? — предложил он и протянул руку.

— Не прикасайтесь! — вскипел я да так, что он

в испуге отпрянул и, остановившись, в недоумении вытаращил глаза. Тогда я сказал, стараясь выглядеть как можно добродушнее и симпатичнее:

— Не надо, приятель, спасибо... Знаете, тут один очень секретный прибор, но он невероятно хрупкий... Если не возражаете, пойдемте дальше. Знаете, я должен успеть в редакцию вовремя, чтобы передать материал для утреннего выпуска... Ведь если опоздаю, — подмигнул я ему, — то и вы тоже кое-что не узнаете, не так ли?

Он усмехнулся.

— Ну, да, конечно, понимаю! Еще бы не понимать! Ну ладно, — добавил он, останавливаясь и протягивая мне свою огромную руку, — до свиданья, извините, господин Купер, было очень приятно с вами познакомиться.

Я положил пиджак на землю и пожал ему руку:

— Мне тоже очень приятно, — торопливо проговорил я. Он не отпускал мою ладонь.

— Знаете, меня зовут Мак-Лой. Джо Мак-Лой. Наверное, не следовало бы говорить вам этого, но мне очень хотелось бы заниматься журналистикой. Я даже написал одну или две заметки... про спорт, понимаете?

В голове у меня стучали молотки. Сигналы участились, теперь они раздавались вдвое чаще. Это был конец.

— Да, да, принесите мне в редакцию, я прочту их!

— Прочтете? Великолепно! И скажите, когда... — он отпустил мою руку, и я наклонился за волчком.

— Приходите завтра... А сейчас я спешу... Жду вас завтра! — Я повернулся и пошел к выходу. Он крикнул мне вслед:

— Спасибо! Запомните — Джо Мак-Лой!

Я шел по перрону, не отрывая глаз от эскалатора в конце его. Он казался мне длиннее, чем весь туннель. Нет, не успеть! Этот проклятый Мак-Лой задержал меня, украл столько драгоценного времени. Теперь «Бип! Бип! Бип!» совсем уже оглушали меня. Волчок сделался еще тяжелее. Что, если он начнет

вращаться? Что тогда делать? Бросить и с криком убежать?

Наконец, я подошел к эскалатору и начал подниматься по ступенькам. Хорошо было бы ухватиться за поручень, потому что ноги совсем уже не держали меня, но это было невозможно — одной рукой я не в силах держать волчок. Я прижал его к груди, стараясь хоть как-то помочь себе. Одна ступенька, вторая, третья... Я смотрел вверх, туда, где лестница выходила на тротуар — там моросил мелкий дождь. И этот конец лестницы казался мне выше и отдаленнее самой неприступной вершины. Интересно, святому Кристофору противоположный берег реки тоже представлялся таким же далеким и недоступным, как мне эта последняя ступенька?.. Я попытался сосчитать, сколько их. Двадцать, двадцать пять... «Не успеть, Мартин, ты ведь не можешь тратить по секунде на ступеньку, тебе придется остановиться, чтобы перевести дыхание, иначе сердце просто разорвется...»

Я громко застонал, словно умоляя о помощи, но все же упрямо двигался дальше. А «Бип! Бип! Бип!» в моем мозгу звучали теперь так часто, что слились наконец в одну непрерывно воющую сирену, и мне казалось, что к голове моей приставили дрель...

Последняя ступенька! Последняя!.. Я понял это, когда поднятая нога, не найдя опоры, опустилась на том же уровне.

И я тут же отбросил пиджак в сторону.

Страшный взрыв отшвырнул меня назад, на лестницу. Падая навзничь, я раскинул руки и каким-то чудом успел зацепиться за поручень. Сознание мое неожиданно прояснилось, и в тот же момент я увидел перед собой багровое пламя и услышал пронзительный вой — громче, пронзительнее любой сирены, и в следующий момент мне показалось, будто солнечный луч взметнулся в пасмурное небо.

— Что это было? Что случилось? — раздались крики, слышался топот бегущих ног, скрежет тормозов автомобилей. Я поднялся и вышел на улицу.

Рядом уже собралась небольшая толпа. Люди что-то рассматривали. Видимо, там лежал мой пиджак. Я протиснулся сквозь толпу — от пиджака остались одни лохмотья. Кто-то тронул меня за плечо:

— Эй, что тут случилось?

— Мне известно не больше, чем вам, — ответил я и, поработав локтями, выбрался из толпы. Люди что-то взволнованно обсуждали, указывая на небо. Раздались полицейские свистки. Надо было уходить, и поскорее. Моя машина была припаркована неподалеку, но я решил немного пройтись пешком. К счастью, никто не обратил на меня внимания. Все продолжали горячо обсуждать событие, указывая на небо.

Теперь я чувствовал себя гораздо лучше, правда, меня все еще трясло, как в лихорадке, руки, ноги, пальцы ломило, но переносить все это стало легче. Сознание сделалось ясным и чистым, как очищается земля после порыва весеннего ветра. Вы когда-нибудь видели, как сметает ветер обрывки бумаг с мостовой? Вот точно так же смело всю усталость и боль.

Вскоре я был уже далеко от станции метро. Я устало прислонился к какой-то стене. Посмотрел в небо.

Морозящий дождь приятно освежал лицо. Капли его смешивались с моими слезами.

Кто-то, проходя мимо, возмущался:

— Да ничего особенного, пустяки! Петарда! Какие там летающие тарелки! В небе ничего не видно...

Я шел под дождем.

Да, конечно, в небе ничего не было видно. Никто и не мог ничего увидеть, ведь все верили, что там ничего нет. На другой день в газетах появится обычная заметка о летающих тарелках, и Управление авиации поспешит заявить, что нельзя доверять подобного рода слухам.

Нет смысла рассказывать эту историю. Опубликовать фотографии? А зачем? Чтобы позабавить коллег и читателей? Сколько уже было всяких липовых снимков и фотомонтажей, изображавших летающие тарелки!

— Устаревший трюк, Мартин, — скажет полковник Спленнервиль, — старый трюк! Странно, что ты...

Я шел по огромному, медленно просыпавшемуся городу. Машина моя осталась на стоянке, она была не нужна мне. А сейчас поток транспорта уже забил мостовые. В небе появились сигнальные огни первых утренних самолетов, которые сотнями разлетались по своим дальним маршрутам. Миллионы людей вышли в дождь, миллионы открыли зонты. Нескончаемый людской поток хлынул по городским улицам. Мальчишки вот-вот начнут выкрикивать заголовки статей, предлагая утренние газеты. Скоро я увижу «Дейли Монитор». Начинался новый день.

Шел дождь. Шел неторопливо, сосредоточенно. Он не спешил. Обливая меня, мочил мне волосы, ласково охлаждая голову, вода струилась по лицу, по щекам.

Я потихоньку шел своей дорогой, не успев еще толком разобраться в своих мыслях и опомниться от всего, что случилось. Так что же произошло со мной? Может, мне приснилось все это? Нет, нет. Они существуют, мы не одни...

— А ты, Мартин, — громко сказал я сам себе, — ты помог им. Им нужна была твоя помощь... — Я почувствовал себя необыкновенно счастливым. Гордость переполняла меня. Они прибыли из других миров, однако нуждались в помощи людей. И судьба выбрала меня.

— Спасибо, — сказал я, глядя на небо...

...И остановился, словно пораженный молнией. Остановился, потому что опять услышал что-то в своем мозгу — услышал ИХ! Они передавали мне свои мысли! Я вздрогнул, продолжая смотреть ввысь, не видя ничего, кроме туманной мороси и силуэтов небоскребов.

А они передавали мне свои мысли! Я напрягся, стремясь разобраться в этом пестром потоке образов. Я понимал, что это их прощальное, самое последнее послание. В моем мозгу, словно по волшебству, возникли какие-то переливы красок, зазвучала необыкновенная музыка, вспыхнул яркий свет, промелькнули какие-то тени. Все, что можно прочесть в своей собственной голове, и еще что-то, непередаваемое ни-

какими словами. Наверное, таким должно быть ощущение полноты жизни, радости существования, безграничности времени и пространства, торжества вечности... Слишком сильное ощущение, а может быть, слишком сильное только для меня? Я не смог вместить всего этого в своем сознании.

И космическое послание начало постепенно затухать. Я решил, что волчок, видимо, улетел так далеко, что его сигналы теперь не могут достигнуть Земли, не могут добраться и до меня.

— Ну вот и все, Мартин, — покачал я головой. — Все кончено.

Я сделал еще шагов десять, направляясь к дому, как вдруг с моих губ слетело еще одно слово. Слетело само собой, но я знал, почему это произошло.

— Бог, — произнес я.

ЛЮДИ, РОЖДЕННЫЕ ОТ ПЛАМЕНИ

Глава 1

Мы возвращались из небольшого городка Санта-Вельда в штате Колорадо, где посетили новый центр ядерных исследований. Было далеко за полночь, ярко светила полная луна, над автострадой стелился густой туман. Дег вел машину, а я дремал рядом с ним. И вдруг я почувствовал, как в моей свесившейся на грудь голове все разом зазвонили колокольчики тревоги. Я вздрогнул и, открыв глаза, увидел огромный Кадиллак — он вынырнул из тумана и ослепил нас яркими фарами.

С грохотом перелетев через разделительный барьер, машина, едва не перевернувшись, на двух колесах с огромной скоростью неслась прямо на нас.

— Сворачивай, Дег! — закричал я, но он и сам догадался это сделать. Кадиллак с ревом и со страшным скрежетом колес по асфальту пронесся мимо, врезался в другое ограничительное ограждение, вылетел за обочину и исчез в тумане. Дег резко затормозил, наша машина остановилась, остро запахло горелой резиной. Мы выскочили на дорогу...

Но было уже поздно. Кадиллак пылал метрах в сорока от нас. В тумане светилось красное и голубое пламя. И желтое тоже.

— Поезжай, Дег, к ближайшему телефону, вызови скорую и полицию, — попросил я. Он хотел было что-то ответить, но потом кивнул, сел в машину и умчался. Я перебрался через оградительный барьер и направился к горящему Кадиллаку. На земле видны были глубокие следы сумасшедшей машины. Я понял, что она разбилась, налетев на опору башни высоковольтной сети. Пахло горелым металлом и маслом.

Слышался громкий треск бушующего пламени. Кадиллак мог взорваться с минуты на минуту. Я замедлил шаги. Черт возьми, как же плохо все кончилось! Для тех, кто находился в машине...

Но тут я увидел юношу. Шатаясь, он возник из тумана шагах в двадцати от меня. Он показался мне призраком.

— Эй, эй, вы! — крикнул я и бросился к нему. Он остановился, развернулся и пошел ко мне, двигаясь, словно робот, как-то автоматически. Мне показалось, что он раскачивался взад и вперед. Я заметил, что лицо его было залито кровью. Я схватил его за руку.

— Есть там еще кто-нибудь? — Юноша жестом дал понять — нет.

Высвободив руку, он отвернулся от меня и сделал несколько шагов. Три, четыре... Потом со стоном упал лицом вниз.

Что делать? Заняться им или пойти к Кадиллаку? Я решил сначала посмотреть, нет ли там еще кого-нибудь. Дверцы машины были распахнуты, вокруг на земле стелилось пламя: бензин вылился из бензобака, поэтому можно было не опасаться взрыва. Я подошел ближе — насколько было возможно — пытаясь рассмотреть что-нибудь в огне и дыме. Больше ничего не было. Задыхаясь от гари, я отошел в сторону. «Даже если там и оставался кто-то еще...» — подумал я.

Я вернулся к юноше, который лежал ничком, выбросив руки вперед, пальцы его впились в землю. Я опустился рядом с ним на колени. Мне видна была только половина его лица. Открытый глаз блестел. Юноша стонал. Из рта его вытекала струйка крови.

— Не волнуйтесь, — обратился я к нему, — сейчас придет врач. Все обойдется.

Юноша не ответил. Я наклонился и повторил свои слова. Он прохрипел что-то невнятное. Я заметил, что земля возле него становится темной.

Он слегка пошевелился, потом что-то еле слышно произнес; глаз, который был виден мне, расширился и начал что-то искать. Я снял пиджак и укрыл спину юноши.

— Успокойтесь, доктор уже здесь.. — шепнул я ему на ухо. Что еще я мог сделать?

— ..генерал...

— Что?

«Генерал» — мне показалось, именно это слово он произнес. Но скорее это был просто вздох. Теперь юноша дрожал. Я очень ему сострадал и огорчился, что бессилен как-либо помочь. Еще раз взглянул на огромную лужу, которая образовалась под его телом. Да... Мыслимо ли остаться невредимым в машине, которая на скорости сто тридцать километров в час врезается в стальную опору? Оставалось только удивляться, что этот несчастный был совсем не покалечен.

Я провел рукой по его волосам — светлые, густые, по-юношески мягкие. Голова была влажной от пота, от ледяного пота. Я пробормотал:

— Скорая помощь уже едет...

Юноша опять пошевелился. Мне показалось, он хочет поднять голову. Потом он что-то прошептал, и я наклонился к нему совсем близко.

— Генерал... вы должны... верить... все в пламени, сплошной ад... мы все погибли...

Послышался шум подъезжающей машины, скрип тормозов.

— ..все погибли, все...

Слова слетали с его губ вместе со стекающей струйкой крови. Человек в смертельной агонии — это что-то ужасное.

Кто-то бежал в нашу сторону. Это был Дег. Запыхавшись, он наклонился ко мне:

— Скоро приедут. — Я жестом велел ему молчать. Юноша тяжело вздохнул и отчетливо произнес:

— ..только мы с Де Вито, генерал... мы двое... пламя...

— Он бредит? — спросил Дег.

— ..отпечатки, про... проверьте отпечатки, если не вер... — Он умолк. Еще раз вздохнул, изо рта вылилось вдвое больше крови, в неподвижном зрачке вспыхнул какой-то странный свет. Он застонал. И тут вдалеке взвыла сирена скорой помощи.

Юноша больше не двигался. Я поднялся, взял свой пиджак. Дег спросил:

— Он умер?

— Думаю, что да.

— Черт побери! Ну как же это возможно?

— Где он? Где он? — раздались голоса у нас за спиной.

Сирена умолкла. Несколько человек спешили к нам, выходя из тумана.

— Тут он, тут! — отозвался я. Двое молодых людей в белых халатах склонились над юношей. За ними появились полицейский и два агента. На нас они не обращали никакого внимания, а наблюдали за медиками. Все кончилось очень быстро. Врач поднялся, покачал головой.

— Ничего не поделать.

— Скончался, — сказал санитар, тоже поднимаюсь. Потом повернулся к машине, стоявшей у обочины, и крикнул:

— Неси простыню, Том!

Останавливались другие машины. Наконец, полицейский заметил нас.

— Это вы звонили? — спросил он.

— Я, — ответил Дег.

— Видели, как это произошло?

Дег кивнул. Тем временем подошли другие люди, и началась обычная в таких случаях возня с телом погибшего.

Часа через два мы сидели в кабинете шерифа. Белый, холодный свет, табачный дым, убогая обстановка, ощущение усталости. На столе лежали часы покойного, какая-то цепочка, бумажник, который достали из заднего кармана его джинсов. Все, что могло быть в Кадиллаке, сгорело. Мы с Дегом сидели на неудобных скамейках и в качестве очевидцев описывали несчастный случай. Шериф — огромный плотный мужчина — жутко хотел спать. Он нехотя записывал наши слова, жуя резинку.

— ...свернув вправо, гм?

— Да, еще немного, и он налетел бы на нас.

— Какая у него была скорость, по-вашему?

— Сто двадцать — сто тридцать.

— Как вы можете утверждать это?

— Я не утверждаю, а отвечаю на ваш вопрос — вы же сами спросили: как по-вашему?

— Ах, да, да... — Шериф пожал плечами. Он был в стельку пьян, черт возьми! Всегда так кончают. Ладно, господин Купер, — шериф поднялся, — спасибо за сотрудничество. Эй, Бил, — он протянул полицейскому листок бумаги, — напечатай это на машинке. И впиши имя, фамилию покойного и все прочее.

— Как обычно, да?

— Как обычно... — Шериф вздохнул и развел руками, как бы выражая свое сожаление и огорчение, а вместе с тем и обнаруживая скуку: — Мы столько раз на дня видим такие истории! Да и вы тоже, не так ли? Вы ведь журналист, по-моему. Кажется, сказали, что журналист.

— Марк Д. Прискотт... родился в городе Торбей, штат Миннесота... 12 июля 1920 года... — Полицейский, печатавший на машинке, вслух читал удостоверение личности покойного. Я услышал легкий звон колокольчиков тревоги.

— Вы ведь тоже немало подобных историй встречаете, — повторил шериф. Я утвердительно кивнул и заметил, что вслушиваюсь в слова другого полицейского, а не шерифа. Я ответил:

— Да, конечно... Не столько, разумеется, сколько вы...

— Журналист... А из какой газеты?

— Из «Дейли Монитор».

— Черт возьми! — воскликнул шериф и щелкнул двумя пальцами. — Так это вы вытащили его из машины, да? Ах, нет... вы нашли его на земле, да... «Дейли Монитор»! Это чертовски солидная газета! Гм... Будете писать эту историю, так вспомните обо мне? Шериф Дэвис... Уильям Дэвис. — Но, — добавил он с добродушной ухмылкой, — все зовут меня Билл, знаете...

— Профессия... профессия... Послушайте, шеф, у него тут нет никакой профессии, — удивился поли-

пейский, сидевший за пишущей машинкой. Шериф протянул мне руку:

— Ну, так если сможете...

— Если напишу что-нибудь, о'кей, шериф, упомяну ваше имя.

Мы вышли на улицу. Колокольчики тревоги затихали очень медленно. Туман рассеялся, на небе вспыхнули звезды, пахло травами. Городские огни светились где-то далеко. Кто знает, как называется это странное место?..

И почему звонили колокольчики тревоги?

— Поведешь машину, Дег?

— Конечно, — ответил он и сел за руль. Мы молча проехали несколько километров.

— Что случилось, Мартин? Мне кажется, вы чем-то озабочены? — вдруг спросил Дег.

— Что? А, нет... ничего. Пытаюсь понять... — Я пожал плечами. Нет, ничего я не мог понять: — Ничего, Дег...

— Вы тоже думаете об этом несчастном случае, да? Бедняга! Так погибнуть! Знаете, в дорожных катастрофах чаще всего погибают молодые люди. Слишком любят скорость. — Дег слегка наклонил голову и спросил: — Он бредил, да? Принял вас за своего генерала... спорю, что он воевал во Вьетнаме! Как же обидно — вернуться с войны живым и здоровым и погибнуть в дорожной катастрофе.

И тут я понял, почему звонили колокольчики тревоги. Я тотчас вскрикнул:

— Дег, тормози! Тормози, говорю тебе!

— В чем дело? — растерялся он, но выполнил мою просьбу. Когда машина остановилась, я спросил:

— Дег, сколько лет было этому человеку, ну, этому парню, как ты думаешь?

— Ну... что-то около двадцати. Двадцать три или двадцать четыре, откуда я знаю.

— Да, примерно двадцать три, двадцать четыре... В таком случае у него было фальшивое удостоверение личности.

— Фальшивое? Как так?

— Потому что... Я слышал, как полицейский, ко-

который печатал на машинке, сказал... родился в 1920 году. Так и сказал.

— Не может быть?!

— И тем не менее.

— Да нет же, Мартин! Они же наверняка видели покойника, когда доставали его документы из кармана!

— Вот именно это меня... именно это и смущает. Шерифу показалось, что парень родился в 1920 году. Дег покачал головой:

— Но этого не может быть! Если б он родился в 1920 году... Да что вы, Мартин! Он, по-вашему, походил на пятидесятилетнего?

— Нисколько. Однако шерифу и его сотрудникам он показался именно пятидесятилетним.

Мы помолчали, будто прислушиваясь к гудению мотора. Потом я скомандовал:

— Кругом марш! Едем обратно.

— Но...

— Поехали, мальчик. Чем раньше вернемся, тем быстрее разберемся с этой историей.

Шериф садился в машину, собираясь ехать домой. Увидев нас, он удивился и не скрыл своего недовольства, посмотрев на меня с недоверием. Шериф устал, хотел спать, какого черта нам от него надо?

— Привет. Вернулись? — хмуро спросил он.

— Да. Я вернулся... из-за той информации, которую собираюсь написать в газету.

Он немного успокоился, но не совсем.

— Так вы решили все же что-нибудь написать? — спросил он.

Я кивнул.

— Строк двадцать. Может, со снимком.

Шериф захлопнул дверцу машины и подошел ко мне:

— Вам нужна моя фотография?

— Нет, не ваша, шериф. Я бы хотел снять... Да, да, пострадавшего.

Мне показалось, он заметно огорчился. Конечно, ему было бы приятнее увидеть в газете свою физиономию. Что-то поворчав, он пожал плечами и повел

нас в здание полиции. Спустя несколько минут мы стояли перед лежаком в темном холодном помещении. Простыня, как и полагается, с головой накрыла мертвеца. Шериф включил свет. Дег приготовил фотоаппарат.

— Мне встать тут, рядом... с потерпевшим? — спросил шериф.

— Нет, не обязательно, — ответил Дег.

— Как хотите.

— Ты готов, Дег? — спросил я. Он кивнул.

— Будьте добры, шериф, приподнимите простыню, — попросил я.

— Да, пожалуйста, — согласился шериф. Он приподнял простыню. Мы увидели бледное и отрешенное лицо покойника. Дег приблизил камеру.

— Мартин! — шепнул он.

Еле сдерживая невероятное волнение, я приказал: — Снимай!

Две-три вспышки — дело нескольких секунд. Шериф спросил:

— Готово? Могу опустить простыню?

— Да, спасибо, шериф... Покупайте завтра «Дейли Монитор». И увидите, ваше имя будет напечатано крупным шрифтом.

— В самом деле? — спросил он, сильно смутившись, но явно польщенный. — В завтрашнем номере? Не может быть.

— Сейчас докажу вам. Позвольте только позвонить, пожалуйста.

Он поспешил к дверям:

— Пожалуйста, господин Купер... Сюда, в мой кабинет, черт возьми! Звоните! Сколько угодно, сколько хотите!

Пока мы шли туда, Дег схватил меня за руку. Он был потрясен. Пальцы его дрожали.

— Мартин! — опять шепнул он.

— Потом, Дег. Потом поговорим. Мне надо позвонить в редакцию.

Я набрал номер и продиктовал стенографисту заметку о несчастном случае — двадцать строк, в которых пять раз повторялось имя шерифа Уильяма (Билла) Дэвиса и только однажды имя Марка Д.

Прискотта, покойного. Потом попросил позвать к телефону главного редактора Д'Анджело. Мне ответили:

— Не знаем, сможет ли он подойти, господин Купер!

— Покажите ему эту информацию, и он подойдет! — ответил я. Так и вышло. Через пять минут Д'Анджело взял трубку. Он, как я и предвидел, был взбешен невероятно.

— Мартин! — зарычал он. — Ты что, с ума сошел!

— Ты уже прочел мою информацию?

— Ты что, с ума сошел, я тебя спрашиваю? Хочешь, чтобы мы напечатали двадцать строк о какой-то автомобильной катастрофе? Тебе известно, сколько их происходит каждый день?

— Известно.

— Ну так в чем дело? Кого может интересовать твоя информация? И кто такой этот шериф Дэвис? Президент Соединенных Штатов?

— Д'Анджело, выслушай меня, — твердо сказал я, — я хочу, чтобы эта информация была напечатана точно в таком виде, как я продиктовал ее. Понимаешь? И с броским заголовком.

— Но ты же понимаешь, что это невозможно! Если мы станем публиковать сообщения обо всех несчастных случаях на дорогах, газете конец! Могу дать тебе... три строчки.

— Нет. Я не шучу, дорогой мой. Если не напечатаете эту заметку без изменений, я уйду из газеты.

Я говорил очень серьезно. И Бог свидетель, не шутил в тот момент. В трубке некоторое время гудело молчание. Потом Д'Анджело деликатно спросил:

— Мартин... ты здоров? С тобою все в порядке?

— Здоров. В полном порядке.

— Может... Может, у тебя какие-нибудь неприятности?.. Может, тебя шантажируют?.. Вызвать полицию? Ты, часом, не спятил?..

— Нет. А теперь ты ответь мне: писать заявление об уходе или напечатать мою заметку?

Я слышал, как он тяжело вздохнул.

— Ладно, черт с тобой, будет твоя заметка!

Уже светало. Мы с Дегом пили черный кофе в каком-то пустынном баре, где стулья были сложены на столы. С тех пор, как мы вышли из конторы шерифа, мы не обменялись ни одним словом, ни единым взглядом. Наконец, Дег тихо спросил:

— Мартин... что же произошло?

Помолчав, я ответил:

— Не знаю.

— Человек, которого я снимал, этот покойник, он не тот, который погиб там, у дороги... Это вовсе не парень из Кадиллака!

— Нет, это он.

Дег вздохнул, пожав плечами:

— Ну, пусть будет так, — согласился он и закрыл лицо руками. Он не мог прийти в себя. Я тоже. Человеку, который скончался на наших глазах у автострады, было не больше двадцати четырех-двадцати пяти лет. Тому, которого мы сфотографировали в морге полиции, — не меньше пятидесяти...

Глава 2

В ту ночь мы почти не спали. На рассвете уже были в аэропорту и ожидали почтовый самолет, привозивший газеты. Еще не было и восьми, а я уже входил в здание полиции, держа в руках пару номеров «Дейли Монитор». Один бросил шерифу на стол:

— Долг платежом красен, — сказал я. Он посмотрел на меня с изумлением и надеждой, взял газету и пробормотал:

— Не станете же вы уверять, что...

— Заметка должна быть на двадцать третьей странице, шериф.

Он торопливо перелистал газету, его сотрудники молча наблюдали за ним. Я увидел, как лицо его засияло.

— Черт побери!.. Тут мое имя!.. — И посмотрел на меня: — Господин Купер, тут в заголовке мое имя... И не будете же вы уверять, будто и в статье...

Я наклонился к нему и совсем тихо сказал:

— Я ведь вам обещал, не так ли?

— Да, конечно. Но знаете, не все журналисты...

— О'кей, шериф. Я из тех, кто держит слово.

— А вы...

— Согласен. Услуга за услугу. Теперь у меня к вам просьба.

В глазах его вспыхнуло беспокойство. Он осмотрелся. Потом встал, складывая газету, и направился к дверям.

— Идемте, — кивнул он и повел нас в свой кабинет. Дег прикрыл дверь. Шериф сел за письменный стол и недовольно спросил:

— Что случилось, господин Купер? Чем могу быть полезен? Вы... У вас какие-нибудь неприятности?

— О нет, ничего подобного! Мне хотелось бы только осмотреть бумажник этого человека... знаете, того, который погиб вчера. Мне надо взглянуть на него... Это необходимо для работы, понимаете? — добавил я, понижая голос и выразительно глядя на него.

Шериф ничего не понимал. Он ожидал от меня Бог знает чего, и моя просьба показалась ему совершеннейшим пустяком. Он облегченно улыбнулся, недоверие и подозрительность улетучились. Он открыл ящик стола, достал картонную коробку и протянул ее мне:

— Ну, если дело только за этим. Вот вещи того бедняги. Смотрите.

— А вы тем временем прочитайте заметку, шериф. Надеюсь, она вам понравится.

Он усмехнулся, развернул газету и скрылся за ней. Я тотчас же вывернул на стол содержимое бумажника, и Дег микрокамерой быстро и бесшумно сфотографировал все. Когда шериф прочитал заметку, мы уже закончили работу.

— Знаете, господин Купер, — воскликнул, вставая, шериф, и лицо его сияло, как неоновая вывеска, — это потрясающе! Я даже не думал, что...

— Пустяки, шериф...

— Что вы такой молодец, я хотел сказать. Так быстро написать все это! Я скажу вам...

— Это было одно удовольствие, поверьте мне. Ну вот, — вернул я бумажник, в который уже вложил все документы, — мы посмотрели... Гм... Ничего особенного. Спасибо.

Он положил вещи в коробку и сунул ее в ящик стола, все еще продолжая благодарить меня.

Вскоре мы с Дегом покинули это местечко.

Спустя два дня Дег приехал ко мне домой с большим конвертом фотоотпечатков, и мы принялись изучать их. Тут было два документа — удостоверение личности, выданное в 1942 году Марку Д.Прискотту, родившемуся в Торбее, штат Миннесота, в 1920 году, и водительские права на имя Фрэнсиса С.Рейли,

рожденного в Гриит Фоллс, штат Монтана, в 1948 году. На этом документе была фотография того молодого человека, что скончался на наших глазах. На удостоверении личности фотоснимка не было.

— Выходит, этот человек умер как Рейли, а после смерти превратился в Прискотта?

— Да, именно так, а не иначе, Дег. Что там еще?

— Ничего особенного. Два железнодорожных билета... авиабилет, снимок девушки...

— Покажи.

Брюнетка, улыбающаяся, веселая. Она стояла у каменного льва среди кустов глицинии. Фотография была мятая, пожелтевшая, несомненно сделанная очень давно: на девушке грубые туфли, какие носили в сороковых годах, прическа и одежда тоже по моде того времени.

— Есть еще вот это, Мартин.

Дег протянул мне второй снимок — тоже мятый и пожелтевший. На нем был запечатлен бомбардировщик Б-29 и его экипаж — шесть человек. Кто стоял чуть в стороне, кто сидел. Все улыбались.

— Тут я кое-что увеличил, Мартин, — сказал Дег.

— Отлично.

— Этот, — он показал на одного юношу, — мне кажется, тот самый, что погиб на автостраде... Во всяком случае, мне так кажется... — едва слышно закончил Дег.

Да, он не ошибался. Это был он — те же светлые волосы, квадратное, открытое лицо. На фотографии он стоял рост точно такой же, как и у того юноши, что шатаясь вышел из пылающего Кадиллака. Я услышал, что в моей голове тихо и настойчиво звонят колокольчики тревоги.

— Да, это он, Дег, — согласился я, сравнив групповой снимок с фотографией на водительских правах Фрэнсиса Рейли. — Тот же человек. А эта девушка, — я взял другой снимок, — его невеста. Что скажешь?

Он покачал головой и вздохнул.

— Ничего не понимаю, Мартин. Что-то уж чересчур сложно! Прямо какая-то головоломка.

— Хуже головоломки. Я много встречал странно-стей, Дег, и ты это знаешь. Но это, пожалуй, самое странное из всего, что я встречал, или почти самое странное. Что подделаешь, странности — тоже часть моей жизни, и я не боюсь их. Возможно, даже ищу... Черт побери, только уж очень часто я натываюсь на них. Ну, ладно. Что еще?

— Больше ничего. А что же вы собираетесь пред-принять теперь?

— Всего лишь пару звонков.

Первый звонок был в мэрию Торбея, штат Минне-сота. Я попросил сведения о Марке Д.Прискотте, капрале авиационной службы во время второй миро-вой войны. Мне ответили сразу же:

— А, понятно, Прискотт. Бедный мальчик, погиб на войне, разве вы не знаете? У нас его имя на брон-зовой доске, в числе других жертв.

— А как он погиб, можно узнать? Мы были друзьями. Я только что вернулся из Японии, я не знал, не думал, что...

— Конечно, конечно... — ответил мне далекий женский голос. — Его самолет был обстрелян... где-то в Тихом океане. Он взорвался... Бедный Прискотт! Мать не смогла даже похоронить его.

— Это очень печально... А когда он погиб?

— Подождите... мне кажется... в июле... Да, я уве-рена. Японцы обстреляли его самолет в июле сорок пятого...

— В самом конце войны... — вздохнул я. После-довало гудящее молчание. Через несколько секунд я продолжал: — Бедный Марк! Я действительно не знал, что он погиб... Мы познакомились с ним на Фи-липпинах, знаете?... Кстати, а его невеста, о которой он столько рассказывал мне... Подождите, как же ее звали...

— Молли? Молли Робсон, вы хотите сказать?

— Брюнетка?

— Да, конечно, Молли Робсон. Ну... она вышла за-муж, знаете, как это обычно бывает... Она до сих пор живет здесь и работает в нашей библиотеке... А вы кто ему будете?

Я уже выяснил все, что меня интересовало. Я ответил:

— Приятель Марка. Мое имя не имеет никакого значения. Спасибо за информацию.

— Здесь, в Торбее, мы все знаем друг друга. Это очень маленький городок...

— Спасибо, — повторил я и повесил трубку. И тут же позвонил в мэрию Гриит Фоллс, штат Монтана. Я попросил сведения о некоем Фрэнсисе С.Рейли, родившемся 23 апреля 1948 года. Меня переправили в нужный отдел, и я узнал, что в Гриит Фоллс никогда не рождался человек по имени Фрэнсис С.Рейли.

— Ты понял, Дег? — спросил я, повесив трубку. Он покачал головой и жестом показал, что ничего не понял. И спросил, морща лоб:

— А вы, Мартин?

— Пока еще нет. Но пойму, черт возьми!

Три дня спустя я уже был в Торбее, штат Миннесота.

Я направился прямо в городскую библиотеку. В зале сидело несколько подростков и трое или четверо мужчин. Все были заняты чтением. В большие окна светило яркое осеннее солнце. Молли, бывшая невеста Марка Прискотта, сидела за барьером и что-то писала в большом регистрационном журнале. Прошло много лет с тех пор, как был сделан тот снимок возле каменного льва. Ее темные волосы поседели, на лбу и в уголках глаз появились морщины. Она с некоторым удивлением посмотрела на меня. Да, видимо, не часто заходят приезжие в городскую библиотеку.

— Чем могу быть полезна? — любезно спросила она.

— Марк рассказывал мне о вас, Молли, — сказал я. — Марк Прискотт.

Она сжала губы и нахмурилась. Опустила глаза. Черт возьми, это вышло немножко грубовато. Но что я мог сделать?

Впрочем, длилось это лишь какое-то мгновение. Потом она чуть-чуть улыбнулась, и взгляд ее смягчился.

— Марк! — проговорила она тихо — сказывалась привычка говорить негромко. — О, конечно, Марк!.. Вы... вы знали его?

— Мы были товарищами в те годы... Он рассказывал мне о вас.

— Прошло так много времени.

— Конечно. Но знаете, я случайно оказался в этом городе и вспомнил о нем... и о вас тоже... — Я улыбнулся и продолжал: — Молли, не так ли? Он все время говорил о вас.

Она смущенно молчала. Я продолжал:

— Я служил в другой части. Случайно услышал, что он погиб. Хотел бы узнать какие-нибудь подробности.

— Тут нечего узнавать, — ответила она, помолчав немного и явно избегая моего взгляда. — Он вылетел по заданию и не вернулся, вот и все. Все. — И она подняла на меня серые, чуть влажные глаза. — Все, что известно.

— Пропал без вести?

Она опустила голову:

— Пропал без вести в Тихом океане. Иногда я спрашиваю себя... — она замолчала, а я продолжил ее мысль:

— Вы спрашиваете себя, почему на войне погибают лучшие из лучших? Наверное, все же это не так. Однако прямого ответа на этот вопрос нет. Но ведь и его командир, как его звали...

— Майор Хистон, — пояснила она.

— Да, именно он... Ведь и майор Хистон был в числе лучших...

То, что я дальше говорил, на ходу сочиняя, не имело значения. Когда я вышел из библиотеки, на душе у меня было очень тяжело. Я не спеша направился к вокзалу. Небо было пасмурное, затянутое серыми тучами, а листья на деревьях желтые и красные.

Дома я опять сел за телефон. Похоже, всю эту историю можно раскрутить с помощью одних только телефонных звонков. На этот раз я набрал номер моего друга Лоуренса Мак-Лоя, который работал в

Пентагоне. Мы не виделись с ним уже очень давно, и он весьма обрадовался моему звонку.

— Мартин, дружище! Когда же ты, наконец, приедешь ко мне в Вашингтон?

— Скоро, обещаю! А сейчас звоню, потому что есть одна просьба.

— Ну, давай!

— Я пишу статью о войне в Тихом океане. И мне нужно выяснить кое-что... Например, ты мог бы назвать мне имена членов экипажа Б-29, сбитого японцами? Сбитого в июле сорок пятого, если говорить точно.

— Гм... трудно. Они столько посбивали наших самолетов!

— Да, но у меня есть еще один опознавательный знак. Это был Б-29 «Грей-12». Командир экипажа майор Хистон.

— Подожди, запишу... Грей... двенадцать... Майор Хистон. Нет, пожалуй, это не так трудно, как я думал. В архиве, конечно, должно быть что-нибудь.

— Вы организованы, компьютеризованы и в высшей степени эффективны!

Он посмеялся в ответ.

— Ладно, хватит издеваться! Я перезвоню тебе через пару часов. Привет, Мартин!

Я повесил трубку и посмотрел на аппарат. Мне показалось, что все получается уж слишком просто, чтобы оказаться правдой.

Так оно и вышло. Лоуренс не позвонил ни через пару часов, ни на другой день. Ни через два дня. А позвонил мне полковник Спленнервиль и, как обычно, зарычал в телефон:

— Мартин, черт побери!

— Добрый день, полковник.

— Добрый — черта с два! Ко мне! Немедленно!

— Немедленно, полковник.

Я поднялся наверх и оказался в тихом коридоре, потом в приемной, прошел по мягким коврам, и тихий голосок Розы шепнул мне:

— Шеф ждет вас, Мартин.

— В самом деле? — таким же шепотом ответил

я. — А все вокруг это тоже на самом деле — и вы, и ковер, и тишина?

— О, господин Купер!

Я постучал — тук-тук, и полковник зарычал:

— Да! Заходи!

Я вошел. Раздраженный, он стоял за алтарем своего святилища в полумраке. Махнул здоровенной лапшей:

— Закрой дверь!

Я повиновался и прошел к столу.

— Честь имею, полковник.

Он фыркнул и посмотрел на меня исподлобья:

— Как дела с этой атомной штукой, Мартин?

— Статья почти закончена.

— Да?

— Да. Мы с Дегом побывали в центре в Санта-Вельда. Я посмотрел все, что мне было нужно.

— А... а эта информация?

Только теперь я заметил, что на столе у него лежит развернутый номер газеты и на ней что-то дважды жирно подчеркнуто красным карандашом. Это была моя заметка о дорожной катастрофе.

— А это, — прогремел он, — что за блистательная идея пришла тебе в голову? По-твоему, это настолько важная информация, что...

— Полковник, — я попытался остановить его. Он стукнул ладонью по столу.

— Нет, черт возьми, сейчас говорю я! Моя газета не печатает подобную информацию, Мартин! Не влезает в предвыборную кампанию какого-либо жалкого городишки в Колорадо. Шериф Дэвис!.. С какой стати, — закричал он, багровея, — моя газета должна делать рекламу шерифу Дэвису! Мартин, чтобы это было в первый и последний раз...

— Ладно, полковник. Что вам сказали те, из Пентагона? — спокойно спросил я.

Он осекся. Бросил на меня испепеляющий взгляд. Но был уже не такой багровый. Сплел пальцы и сдержанно спросил:

— Мартин, в какую еще историю ты ввязался?

— Историю? Не понимаю.

— Ах, не понимаешь? Тогда к чему бы тебе инте-

ресоваться бомбардировщиком Б-29, сбитым японцами в Тихом океане? Ты что, переквалифицировался в военные историки? Что это за телефонные звонки, выяснение имен, фамилий и тому подобное?

— Разве не вы учили меня, полковник, что журналист должен быть любопытным?

Он покраснел и опять стукнул рукой по столу:

— Мартин, не начинай теперь еще и хитрить!

— Я не хитрю, полковник. Я только хочу знать имена тех парней, которые летали на Б-29 «Грей-12», пропавшем без вести в Тихом океане в июле сорок пятого. Командиром экипажа был майор Хистон. Что же тут страшного?

— А теперь послушай меня...

— Нет, уж извините, полковник. Я не понимаю, почему Пентагон позвонил вам, а не мне. Запрос сделал я, а не вы.

Он вскочил:

— Ну, знаешь! Не существовало никакого Б-29 «Грей-12». А если и существовал, то его сбили японцы, и я не хочу, чтобы мои журналисты теряли драгоценное время на перетряхивание нафталиновых историй, которые произошли четверть века назад. Ясно?

— Нет.

Он приблизил ко мне свое багровое, как у гладиатора, лицо, и процедил сквозь зубы:

— Мартин, Пентагон велел передать мне конфиденциально, что он недоволен твоей любознательностью.

— Подумаешь!

— Более того, ты должен прекратить это дело. Мне поручено передать тебе опять же в частном порядке, что «Грей» был сбит японцами, и все члены экипажа погибли. Доволен? Это удовлетворяет твое любопытство?

Я тоже приблизил к нему свое лицо и отрезал:

— Нет, полковник.

— Нет? — Он отшатнулся.

— Нет. Потому что один из членов экипажа «Грей-12» скончался у меня на руках несколько дней назад, это вам известно?

Он отскочил от меня:

— Ты с ума сошел?

— Нет.

— Но этого никак не может быть. Ты же понимаешь, что э-то-го не может быть!

— Да, но это еще не все. Умершему было двадцать или двадцать пять лет. Это и вовсе нелепо, не так ли?

— Тебе виднее, — ответил полковник и опустился в кресло.

Я покачал головой:

— Нет, пока не виднее. Когда во всем разберусь, полковник, тогда успокоюсь, не раньше... — Не говоря больше ни слова, я повернулся и направился к выходу. И уже взялся за дверную ручку, когда услышал:

— Мартин!

— Да? — отозвался я. — Что, полковник?

— Ничего. Я хотел только предупредить тебя. Похоже, ты затронул осиное гнездо.

— Возможно. Я тоже начинаю так думать.

— Ну, действуй. Только постарайся, чтобы тебя не ужалили, мальчик.

— В случае чего приду к вам за мазью, полковник, — ответил я и ушел.

Глава 3

— Брось, Мартин. В конце концов, что ты ищешь и что хочешь доказать? Туманное дело, спору нет. Только такие истории почти всегда имеют очень простое объяснение. Ты будешь разочарован, оказавшись с носом. Послушай меня. Брось, Мартин.

Я разговаривал сам с собой, сидя в своем небольшом кабинете за письменным столом, заваленном бумагами. Вокруг все шумело. Из-за матовых дверных стекол доносилась дробь пишущих машинок, оживленные голоса, бесконечные телефонные звонки, перебранка, чьи-то поспешные шаги. То и дело кто-нибудь без стука заглядывал ко мне, вываливал на стол оттиснутые газетные полосы и забирал просмотренные, уходил и тут же опять возвращался. Время от времени звонил и мой телефон.

— Купер слушает, — отвечал я.

— А, Мартин, я по поводу той полосы... Так что будем делать?

Ко всем чертям эту полосу! К дьяволу эту историю! Почему бы не продолжить работу над статьей о ядерных исследованиях и не послать к чертовой матери историю с этим дважды умершим Прискоттом!

Дважды? Нет, черт возьми, я не сдамся. Потревожил осиное гнездо? Могут ужалить? Нет, я все равно доберусь до конца.

Вот почему я отправился повидать человека, который действительно был в состоянии помочь мне, — к Тони Гарроне, моему другу еще со времен корейской войны. Сейчас он возглавлял частное сыскное

агентство. Его контора находилась на тридцать пятом этаже небоскреба на Седьмой авеню и, судя по мебелировке, дела у него шли весьма неплохо. Он встретил меня со своей обычной открытой улыбкой, протянув белую, холеную руку.

— Мартин, как я рад тебя видеть! — воскликнул он. — Чем могу помочь тебе? Черт возьми, ты помнишь наши корейские подвиги? — Он протянул мне сигарету, но я отказался. Он еще несколько минут повспоминал старые прекрасные времена, а потом спросил: — Ну, так в чем дело?

— Мне нужны сведения о двух людях, Тони. Мне очень важно получить эти сведения.

— Это мой бизнес — добывать сведения. О ком идет речь?

— Хистон и Де Вито. Они были летчиками. Оба погибли на бомбардировщике Б-29 «Грей-12». Похоже, японцы сбили его в июле сорок пятого незадолго до окончания войны.

Тони тихо присвистнул.

— Умерли двадцать пять лет назад? И очень интересуют тебя?

— Да.

— Очень.. Очень?

— Да. Хистон был командиром экипажа. О Де Вито мне ничего не известно. Я только слышал это имя.. — И я вновь увидел все, что произошло тогда возле автострады — увидел, как умирал этот юноша, вышедший из Кадиллака. — Его имя мне назвал другой человек. Он тоже умер.

Тони усмехнулся, покачав головой.

— Черт возьми, целое кладбище наберется! Де Вито.. Гм.. Может, мой соотечественник? Еще есть какие-нибудь зацепки? А в Пентагон обращался?

Я посмотрел на него молча, но выразительно. Он лопял и наморщил лоб.

— А что скрывается за этой историей, Мартин?

— Если б я знал, Тони, не пришел бы к тебе.

Он не нашелся, что сказать. Повздыхал немного. Потом с горькой улыбкой пообещал.

— Хорошо, посмотрю, что можно сделать. Это тебе

будет стоять кое-что, но для тебя я постараюсь сделать скидку.

Ответ Тони я получил через неделю. Он изучил списки погибших и отыскал имена Де Вито и Хистона, погибших в один и тот же день — 15 июля 1945 года в небе над островком Акава, затерянном в Тихом океане. Официально оба считались пропавшими без вести. Очень может быть, это были они.

Тони прислал мне две карточки: «Виктор Де Вито, родился в 1921 году в Бруклине. Родители давно умерли, сестра замужем, вернулась в Италию. Никаких сведений больше нет»; «Норман С.Хистон, майор авиации, родился в Филадельфии в 1914 году. Живы вдова, сыновья, мать». Тони сообщил также послужной список Хистона — он переходил из полка в полк, имел две медали «За доблесть», был отличным пилотом. Ко времени смерти служил в 509-м авиаотряде...

Колокольчики тревоги зазвонили все сразу. 509-й авиаотряд!.. Что это мне напоминает? Почему звонят колокольчики? Я закрыл глаза и стиснул голову руками. И вновь увидел фотографию, которую нашел в бумажнике Прискотта... бомбардировщик Б-29, улыбающиеся парни из экипажа... 509-й авиаотряд... Картинка, возникшая в моем воображении, стала меняться... изменились лица членов экипажа, остался неизменным лишь бомбардировщик... это был все тот же Б-29, хотя нет, и он не совсем тот... Колокольчики тревоги звонили нестерпимо громко... 509-й авиаотряд...

— Мартин!

Ко мне в кабинет вошел Дег. Его голос прозвучал настолько неожиданно, что я даже подскочил в кресле. Колокольчики умолкли. Я все понял.

— «Энола Гей»! — прокричал я, глядя на Дега. Он открыл рот от изумления.

— Но... но... — пробормотал он.

Я поднялся с кресла:

— Дег, ты помнишь Б-29 с надписью «Энола Гей»? Ты помнишь его, дорогой мой?

— Конечно, кто же его не помнит? — ответил

Дег. — Б-29 «Энола Гей» — тот самый самолет, что сбросил первую атомную бомбу на Хиросиму, не так ли? Но... я напугал вас, Мартин? Когда я вошел, вы подскочили так, словно...

Теперь я был абсолютно спокоен. Я удовлетворенно достал из ящика стола фотографию Б-29 «Грей-12» и обратился к Дегу:

— Смотри, этот снимок, который мы нашли в кармане того человека, помнишь его?

— Конечно.

— Видишь, это точно такой же самолет, как «Энола Гей».

— Ну... открытие не такое уж большое. Было два бомбардировщика.

— Да. И скажи-ка мне, ты помнишь, к какому авиаотряду принадлежала «Энола Гей»?

Дег поморщился и покачал головой.

— Нет, Мартин, это уже вопрос из телевикторины. Откуда мне знать?

— А я знаю, — сказал я, — самолет был из 509-го авиаотряда.

Дег смотрел на меня, открыв рот, и уши его пылали, словно неоновая вывеска. Я поднялся, взял плащ и шляпу.

— Увидимся позднее.

— А... вы куда?

— Искать кольцо.

— Кольцо?... — удивился Дег.

— Да. Если найду кольцо, цепь почти что замкнется. Почти.

То, что мне было нужно, я нашел через два дня. Нашел в Вашингтоне, в Библиотеке Конгресса. Информация, которую я искал, была напечатана мелким шрифтом на предпоследней полосе газеты, выходившей когда-то для американских войск в Тихом океане. В заметке говорилось:

«Огромный оружейный склад взорвался 15 июля в 10 часов утра на авиабазе Акава. Вспышка и взрывная волна были заметны на расстоянии 270 километров к юго-востоку. К сожалению, имеются жертвы, база полностью разрушена и непригодна к дальней-

нему использованию. Речь не идет ни о вражеском нападении, ни о саботаже».

Этого было достаточно. Для меня. Но я пролистал газету до последнего номера. Об острове Акава никаких упоминаний больше не встречалось. Из газетного зала я прошел в зал картографии и заказал атлас Тихого океана, а еще конкретнее того квадрата, где находился остров Акава. Мне принесли карты, выпущенные в 1942 году и в 1962-м. Я попросил переснять их и забрал фотографии. Итак, кольцо было найдено.

По пути в аэропорт меня охватили тревога и страх. Я приблизился к правде или по крайней мере к тому, что мне казалось правдой. Я знал уже многое — оставалось только подойти к финалу. Каким же он будет?

Возможны два варианта, Мартин. Все лопнет, как мыльный пузырь — пух! — и больше ничего. Или же...

Я не рискнул продолжать. За этим «или же», словно за каким-то порогом, скрывался мрак, второе дно, непостижимое, невероятное.

На моем письменном столе лежала записка: «Шеф искал тебя по меньшей мере сто раз, Мартин. Заткни уши и ступай к нему».

Я пошел к нему, не заткнув уши. Увидев меня в дверях, он встал, уперся руками в стол и замер, глядя, словно лев, готовый броситься на добычу. Лицо его наливалось кровью.

— Приветствую вас, полковник.

— Закрой дверь. На ключ. Розы, — прорычал он в микрофон, — меня ни для кого нет. Ясно?

— Ясно, — ответил голосок Розы.

Я запер дверь на ключ и прошел по мягкому ковру к полковнику. Он смотрел на меня пристально, со злобой. Он даже не предложил мне сесть. Ткнув мне в грудь пальцем, он проговорил:

— Я же тебе приказал прекратить это дело, Мартин!

— Прекратить? Что прекратить?

— Не хитри. Эти, из Пентагона, опять объявились. Говорят, что ты должен перестать совать нос

в дела, которые тебя никак не касаются. Говорят, — добавил он, морща лоб и хмуря мохнатые брови, — что ты был в Библиотеке Конгресса и интересовался вещами, которые.. — Он фыркнул и сел, грубо указав мне на кресло. — И потом, Мартин, они хотят видеть тебя. Из-за того типа, что погиб на автостраде.. Разве не ты писал ту заметку? Или это был..

— Да, это я писал.

— Гм.. А теперь скажи мне, Мартин, разве я не поручил тебе статью о ядерных исследованиях и обо всем том, что из этого следует? Да? Так почему же ты занимаешься какими-то дорожными происшествиями и самолетами, сбитыми японцами?

— Полковник, я..

— Нет, черт побери! — заорал он. — Кто руководит газетой? Я! Так вот, дорогой мой, прекрати тратить время попусту и продолжай заниматься статьей о ядерных исследованиях. Ясно? Ясно? — зарычал он. Я жестом дал понять, что мне все ясно, и положил ему на стол папку, которую принес с собой. Он презрительно и равнодушно взглянул на нее:

— А это еще что такое?

— Моя статья о ядерных исследованиях и обо всем том, что из этого следует. Я закончил ее сегодня ночью. Здесь тридцать пять страниц, полковник.

Его серые глаза засверкали. Он стиснул челюсти.

— Если ты вздумал посмеяться надо мной, Мартин.. — начал он. Я отрицательно покачал головой.

— Нет, я не смеюсь над вами. Это действительно моя статья.

Полковник промолчал. Черт возьми, я положил его на лопатки. Он опустил глаза. Тяжело, очень тяжело вздохнул. И сразу же спокойно произнес:

— Мартин, дело не в этом. Я не думал упрекать тебя. Я не хотел сказать, что ты бездельник. Ничего подобного. Суть в том, что ты.. должен бросить это дело. В Пентагоне сказали, что нет смысла ворошить могилы. Пропавшие без вести самолеты, пропавшие без вести пилоты.. это не работа для журналистов. И я, — добавил он, помолчав немного, — согласен. Ты, я думаю, это понимаешь.

Наступила тишина. Он задумчиво смотрел на меня.

— Я мог бы и бросить это дело, полковник, — заметил я.

— Ты серьезно?

— Да. Я уже знаю все, что хотел узнать.

— Ну и что же это? — В глазах его сверкнуло недоверие.

Из другой палки, которую тоже принес с собой, я достал два листа бумаги и протянул ему. Это были авиакарты района острова Акава.

— Посмотрите, полковник... Посмотрите на этот остров, — я указал на первый лист. — Видите, он не очень большой, но все же чуть побольше простого утеса, не так ли?

— Гм... Согласен, — подтвердил он. — Ну и что из этого следует?

Я указал на второй лист.

— А теперь посмотрите сюда. Первая карта сделана в сорок втором году, а эта в шестьдесят втором. Посмотрите на этот утес, вы видите эту крохотную точку в Тихом океане?... Видите?

— Конечно, вижу. Я не слепой.

— Хорошо. Так вот речь идет об одном и том же острове. Об острове Акава до и после войны. До и после, — спокойно проговорил я, — взрыва атомной бомбы.

— Что ты хочешь этим сказать? — тихо спросил полковник.

— Что бомба, сброшенная на Хиросиму, была не первой.

— Конечно, не первой. Были испытательные взрывы, разумеется. В пустыне Невада, если говорить точно.

— Нет, я не это имею в виду.

— Что ты еще придумал, Мартин?

— Я хочу сказать, что еще до Хиросимы взорвалась другая атомная бомба. Взорвалась случайно. По ошибке.

Он опустил голову и долго молчал. Потом взглянул на меня и проговорил сквозь зубы:

— Надеюсь, ты понимаешь, что ты говоришь, не так ли? Ну, конечно же понимаешь, Мартин? Так?

— Так.

— Но ты ведь можешь и ошибаться, верно?

— Верно. Могу и ошибаться.

— Так вот, давай на минуту допустим, что на этом острове... Акава — так он называется? — допустим, что там взорвалась по ошибке атомная бомба... Ну и что? Прекрасная статья, а потом опровержения, суд, расследование и все прочее в том же духе... Смотри, это ведь уже все старье. Атомная бомба, взорвавшаяся в сорок пятом году... черт возьми! Сейчас, — продолжал он все более энергично, — существуют такие бомбы, что ту, сброшенную на Хиросиму, можно считать розовым бутончиком!

— Сто тысяч человек погибло, полковник. За несколько секунд. Розовый бутончик...

— Да, согласен. Но я хочу сказать, что сегодня есть бомбы, которые за те же несколько секунд могут уничтожить десятки миллионов людей! Ну, допустим, ты угадал. Взорвалась по ошибке атомная бомба. Может, и на самом деле так было, и люди из Пентагона имеют все основания желать, чтобы все это не выплыло на поверхность. Хорошо. Допустим, ты прав. Но почему это так волнует тебя?

Я покачал головой:

— Вот это самое главное, — сказал я. — Меня волнует не то, что 15 июля сорок пятого года на Акава по ошибке взорвалась атомная бомба. Меня потрясает, полковник, тот факт, что один из пилотов Б-29, который доставлял бомбу... умер у меня на руках возле автострады в Колорадо двадцать дней тому назад. Вот что меня поражает... — тихо заключил я.

Глава 4

Наступила тишина. Спленнервиль поднялся, медленно прошел к бару, где держал виски, открыл его, взял бутылку... Постоял молча, опустив голову. Потом медленно повернулся ко мне с бутылкой в руке, нахмутив лоб, покачал головой и произнес:

— Не надо.

— Что не надо?

Полковник вздохнул, поставил бутылку на место и закрыл бар.

— Пить не надо. Всякий раз, когда ты приходишь ко мне с таким лицом, вынуждаешь меня опрокинуть рюмку-другую, а мне можно выпивать только после захода солнца, так советовал врач... — Он вернулся за письменный стол, сплел пальцы, оперся на них подбородком и надолго задумался.

— Как ты думаешь, что происходит, — спросил он спустя некоторое время, — когда взрывается атомная бомба?

— Ну...

— Хорошего мало, не так ли? — продолжал он. — Если кто-нибудь оказывается в эпицентре взрыва... или даже недалеко, то погибает, превращается в пыль. Разве не так? Не отвечай, Мартин. — И он жестом как бы прикрыл мне рот. — Тебе нечего возражать, и ты прекрасно знаешь это. А теперь допустим все же, что самолет «Грей-12» был уничтожен атомной бомбой, находившейся у него на борту... Пентагон не хочет обнародовать катастрофу, и у него есть на то свои причины, но допустим, знаем об этом только мы с тобой. В таком случае ответь мне на другой вопрос: разве мог спастись кто-нибудь из экипажа?

Как можно уцелеть, если атомная бомба взрывается в двух метрах от тебя?

Я ответил:

— Насколько мне известно, никак.

Полковник нахмурился:

— Ну и что же?

— А то, что существует нечто такое, что нам еще просто неведомо. Я так смотрю на вещи. Город Хиросима был разрушен почти полностью, то же самое произошло с Нагасаки, но некоторые дома поблизости от эпицентра все же остались целы. Кто-то из людей выжил. Почему?

— Но это еще ничего не значит, и ты это прекрасно понимаешь.

— Согласен. Но дело в другом. По правде говоря, я почти не сомневался, что ошибаюсь, когда шел сюда. Теперь же, полковник, я уверен в обратном.

— Как же тебя понимать? Поясни, Мартин.

— Если бы не было никакой связи между Прискоттом, «Грей-12» и атомной бомбой, люди из Пентагона не забеспокоились бы так. Будь все просто и ясно, что бы им скрывать, спрашивается? Так или иначе, — заключил я, вставая, — все это только слова. Дело закончено.

— Закончено? — с недоверием переспросил он.

— Ну да. Я полагаю, Пентагон уже уничтожил тело Прискотта. И мы теперь ничего не сможем доказать.

Мгновение, и напряженное лицо полковника прояснело. Он хлопнул по столу:

— Ну, вот это уже совсем иной разговор, дорогой мой! Это называется здоровой логикой. Мы больше ничего не сможем доказать, верно, и потому поставим на этом деле крест. Хочешь отдохнуть немного, Мартин? — спросил он, вставая из-за стола и облегченно вздыхая. — Я могу отпустить тебя на пару недель.

— Мы ничего больше не сможем доказать... Похоже... — вновь начал я. Улыбка замерла на губах Спеннервиля.

— Похоже? — встревожился он.

— Когда Прискотт находился в агонии... Я был рядом, когда он, бедняга, лежал на земле... Умирая, он произнес несколько слов... О, я помню их очень хо-

рошо. Он сказал: «Только мы с Де Вито...» — Я посмотрел прямо в глаза Спленнервилю и повторил: — «Только мы с Де Вито...», понимаете?

— Понимаю? Что я должен понимать? Этот человек умирал, ты говоришь... Наверное, бредил... И что это может означать — «Только мы с Де Вито...»?

— Только они двое выжили — вот что это означает. Именно это хотел сказать Прискотт. Полковник, — сам того не желая, я начал скандировать: — есть еще один человек, которому удалось спастись после взрыва первой атомной бомбы.

Снова последовало долгое молчание. Полковник опять поднялся из-за стола, прошел к окну и нажал кнопку. Послышалось тихое гудение, и большая розовая штора раздвинулась. Легкий щелчок пальцами, и шеф произнес спокойным голосом:

— Иди сюда, Мартин.

Я подошел к нему. Он молча кивнул, указывая на поразительную, грандиозную панораму, которая открывалась перед нами — Нью-Йорк. Лес небоскребов, каньон, созданный человеком, улицы, не имеющие конца, разбегающиеся во все стороны света, миллионы автомобилей, миллионы людей. Я прекрасно понимал, зачем он все это мне показывает. Я тоже был одним из этих муравьев.

— Понимаю, полковник, — тихо произнес я.

— Я знал, что поймешь. Найти иголку в стоге сена легко, когда есть хороший магнит. Найти человека в Нью-Йорке, а тем более в Соединенных Штатах, куда труднее. Человека, который поменял имя, скрывающегося или скрываемого... если к тому же, — добавил он громче, — он еще жив. А может, его уже нет в живых — умер от болезни или в результате несчастного случая, как и этот Прискотт. Тебе не кажется?

— Согласен, — ответил я. Это действительно было так. Я потерпел поражение, отчего же было не признать это? Мне никогда не удалось бы распутать эту историю. Вероятно, это было нечто вроде фантазии. Я прикоснулся к истине или был слишком далек от нее.

— Согласен, полковник, — повторил я. — А что касается отпуска, то мне хватит и пяти дней.

— Почему не десять, Мартин? — спросил он, облегченно вздохнув. — Куда думаешь отправиться? Почему бы не в Африку? Великолепные места, знаешь? Солнце, чащи, слоны и тому подобное.

— Кто знает, может, проведу отпуск дома за какой-нибудь хорошей книгой.

Давая понять, что разговор закончен, полковник произнес:

— Как хочешь, мой дорогой. Ты непобедим. Я постоянно говорил это и всегда буду говорить: ты непобедим. — Он поднял трубку и нажал на рычажок переговорного устройства: — Кто звонил, Роза?

Голосок секретарши быстро перечислил с десяток имен. Спленнервилль пробормотал что-то, потом пожал мне руку: — У меня дела, Мартин, извини, дорогой, но у меня дела... Так значит, увидимся... через пять дней, ты сказал?

— А разве не десять, полковник?

— Как? А, ну да... Как хочешь, как считаешь нужным. До свиданья. И развлекись! — крикнул он мне вслед, когда я выходил из кабинета.

Развлекись! Ну да, так я наверное и сделаю. Я спустился в свой кабинет, взял папку, в которой лежали бумаги, касающиеся этой истории — заметки, фотографии и все прочее — и вывернул в корзину для бумаг. Потом позвонил в отдел некрологов:

— Говорит Мартин Купер! Мне нужно дать объявление.

— Надеюсь, с вашими близкими ничего не случилось? — сдержанно поинтересовалась девушка. — Продиктуйте, пожалуйста.

Я медленно произнес:

— «Мартин Купер глубоко чтит память погибших Марка Д.Прискотта и Виктора Де Вито. Акава, 15 июля 1945 года».

— Это все?

— Все.

— Счет прислать в редакцию или домой, господин Купер? — спросила девушка. Я ответил:

— Отправьте его полковнику Спленнервиллю, — и положил трубку.

На другой день я улетел в Кению.

Когда я вернулся, мне уже не хотелось думать об этой истории. В сущности, забывать иногда бывает столь же полезно, сколь и помнить. И каждый хороший журналист должен уметь забывать. Мне почти удалось отвлечься, я решил было заняться статьей о негритянских гетто в северных штатах, как вдруг...

...как вдруг он пришел ко мне. Это было дождливым вечером, когда осень уже превращалась в холодную промозглую зиму, а я сидел дома и читал хорошую историческую книгу. В дверь позвонили — динь, динь, — и в ответ в моей голове тотчас затрезвонили колокольчики тревоги, причем так сильно, что я с трудом встал и прошлепал в коридор. Я открыл дверь, и сердце едва не выпрыгнуло у меня из груди. На площадке стоял молодой человек. Я почти не слышал, что он сказал.

— Господин Купер? — повторил он.

— Ах, да... Это я.

— Я вас не побеспокою?

— Нисколько. Чем могу быть полезен, господин...

— Моррисон, — ответил он и как-то странно, стало улыбулся. Черные глаза его блестели: — Фрэнсис Моррисон.

— Конечно, господин Моррисон, входите. — И я, посторонившись, пропустил его в квартиру. Он вошел легким и уверенным шагом полного сил человека. Я разглядывал его, и колокольчики тревоги постепенно умолкали. Волнение улеглось. Итак, я подошел к завершению истории. Я отлично понимал, кто был этот юноша.

— Садитесь, пожалуйста, господин Моррисон, — я указал ему на кресло, — и скажите мне...

— Чем вы можете быть полезны? — закончил он мой вопрос. Усмехнулся и пожал плечами: — Ничем особенно... Но... Я прочел ваше объявление в похоронном разделе «Дейли Монитор»... Знаете, то...

— По поводу Прискотта и Де Вито, — прервал я его. На этот раз глаза его вспыхнули. Он опустился в кресло. Широкоплечий, с крепкой, по-юношески тонкой шеей. Я заметил, что пальцы его нервно постукивали по подлокотникам кресла.

— Да... Именно по поводу Прискотта и Де Вито.

— Так в чем дело?

Он долго смотрел на меня, не зная, говорить или не говорить. Я прекрасно понимал, о чем он думает, — он спрашивал себя, откуда мне известны эти имена. Тогда я сказал:

— Но вы же не знакомы ни с тем, ни с другим, господин Моррисон. Эти двое умерли в сорок пятом. А сейчас на дворе семидесятый год. В сорок пятом вас еще на свете не было, мне кажется... Вам, должно быть, лет двадцать-двадцать два...

Он слегка покраснел, пожал плечами.

— Да, это верно... Де Вито был моим дядей, — тихо ответил он, — и дома... я часто слышал разговоры о нем и о Марке Прискотте... он был его другом. Да, конечно, меня еще на свете не было, когда они погибли на войне, но... это ваше объявление, знаете... Может быть, вы были знакомы с ними, подумал я, — он попытался улыбнуться, — и вот пришел к вам узнать что-нибудь. О Прискотте, например.

— Прискотт умер, — сообщил я.

Он стиснул кулаки.

— Умер? — воскликнул он и едва не вскочил от волнения. Мне стало очень жаль его.

— А что? Разве вы не знали, что он умер 15 июля сорок пятого года?

— Это верно... — ответил он. Лицо его покрылось потом, и он сильно побледнел, нервно сжимая кулаки. Я вышел наполнить два стакана виски с содовой и, вернувшись, протянул ему один. Выпил немного сам и сказал:

— Теперь я хотел бы спросить вас кое о чем.

— Да... конечно... — согласился он, глядя на меня.

— Однако прежде мне надо набраться мужества, — предупредил я.

Он с недоумением посмотрел на меня:

— Почему?

— Потому что нужно иметь мужество, чтобы разговаривать с призраком. А вы, Де Вито, — призрак или почти что...

Услышав это, он закрыл глаза и минуту сидел так, опустив мохнатые ресницы, а когда снова взглянул на меня, глаза его были полны еле сдерживаемых слез. Он прошептал:

— Призрак? Но... я живой... Из плоти и крови... —

Он почти по-детски уцепил себя за руку. — Видите?

— Вижу. Только вы — Виктор Де Вито, а не Фрэнсис Моррисон. А Прискотт скончался у меня на глазах, погиб в автомобильной катастрофе в Колорадо...

При этих словах Де Вито закрыл лицо руками.

— А умерев, он сразу же утратил свою маску молодости, — продолжал я. — Ту, которой обладаете и вы, Де Вито, ту, которую обрели в тот день, когда умерли.

Наступила тишина. С улицы доносился обычный городской шум: рокот машин и топот людей, бесстрастно проходивших мимо осенним дождливым вечером. Наконец он произнес:

— Вы ошибаетесь.

— Нет. Я все угадал. Я прекрасно понимаю, что у меня никогда не окажется никаких доказательств. Но я узнал правду, Де Вито. И не ошибся.

Все так же, закрыв лицо руками, он произнес:

— Я не это хотел сказать. Вы ошибаетесь, когда утверждаете, будто 15 июля сорок пятого года я умер. В тот день я, наоборот, — продолжал он неожиданно громким дрожащим голосом, — родился! — Он опустил руки и посмотрел на меня как бы с вызовом. — Я рожден от пламени, господин Купер! Это не маска, — выкрикнул он, касаясь своего лица, — а мое настоящее лицо, и оно всегда будет таким, пока я не умру по-настоящему, как случилось с Прискоттом... О да, — он опять снизил голос, — странная у меня жизнь... я весь какой-то ненастоящий: имя, лицо, все... Мне платят, чтобы я молчал, и я знаю: если заговорю, меня поместят в сумасшедший дом...

— Со мной вы можете не опасаться этого.

— Конечно, поэтому я здесь. Я пришел к вам, чтобы поговорить по-дружески. С того дня мне все время хотелось поговорить с кем-нибудь, кто поверил бы мне... Я пробовал, но можете себе представить... Разумеется, меня принимали за безумца... — Он отпил глоток и продолжал: — Когда я прочел ваше объявление, то подумал, что с вами мне, наверное, удастся поговорить обо всем...

— Слушаю вас, Де Вито. Я ваш друг. Весь мир,

кроме, может быть, двух-трех человек, принял бы нас с вами за сумасшедших. Но я умею молчать так же, как и вы.

— Но как вы узнали? — поинтересовался он.

— Это долгая история. Лучше расскажите вы. Что случилось с «Грей-12»?

— «Грей-12»... — проговорил он и вздрогнул, словно на него повеяло холодом. Он поднял на меня взгляд и все время, пока рассказывал, смотрел мне прямо в глаза: — Мы получили задание уже в полете, когда снижались на Акаву для заправки. Мы даже не знали, что у нас на борту. Кое о чем мы, конечно, догадывались. Нас многие месяцы тренировали... учили сбрасывать только одну бомбу. Нетрудно представить, что в подходящий момент нам придется сбросить что-нибудь... необыкновенное. — Пот градом катился у него со лба, и время от времени он машинально вытирал его. — Больше не было никаких сомнений, — продолжал он. — Когда мы закончили заправку и самолет уже собирался взлететь, командир Хистон четко и ясно по внутренней связи сообщил всему экипажу: «Ребята, не волнуйтесь, оставайтесь на своих местах. Через минуту будем в воздухе. И попридержите язык. Как только окажемся в зоне операции, все ваши разговоры будут записываться на пленку. Наш полет исторический. Задание — сбросить на врага атомную бомбу. Цель — Токио»... — Де Вито произнес последние слова так тихо, что я с трудом расслышал их. Он вздохнул и продолжал: — Что произошло потом, я не знаю... Едва Хистон умолк, сразу же... сразу, как только он умолк, понимаете, — он растерянно посмотрел на меня. — Я хочу сказать, у нас в ушах еще звучал его голос, как вдруг... — Он внезапно поднялся, выпил все, что оставалось в стакане, и быстро прошелся по комнате, словно хотел убежать. Потом остановился. Испуганно посмотрел на меня. Я подошел к нему.

— Успокойтесь, Де Вито. Это дело прошлого.

— Прошлого... Прошлого... — простонал он, сжимая руки. — Как может быть делом прошлого... такое... Что было потом? Могу сказать вам только одно слово... — Он мгновение колебался и наконец с таким видом, словно открывал невероятный секрет, произнес:

— Пламя.

— Пламя? — шепотом повторил я.

— Да, было только пламя. Ни шума, ни грохота — ничего... Все происходило очень медленно... Видели, наверное, в кино замедленную съемку? Так вот, все происходило очень и очень медленно... Я видел это пламя повсюду, везде, вокруг, видел, как развалился самолет, видел моих товарищей — они раскалились докрасна, словно металл на наковальне, и исчезли... Мне почудилось, — добавил он изумленно, — будто мы летели в этом пламени... Тогда я умер, — твердо сказал он, потом добавил. — Тогда я и родился.

Де Вито вернулся в кресло и опустился в него. Он выглядел совершенно спокойным. Помолчав минуту, продолжал рассказ:

— Потом я пошел в этом пламени, и тут ко мне кто-то приблизился, и мы двинулись вместе. Это оказался Прискотт. Он посмотрел на меня и что-то сказал, но я не помню что. Он взял меня за руку... В этом пламени было так прекрасно, — добавил он, закрыв глаза и словно отдаваясь воспоминаниям, — так прекрасно, что мне хотелось бы остаться там навсегда, но... пламя пропало... Вокруг остались только обгорелые камни, дым, жар, расплавленный асфальт... Не знаю, сколько времени прошло... И за нами пришли... Они были в спецодежде. Смотрели на нас как на привидения... Вы правы, господин Купер... Не хотели верить нам, но поверили в конце концов... в конце концов...

Де Вито еще долго рассказывал мне о многих годах, проведенных в изоляции в госпитале, о десятилетиях, прожитых едва ли не в тюремных застенках, о своих страхах и наконец о вновь обретенной свободе и о напрасных попытках разыскать Прискотта, единственного человека, с которым он мог вспомнить о том, что произошло... Де Вито говорил всю ночь напролет, три или четыре раза повторив всю историю, и я слушал его, хотя понимал, что никогда не смогу обнародовать его рассказ, потому что невозможно остаться в живых во время взрыва атомной бомбы да еще когда находишься в двух шагах от нее. Не смогу использовать его рассказ и потому, что он уже считается погибшим, и его имя выгравировано на брон-

зовой доске. Не смогу, потому что меня примут за сумасшедшего, или решат, что я ударился в сочинение научно-фантастических романов. Да, он говорил всю ночь. Он еще раз повторил, что когда пламя исчезло, они с Прискоттом расплакались и больше ничего не понимали, пока не увидели жутко перепуганных людей в спецодежде. Де Вито все говорил и говорил. Он уходил от меня, когда на горизонте, что виднелся между небоскребами, уже занималась заря. Он пожал мне руку и, пошатываясь, направился к двери. Уже на пороге он обернулся и спросил:

— Вы сказали, что Прискотт... постарел после смерти... Да?

— Да. Он выглядел пятидесятилетним.

Де Вито опустил глаза:

— Так... будет и со мной... — Он усмехнулся: — Если умру в семьдесят лет... представляю, какие лица будут у тех, кто... кто увидит мой труп... Ну, ладно, — заключил он, безнадежно махнув рукой, — прощайте. Может быть... может быть, я еще зайду к вам, господин Купер. Когда опять захочется поговорить обо всем этом... Хорошо?

— Приходите, когда захотите, Де Вито.

Он кивнул и помахал мне рукой. Я смотрел ему вслед, пока он шел по коридору к лифту. Шел спокойно, и мне показалось, что он скользил, скользил по воздуху, оторвавшись от пола, оторвавшись от земли. Возможно, так оно и было. И он ушел, унося с собой свой невероятный секрет.

ПРИШЕДШИЙ ИЗ ВЕЧНОСТИ

Глава 1

Мне это было не по душе. Вернее, просто — не интересно. Запуск космического корабля на Луну, помнится, вызвал мое любопытство и даже восторг только однажды — когда это событие произошло в первый раз. Жаль, конечно, но что поделаешь, такова уж особенность моей профессии — как только исчезает удивление, тотчас прерывается интерес. Полковник несколько раз повторил мне:

— Черт побери, Мартин, это же большая честь! Из сотен и сотен журналистов выбрали именно тебя!

Я не мог не согласиться. Конечно, это большая честь, раз меня, одного-единственного, НАСА пригласила присутствовать при запуске ракеты. Но что нового я мог написать о нем?

— Выбрали вас, Купер, потому что ваши репортажи всегда были наилучшими, — объяснил мне руководитель полета генерал Грей, приехавший в редакцию поговорить со мной.

— Что же, я присутствовал при четырех запусках, все были великолепны, но абсолютно одинаковы. Я написал четыре репортажа, тоже все великолепные и все в сущности одинаковые. Поблагодарите от моего имени НАСА, генерал, но...

— Вы хотите сказать, что отказываетесь присутствовать при запуске?

— Знаешь, Мартин, — вмешался полковник Спленивиль, — речь ведь идет о секретном запуске.

Этого я не знал.

— Как это о секретном? — естественно поинтересовался я.

— Запуск произойдет через шесть часов, — холодно ответил Грей, — и о нем не будет никаких сообщений в прессе. Ваш репортаж, Купер, не предназначен для публикации. Он нужен только нам, в НАСА. Поэтому вам предстоит не совсем обычная работа. Вам нужно понаблюдать за людьми, и только за ними. Технику мы хорошо знаем и без вас. Вы меня поняли? — И тотчас добавил: — Если согласны, то поторопитесь, пожалуйста.

— Что ж, поторопимся.

Не знаю, куда меня привезли. Из редакции газеты — с крыши небоскреба — вертолет перенес меня на какой-то военный аэродром, где нас ждал самолет Грея — Ф-4Б морской авиации. Грей сам пилотировал его. Повторяю, я не представлял, куда мы летели. Трудно что-либо разглядеть, мчась по воздуху со скоростью две тысячи километров в час на высоте десять километров. Мы находились в полете примерно сорок пять минут. Грей начал снижаться. Под нами поплыли зеленые и голубые пространства — лагуна, наверное. Наконец в бесконечной сверкающей синеве моря возник небольшой коричневый островок, и я уже совсем отчетливо увидел серую блестящую взлетно-посадочную полосу.

Самолет приземлился, мы спустились по трапу и сняли спецодежду.

— Бесспорно одно — это не мыс Кеннеди, — заметил я. Грей улыбнулся. Тогда я проговорил: — И не могу сказать, что нас тут с нетерпением ждут.

Вокруг не было ни одной живой души. Невысокая диспетчерская башня казалась совершенно пустой. Яркое светило солнце. Я был, наверное, несколько взволнован, потому что повторил:

— Что-то не очень много народу нас встречает.

Грей негромко произнес:

— Да, нас тут мало. Оставьте спецодежду на земле, Купер. Ее подберут потом. Пойдемте.

Он пересек раскаленную взлетно-посадочную полосу и вышел на поле с желтой и зеленой травой. Справа виднелись невысокие холмы, покрытые редкими деревьями, а слева темнели высокие скалы, ко-

торые словно устремлялись в море. Летали чайки. Только их крики и были слышны, больше ничего.

— Все под землей? — задал я довольно глупый вопрос. Грей, не оборачиваясь, ответил:

— Да, конечно.

— И пусковая установка? Она ведь довольно внушительных размеров? Наверное, у этой базы нет никакого названия, как же обозначить ее?

— Действительно, база не имеет названия. Можете обозначить ее как угодно.

— А корабль?

Он покачал головой:

— Он тоже без названия... — Грей остановился. — Мы пришли, Купер.

Мы стояли посреди чистого поля. Я ждал, что же будет дальше. Не прошло и нескольких секунд, как земля у нас под ногами с тихим гудением начала медленно опускаться, и мы погрузились в какой-то совершенно ирреальный мир, бесконечно далекий от неба, солнца и всего того, что мы видели наверху. Я почувствовал, как меня окутал свежий, но сухой воздух — искусственный, решил я, иначе его никак не назовешь. Таким же искусственным был тут и свет, исходивший неизвестно откуда. Еле ощутимый толчок, и мы остановились и сошли с лифта, замаскированного под участок поля. Лифт ушел обратно вверх. Грей направился по длинному серому коридору, я шел следом. Наши шаги были бесшумны. Я подумал, что человек — непревзойденный творец кошмаров.

— Вот мы и пришли, — сказал Грей, останавливаясь перед дверью, контуром обозначенной на стене. — Здесь наш наблюдательный пункт. — Он нажал кнопку, и стальная стена с тихим гулом неспешно отодвинулась, обнаружив мрачную комнату с обширным металлическим столом и дюжиной телевизионных экранов на стене. Возле стола размещались два небольших вращающихся кресла, а подойдя ближе, я увидел множество светящихся лампочек, манометры, кнопки и всякие другие приспособления. Я спросил:

— Отсюда будем наблюдать за пуском?

— Это ваша база. Можете выходить отсюда и гулять, где вам угодно. Я же, — добавил он, улыбнувшись наконец по-человечески, — буду составлять вам компанию.

— А где мы будем спать?

Он посмотрел на меня, сжав губы. Не дожидаясь ответа, я продолжал:

— Это место вынуждает меня почти сожалеть о ложе прессы на мысе Кеннеди. Не очень-то тут весело. Знаете, Грей, мне бы хотелось побеседовать с ними до старта.

— С ними? Кого вы имеете в виду?

— Ну... астронавтов.

Он снова сжал губы:

— В таком случае — с астронавтом. Летит только один человек и... — Грей замолчал, услышав короткие резкие сигналы. В этот же момент экраны загорелись зеленым светом и начали мигать все одновременно. Поэтому я не сразу задал следующий вопрос:

— Вы сказали... только один?

— Да.

— Гм... Это становится любопытно. Как же он выйдет на поверхность Луны? Он ведь будет выходить, да?

— Конечно.

— Оставит корабль на орбите, переберется в спускаемый аппарат, высадится на Луну, и все это будет проделывать в полном одиночестве? Ну, знаете, это затея, которая...

— Никакого спускаемого аппарата не будет, — прервал меня Грей, неотрывно глядя на экраны. — Астронавт приземлится прямо на Луну и с ее поверхности отправится обратно на Землю. Извините. — Он снял тихо звякнувшую трубку и тихо заговорил. Я, естественно, не стал вслушиваться в его разговор. Меня не столько удивляло все происходящее, сколько волновало. Я ощутил себя не посторонним свидетелем, а скорее участником великого события — человек в одиночку высаживался на Луну. Мне почему-то захотелось вспомнить какое-нибудь стихотворение, любое хорошее стихотворение. Но я пригла-

шен сюда не для того, чтобы волноваться или читать стихи. Я подождал, пока Грей положит трубку, и спросил:

— Я смогу поговорить с ним?

— Конечно, когда задание будет выполнено.

— Где будете вылавливать его? В Тихом океане?

Он ответил:

— Место посадки находится в десяти километрах отсюда, Купер. Сейчас я должен оставить вас одного, меня вызвали... Всего на несколько минут... Повторяю, можете ходить куда угодно. Ни одна дверь не закрыта для вас. Достаточно нажать кнопку справа.

— Согласен... Да, а как зовут астронавта?

— Его имя вы узнаете после окончания полета... — он попытался улыбнуться. — Наберитесь немного терпения, Купер.

— У меня его достаточно. Скажите, а сколько времени он пробудет на Луне?

— Ровно шестьдесят пять минут. Потом отправится обратно.

— Совсем один... — продолжал недоумевать я и задал еще один вопрос: — А на какое время рассчитан весь полет?

Грей направился к дверям, но у выхода остановился и очень медленно повернулся ко мне. В глазах его блеснуло недоверие, он пристально посмотрел на меня и быстро произнес:

— Все займет сто пятнадцать минут.

Сто пятнадцать минут. Меньше двух часов.

Пока мне больше не о чем было спрашивать Грея. Генерал смотрел на меня строго и отчужденно.

— Ну, знаете... — нарушил я наконец молчание, — мне многое довелось повидать на своем веку... Можете мне поверить, я видел немало необыкновенного...

— Именно поэтому вас и выбрали, — вежливо-равнодушным тоном отвечал генерал.

— Нет, нет, — продолжал я, качая головой, — вы даже представить себе не можете, что мне пришлось повидать... — Я имел в виду маленький волчок, попавший из космоса в туннель метро, и молодого человека, оставшегося в живых в адском пламени. —

При всем желании не сможете... Я-то знаю, что будущее уже началось в наши дни, и научная фантастика уже стала реальностью. И мне не следовало бы уже ничему удивляться... А сейчас я, наверное, удивляюсь своему удивлению... Черт возьми, кажется, я говорю какие-то глупости! Только видите ли, Грей, на этот раз научная фантастика ни при чем... Сейчас речь идет о чем-то таком, что человек вычислил, высчитал. Это своего рода вызов ошибке... Будь я моложе, то наверное пустил бы даже пару слезинок. И они были бы пролиты не впустую, как вы считаете?

— Что-то я вас не понимаю, — медленно проговорил Грей. В этот момент раздался негромкий, но твердый голос. Мы оба повернулись к экранам, которые были теперь пересечены красными и синими полосами. Грей предупредил:

— Пора занять наши места, — и указал на кресла. — Мы не заметили, как прошло время. До запуска осталось совсем немного.

Я сел. Он продолжал стоять. Я достал блокнот и ручку и принялся кое-что записывать. Тут Грей, не выражая никаких эмоций, произнес:

— Вот он.

На экранах появилось изображение ракеты — гигантского веретена, белевшего в полумраке глубокой шахты. Я посмотрел на космический корабль, закрепленный на самом верху, словно наконечник стрелы, и попытался представить себе, о чем думает астронавт, которому предстоит совершить столь далекий полет в одиночку. Генерал Грей пояснил:

— Это новая модель «Сатурна». Но самое главное, он на автономном реактивном топливе, как вы, вероятно, догадались.

— Конечно. А можно узнать о нем побольше? Меня интересует не формула, а...

— Я познакомлю вас со знающими людьми, они все объяснят...

Тихий, но твердый голос, уже звучавший прежде, назвал несколько дат и цифр, не представивших для меня никакого интереса. На телеэкранах возник Центр управления полетом, где за различными приборами сидели техники и специалисты. Теперь раке-

та была окутана плотным белым облаком. Несколько человек в спецодеждах что-то делали возле нее. Потом обшивка космического корабля ярко сверкнула, отразив упавший на нее солнечный луч, и тут же сверху хлынул мощный поток света. Отошла заслонка гигантского колодца, открывая ракете доступ в небо. Механический голос начал отсчитывать секунды.

— Вам не хотелось бы там быть, генерал? — поинтересовался я.

— Я мог быть там, — ответил он, не отрывая взгляда от экрана. Черт возьми, не было и тени волнения в его голосе. Должно быть, ему будет приятно, если я напишу об этом. Я спросил:

— А если возникнет какая-нибудь неполадка?

— Нет, все будет хорошо, — ответил генерал. — Риск, разумеется, есть, но просчитано все до последней мелочи. Вот, — добавил он, указывая на экран, — сейчас ракета уже вся видна, вся открыта.

Ярко освещенная солнцем, ракета слегка вибрировала, платформа, на которой находилась пусковая установка, медленно двинулась вверх. Отсчет времени продолжался. Я кое-что быстро записал в своем блокноте, впрочем, это больше касалось меня самого, чем астронавта.

— Все будет хорошо. Я не сомневаюсь в этом, — произнес Грей.

— ...пять... четыре... три...

Итак, запуск начался. Но как-то уж слишком стремительно прошло время. Мне казалось, что я лишь минуту назад вышел из кабинета полковника Спленнервиля на сорок девятом этаже...

— ...два... один...

Было полное ощущение, будто меня одним рывком перебросили в иное измерение. Земля вздрогнула, а вместе с нею и мое сердце. В тот же миг я увидел первый выброс ослепительного, отливающего золотом газа. Медленно стали отходить в стороны конструкции опоры, шум двигателей заглушил все вокруг, несколько вспышек едва не ослепили меня. Белое веретено ракеты, освободившись от металлических пут, на какую-то долю секунды, казалось, застыло в воз-

духе в нескольких метрах от земли, а потом бушующее серебристое пламя окутало его. И в то время, как я сжимал от волнения кулаки и с трудом сдерживал себя, чтобы не вскочить, ракета взмыла в зенит и молнией перечертила небо — молнией, не упавшей с небес, а взлетевшей с земли, чтобы вспороть голубизну небосвода. Несколько телекамер провозжали ее в полете, но напрасно — она исчезла по существу мгновенно.

— Превосходно, — спокойно произнес Грей и, кивнув на экран, добавил: — А в Центре управления безумствуют от радости, видите?

Да, я видел, что люди, сидящие у экранов, взволнованы. А у меня в ушах все еще стоял отзвук грома, заполнившего нашу комнату. Я сказал:

— Да, пожалуй, и в самом деле стоило приехать сюда, Грей.

Он с достоинством улыбнулся и доверительно сообщил:

— Все будет хорошо. Хотите осмотреть базу?

— Для этого и приехал сюда. За работу! — сказал я и поднялся.

Глава 2

Это были довольно странные ощущения. Я беседовал с разными людьми — с возбужденными техниками и с холодными, словно айсберг, хмурыми военными, с растроганными врачами, слегка завидующими астронавтами-дублерами. Я узнал много различных мнений, видел задумчивые глаза, слышал множество странных шумов — фантастических, не знаю, как иначе назвать их. Время шло неумолимо, и я физически ощущал его минута за минутой. Мне хотелось ухватить его за хвост и удер-

жать хоть ненадолго, потому что я знал, сколь драгоценны были для меня эти изумительные мгновения восторга перед гением человека. Ребята, какая потрясающая машина!

— Снижается! — вдруг воскликнул Грей. Телеэкраны показывали поверхность Луны крупным планом. Стояла напряженная тишина. Гарантией восхищения и радости был риск, без него...

— Коснулся Луны! — крикнул кто-то. Все зааплодировали и стали обнимать друг друга, совсем как болельщики на стадионе, когда их команда забивает особенно красивый гол. Грей повел меня в медицинскую лабораторию. Здесь все молчало. Отчетливо слышен был лишь один звук — четкий и ритмичный. Он доносился оттуда, сверху. Это было биение сердца человека, находившегося на Луне. Рулоны бумаги текли в тишине, и тонкие черные линии прочерчивали на ней кривые, которые описывали состояние космонавта — его легких, мозга, крови, сердца, мускулов и нервов. Врачи были невозмутимы и сосредоточены,

хотя и не столь равнодушны, как военные. Временами доносился голос человека с Луны.

— Сейчас он выйдет из корабля и зашагает по Луне, — сказал Грей, спокойно посмотрев на меня. — Ну, что я говорил? Все в порядке.

— О да, конечно.

— Пойдемте, я покажу вам Центральную аппаратную.

И я опять разговаривал с разными людьми, слушал, смотрел. Между тем человек шел по Луне, но его изображение лишь на несколько секунд появилось на телеэкране, слышен был его голос, но и он раза два или три прерывался.

— Мы передадим вам потом пленку с записями переговоров, — сказал мне какой-то полковник.

— Я сам привезу ее в Нью-Йорк дня через два, — добавил Грей.

— Контакт прерван!

Наступила полная тишина.

Мы все посмотрели на техника, который сообщил нам это. И только тогда заметили, что действительно голос астронавта умолк. Больше с Луны не было слышно ничего. Только отдаленное гудение.

— Что происходит? — проговорил полковник. Из внутреннего динамика что-то прохрипело. Никто не шелохнулся. Мне показалось, будто вдруг стало очень холодно. Телеэкраны были серые и слепые.

...И вдруг снова возникло изображение и донесся голос астронавта. Все облегченно вздохнули, а человек на Луне сказал:

— Какое зрелище, видели бы вы! — Ну и всякие другие подобные восклицания.

— Что произошло, генерал? — спросил я.

Грей скривил губы.

— Еще не знаю. — Он повернулся к электронным часам. — Было пятнадцать секунд срыва связи. Ни одной десятой долей больше, ни одной меньше. Сейчас все в порядке. Что произошло? Предположительно, — он пожал плечами, — ничего.

Ничего. Однако время почему-то потекло медленнее. О, намного медленнее, и тревога так и не поки-

дала нас до тех пор, пока негромкий, но твердый голос не сообщил:

— Пребывание на Луне закончено. Даем команду на возвращение

«И продлится оно целый век», — подумал я, но этого не случилось, напротив, ожидание оказалось даже коротким. С заданной скоростью на заданной секунде астронавт стартовал с поверхности Луны и с заданной скоростью устремился к Земле по заданной траектории. То, что произошло потом: и преднамеренное прерывание связи на входе в атмосферу Земли, и огненная полоса, и открытие гигантского парашюта, и падение в океан — все это по существу ничем не отличалось от того, что уже не раз бывало прежде, что весь мир видел по телевидению. Космический корабль опустился на воду в восьмидесяти семи метрах от намеченного места, и все вскочили, аплодируя. Потом его выловили. На мгновение я увидел астронавта. Грей проговорил:

— Справился, Джек.

— Джек? — переспросил я.

Он посмотрел на меня и улыбнулся. Я заметил, что он наконец расслабился и, видимо, был счастлив, хотя еще оставалась какая-то крохотная льдинка.

— Да, так его зовут. Еще немного, и сможете поговорить с ним.

— Наверное, сначала им завладеют врачи?

— Конечно.

Я думал, что после возвращения астронавта обстановка станет поспокойнее. Однако ничего подобного не случилось. Все были дьявольски заняты, да так, что даже передохнуть не могли. Казалось, работа не только не закончилась, но все еще продолжается. Астронавт вернулся, врачи и всякие руководители рвали его на части. Мне пришлось ждать целых четыре часа. За это время я просмотрел свои заметки и снова смог обойти базу. В зале, где еще раз прослушивали записи разговоров Луна—Земля, я заполнил пару страниц стенографическими записями. Кто-то дал мне стопку печатных страниц и фотографий. Грей раза два оставлял меня одного.

— А что же эти пятнадцать секунд отсутствия

связи, это молчание? — спросил я, когда он вернулся.

— Компьютер сообщит, отчего произошла накладка.

— Скажите... а чего вы ждете?

Он нахмурил лоб.

— Чего жду? — переспросил он.

— Ну да. Почему бы вам не пойти перекусить?

Он устало улыбнулся.

— Врачи, Купер. Сейчас все зависит от них. Только с их разрешения. Осталось подождать совсем немного.

Наконец было получено официальное заключение врачей: астронавт Джек Темпл находится в превосходном физическом и психическом состоянии. Мы все поаплодировали и были действительно рады этому. Откупорили бутылки шампанского, и Грей, взяв меня под руку, воскликнул:

— Вы должны превзойти себя, Купер! Постарайтесь написать лучший в вашей жизни репортаж!

— Постараюсь. Когда я смогу поговорить с Джеком?

— Тотчас. Идемте, он в той небольшой комнате, и целиком в вашем распоряжении.

Я последовал за Греем. Мы вошли в комнату, где находилось очень много народу, уже забывшего про веселье и поглощенного какими-то делами. Там и тут стояли полупустые бокалы. Грей провел меня дальше, в какое-то помещение, нечто вроде холодной прихожей, где не было никакой мебели. С тихим гулом открылась стальная дверь, вышли три или четыре человека. Один из них сказал:

— Джек в вашем распоряжении.

— Спасибо, — поблагодарил Грей и обратился ко мне:

— Джек вас ждет. Хотите, чтобы я сопровождал вас, Купер?

— Нет, я предпочел бы поговорить с ним наедине.

— О, конечно. Понимаю. Подождите минутку.

Он подошел к тем людям, что стояли в стороне, и, перебросившись с ними несколькими словами, вернулся ко мне:

— Да, разумеется, вы можете войти один. Джек знает, что вы будете брать у него интервью. Хорошей работы, Купер!

Я задержал его:

— Последний вопрос, генерал.

— Да?

— Микрофоны.

— Не понял...

— Микрофоны. Выключите их, пожалуйста. Я не хочу, чтобы наш разговор с Джеком записывался. Профессиональный секрет. Понимаете?

— Даю слово, Купер, — торжественно пообещал Грей, — что в этой комнате не будет микрофонов. Доверяете мне?

— О'кей, верю. Хорошо, откройте эту дверь, генерал.

Я вошел. Это была голубая, уютная и опрятная комната. Астронавт сидел за столом и пил молоко из большой чашки. Он посмотрел на меня и улыбнулся.

Джек опустил на стол наполовину пустую чашку и поднялся. Это был крупный плотный мужчина. Он только что принял душ и от него приятно пахло шампунем. На нем был комбинезон со знаком НАСА, из наглухо застегнутого воротника вырастала основательная, мускулистая, как у борца, шея. Лицо его сохраняло юношеский вид и наверное могло бы показаться простодушным, если б не холодные серые глаза, в которых не было и тени наивности. Я протянул ему руку, и он пожал ее:

— Вы потрясающий молодец, Джек! — сказал я.

Он улыбнулся и пожал плечами:

— Это не так трудно, как кажется, — ответил он.

— Осторожней! Все, что вы скажете, я ведь могу опубликовать. Все рано или поздно попадет в газеты.

Джек засмеялся:

— Поправьте меня, если ошибусь. Вы Мартин Купер из «Дейли Монитор»?

— Верно.

— Хорошо, Мартин, напишите, что это был большой скачок. Я не умею говорить исторические фразы. Я из Кентукки. Мы люди простые, вы знаете.

— Ну...

— А вы? Вы откуда родом?

— Я? Из Нью-Йорка... Но я тут ни при чем. Сейчас речь идет о вас. Так вот, Джек, Луна...

— Ужасное место. Камни и щебень. Пыль. Горы. Черное небо.

— А Земля оттуда, наверное, выглядит очень красивой?

Он направил в меня объемистый указательный палец:

— Она — да! Голубая и зеленая. Невероятно красивая.

— Какое впечатление наша Земля произвела на вас, когда вы впервые увидели ее из космоса? И подумать только, что вы совершили этот «большой скачок» всего за несколько минут!

— Все было предусмотрено. Никакого неожиданного впечатления. Я знал, что прибуду на Луну в запланированное время.

— Естественно. Но я хотел бы понять...

— Видите ли, Мартин, меня очень интенсивно тренировали, а при этой процедуре самое главное — это стальная воля. Такая воля у меня была. Я ХОТЕЛ слетать на Луну именно в строго определенное время и именно так, как это и случилось, понимаете?

Я кивнул в знак согласия, а Джек продолжал:

— Воля в этом деле — самое главное. Другие компоненты не менее важны. Например, здоровье, понятно, да? И точное знание всего, что нужно делать в каждую минуту полета. Ничто не было пущено на самотек, на прихоть случая. Ничто...

— Джек, я не хочу писать, что вас отправили на Луну, словно почтовую посылку. Однако могу написать и так.

Он помолчал и улыбнулся:

— Да, многие говорят нечто подобное. Почтовая посылка. Но дело-то в том, что человек — не почтовая посылка. Он несколько отличается от нее. Если пропадет посылка, ничего страшного не случится. А пропадет человек...

— Хорошо, Джек, расскажите о Луне.

Он нажал кнопку, и на стене появилась проекция Лунной карты.

— Я совершил прогулку, как было предусмотрено программой, — сказал он и встал, — и оказался точно вот в этом месте... — Он ткнул пальцем в точку на карте. — Здесь приземлился корабль, именно в этой точке, видите? А это другая точка — та, которую я должен был найти... Тренировка...

— О чем вы думали, когда ходили по Луне совсем один?

— ...была очень суровой... Что вы спросили? О чем я думал?

— Да, на Луне. И что вы думали еще раньше, когда летели с такой умопомрачительной скоростью.

Джек наморщил лоб, пожал плечами:

— Мне некогда было думать, нужно было все время следить за приборами и держать связь по радио. А на Луне мне нужно было как можно скорее выйти на указанное на карте место.

— А одиночество? Один в космосе, один на Луне? Думаю, эта тишина... — Я заметил, как он сжал губы, и мне стало ясно, что он не понимает, о чем я говорю, и потому замолчал. К чему все эти вопросы? Ведь передо мной совсем другой человек — не такой, как я, как все остальные люди. Он — человек будущего. На Луну не посылают людей, страдающих от одиночества или читающих стихи. У него электронный мозг? Кто-нибудь слышал о восстании компьютеров? Глупости! Ни одна машина не может восстать против таких людей, как Джек Темпл — у него стальные нервы, мозг с предохранителями, а кровь с машинным маслом.

— Причем здесь одиночество? — ответил он вопросом на вопрос. — Меня натренировали. Знаете, сколько времени я провел на земле, замурованным в капсуле? А какие длительные полеты я совершал на воображаемых космических кораблях? Вы говорите — тишина... Какая тишина, если я все время держу связь по радио? Я хорошо прогулялся — вот об этом можете написать. Однако я нашел место, — добавил он, гордо улыбаясь, — которое мне нужно было отыскать всего за тридцать пять секунд, как и положено по программе. Вот оно. — И он опять указал точку на карте.

— Вы собрали образцы лунной породы?

— Нет. Этого не было в программе. Но я должен был точно выдержать сроки. Мне нужно было все время считать секунды. Поначалу туника показалась мне немного тесной, но потом...

— Вам показалась немного тесной?.. Что? — остановил я его.

Он посмотрел на меня:

— Комбинезон...

— А... Я подумал было, что плохо расслышал. Ну, поехали дальше, Джек.

— Потом мне уже было легче двигаться. Смотрите... — Он повернулся ко мне спиной и снова указал на карту. Я ждал, когда Джек закончит свою мысль. Но он сделал это не сразу. Пауза длилась секунд пятнадцать. Он медленно повернулся ко мне: — Признайтесь, Мартин... Я, наверное, кажусь вам очень скучным, да? Я хочу сказать, вы, наверное, не таким предполагали увидеть меня, да? Но когда человеку поручают такое задание, как это, приходится целиком сосредотачиваться на запланированной цели. Так же точно обстоит дело и с туникой. Я знал, что она не могла быть тесной. А на самом деле была. Так я прошел до заданного места, которое называется Фермопилы... — он наморщил лоб, — Фермопилы.

— Это древнегреческое название, Джек, вы это знаете? — осторожно спросил я.

— Да, мы не очень привыкли к греческому языку, не так ли? — Он улыбнулся, но глаза его по-прежнему оставались ледяными. — Не часто здесь, в НАСА, приходится слышать этот язык, только однажды, там, внизу, на базаре... — последние слова он произнес медленно и задумчиво. Я не был уверен, что правильно понял его и переспросил:

— На базаре? — Он посмотрел на меня отсутствующим взглядом и замолчал. Теперь я уже не сомневался — что-то неладно, что-то явно не так.

— Джек, — обратился я к нему.

— Ах, да, я говорил о своем походе...

— О вашей прогулке, разве не так вы называли это?

— ...прогулка? Да, верно. До того места... греческое название, я все время забываю его...

— Фермопилы.

— Именно так. Поначалу все шло хорошо. Вот только, пожалуй, немного жала правая сандалия...

В моей голове тихо зазвонили колокольчики тревоги.

— Естественно, впрочем, для воина, который совершил такой трудный и длительный марш. С другой стороны, мы должны были добраться до Фермопил... — медленно говорил он.

Я прервал его:

— Такой длинный марш? Я бы не сказал, что это длилось долго, Джек. И поясните, почему вы упомянули о тунике и сандалии? Прежде вы не вспоминали о них.

— Ну да — туника и сандалии. А как иначе я должен назвать их? — удивился он и, не дожидаясь ответа, продолжал: — Цель была — Фермопилы. А когда я дошел туда, меня остановили... — Он опять некоторое время помолчал и странным низким глубоким голосом закончил: — Я увидел, как прибыли... они.

— Они?

Я поймал себя на том, что перехожу на шепот:

— Они... кто?

И вдруг мелькнула мысль: «Он шутит!» Нет, он не шутил. Я почувствовал, что меня бросило в жар — от невероятного, просто невозможного. Что делать? Колокольчики тревоги звонили что было сил. Тогда я спросил:

— Кто это они?

Темплъ вонзил в меня свои светлые глаза и ответил:

— Персы.

Я переспросил.

— Персы? — И меня охватил панический страх, по всему телу побежали мурашки, да, именно так, как обычно пишут в сказках, и я решил, что, наверное, схожу с ума или брежу, и потому ухватился за какую-то ниточку надежды: «Может быть, он и в са-

мом деле шутит или говорит каким-нибудь шифром?..»

— Их было много. Гораздо больше, чем мы ожидали. Все войско.

Нет. Это был не шифр. И Джек не шутил. Очень может быть, он вообще никогда в жизни не шутил. Он наморщил лоб, поставил локти на стол, соединил руки и опустил их на подбородок. Он смотрел на меня, но не видел. Взор его впился в какую-то точку, невероятно далекую, но вполне реальную.

— Разумно было ждать их в Фермопилах? Как ты считаешь? — тихо спросил он. — Им волей-неволей пришлось бы пройти этим путем. Они не смогли бы долго продержаться в Фессалии! — Он усмехнулся. — Это нищая страна! Чем там прикажете питаться? Пылью, что ли?

Я сделал огромное усилие, чтобы взять себя в руки, и остался сидеть на месте.

Теперь, казалось мне, все ясно. Вовсе не я сошел с ума, а он. Не журналист Мартин Купер бредил, а астронавт Джек Темпл. Может быть, это была расплата? Утрата рассудка обернулась для него столь отважная затея — всего за сто пятнадцать минут слетать на Луну и обратно... Люди слишком многим рисковали. Пока астронавт молчал, погрузившись в свои далекие мысли, я соображал: «Что делать? Позвать кого-нибудь? Сообщить во всеуслышание, что Темпл сошел с ума? Да, именно это и нужно сделать...» Я взглянул на дверь. Она заперта. Окон нет. Микрофонов, естественно, тоже. Грей держал свое слово. Я хотел было встать и все же направиться к выходу, но меня охватил какой-то непонятный страх... О нет, я не боялся, что Темпл завопит, как одержимый, и бросится душить меня, нет... Меня напугала трансформация его мозга. Мне следовало уйти. Прочь. Это слишком большое испытание для меня.

— Или, по-твоему, — стремительно спросил он, глядя на меня в упор, — мы должны были занять другую позицию? Может, нам следовало защищать Афины? Ответ!

Совершенно растерявшись, я проговорил:

— Нет... Не знаю...

— Не знаешь? В эллинском ареопаге тоже никто ничего не знал! — Теперь голос его звучал твердо. Лицо стало жестким и злым. Он стукнул по столу: — А пока мы спорили, Ксеркс со своими легионами продвигался вперед! — Он протянул руку и сжал мне запястье. — А ты говоришь, что не знаешь!

Я ответил:

— Нет, ты прав. Я тоже выбрал бы Фермопилы.

И действительно, другого выбора в эту минуту у меня не было. Он не отпустил бы меня, это очевидно. Похоже, он остался доволен ответом, оставив мою руку, и у меня открылась последняя возможность вскочить, броситься к двери, поднять тревогу и позвать на помощь. Но я не двинулся с места. Как говорит Полоний в «Гамлете»? «Он безумен, но есть система в его безумии.» Да, есть система в безумии Темпля. Я уже не испытывал страха, колокольчики тревоги умолкли. Теперь мне хотелось только одного — понять, что происходит. Темпл глубоко вздохнул и с легкой улыбкой проговорил:

— Это было единственное место. А знаешь, кого нам следовало больше всего опасаться?

— Ксеркса? — рискнул предположить я. Он покачал головой.

— Нет, не его. Численности войска. Их было слишком много, а нас мало. Когда Леонид выбрал Фермопилы, он сделал это не без умысла. Там очень узкий проход между морем и горами. Ксеркс не мог там развернуть всю свою армию широким фронтом. Ему пришлось бы выстроить ее в колонну — длинную, это верно, но очень узкую — плечом к плечу всего по несколько человек... Поэтому-то Леонид и выбрал Фермопилы.

Темпл о чем-то задумался, а я стал лихорадочно приводить в порядок свои собственные мысли и рыться в памяти... Да, конечно, я знал эту историю, кто не знает ее.. Не помню, правда, в каком году от Рождества Христова персы под предводительством царя царей Ксеркса начали поход на Грецию. Тогда греки, соединились в оборонительный союз во главе со спартанским царем Леонидом и заняли проход

Фермопилы — что-то вроде длинной кишки в ложбине между морем и горами. Там они сидели в засаде, ожидая, пока подойдут персы. Ну, конечно, я знал даже, чем закончилась эта битва, а... он? А Темплъ знал? Еще несколько минут назад я готов был биться об заклад, что в голове Темпля, вернее, в этом компьютере, который был у него вместо мозга, никогда не было и следов таких названий, как Фермопилы, ни такого имени — Леонид, ни тем более Ксеркс. А теперь? О сошел с ума? Что ж, вполне возможно. Но врачи ведь только что обследовали его и нашли совершенно нормальным. Так в чем же дело? Я вспомнил, что мне доводилось слышать о людях, которые после катастрофы или же из-за сильного жара вдруг начинали говорить на языке, который никогда в жизни не изучали, рассказывали о событиях, о которых не могли ничего знать... Но такой человек, как Джек Темплъ — словно выкованный из стали, похожий на робота — разве мог такой монолит настолько поддаться стрессу, чтобы утратить ощущение реальности?

— Если бы не болваны, вроде тебя, не знающие, как поступать, Леонид добрался бы до Фермопил гораздо раньше. И тогда, — продолжал он, приблизив ко мне свое гордое и прекрасное лицо, — нас бы собралось не четыре тысячи, а гораздо больше, — он опустил глаза, — и мы выдержали бы напор персов.

— Четыре тысячи? — переспросил я. Мне припоминалась совсем другая цифра. Мне представлялось, что с Леонидом в Фермопилах было всего триста человек.

— Может быть, больше, — тихо добавил он, — но не намного. А надо было по крайней мере десять тысяч войска, чтобы остановить Ксеркса. Греки слишком быстро позабыли... Знаешь, что я тебе скажу? — спросил он, глядя на меня со странной и горькой усмешкой. — Многие из нас, спартанцев, знали, что погибнут... Да. И я тоже знал, что меня ожидает... А ты... присутствовал на процессии?

— Нет...

— Где же ты был?

— Я... Не помню. Представляешь, не помню... — Я

не ожидал такого вопроса. И мне опять захотелось вскочить и убежать. Но тут он необычайно взволнованно и в то же время устало продолжал:

— Никогда не забуду эту процессию... о, никогда! Ветер приносил запахи с наших гор — так бывает, когда долго нет дождя, и солнце высушивает травы... выжигает поля... горький запах трав... тмина, розмарина, лавра, мака цвета крови... Гора была покрыта желтой, сухой травой, серыми, сверкавшими на солнце камнями, и женщины спустились к нам. Они были закутаны в белые пеплосы, и одежда развевалась на ветру, словно крылья голубок... Мы двинулись было на позиции, но остановились и как зачарованные смотрели на них. Их пение еще не доносилось до нас, но потом ветер изменил направление, и мы услышали... — Он снова закрыл глаза и тихо запел какую-то необычную, волнующую мелодию. Я слышал древнегреческие слова и почувствовал, как меня вдруг захватило, зачаровало это негромкое пение. Я уже не думал уходить. Остался. И перестал считать минуты.

Когда Темплъ закончил песню, я спросил:

— А что было потом?

Он посмотрел на меня и кивнул:

— Вели быка на заклатие и, как обычно, положили между рогами белые повязки и венки из цветов... И была там одна женщина, ее звали Телиде, жена одного из наших легионеров... Она подошла и положила лавровый венок между этими большими рогами... Мы заметили, что многие девушки плакали. Они не приблизились к нам, а остановились у подножия горы, продолжая петь.

Он замолчал. Я уже ни о чем больше не думал, а только жадно слушал его рассказ.

— Стоял яркий солнечный день. Мы отправились в путь по берегу моря, а оно было бирюзовым и бурным. Мы видели и других женщин и землепашцев. Они стояли вдоль дороги, наблюдая, как мы проходили мимо. Некоторые из них подносили нам воду, мед, разбавленное вино... — Он сделал жест, как бы говоря, что хочет поставить точку. — Я предупредил Леонида, что мы движемся слишком медленно.

Я спросил:

— Поэтому вы и пришли в Фермопилы так поздно?

Он сухо возразил:

— Леонид был не виноват! Он двигался медленно, не торопясь, ибо ждал подмогу из Микен! — Темплъ горько и презрительно усмехнулся: — Из Микен, из этого большого города, где правили когда-то Агамемнон и Менелай! Знаешь, сколько воинов пришло отсюда для участия в нашей общей обороне? Знаешь?

Я сделал отрицательный жест.

Он опять приблизился ко мне:

— Всего восемьдесят человек! — сказал он, глядя мне в глаза. — Или что-то около этого! Хорошие воины, верно. Но малым числом не побеждают. Впрочем, — продолжал он, — это не имеет значения. Персы!.. Повторяю тебе, я первый увидел их. Думаю, что... — он внезапно умолк.

Я с тревогой в голосе воскликнул:

— Что? Продолжай! Что ты думаешь? — Я испугался, что он перестанет рассказывать.

Темплъ поднялся. Прошелся по пустой, стерильной комнате, где тихо гудела какая-то электроника, повернулся ко мне и строго сказал:

— Думаю, что мне никогда не доводилось видеть ничего подобного. Нет, никогда. Это было, — и он сделал величественный жест, — это было поистине море людей. Они двигались вперед внушительными стройными отрядами, поднимая такую тучу желтой пыли, что солнечные лучи с трудом пробивались сквозь нее. Люди, кони — белое, красное и черное море. Воины с плюмажами и большими щитами. Мы слышали звуки их призывных труб, и земля, казалось, дрожала даже там, где стояли мы... Когда солнце освещало ряды отборной гвардии Ксеркса, казалось, будто они воспламеняются, так сверкали их доспехи — как серебряное зеркало. Они пели. И земля словно надвигалась на нас вместе с персами. Леонид подошел ко мне — я находился на крутизне — и другие воины окружили нас. Некоторое время мы стояли молча. Мы и представить себе не могли, что персов такое великое множество! В это время мы уже не сомневались, что погибнем все до единого. Но, — до-

бавил он, глубоко вздохнув, — спартанцы и рождаются для такой участи. Чтобы погибнуть на войне.

— Погибнуть на войне... — повторил я.

— Мы были очень хорошо вооружены. Илоты, наши рабы, несли большой запас копий. Щиты у нас были крепкие. Все мы, спартанцы, были в доспехах и шлемах. А лучники? Да, мы знали, что у персов тьма лучников. Но колесницы беспокоили больше. Увидев их, мы поняли, почему Леонид выбрал для сражения именно это место. Здесь, в этом узком проходе, колесницы бессильны... Так или иначе, — добавил Темплъ, опуская руки, — мы поджидали персов. Молились Аресу. Думали о Спарте... Не только о Спарте, но и обо всей Греции. Мы сражались за наши города. За всех жен и детей. За наши алтари.

Темплъ произнес эти слова, выпрямившись во весь свой могучий рост. И если до этого момента он казался мне обычным астронавтом, нечто среднее между человеком будущего и пареньком из Кентукки, обожающим яблочный пирог, — если прежде он представлялся мне именно таким, то теперь уже нет. Это был не Джек Темплъ, а герой. Неважно, что за герой, как звали его — Леонид, Клейт, Клитий, Протей... любое греческое имя. Я поднялся. Передо мной стоял человек, пришедший из прошлого времени, пришедший рассказать свою историю.

Я почти приказал.

— Продолжай!

— Они обрушились на нас на следующий день. Сначала прислали гонцов, предлагая сдаться. Угрожали, что затмят солнце своими стрелами. Мы посмеялись им в лицо. Они напустили на нас своих лучников, и мы действительно оказались под дождем стрел. Однако большого урона он нам не нанес. Мы недоумевали — ведь гвардия Ксеркса была в доспехах... Почему он не направил их в первых рядах? Идиот! Он послал их вслед за лучниками, и когда у них кончились стрелы, они уже не смогли отступить: слишком много воинов напирало сзади. Наступление персов продолжалось. Все орали, пели, трубили, падали на землю, затаптывали друг друга. Лучникам пришлось наступать впереди всех. Они напали на на-

ши фланги... Поначалу это была совсем не битва! Мясорубка, бойня — вот что это было. Правая рука у меня... была красной от вражеской крови. И когда Леонид дал сигнал к атаке, мы пошли по телам павших лучников и столкнулись с толпой других персов, которые не могли двигаться, и мы копьями убивали их... убивали... — Последние слова Темплъ произнес совсем тихо, потом вернулся к столу и сел. Провел рукой по лбу. Не глядя на меня, продолжал: — Если бы Эфиальт не предал нас, если бы персы не зашли к нам с тыла, мы бы удержали их, хотя нас было всего четыре тысячи. Но ты же знаешь, как все получилось. В горах была тропинка, вернее — козья тропа. Только очень немногие знали о ней... И Эфиальт показал эту тропу персам. Те ночью прошли по ней и утром оказались у нас в тылу. Тогда, — вспоминал Темплъ, слегка волнуясь и мрачней, — Леонид приказал всем отступать. Не оставалось больше никакой надежды, мы знали это. Леонид решил: мы, спартанцы, останемся и задержим персов, а остальные смогут уйти... Вот так! Он держал в резерве тысячу двести воинов-союзников, а сражались мы, спартанцы, — и он ударил себя в грудь, — это мы сражались! Мы двинулись вперед, как в первый день битвы, мы налетели на них, и все пели, и рука у меня опять была красной от крови!.. Ксеркс никогда не забудет нашу атаку! Сколько персов мы убили? Ты можешь сосчитать, сколько листьев на дереве? Или капель вина в большой чаше? Тысячи и тысячи, и еще тысячи, и еще! — Он поднял крепко сжатые кулаки. — И мы говорили: «Идите в Спарту и скажите, что мы легли тут, выполняя ее волю!» Вот, что мы говорили, что кричали, сражаясь! Но потом они перестроили свои ряды и напали на нас сразу со всех сторон, как лавина... лавиной двинулись на нас люди и кони. Они шли не торопясь, с копьями наперевес, и на нас снова обрушился дождь стрел. Леонид был ранен и вскоре скончался... И мы сражались, стоя на его теле. Пали многие из нас, триста спартанцев... триста спартанцев пали... триста... — Он опустил на стул, оперся локтями о стол и уронил лицо в ладони. Я

слышал, как его дыхание становится все тише и спокойнее. Потом наступила полная тишина.

Я нарушил это волшебное молчание.

— А ты? — спросил я.

Он поднял голову, лицо его было мокрым от пота.

— Я был среди тех, кто погиб последним, — сказал он и опустил глаза. — Но это нельзя считать моей удачей. Я видел, что земля была покрыта телами убитых врагов. И прежде чем умереть, подумал, что никакая армия не могла бы устоять после стольких потерь... и продолжать сражение... — Теперь он говорил неуверенно, как бы с трудом припоминая то, чему был свидетелем. — Мы, спартанцы, в Фермопилах... заложили фундамент... победы... греки... сделают... остальное.

Он как бы сникал, я чувствовал это. Удивительная страница закрывалась. Я испытывал едва ли не чувство отчаяния.

— А скажи-ка мне... — я соображал, какой бы еще вопрос задать ему, — скажи мне, а колесницы... Да! Они все-таки использовали их?

Он подергал головой, совсем как пьяный.

— Нет, нет... не оставалось места, впрочем... хватило бы... всего одного удара... одного только...

Дико зазвонили колокольчики тревоги. Слишком рано я успокоился. Короткий звонок.

— Фермопилы... как использовать колесницы на этой земле? Я видел, как они толкали вперед несколько колесниц... Очень шумно... И это, конечно, глупо, толкать их перед танком... Не было нужды. Тут хватило бы одной... одной хорошей автоматной очереди... А может, мы остановили бы их только копьями... Я думаю... но не уверен... Никогда нельзя быть ни в чем уверенным... Это было бы более прогрессивно... То, что ново сегодня, например, реактивное топливо... которое, наверное, исключает водород... завтра может уже устареть... может оказаться смешотворным... — Он снова закрыл лицо руками. Замолчал.

Я был совершенно спокоен. Выходит, на этом все закончилось. А дальше? Я поднялся и спросил:

— Как тебя убили в Фермопилах?

Темплъ слегка приподнял голову. Он выглядел очень усталым. Не открывая глаз, проговорил:

— ...стрела... я был рад, что... никто не смог рубить меня мечом... стрела... вот сюда... — и он тронул ямочку под кадыком, — вонзилась сюда... и я... умер...

Он медленно, совсем медленно опустил голову и замер.

— Джек!

Я подождал, пока пройдет некоторое время. Потом снова позвал его:

— Джек! — И, протянув руку, я потрепал его за волосы.

Темплъ вздрогнул. Поднял голову, потряхнул ею, поморгал и с изумлением посмотрел на меня.

— Черт возьми... — проговорил он, поднеся руки к вискам, и улыбнулся широкой доверчивой улыбкой: — Черт возьми! Что со мной было? — воскликнул он. — Уснул?

— Ну... как сказать...

Он встал и потянулся.

— Непростительно! — усмехнулся Джек. — Не пишите об этом, ладно? Представляете, как выглядит астронавт, который засыпает на Луне? Ха-ха-ха... — Он посмотрел на меня своими серыми, холодными глазами. Вот он передо мной — Джек Темплъ.

Он сделал решительный жест:

— Ну, давайте, стреляйте в меня своими вопросами. Жду. Вперед, черт побери! Хотите, чтобы я рассказал, как высаживался на Луну?

Глава 3

И Темпль рассказал мне о том, как высаживался на Луну. Рассказал подробно, вспомнив каждую фазу приземления. Прежде я уже слышал от других астронавтов примерно то же самое. Потом он описал Луну, сказав самые обычные банальные слова, какие я не раз слышал и раньше: небо черное, Земля похожа на зелено-голубую дыню, подвешенную в пустом пространстве, почва на Луне желтоватая, серая, кратеры, горы, камни, пыль и так далее и так далее. Думаю, что рано или поздно придется послать на нашу спутницу философа или поэта, если мы хотим узнать нечто более яркое и интересное.

Он говорил, ни разу не сбившись — не сказав «туника» вместо «комбинезон», и мне трудно было просто слушать его, не то, что следить за сутью его рассказа. Я опять, как и прежде, обливался холодным потом. Мне так и хотелось крикнуть: «Расскажи лучше о Леониде, а не о Луне!» Но, разумеется, я не сделал этого, а только спрашивал себя: «А может, мне все это приснилось?» И продолжал испытывать какое-то странное волнение, едва ли не ужас, время от времени согласно кивая и поддакивая:

— Да, да, конечно, интересно...

Наконец я встал, собрал бумаги с поспешными и совсем ненужными записями:

— Ну, Джек, вы рассказали мне немало интересного, — поблагодарил я.

Он улыбнулся:

— Хватит?

— Вполне! Да, послушайте, Джек... а какое у вас

впечатление... — я колебался, не решаясь задать свой вопрос, — какое впечатление осталось от вашего перехода к тому участку, который называется Фермопилы? — Я произнес это название, преодолев страх. Кто знает, может, это слово поразит его, заставит вспомнить, приведет...

Куда?

Нет, ничего, на что я надеялся, чего опасался, не произошло.

— Какое впечатление? — переспросил он. — Да никакого! Я ведь натренировался еще здесь, на Земле. Это было совсем нетрудно.

— Согласен. Но я не это имел в виду. Я хотел сказать...

— Все было запрограммировано до секунды. Я вовсе не хочу сказать, что я и в самом деле превратился в почтовую посылку, но...

— Я хотел напомнить про Фермопилы... Знаете, при всех исторических описаниях, при всем, что там случилось...

— Случилось? — Он едва ли не с недоверием посмотрел на меня. — Что могло там случиться?

— Нет, Джек, не там, не на Луне. Есть такое место, которое называется Фермопилы... — я вдруг почувствовал ужасную усталость, — и на Земле тоже. В Греции, слышали?

— В Греции? Вы уверены?

— Ну да.

— Черт возьми! Вот это новость! А мне никто не говорил об этом!.. Знаете, что я вам скажу, Купер? Рано или поздно я съезжу туда. И тогда смогу ответить на ваш вопрос, — добавил он, указывая на меня пальцем. — Какое странное, однако, название, — усмехнулся он. — Вы уверены, что нужно говорить Фермопилы, а не Фермопила?

— Уверен. Абсолютно.

— Ну! А что же там случилось такого важного?

— Не помню точно, — ответил я. Теперь я опять обрел полное спокойствие. Я заглянул в глубокую беззвездную ночь, а сейчас опять взошло дневное светило... Я направился к двери.

— Было очень приятно побеседовать с вами, Джек! Вы просто молодчина!

— Как и все мои коллеги, не более того! — ответил Джек и проводил меня до двери, продолжая разговор о каких-то пустяках. Он был в прекрасном расположении духа и вполне уверен в себе. Когда уже у выхода я протянул ему руку, он расстегнул воротник комбинезона, и я увидел пластырь под кадыком, в самой ямочке... Колокольчики тревоги громко звякнули. Я невольно воскликнул, показав на его горло:

— Пластырь!

Он удивленно взглянул на меня, не понимая, о чем я говорю. Потом, заметив мой взгляд, потрогал шею и спросил:

— Это?

Я еще не пришел в себя от изумления, но все еще пытаюсь изобразить равнодушие, сказал:

— Черт возьми, выходит, вы умолчали, что поранились во время полета!

Джек колебался только мгновение, потом улыбнулся и пожал плечами.

— Поранился? Нет, это какая-то царапина, пустяк... Я даже не заметил... Когда мне сказали об этом, я удивился и спросил: «Ранка на шее? У меня?»

— Но как же так? Может, произошел какой-нибудь несчастный случай?

— Нет, — повторил он, сжав губы, — уверяю вас. Полет прошел точно по заданной программе. Наилучший полет, какой только можно себе представить. А это, — он снова потрогал пластырь, — просто не знаю, откуда это взялось. Может быть, когда снимал комбинезон... Не знаю! Не болит. А может, врач хотел взять кровь.

— Может быть, — пробормотал я, — это была стрела?

— Что? Как вы сказали?

— Ничего, — ответил я, покачав головой, пожал ему руку и ушел.

Грей беседовал со своими коллегами. Увидев меня, он улыбнулся и пошел навстречу.

— Все? Все в порядке? Ого! — Он указал на пачку листов у меня в руке. — Сколько же вы исписали!

— Да, немало.

— Как вы нашли Темпля?

— Я... Он великолепен!

— Это успех. Успех, который превзошел все наши ожидания. Послушайте, Купер... Мне жаль, что не смогу проводить вас в Нью-Йорк, у меня здесь очень много дел.

— Не беспокойтесь... Я только хотел расспросить вас еще кое о чем.

— Да, пожалуйста, слушаю вас.

— Речь идет о Темпле. Почему именно его отобрали для этого полета? Именно его, а не кого-нибудь другого?

— Гм... Не знаю, смогу ли ответить на ваш вопрос. Право, не знаю даже... — Он поколебался, потом решительно продолжал: — Пойдемте. Я познакомлю вас с нужным человеком. Это Том Чест, знаете его, нет? Он сможет объяснить вам, почему был выбран именно Темпл.

Таким образом Грей отвел меня к Честу, руководителю группы астронавтов, и я задал ему тот же вопрос. Чест понимающе кивнул, извлек из ящика стола папку, открыл ее, выбрал из лежавших в ней бумаг карточку Темпля, пробежал ее глазами и сказал:

— Темпл? Он не лучше других в том, что касается технической и научной подготовки. У нас было в резерве три человека, подготовленных так же хорошо, как и он. Мы располагаем, — с гордостью добавил он, — целой командой превосходных астронавтов.

— Это я знаю. Так как же вы выбирали? Бросали жребий? Кидали монетку, говоря: «Решка за Темпля, орел за кого-то другого?»

Он отрицательно покачал головой.

— Конечно, нет. Мы выбрали Темпля, потому что он крепче... я имею в виду, крепок, как и остальные, но на один атом... — поправился он, — на полатома крепче. Физически и психологически, понимаете? Он

похож на думающий камень. Стальной человек с молниеносными рефлексами. Способен в считанные секунды делать в уме невероятные расчеты. Может согнуть штангу или разорвать телефонный справочник. Знаете, как тренировали японских охотников?

— Они ловили мух на лету, если не ошибаюсь.

— Совершенно верно. Темплъ умеет делать то же самое. Он может разговаривать с вами о каких-нибудь даже очень сложных материях, а в это время мимо летит муха, он — цап! — мгновенно ловит ее! Ни разу не промахнулся, уверяю вас... У него в тренировочных полетах дважды были аварийные ситуации, причем не по его вине, и он выходил из положения в таких обстоятельствах, где и лучшие пилоты погибли бы. Вот почему мы выбрали его... — Он сжал губы и добавил: — У него маловато воображения, согласен. Вы, наверное, заметили это, да?

Я промолчал, а он продолжал:

— Однако, для такого полета, какой совершил он, воображение не требуется совершенно, более того, может даже повредить. Нам нужен человек, для которого Луна — это лишь место назначения, как впрочем и любое другое.

— Да, понимаю. А можно узнать, какие книги он читает? Я хочу сказать, каков круг его интересов? Мне это нужно для статьи.

— Да, конечно... — он еще раз заглянул в папку, — научная и техническая литература. Вот список книг, которые он прочел за последние два года. Посмотрите сами, — и он протянул мне листок. Я притворился, будто просматриваю списки, а он продолжал: — Кто выбирает подобную профессию, должен смириться с тем, что придется жить под колпаком НАСА, ведь мы все время наблюдаем за ним.

Я вернул Честу листок.

— Тут нет ни одного романа.

— Романа? А зачем ему романы?

— Вовсе нет книг по истории или по археологии, — заметил я без особой надежды. Чест пожал плечами и усмехнулся.

— История, археология? Такие люди, как Темплъ, живут в будущем. Какое ему дело до прошлого?

Я больше не затрагивал эту тему. Да, это так и было — тут добавить нечего. Джек Темпл никогда в жизни не читал таких книг, в которых говорилось бы о Леониде и о персах. Ни Фермопил, ни вообще прошлого для него не существовало. Не было смысла продолжать расспросы. Я ухватился за последнюю ниточку:

— Скажите... он коренной американец или...

Чест ответил:

— Судите сами. Его семья приехала в Америку триста лет назад.

— И это была англосаксонская семья, не так ли? Может быть, его мать, тетушка или бабушка были... скажем, французской крови, итальянской или испанской...

Он решительно покачал головой:

— Нет. Впрочем, это не имеет ни малейшего значения. Мы послали бы его на Луну в любом случае, даже если бы его отец был немцем, испанцем или итальянцем.

— Или греком, — заметил я. Чест кивнул:

— Или греком, какая разница. Его предки нас не интересуют. Повторяю, Купер, прошлое не имеет для него никакого значения. Наше время началось 4 октября 1957 года. Помните, что это за дата?

— Конечно помню. В этот день русские запустили в космос первый искусственный спутник.

— Совершенно верно. И поэтому все, что было раньше, для него просто не существует.

Он проговорил это тоном человека, который хочет завершить разговор. Но я не сразу сдался.

— Хорошо, прошлое для него не существует, но вот последний вопрос: а его ранка на шее?

Чест помрачнел.

— Откуда вы знаете? — спросил он.

— Я видел. Видел пластырь.

— Ну... Это пустяк!..

— Как это пустяк?

— Ну! Пустяк! Царапина и все.

— Генерал, я здесь для того, чтобы служить НАСА. Я не шпион и не из тех журналистов, которых волнуют только свои собственные интересы. Статья

будет опубликована неизвестно когда и поэтому не сыграет никакой роли в моей карьере. Вы компенсируете мне расходы, это верно, но кто знает, не придется ли мне еще добавить несколько долларов из своего кармана. Словом, работа в убыток...

— Купер...

— Нет, дайте мне закончить. Не создавайте дополнительных трудностей. Если хотите, чтобы моя работа принесла какую-то пользу, доверяйте мне.

Чест слегка покраснел и твердо сказал:

— Мне кажется, мы доверяем вам, и еще как!

— Тогда давайте продвинемся немного дальше. Я не верю, что это царапина. Так что же это такое?

Генерал тяжело вздохнул и с неприязнью посмотрел на меня.

— Официально заявляю вам, — проговорил он, — ничего особенного. Хотя... — добавил он, чуть поколебавшись, — рентген вроде бы и показывает, что внутри довольно глубокая рана. Но обратите внимание, — он сделал предупреждающий жест, — я сказал «вроде бы». На самом деле его горло в превосходном состоянии. Возможно, Темплъ родился с этим дефектом. Скажу больше, определенно это у него с самого детства. А может, поцарапался, когда после полета принимал душ, — заключил он, — вот и все.

— Что у Темпля идеальное здоровье, нет никаких сомнений, генерал.

— Согласен, — обрадовался он.

— А рана глубокая? — все же настаивал я. — Чем она может быть вызвана? Каким-то ударом?

— Возможно. Только, несомненно, не во время полета на Луну.

— Это мог быть удар копьём, например?

Он засмеялся и покачал головой:

— Ох, уж эти журналисты!

Я покинул остров на вертолете. Меня доставили на военный аэродром, а оттуда, словно почтовую посылку, перевезли в Денвер, штат Колорадо. Затем я полетел в Нью-Йорк. Смеркалось. Это был самый долгий день в моей жизни. Но спать мне не хотелось. И все же я сидел, закрыв глаза...

...и вновь видел перед собой бледное, мокрое от пота лицо молодого спартанского воина, говорившего:

— ...люди, кони — белое, красное и черное море. Воины с плюмажами и большими щитами... — и негромко напевавшего на языке, который умер много веков назад, древнейшую военную песнь...

Джек Темпл. Это мне не приснилось, я был в этом уверен.

«Леонид дал сигнал к атаке, и мы пошли по телам павших лучников...» Да, это был не сон: «Стрела... вонзилась вот сюда... И я... умер...»

Стрела вонзилась в горло. И Джек Темпл вернулся с Луны с царапиной на шее... А может быть, он поцарапал себя, когда принимал душ? Но внутри была глубокая рана... Откуда она могла взяться? Ранение? «Возможно. Только несомненно, не во время полета на Луну.»

Так что же?..

Я открыл глаза, посмотрел в иллюминатор и не увидел ничего, кроме крошечной тьмы. Крошечная тьма была повсюду. Тьма и тишина в течение пятнадцати секунд. Приборы бездействовали. По научным данным космический корабль вполне мог быть уничтожен за это время, а с ним и человек на борту. Что произошло за эти пятнадцать секунд? Темпл встретил прошлое: находился в Фермопилах, сражался и погиб от стрелы, попавшей в горло? Я снова закрыл глаза. Да нет! Время летит со скоростью триста тысяч километров в секунду, как и свет, насколько мне было известно. Или, может быть, еще быстрее, кто измерял его полет? Чтобы встретить прошлое, надо было двигаться еще быстрее... черт побери... Откуда мне знать! Я ничего не понимаю в подобных расчетах! Я же ведь журналист, какого черта им от меня надо?

Злость, охватившая было меня, быстро прошла. Загадку этих пятнадцати секунд и провал связи с кораблем НАСА рано или поздно раскроет. Точно так же, как найдет объяснение и глубокое ранение в горле астронавта. А может, и не будет никакого ответа, ведь полет прошел как нельзя успешно, и это было самое важное, человек мог теперь летать на Луну,

высаживаться там, ходить по ней и возвращаться на Землю меньше чем за два часа. Теперь и в самом деле достаточно было лишь протянуть руку, чтобы покорить Луну.

Профессор Зейвольд принял меня или, скорее, вынужден был принять, как только вышел из аудитории. Еще звучали аплодисменты слушавших его лекцию, и он был немного возбужден.

— Всегда так бывает, — сказал он, словно извиняясь.

— Аплодисменты волнуют, профессор.

— Нет... волнует психиатрия, Купер, — поправил он меня и, взглянув на часы, добавил: — Боюсь, что у меня совсем немного времени для вас, дорогой друг.

— Постараюсь быть кратким, профессор. Я бы тоже хотел как можно быстрее разрешить волнующую меня проблему.

— Какой-нибудь больной? — спросил он.

Я отрицательно покачал головой.

— Нет. Самый здоровый человек на свете, и это не просто красивая фраза. Действительно, самый здоровый человек на свете, стальные нервы, молниеносные рефлексy, и все прочее.

Он поморгал.

— Не понимаю вас, Купер... Здоровый... и даже психически?

— Конечно. Абсолютно здоровый.

Один из величайших психиатров мира снова недоуменно посмотрел на меня.

— А какое я могу иметь отношение к самому здоровому человеку на свете? Я врач. Работаю для того, чтобы люди были здоровы, но... я занимаюсь преимущественно больными.

И тогда я рассказал ему о Темпле. Он слушал меня, склонив голову, шевеля время от времени тонкими, изящными пальцами. Когда я закончил, он поднял на меня свои темные и пронзительно умные глаза.

— И вы хотите знать, — сказал он, — как это возможно, чтобы человек наших дней, никогда не бывавший в Греции, не читавший книг по истории, во

всяком случае в недавнее время, и даже не знающий, как правильно произносить — Фермопилы или Фермобылы... Вы хотели бы знать, каким образом такой человек может рассказывать историю похода Леонида и заявить, что сражался с персами?

— Да, именно это я и хотел бы знать. Но, — добавил я, — есть еще одно обстоятельство, о котором я не успел вам сообщить. Я был у профессора Шезингера, вы его знаете?

— Да, конечно, это историк.

— Так вот. Он подтвердил, что все рассказанное Темплом соответствует исторической правде. Единственное, чего не знал профессор, это обряд с лавровыми венками, которые помещали между рогов быка... Он говорит, что это очень интересная деталь.

Глаза Зейвольда блеснули.

— Это не первый подобный случай, о котором я слышу, — тихо проговорил он. — Знаете, я общался с тысячами больных и тысячами здоровых людей, но мне лично никогда не доводилось встречать что-либо подобное. Повторяю, я только слышал о таких вещах. Знаю, что несколько лет назад один итальянский крестьянин в бреду после солнечного удара уверял, будто оказался среди римских солдат, сражавшихся против Ганнибала в битве при Каннах, и рассказал много подробностей, которые, по мнению историков, были абсолютно точными. Однако этот крестьянин родился в окрестностях Канн и постоянно жил там... Я видел больных, которые — тоже в бреду — говорили на совершенно незнакомом им языке — на немецком или датском, к примеру... Как это может быть? Я мог бы дать вам множество ответов, Купер, но ни один из них не удовлетворил бы вас. Науке известно многое, но не все. К тому же, — спокойно продолжал он, — человеческий мозг — это целый мир, изученный лишь отчасти. Я бы даже сказал — в самой незначительной части. Так что же? Перевоплощение? Наследственность? Мы все исходим от Адама и Евы, не будем забывать этого. Древние воспоминания, где-то услышанные слова, представления... — И Зейвольд еще некоторое время говорил в том же духе, и я таким образом оказался одним из

немногих привилегированных слушателей, которому он читал персональную лекцию. Он упомянул о многих других, очень интересных вещах, возможно, чересчур сложных, часто невероятных, но все равно они не убедили меня. Последняя фраза заканчивалась словом «случай».

— Случай? — повторил я.

— Вы можете исключить его? — спросил он и, естественно, не стал ждать ответа, а добавил: — Одно кажется несомненным, а именно: после подобного кризиса субъект освобождается от этих, если можно так выразиться, воспоминаний и больше уже никогда к ним не возвращается. Совершенно ничего не помнит.

Я спросил:

— Вы хотите сказать, что этот мой друг никогда больше не расскажет историю о Фермопилах?

— Конечно. И будет отрицать, что рассказывал ее когда-либо. Он от нее освободился. Навсегда.

Я поблагодарил его, извинился, что отнял драгоценное время, а он рассыпался в благодарностях за статью, которую я посвятил ему. Уже на пороге он заметил, что я правильно сделал, придя к нему, и пригласил и впредь приходить всегда, когда мне это будет нужно.

Вот и солнце. Оно вставало прямо из океана — серого, беспредельного, исполненного печальной красоты. И загадки. Я шел по пляжу. Низко летали чайки, громко крича и хлопая серо-белыми крыльями. Воздух был чист и свеж. Метрах в тридцати от берега среди зелени деревьев виднелось несколько домиков, обитатели которых еще спали. Стены были окрашены в яркие, живые цвета, правда, уже немного выгоревшие на солнце. Кроны деревьев были недвижны. Щebetали птицы. Океан дышал тихо, словно не хотел заглушать крик чаек, щебетание птиц, не решался нарушить покой деревьев и людей.

Я неторопливо шел по песчаному пляжу. Нью-Йорк был далеко, и небоскреб «Дейли Монитор» тоже. Машина, на которой я приехал в это местечко на берегу океана, ждала меня на дороге далеко за

дюнами и кустарником. Я провел за рулем всю ночь. И не напрасно.

Выйдя из института профессора Зейвольда, я спросил себя:

— Куда теперь ехать? — Мне приходили на ум многие имена, многие адреса: ученые, лауреаты Нобелевской премии, врачи, пилоты, генералы, психиатры, священники, историки, йоги и так далее и так далее... Знакомишься со множеством самых разных людей, если работаешь журналистом. Но я никого больше не хотел видеть, прекрасно понимая все, что они скажут мне — все как один будут говорить умнейшие вещи, никакого отношения к моей истории не имеющие. И ничто не удовлетворит меня, ведь то, что произошло, на самом деле необъяснимо. И в первую очередь — для ученого, который только и занимался тем, что всю жизнь отыскивал точное научное и потому холодное, словно лед, объяснение...

...Вовсе не это было нужно мне. Какой смысл искать то, что невозможно найти? Я вспомнил другое имя, другой адрес. И вот я на пляже на берегу Атлантического океана, глухо бормочущего что-то таинственное. Я направился к домику, что стоял среди зеленых деревьев и скал, погребенный под светлым покровом листьев какого-то выщегося растения. Солнце красным диском уже висело над волнистой, колышавшейся линией горизонта. Я остановился. Восход солнца — это чарующий миг. Многие люди ни разу за всю свою жизнь так и не видели восхода солнца. А ведь это чудо происходит каждый день.

Я продолжал свой путь. Джек Темпл. Фермопилы. Вас посылают заглянуть в будущее, а вы встречаетесь с прошлым. Американский астронавт воплощается в древнегреческого воина.

Я увидел, что в доме распахнулось окно и в нем появился человек, обратив взгляд к солнцу. Я почувствовал, как у меня защемило сердце. Да, я не ошибся, и правильно сделал, что приехал сюда. Этот человек, который поднялся с постели и открыл окно, чтобы увидеть восход солнца, был единственным, кто мог сказать мне что-то убедительное.

Я поспешил к нему.

— Здравствуйте, господин Ли!

Он посмотрел на меня своими юношескими глазами, улыбнулся, взлохматил свои седые волосы и воскликнул:

— Да неужели это вы, Мартин Купер!

— Да, и собираюсь кое о чем попросить вас.

— Ради Бога! Подождите, сейчас выйду. Лучше поговорим на пляже, верно? Просто грех сидеть в доме в такой момент, как этот! — И он перевел взгляд на горизонт.

— Конечно, грех, — согласился я, когда он вышел из дома и начал спускаться по лестнице, вырубленной в прибрежной скале. Таких людей, как Артур Ли, надо бы посылать на Луну — хотя бы иногда.

И я возблагодарил Господа за то, что с каждой тысячей ученых он посылает в мир хотя бы одного поэта.

ПУЛЬСИРУЮЩИЙ КАМЕНЬ

Глава 1

Я просматривал последний телекс, пришедший в редакцию, как вдруг зазвонил «горячий» телефон — тот, что на прямую соединяет с большим начальством. Я опустил рычажок:

— Слушаю.

Голосок Розы произнес:

— Полковник хочет видеть вас, мистер Купер. Сию же минуту, пожалуйста.

— Сию же минуту? Вот новости!

Я не заставил себя ждать и тут же вознесся в этот рай на сорок девятом этаже, где царят тишина, аромат сандалового дерева, мягкие, спокойные краски, толстые ворсистые ковры, а двери движутся так бесшумно, что невозможно хлопнуть ими, как бы вам этого ни хотелось. Вспомнив шум, грохот и многоголосый гомон, которые ни на минуту не смолкают в редакции, в репортерской комнате и цехах типографии, я невольно сравнил волшебный сорок девятый этаж со старинными замками, где во время войны размещалось высшее командование, и откуда оно отправляло на передовую — в этот ад — приказы взять очередную вражескую позицию... Да, наверное, я читаю слишком много книг о войне. Я постучал в дверь к большому начальству и, приоткрыв ее, заглянул в кабинет.

— Вот и я, пол. — и осекся. У редактора было полно народу, и все почему-то уставились на меня. — Зайду потом, — бросил я и хотел было закрыть дверь, но Спленнервиль призывно махнул своей ручищей и крикнул:

— Заходи, Мартин, да заходи же! Разве я не вызывал тебя?

Я вошел. Полно народу — это четверо: двое муж-

чин и две женщины. Полковник поднялся, обошел монументальный письменный стол, вышел мне навстречу и фамильярно положил руку на мое плечо. Он явно собирался подтрунить надо мной, это было слишком очевидно.

— Это, господа, Мартин Купер, — сказал он, — главное богатство «Дейли Монитор». Лучший репортер Америки... Будущий лауреат премии Пулицера...

— ...и Нобелевской премии тоже, полковник, — подсказал я.

Он скользнул по моему лицу равнодушным взглядом.

— Гм... Да... Посмотрим... Короче, Мартин, это инженер Финкль... и эти дамы... Пожалуйста, инженер, представьте их.

Я пожал костлявую руку инженера Финкля. Невысокий, худощавый, лысый, с тяжелыми веками и печальной складкой у рта.

— Рад познакомиться.

— Я тоже, господин Купер, — ответил он с еле заметной улыбкой, выдававшей легкое волнение. — Позвольте представить моих сотрудников... Марк Эванс. — Я пожал руку высокому и крепкому юноше с длинными волосами и красивым лицом, обросшем черной бородой. Финкль представил мне и женщин: — Мисс Астрид Фрей... мисс Сильвия Адамс.

— Рад познакомиться, — повторял я. — Рад познакомиться...

Астрид была еще довольно молодой женщиной, но лицо ее казалось уже поблекшим. Однако бледность его озаряли огромные голубые глаза — глубокие, сверкавшие притягательным магнетическим светом. Наверное, самые удивительные глаза, какие я когда-либо видел. Сильвия Адамс была, напротив, совсем иной. Она была похожа на красотку с яркой глянцевого обложки иллюстрированного журнала.

— Ну вот и хорошо! Теперь, когда мы все познакомились, — сказал полковник, возвращаясь на свое место, — поговорим о делах. Ты, Мартин, конечно, знаешь о землетрясении, которое произошло вчера утром в Перу, в провинции... Как называется это проклятое место?

— Тиатака, полковник, — подсказал я.

Он кивнул:

— Вот-вот, именно там. Вижу, ты в курсе дела... Есть какие-нибудь новости оттуда?

— Мало. Восемь баллов по шкале Рихтера. Говорят, погибло от двадцати до тридцати тысяч человек, но это лишь предварительные данные, которые, как правило, мало о чем говорят или не говорят вовсе ничего. Похоже, до этого города довольно трудно добраться. Так или иначе, — заключил я, — один из наших репортеров уже отправился туда. Это Овербук. С минуты на минуту ждем его сообщений.

Он посмотрел на меня, сжав губы и сдвинув мохнатые брови.

— Я прекрасно знаю, что Овербук уехал туда, Мартин, — процедил он сквозь зубы. — И если ты рассчитываешь под этим предлогом отсидеться в редакции, то ничего не выйдет — ты поедешь туда, в эту Ти... Тиа... Короче, в это проклятое перуанское местечко! Поедешь, — повторил он, тыча в меня пальцем, словно пистолетом. — Поедешь с этими господами. Короче говоря, чтобы тебе все было ясно, это команда поддержки. Разве не так? — спросил он, оборачиваясь к инженеру.

Финкль горячо откликнулся:

— Именно так!

— Вот... Инженер придумал новый вид микрофона, приспособление, которое... словом, что-то очень важное, что... — Спленнервиль фыркнул и с повелительным жестом произнес: — Объясните сами, о чем идет речь, Финкль.

— Да, разумеется. Можно, конечно, назвать это и микрофоном, только... это, господин Купер, своего рода кардиограф, — стал объяснять инженер, в волнении сжимая потные пальцы, — прибор настолько чувствительный, что способен уловить и в семьсот раз усилить даже самое слабое, самое неуловимое биение сердца и...

— Мне кажется, — довольно бесцеремонно перебил я его, — наша разведка уже располагает такими приборами, инженер. Насколько мне известно, они могут спокойно сидеть у себя в Вашингтоне и слушать, что шепчет Мао Цзэ-дун Чжоу Энь-лаю.

Он покраснел. Я пожалел, что был так резок, но уж очень мне не хотелось отправляться в эту Ти-атаку. А еще предстояло выдержать атаку полковника. Я чувствовал, что он вот-вот взорвется, как вдруг Финкль, словно тоже предвидя это, сказал:

— Нет, нет!.. Нет, господин Купер, уверяю вас! Мой прибор — не шпион! У него совсем другая функция... Это избирательный прибор, — понимаете? Он регистрирует исключительно сердцебиение и ничего больше! Он не...

— Исключительно сердцебиение и ничего больше! — вмешался полковник решительно, хлопая рукой по столу. — Исключительно сердцебиение, Мартин! Ясно? И потому вопрос решен. Шпионаж тут ни при чем, Мао Цзэ-дун тоже, а ты поедешь туда, в эту самую Ти... туда, короче. И будешь сопровождать группу инженера... Кто знает, сколько еще несчастных захоронено заживо, а?

— Ох, боюсь, что... Боюсь, что немало, — заметил Финкль, сжимая бледные губы. Бедный Финкль, мне вдруг стало жалко его.

Спленнервиль продолжал:

— Конечно... Я тоже думаю, немало... Не могли же все там погибнуть? — Он замолчал, в чем-то, видимо, усомнившись, но тут же отбросил все опасения. — Конечно, кого-то еще наверняка можно спасти! Пусть даже немногих...

— Всех, кого только возможно! Всех, полковник! — горячо поддержал его Финкль.

Спленнервиль нахмурился:

— Ну, естественно! Чем больше, тем лучше... Чем больше народу, я хотел сказать... Итак, Мартин, — продолжал он, обращаясь ко мне, — итак... Чего ты улыбаешься? — спросил он вдруг.

— Я не улыбаюсь. Я слушаю вас.

— Гм... Так вот, будешь присутствовать при спасательных работах, возьмешь интервью, сделаешь репортажи, ну, и все прочее, — он усмехнулся и подмигнул: — Не мне же тебя учить, как работать, а? Незачем учить старую лису кур воровать, верно?

— Это кто же тут старая лиса? — поинтересовался я.

Но он уже не слушал меня. Он встал из-за стола и протянул огромную ручищу Финклю.

— Договорились, инженер. Договорились обо всем, что написано здесь. — И бросил взгляд на лист бумаги, лежавший на столе. — Самолет отправляется через два часа. У вас мало времени.

Все поднялись, обменялись рукопожатиями, и мы с полковником остались вдвоем.

— Что скажешь? Неплохая затея, а? Главное, что это благородное дело — спасение пострадавших! Самая передовая технология на службе охраны и спасения жизни!.. Ого! У тебя получится прекрасный материал, Мартин, я уверен. Понадобится, конечно, и хороший фотограф. Что бы ты сказал о...

— Да, полковник, Дег прекрасно подойдет для этого задания. Мы хорошо сработались с ним.

— Отлично! Знаешь, кто ты такой, Мартин? Опора газеты... — Он произнес еще кучу всевозможных комплиментов и, как обычно, похлопал меня по плечу. Я и не пытался возражать. Не напомнил даже, что по своей официальной должности не являюсь специальным корреспондентом. Заметил только, что мне жаль оставлять незавершенной начатую работу — большую статью о людях, которые каждый день исчезают в Нью-Йорке. А между прочим, знаете ли вы, сколько людей бесследно пропадает каждый день в Нью-Йорке?.. Впрочем, это уже совсем другая тема.

Выйдя от Спленнервиля, я позвонил Дегу и попросил его приехать прямо в аэропорт, зашел в кассу за деньгами, заехал домой за чемоданом и через час уже был на месте.

Меня ждали. Они были одеты в нечто вроде формы — серебристо-голубые комбинезоны, — отчего немного походили на марсиан, а Сильвия — та стала совсем неотразимой. Финкль о чем-то говорил с ней и с тем юношей, Эвансом, а Астрид проверяла багаж. Он состоял из полдюжины особых ящиков. Самолет, который полковник зафрахтовал для нас, заканчивал заправку. Вести его должен был Джей Девенс, славный парень, с которым мы подружились еще во

время корейской войны. Увидев меня, он приветливо помахал мне рукой. Несколько минут спустя, как всегда запыхавшись, подбежал Дег, до предела увешанный фотоаппаратами. Через полчаса мы уже были в воздухе.

Это был обычный полет. Одинаково скучно тянулся час за часом, оставались позади тысячи и тысячи километров, двигатель жадно, до последней капли, выпивал тысячи и тысячи литров керосина. Мы почти не разговаривали. Финкль и его команда, как мне показалось, держались настороженно, явно скрывая какой-то секрет. Финкль был и в самом деле хорошим человеком. Когда он говорил о возможности спасти кого-то из заживо погребенных, губы его дрожали и казалось, он вот-вот расплчется. Его волнение передалось Эвансу и женщинам. Правда, не в такой же мере. Так или иначе чувствовалось, что все они с большой серьезностью относятся к своей миссии и очень озабочены какими-то техническими деталями, которые нам с Дегом, откровенно говоря, казались просто непостижимыми. Время от времени Сильвия и Астрид одаривали меня приветливым взглядом и улыбкой. Но по существу это было лишь проявлением формальной вежливости.

В Колумбии мы переместились вместе с нашими ящиками в устаревший самолет с поршневым двигателем — только на таком летательном аппарате, грубо сколоченном и тихоходном, можно было приземлиться на импровизированной посадочной полосе, которую, как нам сообщили, перуанская армия соорудила неподалеку от Тиатаки. Я сказал Джею, что мне немножко страшно вато лететь на такой развалине. Он смеясь ответил, что, напротив, полет у нас будет очень веселым.

— В реактивном лайнере ты словно в автобусе едешь, Мартин, — пояснил он, — а тут почувствуешь, что летишь в самолете. Все будет о'кей!

— И над Андами тоже? — несколько озабоченно поинтересовался Дег.

— Вот над Андами, дорогой мой, мы и поразвлечемся на всю катушку! — пообещал Джей.

Глава 2

И действительно, над Андами началось развлечение. День стоял пасмурный, мы летели в облаках, и в общем-то это были последние часы полета. Дег сидел в кабине у Джея. Финкль дремал, растянувшись в кресле. Эванс обсуждал с Сильвией какие-то технические проблемы. А я делал кое-какие записи о Перу, когда ко мне подошла Астрид. Натянуто улыбнувшись, она указала глазами на место возле меня и спросила:

— Можно?

— Да, конечно... пожалуйста, мисс Астрид, — ответил я, закрывая блокнот и засовывая его в сумку. Она села, провела рукой по своим белокурым волосам, туго стянутым в узел на затылке, и вздохнула. Я посочувствовал. — Устали?

Она улыбнулась:

— Еще не начав работать? Нет. Вы, господин Купер...

— Путешествие было... — Почти одновременно встрял и я, но остановился: — Извините, вы что-то хотели...

— Я хотела сказать, — нижняя губа ее чуть заметно дрожала. Мои колокольчики тревоги громко звякнули. И я невольно нахмурился, так как увидел, что в ее дивных глазах внезапно мелькнул какой-то едва ощутимый блеск. Она продолжала: — Я хотела сказать, что вы, конечно, самый умный человек на борту.

— Вы так считаете? — парировал я. Колокольчики продолжали всюду звенеть. Астрид кивнула. Лег-

кая улыбка на мгновение появилась на ее бледных губах.

— Да. Именно поэтому я решила обратиться к вам, а не к пилоту. Смотрите, — она достала из кожаной сумочки нечто похожее на радиоприемник. — Знаете, что это такое?

Когда нервное напряжение достигает высшей степени, колокольчики тревоги умолкают, а мне становится холодно, словно я вдруг покрываюсь инеем. И тогда мне уже нисколько не страшно. Сейчас в голове воцарилась полная тишина. Я сделал отрицательный жест. Она пояснила:

— Это нечто вроде электронного сигнализатора.

— Да? И какие же сигналы он посылает?

— К примеру, если я опущу вот этот рычажок, самолет взорвется. В одном из этих ящиков, господин Купер, столько тротила, что его хватит взорвать гору. Идите к пилоту, — добавила она после короткой паузы, — и скажите ему, чтобы взял курс на Ла-Пас. — Бледное невозмутимое лицо ее своей неподвижностью напоминало грубо выполненную маску. Я не двинулся с места. В ее глазах мелькнули недоумение и угроза. — Ну, в чем дело? Вы не поняли?

— Понял. Только вы сказали, будто я самый умный человек на борту. Поэтому мне ясно, что такой самолет, как этот, не сможет добраться до Ла-Паса без заправки. Так или иначе нам придется приземлиться в Тиатаке. Если вы хотели изменить курс, Ас-трид, отчего не сделали это раньше?

— Не задавайте вопросов! — воскликнула она. Она пыталась скрыть волнение, но голос ее прозвучал так громко и резко, что Эванс с Сильвией невольно обернулись. — Пусть кто-нибудь пойдет к пилоту, — закричала она, поднимаясь с кресла, — и скажет, чтобы он взял курс на Ла-Пас! Немедленно! Немедленно, иначе... — Она подняла руку, дрожащими пальцами сжимая этот проклятый электронный сигнализатор. Я увидел, как Эванс и прекрасная Сильвия от изумления открыли рот и побледнели. Финкль проснулся и посмотрел на нас, растерянно улыбаясь.

— Что случилось? Что случилось?

— Сейчас схожу, успокойтесь, Астрид, — согласился я.

Астрид отступила на шаг. Лицо ее потемнело. Она прошептала:

— Да! Быстро! И не вздумайте шутить, господин Купер! Ясно?

Не знаю, был ли я самым умным человеком на борту, только у меня хватило ума понять, что эта женщина не бросает слов на ветер. Она уже была абсолютно спокойна. На лице ее вновь появилась краска. Губы больше не дрожали.

— Вы считаете, сейчас самый подходящий момент для шуток? — спросил я вместо ответа. И отправился в кабину пилота. Дег в это время хохотал, Джей тоже смеялся.

— Мартин, — Дег с трудом сдерживал смех. — Джей рассказал мне анекдот, который... который...

— Дег, дорогой, потом расскажешь... Послушайте лучше меня. Нам придется лететь в Ла-Пас. Эта голубоглазая красавица Астрид решила взорвать самолет, если мы не повинuemся ее приказу.

Наступила тишина, если вообще возможна тишина в кабине старого поршневого самолета, летящего с большой натугой. Дег и Джей переглянулись, тревожно и недоуменно. Уставившись на меня, Джей проговорил:

— Надеюсь, вы это не серьезно, Мартин...

— Джей, прошу тебя.

— Но это же угон самолета? — растерянно проговорил он.

— Именно так. Астрид хочет, чтобы мы летели в Ла-Пас.

— А может... она хочет на Кубу? — спросил Дег. Он был бледен, а уши пылали. В другой ситуации я бы улыбнулся его шутке, но сейчас только покачал головой:

— Нет, на Кубу не хочет. Странная это женщина, правда? Ну, Джей, что будем делать?

Джей между тем немного пришел в себя от изумления. Он посмотрел на приборную доску и покачал головой:

— Нет, нет, топлива не хватит... Необходимо за-

правляться, если хотим дотянуть... — Он произнес все это как бы для самого себя. Потом повернулся ко мне и повторил то же самое уже громче. Он все еще был очень возбужден. Говоря это, он несколько раз кивнул на радиоприемник, как бы задавая немой вопрос.

Я сделал отрицательный жест.

— Опасно, Джей. Астрид — очень решительная женщина. Мне кажется, я не ошибаюсь. Лучше никого не вызывать.

— Так или иначе, — ответил Джей, презрительно пожав плечами, — в Ла-Пас мы не попадем. Керосина хватит только до Тиатаки. Скажи ей, если она хочет, можем заправиться там и вернуться... — он тихо выругался. Дег молчал, глядя в серое небо, забитое облаками.

Я вернулся к Астрид. Она была недвижна, как статуя. Все остальные тоже сидели не шелохнувшись, в тех же позах, как и прежде, когда я их оставил. Ни слова не говоря, Астрид посмотрела на меня.

— Ничего не поделаешь, Астрид, — развел я руками, — придется заправиться, если хотите добраться до Ла-Паса. А самая ближайшая посадочная полоса как раз в Тиатаке, поэтому...

— Нет, только не там! — резко прервала меня Астрид. — Не там! Скажите пилоту, чтобы приземлился где-нибудь в другом месте.

Я подождал некоторое время. Но Астрид осталась спокойна, на ее лице не двинулся ни один мускул, она была непоколебима. Мне пришлось признать свое поражение. Я кивнул:

— Скажу. Но, насколько мне известно, мы никуда не прилетим. Очень жаль, Астрид. Впервые при мне угоняют самолет, и я был бы даже рад, если это удастся. Но ничего не получится. Жаль.

Она слегка улыбнулась:

— Скажите пилоту, чтобы не вздумал шутить. Скоро я сама укажу курс. Скажу, где можно приземлиться.

Я вернулся к Джею. И едва заговорил с ним, как Астрид неслышно вошла следом за мной в кабину.

— Есть посадочная полоса в Сабинасе, — сказала она и протянула карту. Джей взглянул на нее.

— Вы сошли с ума, — воскликнул он, — разве мы сможем долететь туда! Я не шучу, вы слышите! Мы не способны это сделать!

Она промолчала и отошла в угол кабины, где находился радиопередатчик. Я вернулся на свое место. Все с тревогой и испугом смотрели на меня. Никто не решался ни о чем спросить, и я сказал:

— Летим в Боливию, в какой-то Сабинас. Если вообще долетим. Извините, я говорю это, чтобы сгладить.

Потом ночь поглотила самолет, и потянулись бесконечные и странные часы — шепотом произнесенные слова, вздохи, отведенные взгляды, опущенные головы, пальцы, сжимающие виски, снова вздохи, пожатие плечами. Астрид то появлялась в салоне, то вновь исчезала в кабине пилота и выглядела все бледнее и сосредоточеннее. Казалось, вместо щек у нее темнели два провала.

Мы немного вздремнули. Самолет летел на минимальной скорости. Мы сидели молча, в напряженном ожидании, когда дрожащий голос Джея произнес:

— Говорит пилот. Керосин кончается, ищу место для посадки. Я ведь предупреждал, — добавил он с досадой, повышая голос, — что нам не добраться туда! Не курить! Пристегнуть ремни! И помолитесь, если успеете... — Он пробормотал что-то еще, но я не разобрал.

Начинало светать. Взглянув вниз, я увидел окутанные мраком вершины — сплошной горный массив без единого огонька, словно на детском рисунке. Я подумал, что только чудо может помочь нам приземлиться.

Мы снижались. Временами один из двигателей умолкал, и тогда самолет начинал дрожать, вздрагивать и нырять, точно пугаясь чего-то. Он словно отказывался садиться туда, куда вел его пилот, ибо там нас почти наверняка ожидает гибель. На самом же деле это вздрагивали мы сами, подскакивали, взмахивали руками, словно крыльями, инстинктивно

пытаясь помочь самолету избежать гибели в этих мрачных горах...

Мы не погибли, а внезапно услышали крик Джей. Кровь закипела в наших венах.

— Вон там!.. Точно там! — кричал Джей, и мы почувствовали, что самолет снижается быстрее. Вдруг нам показалось, что он остановился. Сильвия испуганно закричала. Самолет уже почти падал, было слышно, как вибрируют крылья, как свистит воздух. В сумеречном свете я рассмотрел, что мы снижаемся на небольшое плоскогорье между горами.

Резкий толчок, сдавленные вопли, сотрясение, еще толчок — мы приземлялись, наступал решающий момент... Скрежет тормозов, еще два-три сильных удара... Казалось, кто-то швыряет нас и хочет свернуть нам шею. Я нервничал, конечно, как и все остальные заложники. Самолет еще не остановился, он бежал, но бежал уже по земле. Раздался приглушенный взрыв, затем рычание моторов неожиданно смолкло. Казалось, самолет свернуло набок. Донеслись еще какие-то звуки, а потом — невероятная неподвижность и тишина, запахло чем-то горелым..

Но все же мы приземлились.

Глава 3

— Всем оставаться на местах!

Вот этого никто из нас не хотел. Нелегко оставаться недвижимым, пристегнутым к креслу, когда кругом пахнет газом и что-то явно горит... Нелегко оставаться на месте, зная, что в любую минуту самолет может взорваться и вы сгорите раньше, чем потеряете сознание... Но Астрид, отдавшая нам этот строгий приказ, имела весьма, ох, весьма убедительный довод — автоматический пистолет. Она ни в кого не целилась, более того, держала его дулом вниз, но именно так его держат те, кто не думает шутить. Я достаточно проработал в уголовной хронике, чтобы не знать этого.

— Боже мой, Мартин, — прошептал сидевший рядом Дег. Я глубоко вздохнул, чтобы хоть как-то воспрять духом. И остался в своем кресле, подавляя жгучее желание бежать. Я спрашивал себя, как успела Астрид оказаться там, у выхода, между кабиной пилота и нами, как могла держаться так хладнокровно, отстегнуть ремни и выхватить пистолет, тогда как все мы дрожали от страха, чувствуя, что наша жизнь висит на волоске...

— Это... это уж слишком, мисс Астрид! Это... чудовищно! — Финкль произнес эти слова громко, дрожащим голосом и хотел было подняться, но Астрид бросила на него быстрый ледяной взгляд:

— Оставайтесь на месте, инженер. А вы, пилот! — она слегка повернула голову к кабине. — Выходите! Быстро! Быстро!

Что-то гроыхнуло, раздалось несколько проклятий, и Джей появился в салоне, бледный, запыхав-

шийся. Он взглянул сначала на нас, потом на Астрид.

— Вы хотите сделать из нас жаркое? — Джей перевел дыхание. — Выходите! Надо выходить! Сейчас все взлетит на воздух! — Казалось, он готов был вскинуть свои мощные руки и опустить их, словно два молота, на хрупкую женскую фигурку, стоящую перед ним. Но он не сделал этого. Пистолет немного приподнялся. Немного, но достаточно для того, чтобы отправить пулю прямо в живот. Джей сглотнул слюну и жестко сказал:

— Нужно выходить и как можно быстрее! Понимаете вы это или нет?

— Спускайтесь, — приказала Астрид, двигая пистолетом, и бросила взгляд на меня. — Вы тоже, господин Купер, и вы, господин Дег. Все вниз... И ты, Эванс, — добавила она и снова повела пистолетом. — Выходите!

— А мы? — крикнула Сильвия.

Астрид остановила ее:

— Оставаться на месте! Остальные — вон отсюда! Быстро!

Мы выбрались из самолета, но возле него тоже пахло горелым и газом. Правда, сильный и холодный ветер быстро относил запах прочь. Почувствовав под ногами землю, я, конечно, испытал чувство облегчения. Но теперь мне еще больше захотелось бежать. Сгореть заживо внутри самолета или возле него было, в сущности, одно и то же. Астрид спрыгнула на землю последней.

— Выгружайте ящики! — приказала она. — Ну, быстро, слышали? Выносите ящики!

Она отступила на несколько шагов, по-прежнему держа пистолет дулом в землю, и молча следила за нашей работой. Джей несколько раз выразительно посмотрел на меня, видимо, приглашая обезоружить Астрид. В ответ я отрицательно покачал головой. Этого не стоило делать: слишком сильно пахло газом, и он мог взорваться при первом же выстреле. Лучше не рисковать.

Ящиков было восемь. Мы выгрузили их без особого труда, только очень спешили. Астрид велела нам по-

ложить их метрах в тридцати от самолета, возле большого темного камня.

— Пусть выйдут и те двое, — сказал я ей, когда мы вынесли последний ящик. — Это слишком жестоко — держать их там.

— Если самолет не взлетел на воздух до сих пор, — проворчал Джей, вытирая лоб рукой, — теперь уже не взорвется.

— Эванс, сходи за инженером и Сильвией, — приказала Астрид.

Эванс повернулся и, негромко ругнувшись, поспешил к самолету. Финкль неуклюже выпрыгнул и хромя направился к нам, а рыдающая Сильвия почти упала в объятия Эванса. Внутри самолета теперь не было слышно никаких звуков. Не раздавались больше ни странное и грозное тиканье, ни глухой гул, ни прерывистый скрежет. Не чувствовался больше и запах газа. Может быть, нам все это померещилось от страха?

Сильный ветер налетал на нас, едва не сбивая с ног, буквально припечатывая одежду к телу. Я решил, что пора нарушить тишину, и спросил:

— Ну и что же мы будем делать дальше?

— Прошу не вынуждать меня применить вот это, — быстро ответила Астрид, словно с нетерпением ожидала этого вопроса. — Садитесь все возле ящиков.

— Знаешь, кто ты такая, Астрид? Ты садистка! — с гневом прокричал Эванс.

Она даже не взглянула на него.

— До сих пор нам невероятно везло, — сказала она. — Я не имею ничего против каждого из вас лично. Не усложняйте дело... — Она постаралась встретиться со мной взглядом. — Ясно, господин Купер?

— Вы хотите сказать, что мы должны послушно сидеть возле этих ящиков? — поинтересовался я. Астрид утвердительно кивнула. Я заметил, что она была чудовищно бледна.

— Сделаете, как велю я, и все обойдется наилучшим образом... Я... — она кивнула в сторону самолета... — должна только...

— Радиостанция работает, — неожиданно вмешался Джей. — Если именно это вас интересует.

— Превосходно, именно это я и хотела узнать... —

Не спуская с нас глаз, она направилась к самолету. И снова посмотрела на меня: — Господин Купер.. постарайтесь объяснить, что...

— Хорошо, Астрид. Мы здесь все взрослые люди. И без того ясно, что сейчас не время устраивать шум.

— В таком случае оставайтесь возле ящиков. И потеснее друг к другу, пожалуйста.

Мы повиновались. Убедившись, что все сгрудились, как она требовала, и ей достаточно повернуть рычажок электронного сигнализатора, чтобы мы тотчас взлетели на воздух, она быстро прошла к самолету и без труда поднялась в кабину. Мы видели, что она наблюдает за нами оттуда.

— Следит, ведьма! — проворчал Дег.

Теперь, когда Астрид удалилась, мы словно высвободились от какого-то колдовства. Лучше любой невидимый враг, чем ее присутствие, которое мы не могли переносить. Я сел на ящик. Остальные посмотрели на меня с некоторым удивлением, но потом все один за другим тоже присели. Сильвия перестала плакать. От страха и волнения под глазами у нее появились черные круги. Эванс держал ее за руку, но без особой нежности. Финкль кусал губу и потирал пятку, которую ушиб, когда выпрыгивал из самолета. Дег молчал, о чем-то задумавшись. Время от времени были слышны приглушенные проклятия Джея.

— Она вызывает своих сообщников, — не так ли, Мартин? — тихо спросил Дег.

— Возможно. Будем надеяться, что все обойдется наилучшим образом.

— Обойдется? — проговорил Финкль, с изумлением глядя на меня. — Но... как вы можете говорить, что обойдется... наилучшим образом? Мы оказались, господин Купер, в положении, которое... которое...

— Которое могло быть еще хуже, инженер. В жизни случаются престранные вещи, и это как раз такой редкий случай... Холодно тут, однако.

Я вздрогнул, произнося эти слова. И только тогда осмотрелся. Только тогда увидел, в какой же уголок земли забросила нас судьба.

Жалкий уголок. Если прежде, с воздуха, мне показалось, будто эти горы нарисованы ребенком, то

теперь подумал, что небольшое плоскогорье, где мы приземлились, изобразил сумасшедший ребенок. Действительно, ужасная мысль, я прекрасно понимал это. И тем не менее никогда в жизни я не видел более мрачного места. Мы находились почти на самом верху черной, лысой горы. Ее зубчатая макушка вырисовывалась на фоне серого неба в нескольких сотнях метров от нас. Скалистые склоны горы, обнаженные и крутые, походили на огромные стиральные доски, которые рука гиганта, забавляясь, разрисовала причудливыми белыми каракулями. Плоскогорье, на которое Джей посадил самолет, было на три четверти уставлено высокими плоскими камнями одинакового цвета — темно-коричневыми с черными прожилками. Казалось, все они были расставлены для какого-то таинственного древнего ритуала. Земля — темно-серая, цвета железных опилок. Мне почему-то представилось, что кто-то специально выкопал в ней множество лунок, чтобы установить эти странные камни. А на самих камнях я не заметил ни единой трещины, ни одного скола, рядом не было ни мелких камушков, ни даже пыли. Казалось, эти гигантские валуны упали сюда с неба прямо в жидкую лаву, которая, застыв, навечно пленила их и не отпускала уже тысячелетия. Сильный ветер дочиста вымел все песчинки, превратив плоскогорье в скорбный монумент абсолютной безжизненности. Я подумал, что, наверное, ни одна птица никогда не прилетала на эту мертвую гору, а возможно, даже дождь обходил ее стороной. Взгляд мой остановился на голубых комбинезонах Финкля, Сильвии и Эванса. Это был по крайней мере нормальный земной цвет.

Три четверти плоскогорья, как я уже сказал, были загромождены огромными монолитами. Мы столпились возле ближайшего из них — высотой метра в три или больше, прочного и гладкого, как металл. Он словно страж стоял на краю площадки, а на другом ее конце гора уходила вниз таким крутым откосом, что с места, где мы стояли, не видно было ее основания и оставалось только догадываться, что же там ниже. Вершины соседних гор были столь же бесцветные, мрачные, испещренные темными расщелинами, с крутыми отвесными стенами, еле отражавшими

дневной свет, — горы одна за другой тянулись к непостижимо далекому горизонту. Если и имелся где-нибудь на земле мертвый край, где безмолвие царило уже не одно тысячелетие, то это был именно он.

— Не очень-то тут весело, а, Мартин? — пробормотал Дег, почесывая затылок. — Можно было бы сделать неплохие снимки, будь хоть немного солнца.

В это время прогремел выстрел.

Мы все устремили взгляд на самолет.

— Что это? — спросила Сильвия. Эванс обнял ее за плечи. Финкль обернулся ко мне с немим вопросом.

— Мисс Астрид перемолвилась со своими друзьями и расправилась с передатчиком. И сейчас явится... Вот и она!

Астрид возникла в дверях, спрыгнула на землю и, не торопясь, направилась к нам. Остановившись в нескольких шагах, ни на кого не глядя, она объявила:

— Придется потерпеть часов пятнадцать или двадцать. Может быть, сутки. И я исчезну.

— А мы? — воскликнула Сильвия. — О нас ты подумала?

— Я как раз и хотела сказать об этом, — резко ответила Астрид. — Обещаю прислать вам помощь, как только... буду... — Она замолчала и после небольшой паузы добавила: — Короче, я скажу, чтобы за вами прилетели. У меня есть координаты этого места.

Ветер стих, и над нами сомкнулась бесконечная тишина — такая обычно бывает ночью в часы усталости, ожидания. Мне казалось, никто не в силах нарушить ее. Но Финкль, не поднимая головы, проговорил:

— Мисс Астрид... Но как же вы могли? Как вы...

— Мне очень жаль, инженер. Но я уже давно ждала подходящего случая. Он появился, и я не могла упустить его. — Астрид говорила отрывисто, стоя перед нами с пистолетом дулом в землю.

— Удобный случай!.. О, я спрашиваю... я спрашиваю...

— И я могу ответить. Тем более, что вам стоит знать это. Вы слышали о тупамарос... и, наверное, не раз задавались вопросом, как же выглядят эти люди, которых народ называет чудовищами... Вот перед вами одно из них!

Астрид произнесла это решительно, гордо подняв голову. Голубой цвет ее куртки слегка подсвечивал ее лицо, отчего оно приобрело металлический оттенок. Она показалась мне нереальной и далекой, как звезда.

— Тупамарос!.. Ты, Астрид, тупамарос? — воскликнул Эванс. В его голосе звучали недоверие и презрение. — Выходит, такие люди, как ты, грабят.. убивают.. совершают..

— Да, именно такие люди, как я. Но тебе, Эванс, этого не понять. Никому из вас не понять! — почти крикнула Астрид. — Разве вам не безразлично, что происходит в Латинской Америке? Народы умирают от голода, тюрьмы забиты, людей арестовывают без всяких причин, осуждают без суда и следствия, убивают без приговора, а вам... Вам нет до этого никакого дела! Разве не так?

— К черту вас и все эти бредни про Латинскую Америку! — раздраженно заметил Джей.

Инженер Финкль недоуменно поднял голову.

— Но мы же прилетели сюда как раз для того, чтобы спасти тех, кто умирает.. кто погибает, задохнувшись..

— Нет! Вы прилетели сюда для того, чтобы газета господина Купера могла распродать еще больше экземпляров! Только ради этого! — повторила Астрид и, должно быть, пожалела о своих словах, — я понял это, поймав ее растерянный взгляд, и спокойно возразил ей:

— «Монитор» — не благотворительная организация, если вы это имели в виду, и, можете не сомневаться, репортаж о всей этой истории, в которую вы нас втянули, принесет газете куда больше прибыли, чем рассказ о спасении потерпевших.. Не обижайтесь, инженер..

Когда я говорил это, колокольчики тревоги тихо звякнули в моей голове. И вдруг я вспомнил о том, что... Вспомнил, что читал в газетах, слышал по радио, видел по телевизору. Я подумал: «Да, именно поэтому...» Но тут Финкль закричал:

— Ведь эти несчастные не выживут!

Астрид отступила на шаг:

— Очень жаль. Но когда сражаешься за идею, ни-

что не имеет значения. Ни своя собственная жизнь, ни чужая.

Инженер не сдавался. Дрожащим голосом он опять прокричал:

— Неправда! Нет ничего важнее человеческой жизни!.. И если вам захотелось отправиться в Боливию... или... или куда-нибудь еще, — отчего вы не поехали туда за свой счет? Кто вам мешал?.. Почему?..

— Хватит! Хватит! — прервала Астрид. Она уже срывалась на крик, но голос ее слегка дрожал. — Хватит! — прокричала она и огромным усилием воли взяла себя в руки. — Мне очень жаль... Я должна была... сделать это. Пожалуйста... Это продлится недолго... Мои товарищи придут за мной, и вы будете свободны.

Она отошла на несколько шагов. Словно ощутила барьер ненависти, вставший между нею и нами, и если не испугалась, то во всяком случае ей стало не по себе. Я вдруг пожалел ее. Удача оказалась явно не на ее стороне. Или — это, пожалуй, более вероятно — она взяла на себя непосильную задачу. Она ошиблась и понимала свою оплошность. Я тоже знал это.

— Ладно, Астрид, — сказал я, — что сделано, то сделано. Какие у вас намерения? Хотите держать нас тут до прилета ваших сообщников? Тут не слишком-то жарко, вы заметили?

Действительно, было очень холодно. Сильные порывы ветра продували пространство между камнями в поисках хотя бы крупинцы песка. Астрид пожала плечами.

— На борту есть одеяла и еда... Сильвия, — добавила она, глядя на подругу, — сходи и принеси их сюда.

— Нет, не пойду, — по-детски надув губы, возразила Сильвия.

Астрид посмотрела на меня. Я сказал:

— Ну, Сильвия, не отказывайтесь. Не упускайте возможность помочь пятерым замерзшим мужчинам. Может, больше никогда и не представится такой случай, понимаете?

Сильвия бросила на меня презрительный взгляд. Потом с недовольным видом поднялась, пожала пле-

чами и, поправив волосы, последовала за Астрид к самолету.

— Чего мы ждем, Мартин? Ведь не так уж трудно свернуть ей шею? — и Джей жестом показал, как бы он это сделал.

Эванс возразил:

— Она истеричка. Надо быть осторожнее... Повернет ручку, и мы все взлетим на воздух. Один из этих ящиков полон взрывчатки.

Дег с ворчанием отодвинулся от ящика, возле которого сидел.

— Один из этих... Какой? — спросил он.

— Нет необходимости играть в загадки, Дег, — сказал я, желая побыстрее закончить разговор на эту тему. — Нет смысла, Джей, рисковать...

— Так что же делать?

— Ничего. Сидеть спокойно и ждать, пока за Астрид придут тупамарос, ну и... — я осекся. Надо было прикусить язык. Сейчас я ошибся. Я надеялся, что моя ошибка останется незамеченной. Но этого не случилось.

Эванс, сидевший между Джейм и Финклем, слева от меня, вдруг спросил:

— За Астрид и за чем еще, господин Купер?

Вот так. Он тоже догадался. У Эванса странно блеснули глаза. Я хорошо знаю этот блеск. Стоит ему появиться, и, как правило, недалеко до беды. Я промолчал. Он усмехнулся:

— Немало дров наломали тупамарос, а? В Бостоне, например. Помните? Я уверен, что помните, вы ведь журналист... Может, это вы написали ту статью в «Монитор»... Ведь так?

— Нет. Писал один мой коллега.

— О чем это вы говорите? — недовольно спросил Джей.

Финкль снова вытер вспотевший лоб и проговорил:

— Да, да, прошу вас, помолчите!.. Мой прибор... эти люди... случай, которого я так ждал, чтобы... чтобы спасти людей и показать, что...

— Осторожно, инженер! — воскликнул Эванс. — Что толку молчать? Я хотел сказать — странно, что Астрид решила угнать самолет, чтобы отправиться в Боливию... Вам это не кажется странным?

— Пожалуй... — согласился Финкль, — но...

— Ведь она могла купить билет на любой рейс и совершенно легально отправиться в Ла-Пас. И никто бы ни слова ей не сказал. Зачем же понадобилось угонять самолет?

Джей почесал затылок.

— Вот именно, — проворчал он, — мой самолет! Зачем?

Молчание. Сквозь темные серые облака проглянул луч солнца. Но местность вокруг стала еще мрачнее.

— Зачем? Вы не могли бы ответить на этот вопрос, господин Купер? — спросил Эванс.

Он был очень бледен. Волнение, которое заставило блестеть его глаза, проявилось и в дрожании голоса. Бородатый, он показался мне похожим на охотника, учуявшего легкую добычу.

— Отчего же, я могу вам ответить. Никому не известная мисс Астрид могла беспрепятственно покинуть Соединенные Штаты. Но если эта самая мисс Астрид везет с собой, к примеру, миллион долларов в золотых слитках и банкнотах, тогда вряд ли ей это удастся сделать. У нее, допустим, могли бы спросить, откуда все это богатство... — Все, кроме Эванса, с изумлением посмотрели на меня. Я продолжал: — Полгода назад в Бостоне похитили человека, сына Мак-Кея, миллионера, и потребовали выкуп — миллион в золоте и банкнотах. Хотя полиция и опровергала эти слухи, говорили, будто это сделали тупамарос. Деньги нужны были им на финансирование революции в Латинской Америке. Вот так. Полгода назад. И для тупамарос возникла проблема — как вывезти награбленное. При тех строгостях, какие теперь введены в аэропортах и повсюду, сделать это нелегко... И вдруг Астрид представился удачный случай: перелет в Южную Америку без таможенного досмотра на частном самолете... Что может быть удобнее? Ладно, будем считать, что эта история закончена. Один из этих ящиков полон тротила, и Бог с ним. А в другом, если хотите знать, спрятан миллион долларов...

Глава 4

— Миллион долларов.

После этих слов наступила тишина. Все с изумлением переглядывались. Что-то блеснуло даже в глазах витавшего в облаках инженера Финкля. Правильно говорят ученые и политики, что деньги с каждым днем теряют свою власть. Справедливо критикуют презренный металл и противники нашего общества потребления! Но усадите их на землю спиной к полдюжине ящиков, один из которых полон тротила, а другой набит долларами, и все сразу же начнут гадать, в каком же из них деньги. В этом нет, в сущности, ничего плохого. Было бы ошибкой презирать тех, кто поддается золотой лихорадке. Деньги помогают делать немало хорошего, даже прекрасного. Один итальянский писатель еще много столетий тому назад сказал: деньги — настолько сильная вещь, что могут даже мертвых заставить добраться в рай... Не знаю, насколько это верно, несомненно одно: мысль о миллионе долларов вынудила забыть о чистилище.

— Черт побери! — проворчал Джей. Светловолосый, полнотелый, веснушчатый, он казался большим ребенком и даже ругательство в его устах звучало совсем по-детски: «Черт побери!»

— Миллион долларов! — протянул Дег, сжав губы, и посмотрел мне в глаза. — Неплохая сумма, а?

Я не ответил. Финкль молча изучал кончики своих ботинок. А Эванс, не отрываясь, смотрел на меня. Зрачки его горели жадностью и, возможно, скрытым коварством. Он негромко произнес:

— Допустим. Что же теперь делать?

— Ничего. Сидеть спокойно и ждать тупамарос.

— Да вы с ума сошли! — злобно прошептал он. — Тут под рукой такой подарок судьбы, а вы хотите... потерять его?

— Подарок судьбы, не спору. Но жизнь дороже. Мисс Астрид, не задумываясь, всадит вам пулю в живот, Эванс.

— Глупости! Нас четверо. Она может ранить кого-нибудь одного, это верно. Но если мы набросимся на нее все вместе... — он замолчал. Я слышал, как взволнованно дышит Джей.

— А потом? Что вы намерены делать дальше? Допустим, нам удастся обезоружить ее, что дальше?

— Осторожно, — приглушенно прозвучал голос Дега. — Они идут.

Когда Сильвия вышла из самолета, Астрид сбросила рядом с нею несколько шерстяных одеял. Потом спустилась на землю и направилась к нам, слегка пошатываясь под тяжестью висевшей на плече большой сумки, наполненной консервами.

— Вот одеяла и еда, — сказала она, остановившись шагах в десяти от нас, и передала сумку Сильвии — та почти сразу же опустила ее на землю. Сильвия выглядела теперь более спокойной, краски вернулись на ее лицо, и она вновь стала прекрасной, как солнце.

Никто даже не взглянул на банки, выкатившиеся из сумки. Финкль, задумавшись о чем-то, закутался в одеяло. То же самое очень старательно проделали Дег и Джей.

В полной тишине неестественно неподвижно мы просидели, наверное, с полчаса. День, казалось, не спешил рождаться. Свет был тусклый, матовый. Астрид села на землю перед нами. Казалось, ее взгляд витает где-то очень далеко... Но нет. Он был нацелен на нас. Когда Дег заворочался под одеялом, она посмотрела на него своими прекрасными голубыми глазами и грозно спросила:

— Что вы там делаете?

— Ищу платок! — сердито ответил Дег. — Имею я право высморкаться или нет? Вы что думаете, у

меня в кармане пистолет? Будь он у меня, можете не сомневаться, уж я бы...

— Дег, перестань, — попытался я остановить его, но он продолжал, не слушая меня:

— ...я фотограф. Я своим горбом зарабатываю на жизнь, а не ношусь по всему свету, угоняя самолеты...

— Хватит! — воскликнула Астрид.

Я поддержал ее:

— Перестань, Дег!

И он шумно высморкался, продолжая ворчать сквозь зубы.

Я посмотрел на Астрид.

— Вы и в самом деле думаете, что мы протянем так до самого прибытия ваших друзей?

Она выдержала мой взгляд и промолчала.

Я продолжал:

— Думаете удержать нас тут, как на цепи? Полагаете, вам удастся это? Бросьте! Вы слишком умны, чтобы не понимать — ваш пистолет не может совершить чудо!

— Только попробуйте шелохнуться, господин Купер, — предупредила она с неуверенной улыбкой, и в то же время поднимая дуло пистолета.

— Мы ведь можем встать все сразу. Не думаю, что вы лучший стрелок на всем Западе, Астрид. Может, попадете в меня или Джея, Дега или Эванса... но не сразу в четверых. И одному из нас почти несомненно удастся схватить вас за горло и тогда... — Я замолчал и уже совсем тихо произнес главное: — И тогда ваши друзья, тупамарос, заставят вас отвечать за потерю миллиона долларов. Неприятно, не правда ли?

Я попал в десятку. Она не ожидала такого и вся передернулась. Grimаса злости исказила ее лицо, скривила рот. Она поняла, что выдала себя, попыталась овладеть собой, но не смогла: так и осталась стоять с искривленными губами.

— Что... доллары... — прошептала она. — Да вы с ума сошли? О чем... о чем вы говорите?

— Это вы сошли с ума, если думаете, что вам удастся ваша комедия! Бросьте, Астрид, вы же сами

сказали, что вы — тупамарос! Отчего же не открыть теперь все карты?

— Замолчите!

— Почему? Я ведь не предлагаю вам поделить награбленное. Я хочу предложить вам только договор о... мирном сосуществовании.

— Замолчите! — повторила она и направила в меня дуло пистолета.

Я вздохнул и не произнес больше ни слова, только накинул на себя одеяло. Тусклое небо все еще было затянуто мутным туманом. Казалось, за этой белесой пеленой скрывается луна, а не солнце. Так прошло еще полчаса. Я опять нарушил тишину:

— Если только вы не задумали убить нас всех одного за другим, так дальше продолжаться не может, Астрид.

Она промолчала.

— Я не питаю особой симпатии к тупамарос, — продолжил я, — я не одобряю их методы, и мне хотелось бы, чтобы они изменили их. Однако я не намерен воевать с ними. Поэтому не собираюсь драться и с вами, Астрид.

Она снова не раскрыла рта. Молчание длилось несколько минут. Наконец ее голубые глаза отыскивали мой взгляд.

— Что же вы предлагаете?

— Соглашение. Что сделано, то сделано, и не будем больше говорить об этом. Если я дам вам честное слово, что не стану ничего предпринимать против вас... Согласны ли вы освободить меня? Ну, хотя бы просто для того, чтобы пройтись немного по этому проклятому плоскогорью. Терпеть не могу сидеть на месте. Наверное, нет нужды обещать вам, что я никуда не убегу отсюда, не так ли?

Астрид ответила не сразу. Она продолжала смотреть на меня, что-то обдумывая. Потом неторопливо произнесла:

— Нет, я не могу доверять вам всем! Вас слишком много. Однако, — добавила она, повышая голос, — я могу позволить вам встать и немного походить взад и вперед... Но только у меня на виду. По три человека, ясно? Только по три и по очереди. Осталь-

ные будут сидеть на своих местах, у ящиков... — Говоря так, Астрид поднялась, переложила пистолет в левую руку, достала из кармана свой электронный сигнализатор и показала нам. — Одно неосторожное движение, — заверила она, — и я нажимаю на рычаг.

— Все будет в порядке, — успокоил я ее.

Она отошла на несколько шагов к самолету:

— Хорошо. Дайте слово, что не предпримете ничего против меня. А если обманете, вам известно, что произойдет...

Поколебавшись немного, Дег проговорил:

— Даю слово.

— Согласен, — неохотно ответил Джей. Я тоже пообещал сдержать слово. Охотно подтвердил клятву и Эванс. Однако Финкль покачал головой.

— Не стану ничего предпринимать против вас, Астрид, но... — он вздохнул, — я останусь возле ящиков... У меня нет никакого желания разминать ноги... А вы должны мне позволить достать мой прибор и осмотреть его... Вы же знаете, Астрид, какой он хрупкий!

— Прибор прекрасно упакован, инженер. С ним ничего не могло случиться. — Голос Астрид звучал сурово.

— Я надеюсь на это... но, знаете, мало ли что могло случиться... Вдруг капсула со ртутью разобьется... Вы... знаете, что... — Финкль безутешно развел руками. — Вы же знаете...

Астрид не ответила, продолжая отходить к самолету. Наконец она сказала:

— Ладно. Прибор находится в двух ящиках, помеченных знаком «Х». Раскройте их, инженер... — И она стремительно поднялась в самолет. — И вы, господин Купер, разомните-ка ноги. Эванс, тебя это тоже касается.

Эванс живо поднялся:

— Ну, конечно, Астрид. Как ты любезна!

Она сжала губы и скрылась в кабине самолета, больше мы ее не видели. Неплохо придумала: там, укрывшись от ветра и холода, она могла преспокойно наблюдать за нами, либо столь же хладнокровно

больше не обращать на нас внимания. А мы не могли видеть нашу мучительницу. Нам оставалось только бояться ее.

Втроем — Дег, Эванс и я — мы немного поразмялись на плоскогорье, где приземлился самолет. Было странное ощущение — словно мы заново обрели наши ноги, почувствовали ступни. Природа не казалась теперь такой уж отчаянно враждебной.

Но все же вокруг была разлита какая-то бесконечная печаль — должно быть из-за мертвенной бесцветности, странной угловатости и неподвижности этих древних камней. Я охотно осмотрел бы все плоскогорье и, может быть, даже забрался бы на продуваемую ветром вершину нашей горы. Печаль, меланхолия тоже имеют особое очарование. И в этой тишине, в этом окаменевшем уголке мира казалось, что...

— Чертовски странное место, — заметил Дег.

Нет, я так и не нашел слов, чтобы передать свои ощущения. Камни, воткнутые в лаву, были словно оплавлены каким-то адским пламенем, будто чудовищный огненный смерч пронесся здесь, мгновенно преобразил все вокруг, сделав и камни, и почву еще более ирреальными, чем прежде. И еще — я заметил это только теперь — на земле виднелся какой-то непонятный глубокий след. Нет, это была не трещина, как подумал я с первого взгляда. Казалось, по плоскогорью прошелся какой-то гигантский плуг, оставив глубокую борозду, края которой с веками, а может и тысячелетиями, сгладились под ветром, дождем, снегом... Я проследил, куда уходит эта борозда. Она начиналась на краю плоскогорья и терялась среди черных камней.

— Что это вы рассматриваете? — встревожился Эванс.

— Вот этот след.

— А... действительно, какой-то след... какого-то механизма, наверное... — он усмехнулся, — танка... либо ракеты, которая вместо того, чтобы взлететь, волочилась по земле... Да, к чертям собачьим, какое мне до всего этого дело, когда один из этих ящиков набит долларами? — И так как я даже не повер-

нулся, он загородил мне дорогу. — Ну так что? Вам это неплохо удалось, господин Купер?

— Удалось? Что?

— Как — что? Оторваться от ящика с взрывчаткой... — Он улыбнулся с видом заговорщика. — А что теперь собираетесь делать?

— Я уже говорил вам. Буду ждать, пока придут тупамарос.

— Господин Купер, — вмешался Дег, не перестававший осматриваться. — Мы с вами видели немало необычных мест, не правда ли? Однако мы никогда еще не оказывались в таком чертовски загадочном уголке, никогда. Мне не доводилось бывать в эпицентре атомного взрыва, но, я думаю, он не очень-то отличается от этого...

Коротко звякнули колокольчики тревоги. Я удивленно посмотрел на Дега:

— А я видел эпицентр взрыва... да... Дег, это место действительно не очень-то отличается от него... Как будто пламя...

Эванс взял меня под руку.

— Послушайте, Купер, — предупредил он, — я не позволю водить себя за нос. Вам не удастся заморочить меня болтовней о здешнем пейзаже... Давайте поговорим о них. — Он показал большим пальцем через плечо туда, где стояли ящики. — О долларах. Итак, какой у вас план?

Свет, вспыхнувший еще раньше в его глазах, по-прежнему пылал. И даже еще ярче, как мне показалось.

— У меня нет никакого плана, — ответил я. — Если вы думаете, что я пытаюсь обмануть Астрид, то ошибаетесь. Я ничего не стану предпринимать против нее. Я не полицейский. И тем более не отпрыск какой-нибудь богатой южно-американской семьи, готовый насмерть сражаться с тупамарос.

— Но какое вам дело до политики? Там запрятан миллион долларов!

— Верно. Но деньги эти принадлежат господину Мак-Кею.

— Что? — удивился Эванс. — Нет, вы ошибаетесь. Они больше не принадлежат ему. За этот мил-

лион он выкупил жизнь своего сына, а значит, потерял свои доллары. Когда вы покупаете галстук и тратите пять долларов, господин Купер, эти деньги вам больше не принадлежат, поэтому...

Мне стало невыносимо скучно. Мне еще не доводилось иметь дело ни с какими сокровищами. Я полагал, что это довольно интересно, а оказалось, чертовски пакостно. Нет ничего скучнее человека, жадного до денег. Я прервал его, давая понять, что хочу закончить разговор:

— Выходит, миллион этот принадлежит тупамарос, честно заработавшим его.

Он опять схватил меня за руку.

— А... вот как? Тупамарос?... Значит, вы с ними заодно? Хотите... — он задохнулся от волнения. — Хотите помочь революции в Южной Америке? Вы — сотрудник газеты, которая всегда защищала... законную систему и...

— Эванс, ради Бога! Я ничего не могу сделать ни для южно-американской революции, ни против южно-американской революции. Оставьте, пожалуйста, мою руку.

Он повиновался. Отошел на несколько шагов в сторону. И вдруг улыбнулся.

— Хорошо. В таком случае да будет вам известно, что... я тоже тупамарос. Да, да. Знаете, как я рос? В нищете. Моя мать скончалась от рака на больничной койке, отец умер, спившись, в тюрьме. Сестра... даже не знаю, чем она кончила, а мой брат Джон... — голос Эванса дрожал, — так он... вернулся из Вьетнама наркоманом и... думаю, сидит сейчас в заключении... Понимаете, я вырос в нищете... всеми отвергнутый. Ясно вам? Выходит, если эти деньги необходимы тупамарос, чтобы спасти от нищеты бразильцев или аргентинцев, точно так же они нужны и мне... чтобы самому выбраться из нищеты... Мак-Кей наворовал их своими спекуляциями... Тупамарос силой отобрали их, я же... я...

— Мартин! — вдруг раздался голос Дега. Я обернулся. Оказывается, он отошел от нас шагов на тридцать и стоял, наклонившись над одним из кам-

ней. Он махнул мне рукой и снова позвал: — Мартин!. Идите! Идите!..

Я поспешил к нему:

— Что случилось, Дег?

Он показал вниз, на землю:

— Смотрите!

Колокольчики тревоги все сразу зазвонили в моей голове. Я не понимал, что это такое. Совершенно не понимал.

— Что это, Мартин?

Я наклонился, чтобы получше рассмотреть то, на что он указывал, и колокольчики умолкли. В лунке, в которой был укреплен один из валунов, надежно укрытый от ветра, лежал какой-то предмет. И этот предмет слабо светился. А что это было... Трудно сказать. Возможно, винт или, скорее, болт, а может, и клин... Или что-то еще... Я никогда не видел ничего подобного. Даже вообразить себе не мог что-либо схожее. Совершенно немыслимая форма. Не мог я понять и назначение этой штуки. Я внимательно рассмотрел ее. Она казалась полупрозрачной.

Дег повторил вопрос:

— Что же это такое, как вы думаете?

Я протянул руку, но Дег воскликнул:

— Осторожно!

Я попытался взять этот маленький непонятный предмет, но... не смог поднять его: он оказался очень тяжелым. Понятно, что ветер не сдвинул бы его с места.

— Но... но...

— Тише, Дег. Сейчас вытащу...

Он казался не больше карамельки, а весил не меньше килограмма. У меня вдруг возникло ощущение, будто я прикоснулся к какой-то тайне. Что же это могло быть? Если вы не понимаете назначения предмета, его суть и устройство... то он ведь все равно остается предметом? Или, может быть...

— Откуда это взялось тут? — спросил Дег, зачарованно глядя на неведомую диковину в моей руке.

— С неба свалилось... откуда же еще! — ответил я, и колокольчики зазвонили опять, напоминая мне об опасности. — Может быть, упал с какого-нибудь

пролетавшего самолета... А может, оторвался от нашего... — я замолчал. Что-то подсказывало мне: нет, это не так. Тут подошел Эванс.

— Что это? — спросил он, взглянув на находку Дега, и нахмурился. — Что за чертовщина? — добавил он, когда я протянул ему свою ладонь. Он с неприязнью взглянул на непонятный предмет. — Дайте-ка... Черт возьми... какой тяжелый! Из какого же он металла? — Эванс посмотрел на меня. — Из какого?

— Если этого не знаете вы, Эванс, знаток техники...

— Нет, не знаю... — он вернул мне находку. — И меня эта штукавина нисколько не интересует, Купер, — продолжал он, одержимый своей идеей, — имейте в виду — не так-то легко будет убрать меня!

— Согласен, Эванс! Только никто и не пытается убрать вас.

— В таком случае вы...

Тут раздался возглас Финкля:

— Эванс! Подойдите, пожалуйста, сюда, прошу вас, Эванс!

— Проклятье! — выругался молодой человек и посмотрел на нас.

Я сказал:

— Идите. У нас еще хватит времени поговорить об этом!

Эванс бросил на меня осторожный взгляд и направился к большому камню, где были сложены ящики. Там Финкль с помощью Джея и Сильвии собирал свой прибор.

Я положил находку в карман и вместе с Дегом последовал за Эвансом. Самолет стоял неподвижный и загадочный. Именно в этот момент за нами наблюдала Астрид.

Финкль извлек из ящиков нечто хрупкое и очень изящное: тоже что-то совершенно непонятное, но тут я, по крайней мере, знал или представлял себе назначение этого прибора. Удлиненные рычаги, маленькие коробочки, заполненные какими-то механизмами, нечто вроде микрофона с тончайшими — толщиной

с волос — проводами, с отвинчивающимися ножками. Все это было сделано из стали, пластмассы и других материалов, мне хорошо знакомых. Это было сокровище Финкля, его изобретение. Я даже растрогался, увидев, как лицо его светилось от счастья — точно у ребенка.

— Похоже, он цел, господин Купер... И сейчас я его полностью соберу... Да, да. Цел!

Я подумал, слава Богу, что не только деньги заставляют людей забыть о чистилище...

Прибор Финкля — этот необыкновенный регистратор сокращений сердечной мышцы, который по замыслу изобретателя должен был спасать человеческие жизни, в собранном виде показался мне весьма незамысловатым. Даже, пожалуй, слишком простым. С помощью Эванса и Сильвии инженер собрал его меньше чем за полчаса. К тому же он был очень легкий и его без труда можно было переносить с места на место. Держался он на треноге с тонкими резиновыми колесиками. Можно было повесить его и на плечо. Финкль с гордостью и волнением сообщил мне, что прибор весит не более десяти килограммов.

— Все миниатюризовано до предела, господин Купер, — он показывал мне то одну, то другую деталь, пустившись в длинное объяснение со множеством технических и научных терминов, которые я, конечно, не в состоянии был понять в полной мере. Финкль постарался растолковать мне, на чем основан принцип, вдохновивший его, рассказал о камере с абсолютным вакуумом, о капсуле, наполненной ртутью, — все подробно и обстоятельно. И в конце концов разъяснил, что прибор фиксирует электрические импульсы как обычный кардиограф, но потом преобразовывает их в звуковые и световые сигналы.

— Вот, представляете, господин Купер, если бы мы добрались до Тиатаки... — Он метнул полный горечи и сожаления взгляд в сторону самолета. — Представляете, мы бы поместили этот прибор в развалины дома... и если под ним еще кто-то был жив, даже в нескольких метрах... кто-то, в ком хотя бы чуть-чуть, едва-едва теплилась бы жизнь, хотя бы

совсем слабо, но еще билось сердце, мой прибор сразу же отметил бы это. И мы могли бы тогда спасти человека. Вы убедились теперь, — продолжал он, как бы извиняясь, — что это вовсе не шпион. А если он и шпионит, то делает это во благо.

— Не придавайте значения всему, что я говорил тогда в редакции, инженер, — возразил я. — Это было... сказано только потому, что мне не хотелось никуда ехать.

— Как? Вы не хотели ехать в Тиатаку? Вас не интересовал эксперимент?

— Напротив, интересовал и очень интересуется. Но у меня была не закончена другая работа, и вы понимаете... Кстати... тут у меня есть одна вещь, которая вам, наверное, покажется интересной... — я сунул руку в карман. — Хочу показать вам одну штуковину...

— Штуковину?

— Я просто не знаю, как ее назвать... Никогда не видел ничего подобного, но вы-то, конечно, сразу поймете, что это такое. Может быть, даже точно знаете, для чего она предназначена. — Я показал инженеру находку Дега. — Вот она.

— О, разрешите полюбопытствовать. — И он, наморщив лоб, принялся рассматривать эту штуковину. Взглянул на меня, потом снова на странный предмет, лежавший на моей ладони. — Нуте-с, что же это такое... — пробормотал он.

Я пояснил:

— Это лежало вон там, возле камня. Возьмите в руки... только осторожно, — предупредил я, — это тяжелое.

Финкль издал изумленный возглас. Он не ожидал такой тяжести в столь крохотном предмете и едва не уронил его на землю. Растерявшись, инженер смущенно пробормотал:

— Но... я не могу понять... и хотел бы знать, как же это удалось... изготовить такое, невероятно тяжелое... Интересно... — Он замолчал, продолжая вертеть в руках это нечто. Казалось, у столь странного предмета не было ни верха, ни низа и вообще никаких сторон. Совсем как у картин модернистов, которые

мне нравятся именно за то, что их можно повесить как угодно, и не будет никакой разницы.

Однако это была отнюдь не абстрактная скульптура. Финкль поднял на меня отсутствующий взгляд. Мысли его витали где-то очень далеко.

— Не понимаю! — взволнованно проговорил он. — Просто не понимаю... А ведь я не год и не два занимаюсь механикой... — Я видел, что в эту минуту он забыл даже про свой прибор, с которым все еще возились Эванс и Сильвия. — Совершенно не понимаю, что это может быть... Никогда не встречал ни подобной формы, ни такого материала... Нет! Никогда. Абсолютно никогда!

— Дайте взглянуть, — попросил Джей, подходя к нам. Финкль нерешительно протянул ему непонятный предмет. — Ого, какой тяжелый, черт возьми! Странно, не правда ли? — Джей почесал затылок. — Знаете, мне кажется... да... мне кажется...

— Что тебе кажется, Джей? — спросил я. Было бы чрезвычайно любопытно узнать ответ от этого со-рокапятилетнего тучного ребенка с весьма низким лбом.

Он улыбнулся.

— Мне кажется, это похоже на одну из тех вещей, какие недавно показывали по телевизору, — помните? Кто угадает, что это такое, получит приз, и...

Финкль едва ли не со злобой снова взял странный предмет.

— Согласен, согласен! — воскликнул он, еще раз внимательно осматривая его. Затем, взглянув на меня, попросил: — Вы позволите мне изучить эту вещь в моей лаборатории, когда вернемся домой? Покажу и кое-кому из своих коллег. Я действительно не могу понять назначение этой машины.

— Машины? — удивился я. Он кивнул.

— Да, а вы разве не знаете, что даже простой винт — это уже машина. Но этот предмет... мне кажется, бесконечно сложнее любого винта. Мне также очень интересно узнать, — задумчиво продолжал он, — кто же способен создавать столь тяжелый

сплав... — И он возвратил вещь мне. — Держите. Благодарю вас.

Финкль вернулся к своему прибору, а мы с Дегом опять уселись на ящики, сложенные возле большого камня. Посмотрели на самолет — хромой и недвижимый. Солнце безуспешно боролось с плотной завесой облаков, которые, казалось, застряли между горных вершин. В нескольких километрах отсюда солнцу, похоже, удалось одержать небольшую победу — неожиданно на землю упало несколько серебристых лучей. Самолет, где укрылась Астрид, обуреваемая Бог знает какими мыслями и какой тревогой, слегка заблестел. Все вокруг было проникнуто непередаваемой печалью.

— Что-то будет дальше, Мартин? — спросил Дег и тут же поправился: — Я хочу сказать, что, интересно, произойдет через... семь-восемь часов?

— Не знаю. Астрид предупредила своих товарищей. Все зависит от места, где мы находимся... Думаю, сейчас они спешат сюда в вертолете или на небольшом самолете. Хотелось бы, Дег, чтобы они поскорее прилетели. Не потому, что они мне симпатичны и я жажду познакомиться с ними... Просто им не стоило бы встречаться тут с другими...

Дег изумился:

— С другими? С какими другими? Кого вы имеете в виду?

— Дег, ты что, позабыл про полковника Спленивиля? Ты полагаешь, ему неизвестно, что мы не добрались до Тиатаки? Думаешь, он не забил тревогу? Это дело нескольких часов, и спасательные самолеты начнут искать нас и на этом направлении. И мне не хотелось бы, чтобы они появились тут раньше тупамарос. Что предпримет Астрид, когда увидит, как они приближаются?

— А я даже не подумал об этом, черт возьми! — воскликнул Дег.

— Я тоже! — сказал Эванс, который в эту минуту подошел к нам. Он пристально посмотрел на меня: — Поэтому и надо действовать быстро. У нас осталось мало времени.

— Действовать быстро? — спросил подошедший Джей.

Я посмотрел в сторону самолета:

— Не надо, ребята. Если Астрид заметит, что мы что-то обсуждаем, она забеспокоится... Давайте сядем, как ни в чем не бывало, словно послушные деточки. Ну, а теперь, раз уж все сели, стоит, наверное, что-нибудь поесть.

— Это мысль! — согласился Джей и, взяв сумку с консервами, вывернул ее содержимое. — Тут еда на все вкусы. Я бы попробовал сардины.

Финкль и Сильвия возились с прибором. А мы вчетвером сидели. Эванс открыл мясные консервы.

— В сущности, Купер, — проговорил он слегка дрожащим голосом, — ведь нужно всего-навсего выяснить, в каком из ящиков находится взрывчатка... Согласен, это непросто. И все же стоило бы попытаться... Ведь это же, черт возьми... это же просто нелепо — сидеть тут сложа руки! Боимся женщины!

Эванс достал из мешочка пластмассовую ложку и принялся за еду.

— Миллион долларов!.. А мы тут...

— Отчего бы вам не попытаться, Эванс? Семь ящиков, все абсолютно одинаковые. В пяти лежат приборы, техника, инструменты — безопасные и недорогие. Еще в одном из них нечто вроде миллиона долларов в золоте и банкнотах. В другом — взрывчатка. Нужно только выяснить, в каком именно. Загадка. Игра для Луна-Парка. А награда здесь — не банальная кукла. Почему бы вам не осмотреть эти ящики? Только осторожно! Астрид, наверное, наблюдает за нами из самолета. Рискуете либо получить пулю в голову, либо взлететь на воздух.

Он тяжело вздохнул и покачал головой:

— Надо было заняться этим раньше! Да хоть сейчас еще... если бы мы все дружно поднялись... И бросились бы все сразу к самолету! Да, кто-то, возможно, был бы ранен... но другие...

— Вы бы хотели оказаться раненым, Эванс? Нет? Я тоже.

— Миллион долларов! — пробормотал он. Он смотрел на меня, держа возле рта ложку с фасолью.

Глаза его горели — в них светилась мечта о богатстве и счастливой жизни.

— О чем вы спорите? — устало спросила красавица Сильвия. Она села возле меня, вынудив Дега подвинуться, и капризно посмотрела на меня, как бы укоряя: — Я тоже хочу ням-ням. Я работала все это время, пока вы, такие нехорошие, болтали тут. Я хочу есть. Пожалуйста, господин Купер! Я хочу есть!

— Готов поухаживать за вами. Что вам угодно? Это? — Я взял одну банку, но она отрицательно покачала головой. Я показал на другие и сказал: — Меня интересует вопрос, на который ищу ответ: почему девушка, подобная вам, выбрала себе такую профессию как спасение пострадавших от землетрясения и...

— О, вот эту! — прервала она меня, показывая на банку, которую я протянул ей. — Канадский лосось! Это я обожаю! Почему я выбрала такую профессию? А почему бы и нет? Я люблю электронику. А что, — добавила она, лукаво подмигнув, — разве не заметно?

— Сильвия, ради Бога, перестань! — вмешался Эванс.

Она состроила ему гримасу:

— Замолчи! Я же разговариваю с господином Купером. И господин Купер открывает мне банку лосося.

— Вот вам ваш лосось, Сильвия... и прекрасная пластмассовая ложка. Так значит, вы влюблены в электронику, да? Реальность превосходит фантастику. Я считал, что девушки, влюбленные в электронику, выглядят несколько иначе...

Она засмеялась:

— Все уродины, беззубые и горбатые?

— Нет, но, в общем, другие...

— А, вы, значит, отрицаете равноправие мужчин и женщин, господин Купер? Почему скромная девушка вроде меня... не может быть техником-электронщиком? Спросите у Эванса, хорошо ли я разбираюсь в своем деле. Ведь неплохо, Эванс?

— Прекрасно!

— Инженер... — и Сильвия одарила Финкля, сто-

явшего возле прибора, ослепительной улыбкой. — Разве я плохой техник, а?

— О, превосходный, дорогая... — ответил тот, захваченный врасплох.

— Кончайте эту комедию, — зло бросил Эванс, — время идет, а мы сидим тут, как идиоты, сложа руки! У нас за спиной лежит миллион, а мы тут... тут... Слышите, нам следует договориться. Этот миллион должен быть нашим. Он наш. Никто, кроме нас, не знает, что он в одном из ящиков. Если заберем его, то сможем поделить поровну...

— Миллион долларов! — Сильвия рассмеялась. А я подумал, есть ли на свете хоть что-нибудь, к чему эта девушка способна отнестись серьезно.

Эванс, поблуднев, продолжал:

— Послушайте, дорога каждая минута! Мы же упускаем удобный случай! Мне и в голову не приходило, что поисковые самолеты могут оказаться здесь раньше тупамарос.

— Что же вы предлагаете? — спросил Джей.

Эванс пожал плечами:

— Захватить самолет. Разбежаться во все стороны... Конечно, это рискованно, я понимаю. Но не очень... В обойме всего шесть или семь пуль... Надо обезвредить Астрид... найти ящик с деньгами... и все.

— А если прибудут тупамарос? — снова спросил Джей.

— Не станем же мы ожидать их тут! Уйдем с деньгами и будем ждать помощи... а им всегда можно сказать, что Астрид погибла при посадке...

— Одним словом, вы намерены убить Астрид, -- заключил я.

— Мне нужны деньги!

— Хватит, Эванс! — приказал я. Он замолчал.

Но тут вмешался Джей:

— А почему хватит, Мартин?

Я очень удивился, услышав от него такой вопрос.

А он продолжал:

— Ведь ты же не станешь уверять, будто хорошая пачка долларов вызывает у тебя отвращение? К тому же, избавимся от воздушного пирата. Эванс, — повернулся он к юноше, — я с тобой!

— Отлично, Джей! Купер... подумайте! И вы тоже, Дег! Не вынуждайте нас действовать лишь вдвоем... Решай и ты, Сильвия!

Девушка, уже наполовину опустошившая свою банку, скривила губы, пожала плечами и заявила:

— А я не верю в равноправие мужчин и женщин. Мужские дела не для меня! Мне холодно, — добавила она, — бр-рр! И пойду я сейчас к Астрид, в теплое местечко!

Она поднялась. Эванс ухватил ее за лодыжку:

— Сильвия, не говори ничего Астрид, слышишь!

— Ой, отпусти меня, Эванс! — попросила девушка, высвободила ногу и направилась к самолету.

— Астрид, Астрид! — закричала она. Мы молчали. Сильвия подошла к самолету ближе и снова громко позвала Астрид. В иллюминаторе показалось ее бледное лицо. Через минуту с пистолетом наготове и сигнализатором, висевшим на шее, она появилась в дверях.

— Что случилось, Сильвия? — строго спросила она.

— Астрид, пусти меня в салон! Я совсем замерзла!

— У тебя есть одеяло. Обойдешься!

— О, нет... Астрид, ну не будь такой злокой! Я же твоя подруга, маленькая Сильвия, которой очень-пре-очень холодно! Пусти меня! Я буду умница, обещаю тебе!

Астрид поколебалась. Потом сказала:

— Можешь подняться, но при одном условии: у меня тут пара наручников.

— Ой, как интересно! — воскликнула Сильвия и, сложив руки вместе, протянула их перед собой и поднялась в самолет.

Опустилась тишина. Пробившиеся было сквозь туман солнечные лучи исчезли. Небо, казалось, начало медленно снижаться. Отдаленные вершины уже скрылись в белой пелене. Наверное, и нашу гору вскоре окутает туман... и тогда ни поисковые самолеты, ни тупамарос не найдут нас. При мысли об этом я почему-то обрадовался. Не знаю, как это объяснить, только ситуация, в которой я оказался, насколько не тяготила меня. И даже столь печальное

место вдруг открывало мне свое скромное очарование: лысая гора, голое плоскогорье с этой удивительной бороздой, камни, впаянные в скалистую почву, как бы остекленевшие, оплавленные каким-то чудовищным пламенем... разве все это не прекрасный фон для какого-нибудь невероятного приключения? Разве мог бы я описать поверхность Луны, если бы никогда не побывал там?..

— Как действует ваш прибор, инженер?

Дег подошел к Финклю, занятому прибором. В нем было столько непонятного — уйма всяких трубочек, капсул, коробочек, тонких стальных проводов, что Дег, как всегда, не удержался, чтобы не полюбопытствовать. Его постоянно привлекало всякое странное устройство, словно магнитом тянуло... даже если он и не мог в нем разобраться. Финкль посмотрел на него горящими глазами.

— О... это очень, очень просто... простейший принцип, — с радостью принялся объяснять он. — Прибор фиксирует сердечные импульсы... можно даже сказать, сердечное эхо... Вот здесь... — Инженер показал на микрофон, длинный и тонкий, словно пуля. — Вот сюда попадают даже самые слабые импульсы... Видите?.. Если поставить микрофон вот так. — И он приставил его чувствительный конец к камню, возле которого мы сидели. — Вот так... представим себе, что этот камень — груда обломков. Вот так... опускаю рычажок... И если только под руинами находится живой еще человек... прибор вскоре зафиксирует ритм сердечной пульсации... на вот этой крохотной кассете, а вот это акустическое устройство усилит звуки в семьсот раз... Тут не может быть никакой ошибки! Во-первых, будет слышно, а во-вторых, засветится капсула, — понятно?

— Ну, это и в самом деле невероятно, — пробормотал Дег и посмотрел на меня. — Просто невероятно, Мартин, правда?

Я не успел ответить, так как в этот момент Эванс, отшвырнув прочь пустую консервную банку, воскликнул:

— Гораздо невероятнее другое — у нас под боком

лежит миллион долларов, а мы почему-то теряем время!

— Это точно, — проворчал Джей, избегая моего взгляда.

— Вот это действительно невероятно! — повторил Эванс.

Я решил, что пришло время поставить точки над «и».

— Ох... ох...

— Эванс, послушайте меня. Послушай и ты, Джей. Я говорю вам это в последний раз и больше повторять не буду.

— Черт возьми, Мартин, но...

— Представляется случай изрядно разбогатеть, настолько, чтобы уже не желать больше никаких денег. Я не миллионер, даже квартира, в которой я живу, не принадлежит мне. У меня есть только хижина на озере Мичиган и друзья, разбросанные по всему свету. Я журналист. И вовсе не гений, каким меня представляет полковник, когда хочет польстить мне, а просто неплохой газетчик... Достаточно неглупый, чтобы понять — это сражение за миллион долларов проиграно раньше, чем началось...

— Ох... Ох...

— Нам не удалось бы получить этот миллион, даже если бы мы дружно договорились обо всем, даже если бы решились рискнуть жизнью. Астрид закрылась в самолете. Мы можем, разбежавшись, окружить его со всех сторон. Но вход в кабину только один. Астрид будет сидеть там спокойно, целясь в каждого из нас... И скажите мне, кто из вас отважится подняться в самолет? Ты, Джей? Вы, Эванс? Или ты, Дег?

Дег ткнул себя пальцем в грудь:

— Я? Это уж точно — нет!

— И вы оба — тоже! Если вздумали помышлять о миллионе, надо было раньше думать. К тому же это богатство принадлежит кому угодно, только не нам. Если, конечно, мы не хотим уподобиться тупамарос...

— Ох... Ох...

— Кто это, черт побери, так вздыхает? — не вы-

держал я. Излагая все, что намеревался сказать, я все время слышал далекое и в то же время совсем близкое, почти неуловимое дыхание... или стон...

— Кто это так дышит? — повторил я. И увидел, что все смотрят на меня. У них тоже возник этот вопрос. Мы молча переглянулись. Больше ничего не было слышно. И вдруг...

— Ох... Ох...

Два вдоха — один словно эхо другого. Так никто из нас не дышал. Но тем не менее странное дыхание окружало нас, висело над нами, звучало внутри нас...

Отчаянно звякнули вдруг колокольчики тревоги. Я вздрогнул, волосы на голове зашевелились. Встретившись взглядом с Финклем, я задал ему немой вопрос. Мы вместе посмотрели на прибор...

Вздохи исходили оттуда. Эти еле уловимые вздохи доносились из микрофона.

Глава 5

Я вскочил. Остальные тоже. Финкль испуганно смотрел на меня. Мы молчали. Может быть... да, может, мы все-таки ошибались.

Прошло несколько секунд. И вдруг снова:

— Ох... Ох...

Невозможно передать вот так на бумаге словами этот тихий металлический нереальный звук. Это дыхание, этот шепот, этот шелест несуществующей листвы — такое бывает лишь в кошмарном сне. Но мы слышали это.

Прошло еще секунд тридцать, и мы опять услышали те же звуки. Я набрался мужества и посмотрел на прибор... и увидел, что при каждом вздохе капсула очень слабо, еле уловимо пульсирует. Было в этом мерцании что-то бесконечно отдаленное, усталое, не огонек, а дальний отблеск. Но все же лампочка на приборе загоралась.

Я хотел было что-то сказать, но не смог. У меня возникло ощущение, будто все это действительно только кошмарный сон. Удушливый комок сжал мне горло. И все же я с трудом произнес:

— Наверное, что-то испортилось в приборе, инженер.

Никто не шелохнулся. И прежде чем опять послышались непонятные звуки, Эванс неуверенно пробормотал:

— Конечно, это какая-то неполадка.

В это невозможно было поверить. Никто и не верил. Финкль дрожащими губами произнес:

— Неполадка? Нет, нет. Этого не может быть.

Наступила тишина. Все смотрели на микрофон,

приставленный к камню. Я все же чувствовал, что прибор совершенно исправен. Я готов был поклясться... Но мои чувства, мои клятвы не имели в сущности никакого значения. Это **ДОЛЖНА БЫЛА БЫТЬ** неполадка. Камень не может пульсировать. У него нет сердца, а значит, нет и сердцебиения.

— Это действительно какая-то неисправность, инженер, — сказал я. Не знаю отчего, но голос мой звучал глухо.

Все замерли. Никто не решался даже шевельнуться. Как прикованные, не отрывали мы взгляда от прибора. И каждый раз, когда вновь раздавались таинственные вздохи, мы опять видели еле заметное, едва уловимое мерцание, слабое предвестие света. Финкль оказался сильнее нас. Он постарался сбросить это колдовское оцепенение и громко сказал:

— Ясно, что прибор... работает не так, как должен был бы... Как я и опасался... посадка... толчок... естественно, что...

— Попробуем переставить микрофон, — предложил я. Все испугались возможного исхода этого эксперимента. Но потом Эванс поднялся и решительно перевернул микрофон, направив его в противоположную сторону — к самолету, в пустоту, в ничто. Мы замерли в ожидании.

Тишина.

Прошло несколько секунд. И еще тридцать, сорок, шестьдесят... Никаких вздохов. Абсолютное молчание. И никакого мерцания капсулы. Ничего.

Перепуганный Финкль коснулся прибора, проверил микрофон и снова приставил к камню.

Секунды, которые последовали затем, тянулись мучительно медленно и казались долгими часами.

— Ох... Ох...

Мы посмотрели друг на друга. Все, стоявшие рядом со мной, выглядели одинаково — бледные, растерянные, потрясенные, напуганные. В этот момент все остальное на свете просто перестало существовать для нас. Забыты были и золото, и банкноты, и взрывчатка, и Астрид с ее пистолетом, и тупамарос. Главным стало нечто такое, что мы не способны были понять, что пугало нас, — что-то могучее, грозив-

шее уничтожить нас... Если, конечно, мы не бредим или этот непогрешимый прибор не сошел с ума.

Исчезло ощущение времени. Мы стояли и слушали колдовской шепот, смотрели на это едва заметное для глаз мерцание капсулы.

Эванс опять переместил микрофон, и снова наступила тишина. Но как только микрофон направляли к камню, он неизменно посылал нам свое слабое дыхание. И капсула пульсировала. Финкль, сжимая пальцы, прошептал:

— Там где-то бьется сердце.

От абсурдности подобных слов у него даже перехватило дыхание. Он испуганно посмотрел на нас, словно опасаясь, что мы накричим на него или рассмеемся прямо в лицо.

Но мы не могли сделать ни то, ни другое. Единственное, на что мы были способны, это повторить то же самое:

— Да, там бьется чье-то сердце.

Чье-то сердце.

Есть ли тут какая-то логика? Есть ли, наконец, пусть очень далекая, но возможность все это принять за действительность? И все время, пока я, с трудом оторвав взгляд от прибора, смотрел на камень, в голове моей рождались самые разные мысли, я не мог управлять ими, они вспыхивали и гасли, словно светлячки. Сердце. Чье? Животного? Неважно.

«Какое-то ископаемое? — подумал я. — А что такое ископаемое, если не материя, которая когда-то была живой, а теперь замкнута в футляр из камня? Но у ископаемых нет пульсирующего сердца — оно у них такое же недвижимое, как и сам камень, замуровывающий их. Так ведь? Конечно, так. Но тогда...»

— Ох... ох...

В таком случае, что же там бьется? Могу я представить себе живое ископаемое? Нет. Нет, я вообще отказывался вообразить что-либо, что могло пережить тысячелетия. Я, может быть, чаще других встречал всяческие чудеса и, наверное, мог бы сказать, что не верю в будущее как во что-то, что еще только должно начаться. Но этот феномен переходил все границы. Все пределы.

Оторвав взгляд от камня, я посмотрел на прибор, который слабо и неумолимо пульсировал.

— Хватит ломать голову, — сказал я, сделав глубокий вздох. — Тут может быть только одно из двух — либо прибор испорчен, либо в этом камне, верим мы в это или нет, заключено пульсирующее сердце.

Все взглянули на меня с таким видом, как будто я оскорбил их. Наверное, они ненавидели меня в этот момент. Но сдались, как сдался и я. Эванс сказал:

— Тогда надо выяснить, что же именно... — Он посмотрел на меня. — Вы же не станете утверждать, будто в этом камне находится живой человек?

— Человек? — прошептал Дег.

— Ну, человек или животное, какая разница! — возразил Эванс. — Наверное, речь идет всего лишь о каком-нибудь магнитном явлении... — Тут он запнулся и вдруг, как бы желая избавиться от этой мысли, что отвлекала его от другой — от мысли о деньгах, с негодованием воскликнул — Какое это имеет значение? Если хотим узнать что-то, надо расколоть этот проклятый камень и все! Взрывчатки, — воскликнул он, — у нас тут сколько угодно, не так ли?

— Я могу поговорить с Астрид, — сразу же отозвался Финкль и заволновался: — Да... да... о, да... я уверен, она не будет... иметь ничего против. Нам ведь нужно только выяснить... словом, это ни в коей мере не помешает ее планам... — Он замолчал, с испугом глядя на камень. Мы тоже рассматривали его.

Огромный, похожий на гигантское, неправильной формы яйцо, темный породистый валун был накрепко вплавлен в скалистую почву площадки. До этих пор он был для нас лишь ничего не значащим осколком горы. Но теперь...

— У Астрид в голове совсем другое, ей сейчас не до ископаемых, — пробормотал я.

Эванс вскипел:

— К чертям собачьим все эти глупости! В одном из ящиков запрятан миллион долларов!

— Отчего бы не подождать, пока придет помощь, — предложил Дег, прокашлявшись. — Всего-то несколько часов...

Да, конечно, всего несколько часов. И если в камне было заключено бьющееся сердце, то сердце это ожидало... сколько? Века, тысячелетия?..

«Господи, ты, Мартин Купер, сходишь с ума!» — подумал я.

— Пойду поговорю с мисс Астрид, — решил Финкль.

И тут я впервые увидел, что он намерен действовать твердо и решительно. Он посмотрел на нас без тени сомнения и, не оглядываясь, направился к самолету. Он сделал несколько шагов и остановился.

Из двери самолета в него был нацелен пистолет.

Прозвучал один только выстрел. Сухой и короткий, словно щелчок. Как ни странно, настоящий пистолет очень похож на детский пугач. И не имеет ничего общего с оружием, из которого стреляют на экранах. Если в момент выстрела вы находитесь неподалеку, то чаще всего слышите именно сухой щелчок. Кажется совершенно невероятным, что от такого пустяка обрывается чья-то жизнь. Чья жизнь оборвалась на этот раз?

— Сильвия! — прошептал Эванс. Никто из нас не посмел шелохнуться. Мы молчали, глядя на самолет.

В иллюминатор было видно, что в кабине кто-то двигается. Мы не могли угадать, кто это. Прошло еще несколько секунд.

В дверях появилась Астрид.

И посмотрела на нас. Пистолета у нее не было. Руки ее безжизненно висели вдоль тела. Она спускалась по трапу. Сигнализатор висел у нее на шее — страшный, черный амулет на счастье.

Только счастья он ей не принес.

На последней ступеньке Астрид остановилась, все так же глядя на нас. Эванс прошептал:

— Она убила Сильвию.

Внезапно Астрид дернула головой, словно хотела обернуться, и подняла руки, колени ее подогнулись, и она медленно, очень медленно упала на землю, распростершись возле трапа. Все это происходило очень долго. Она вздрогнула, раскинув руки, словно

крылья, потом прижала их к груди и застыла в неестественной позе.

Мы были потрясены.

Вскоре в проеме двери появилась Сильвия. Вот где оказался пистолет — у нее. Она целилась прямо в нас.

— Руки за голову, — приказала девушка. — Вперед. И без глупостей.

Мы не двинулись с места — мы решительно ничего не понимали. Но Сильвия нажала курок, целясь в землю между телом Астрид и нами. Пуля чиркнула о камень и с коротким свистом рикошетом отлетела куда-то в сторону.

— Сильвия! — воскликнул Финкль.

Девушка произнесла ледяным тоном:

— Следующий выстрел будет уже не в землю. Идите вперед, положив руки за голову.

— А она это серьезно, Мартин! — заметил Дег.

— Да, — согласился я, глядя на распростертую на земле Астрид, — лучше не возражать.

Я первый поднял руки и положил их за голову. Остальные последовали моему примеру. Мы медленно направились к самолету. Я хотел было остановиться возле тела Астрид, но Сильвия приказала:

— Не стоит. Она мертва. Идите вперед.

Мы прошли вперед. Пистолет шевельнулся, снова отдав приказ своим красноречивым молчанием, — на этот раз велено было остановиться. Сильвия была поразительно спокойна. Мне даже показалось, что у нее на лице тоже появился металлический отсвет комбинезона. Это была женщина, словно прилетевшая из какого-то другого мира. Она держала в руках наши жизни и в любую минуту готова была оборвать их, как сделала это с Астрид. И все-таки даже эта неожиданность не могла заставить нас забыть о пульсирующем камне. Я сказал:

— Сильвия, там что-то происходит. Прибор показывает, что... — я колебался, прежде чем сообщить ей, что в этом камне бьется сердце.

Она даже не взглянула на камень. Ее взгляд едва скользнул по мне.

— Не стоит, господин Купер, — остановила она, — не пытайтесь меня отвлечь.

Сильвия не смогла бы поверить мне, да, в сущности, и сам я не верил. Но продолжал убеждать ее:

— Это не уловка, не какая-то неполадка. Можете убедиться, если хотите.

Она отступила на полшага и, продолжая держать нас под прицелом, другой рукой потянулась куда-то в сторону.

— Господин Купер, — начала она и что-то бросила мне, — я здесь решаю, что следует делать.

Чисто интуитивно я догадался поймать то, что она бросила мне. Это были наручники. На губах у нее появилась змеиная улыбка.

— Превосходно, господин Купер! Это облегчит дело. Вперед, оденьте наручники на эту гориллу-пилота.

Я вздохнул и повернулся к Джею, который посмотрел на меня точно вор на полицейского.

— Не смотри на меня так, Джей, — сказал я. — Она ведь не шутит.

Раздался звонкий щелчок, и Джей с изумлением уставился на свои скованные руки. А Сильвия тем временем бросила другую пару наручников Эвансу. Тот не сумел поймать их и с вымученной улыбкой проговорил:

— Сильвия... неужели ты... неужели всерьез... хочешь что-то сделать со мной... Я же всегда был тебе... ты же знаешь... я...

Она перебила его:

— Хватит! Быстро, кому говорю! Одень наручники на инженера, Эванс! Одень наручники или...

Я весь напрягся, ожидая выстрела.

Эванс крикнул:

— Нет, Сильвия, нет! — и бросился за наручниками, чтобы одеть их на запястья Финкля.

Потом сцена повторилась: сверкающие наручники вылетели из самолета и для нас с Дегом. Я пробормotal:

— Интересно, что же мы возем на Тлатак — тротил, доллары или наручники?

— Господин Купер... — простонал Финкль.

Сильвия хладнокровно улыбнулась:

— Астрид позаботилась обо всем. Впрочем, нет, не обо всем... — Она бросила презрительный взгляд на недвижимое тело. — Она была в сущности дилетанткой, трусливой бабой и потому... — девушка пожала плечами, — и потому ничего иного и не заслужила. Тем хуже для нее, раз она сразу не одела на вас наручники. А теперь...

Сильвия говорила что-то еще. Но я больше не слушал ее. Сильнее страха была иная мысль, иной вопрос, иное сомнение... Сердце. Пульсирующий камень. Что это? Какой ответ он мог дать нам? И какой вопрос мы поставили бы ему? Зачем, как, когда... Меня схватила изматывающая душу тревога. Тогда я сказал:

— Сильвия, в этом камне заключено живое сердце! — Я почти крикнул это. Вместо ответа пистолет повернулся ко мне. Прекрасная Сильвия, воплощение мечты, девушка с яркой обложки иллюстрированного журнала, оскалила, словно хищный зверь, свои белые зубы и процедила:

— Еще слово, и я убью вас!

Я замолчал. И не мог понять, да, да, у меня просто не укладывалось в голове, что из-за какого-то несчастного миллиона долларов мужчина или женщина, мыслящее существо, могло забыть обо всем на свете. Как можно было думать о деньгах, когда камень, затерянный в этом затерянном уголке мира, посылал нам свой зов... и как долго? Века, тысячелетия... Какое это имело значение!.. Или мне все приснилось? Может, я сплю... И меня пробудит от сна пуля в сердце?

Мы сделали все, как она велела — с сжимавшимся от страха сердцем одели друг другу наручники. Сильвия была неотразима — еще прекраснее, чем прежде, такая строгая и сумрачная. Дег прошептал:

— Что... что она задумала, Мартин?

Я все еще думал о пульсирующем камне.

— Не знаю, — ответил я. — А ты как считаешь, Дег?

Он молча посмотрел на меня и ничего не сказал. А Финкль поинтересовался:

— Любопытно, как же ей удалось отобрать пистолет у Астрид... Сильвия казалась такой... такой...

— Такой куколкой? Так вот, инженер, куколка эта далеко не так наивна, как некоторые фанатики. Она скорее походит на демона... Астрид ничего не могла предвидеть именно потому, что недооценивала... Кстати, инженер, вы не знаете, кто был тот умник, который назвал женщин слабым полом?..

Глава 6

— ...Или я неясно выразилась?

Оказывается, Сильвия что-то говорила, а я не слышал ни одного слова. Она заметила мое недоумение, и потому насмешливо и торопливо добавила:

— Я говорила, господин Купер, что не намерена терять время. Сейчас мы перейдем к ящикам. И вы их откроете.

Я было направился к ней, но сделал только один шаг. Я не боялся окончить жизнь. Но я не хотел умирать именно сейчас, никогда еще смерть не казалась мне настолько глупой и нелепой.

Никогда она не была столь несправедливой. Нам предстояло оказаться свидетелями какого-то великого открытия и вот — мы должны погибнуть. А разве для смерти имеет какое-нибудь значение тот поразительный факт, что какой-то камень пульсирует! Смерти все безразлично. Вы можете лелеять в душе самые прекрасные стихи, хранить в мыслях самую высокую философию, а руки ваши могут обладать способностью дарить миру спасение от страданий, но смерть не оценит всего этого.

Именно такой исход — догадался я — ожидал и нас. Эта прелестная Сильвия уже все решила, и я, мне кажется, разгадал ее план. Приходилось признать, что действовала она стремительно и невероятно смело. Услышав разговор о миллионе долларов, она с обычным видом ленивой куколочки поднялась в самолет, какой-то хитростью отобрала у Астрид пистолет и убила ее. Теперь она заставит нас вскрыть ящики и отыскать миллион, затем прикажет спрятать его в каком-нибудь укромном уголке. Потом, я в этом не сомневался, она перестреляет одного за

другим. Снимет с нас наручники, поставит ящик со взрывчаткой под самолетом и взорвет его. Вот и все. Тупамарос, если придут первыми, обнаружат только почерневшие скелеты в самолете или его пылающий остов. Спасатели, посланные полковником, напротив, найдут только ее, Сильвию, якобы отброшенную взрывом на несколько десятков метров, обожженную, раненую, измученную... но чудом оставшуюся в живых. И увезут ее. А через несколько недель или месяцев она преспокойно вернется сюда и заберет ящик с миллионом долларов...

Но мысль о пульсирующем камне оказалась для меня сильнее любого страха. Я опять обратился к ней:

— Мы в наручниках. И не можем сделать вам ничего плохого. Посмотрите сами и увидите, что наш прибор фиксирует сигналы, идущие от сердца, которое находится внутри этого камня.

— Камни меня не интересуют, господин Купер.

— Но разве вы не понимаете все значение открытия, если мы обнаружим, что может быть там внутри?

— Хватит. Вы и еще вы, Дег... И вы тоже, инженер... — отойдите к самолету и станьте у крыла... вот так.

Мы повиновались. Сильвия медленно спустилась по трапу, посмотрела на Джея и Эванса — они стояли рядом.

— Вы двое, вперед. К ящикам!

— К ящикам? — пробормотал Эванс, не двигаясь.

Девушка кивнула: \

— Разве не тебе так хотелось узнать, где находятся деньги, Эванс? Вот сейчас и узнаешь.

— Но...

— Вскройте все ящики один за другим. Я не думаю, что это опасно, вряд ли что-нибудь взорвется при вскрытии. — Сильвия вскинула голову, и ее длинные волосы божественно заколыхались. Нет, Астрид была слишком педантична, чтоб проделать что-либо подобное... — Так или иначе, Эванс, это риск, но ты ведь все равно готов был рисковать, не так ли?

Вперед! — грозно приказала Сильвия. — Быстро! А вы трое, — она направила пистолет на нас, — ни с места! Или кончите так же... — Она посмотрела на Астрид, лежащую на земле. — Она тоже не послушалась, когда я приказала ей не двигаться.

Мы промолчали. Эванс и Джей медленно направились к ящикам.

Сильвия тоже сделала несколько шагов, но осталась на месте. Со своей позиции ей было удобно контролировать нас — она могла всех держать под прицелом.

— Сильвия! — обратился к ней Эванс.

Девушка крикнула:

— Вперед! Начинайте! Быстро!

И они стали вскрывать ящики. Срывали тяжелую пластиковую обертку, в которую они были завернуты, отвинчивали один за другим болты. Джей и Эванс действовали с трудом, так как руки были скованы. Сильвия стояла в нескольких шагах от них и наблюдала. Время от времени она бросала взгляд и в нашу сторону. Иногда поторапливала:

— Быстрее!.. Быстрее, слышите!

«Слабый пол.» Нечего сказать. Я вспомнил, как она спросила: «Вы не верите в равенство мужчин и женщин, господин Купер? Почему скромная девушка вроде меня не может быть хорошим техником-электронщиком?» — и едва не рассмеялся. Ничего не скажешь, Сильвия. Теперь я уже не сомневался, что мужчины и женщины абсолютно равны, когда держат в руке пистолет П-38 и готовы спустить курок. Но не в этом было главное, не в этом...

...Главное было в этом пульсирующем камне. Я легко отвел взгляд от Эванса и Джей, распаковывавших первый ящик, и перевел его на бесчувственный камень, у которого было, ДОЛЖНО БЫЛО БЫТЬ сердце. Меня снова охватила тревога, сомнения и, видимо, прежний страх. Мысль об этом заставила забыть все остальное.

— Финкль, — шепнул я, — вы уверены, черт возьми, что ваш прибор не поврежден?

Он с испугом посмотрел на меня. Губы его как всегда дрожали.

— О... конечно, конечно... уверен, безусловно, господин Купер!

— И все-таки подумайте! Никогда не бывало, чтобы ваш прибор ни с того ни с сего вдруг сам начинал пульсировать?... Из-за какого-нибудь замыкания, не знаю, из-за какого-нибудь случайного контакта... — Меня переполняло весьма странное, непонятное волнение. Финкль покачал головой. Он был в таком же сильном возбуждении, как и я.

— Нет, нет... Это совершенный аппарат, уверяю вас!

— Но он мог испортиться во время посадки. Удар и...

— Говорю вам, нет! Я проверил его, там есть контрольные светящиеся датчики... сигналы, которые загорелись, если бы...

— Однако, не может же находиться ничего живого внутри этого камня. Ничего, понимаете? Ну, разве какое-нибудь насекомое, червь... но у них же нет сердца, если только этот ваш проклятый прибор не...

— Мартин, — вмешался Дег, — что будем делать теперь?

Я резко обернулся к нему и готов был обругать. Но нет. Нет. Мысленно я даже поблагодарил его. Он вернул меня к действительности. А действительность выглядела так: прелестная, но безжалостная девушка, сжимавшая в руке такой же безжалостный, как и она, П-38.

— Теперь?... Что будем делать?

Я помолчал. Что мы могли сделать? План Сильвии, вероятно, был именно такой, как я и предполагал: перестрелять всех нас, инсценировать катастрофу, чтобы потом завладеть ящиком с миллионом долларов, но... Да, было одно «но». Одно «но», которое мешало безоговорочно принять эту версию. За долгие годы журналистской деятельности я немало встречал разных преступников, воров, убийц, грабителей, похитителей и тому подобное отребье. Но среди них было всего двое или трое таких, кто действительно был способен хладнокровно убивать. Это были, как правило, очень тяжелые случаи, когда мысль о таком

преступлении произрастала в сознании людей, словно сорняк, и в конце концов приводила не за решетку, и не на электрический стул, а в психиатрическую больницу. Сильвия не могла быть сумасшедшей. Она не была безумной преступницей. Еще за несколько минут до выстрела в Астрид это была совершенно нормальная девушка — девушка, как и многие другие, целиком занятая собственной красотой, своей внешностью, нарядами... Возможно ли, чтобы жажда денег толкнула ее на такое жуткое преступление? Возможно ли, чтобы алчность так омрачила ее ум? Нет. Я подумал, что она, наверное, не собиралась убивать всех. Может быть, у нее созрел какой-то другой план. Но какой? Какой? Я попытался разгадать его. Но тут Дег прервал мои размышления.

— Она перестреляет всех точно так же, как... — Он кивнул в сторону Астрид и замолчал. Я взглянул на убитую. Она лежала лицом вниз. Волосы ее разметались, ноги неестественно вывернулись, руки прижаты к груди в последнем инстинктивном жесте самозащиты. Теперь это была уже не женщина, не живое человеческое существо, а труп. Я подумал, что если б возле нее на земле появилось хоть небольшое пятно крови, то, наверное, она выглядела бы не так страшно, не так жутко...

— Нет... тут ничего нет, Сильвия!

Это крикнул Эванс. Они с Джемем вскрывали первый ящик и обнаружили запасные детали к прибору Финкля. Оба выглядели расстроенными. Сильвия указала пистолетом:

— Другой... Ну, живо, не теряйте времени! Быстро!..

Быстро. Время бежит. И хотя солнце, похоже, сдалось, уступив место туману, а свет вместо того, чтобы усилиться, меркнул, все равно утро уже прошло, и стрелки часов приближались к полудню. Однако неважно, медленно или быстро идет время: одна минута — это всегда только шестьдесят секунд!

— Быстрее! — торопила Сильвия. И как раз в этот момент, словно отзвуком грома, послышался гул самолета.

Мы подняли головы и поискали его в белесых облаках. Шум был слабый и, казалось, приближался одновременно и справа и слева. Самолет, только чей? Тупамарос, спешивших за миллионом... или с ближайшей спасательной станции? А может, какая-нибудь военная машина, которая летела по своим делам?

Все возможно. Наше приключение могло закончиться, еще не начавшись. А Сильвия, отбросив мечту о богатстве, снова стала бы той же лучезарной девушкой, какой была прежде... но только в наручниках.

Она это понимала. И взглянув на небо, опять поторопила:

— Быстрее! Быстрее, вам говорят!

— Тогда снимите с нас наручники! — в отчаянии крикнул Эванс, протягивая скованные руки. Сильвия, казалось, поколебалась. Потом твердо и решительно мотнула головой:

— Нет. Дальше. Следующий ящик. Быстро!

Гул самолета затих, словно шум уходящей грозы. Теперь слышно было только эхо. Но и оно угасло. Джей и Эванс принялись за второй ящик.

Не знаю, приходилось ли вам подбирать нужный ключ из большой связки? Думаю, что приходилось. И вы помните, наверное, что в большинстве случаев этот ключ всегда оказывался последним... Точно так же случилось и сейчас с нетерпеливой Сильвией. Вскрыли еще два ящика, в них тоже оказалось только электронное оборудование.

— Опять... опять ничего, — доложил Эванс, глядя на Сильвию. Она показала на другие ящики.

— Ломайте эти... Быстро!.. — Голос ее звучал теперь резко, визгливо. Она теряла обладание. Видимо, ей самой стало страшно. Гул вновь приблизился... Теперь уже не было сомнений. Самолет явно кого-то искал. А точнее — нас. В любую минуту он мог вынырнуть из облака и появиться у нас над головой. Что если это тупамарос? Но они могли прилететь на вертолете и, наверное, сразу бы поняли, что происходит. Можно было допустить, что они всех перебьют, мстя

за смерть Астрид... А может, наручники спасли бы нас. Может...

— Быстрее! Быстрее!

Вскрыли еще один ящик, четвертый, но и в нем не оказалось ни долларов, ни взрывчатки.

Наступила тишина. Все замерли. Никому не хотелось ничего говорить. Я обнаружил, что тоже совсем забыл о самом главном — о нашем спасении и о сердце, заключенном в камне... если это действительно было сердце. Джей и Эванс в растерянности смотрели на Сильвию. Показав на последний в этом ряду ящик, стоявший у самого камня, она приказала:

— Вскрывают! Вот этот! — Она снова пыталась уйти от судьбы, которая смеялась над ней, над ее жадностью, злобой, а также и над нашим страхом... Тут уж ее П-38 ничего не в силах был приказать.

Джей и Эванс бросились к ящику, судорожно сорвали пластиковую оболочку, ругаясь, быстро отвинтили болты и чуть-чуть помедлили, прежде чем выбивать гвозди...

...Ничего не оказалось и тут. Оставалось всего два ящика.

— В одном взрывчатка... в другом — деньги, не так ли, Мартин? — спросил Дег. Я утвердительно кивнул. Но вдруг в голову пришла другая мысль, и я возразил:

— Нет, я этого не утверждал.

— Как? Не утверждал? Но... тогда...

— Помолчи, Дег, ради Бога, помолчи! — Я не в силах был сдерживать странное волнение, охватившее меня. Приходилось думать сразу о многом, мысленно сражаться на нескольких фронтах... Гул самолета, летавшего над нами, приближавшегося и удалявшегося, пистолет Сильвии, предчувствие смерти, поиски золота и взрывчатки, мертвая Астрид в нескольких шагах от нас... и что-то еще. Предчувствие, что она допустила какую-то ошибку... какую — я еще не знал. Я только чувствовал это, догадывался. Ошибку. Причем я видел ее, эту ошибку, но словно в тумане...

Вскрыли предпоследний ящик. И Эванс вскочил на ноги.

— Ничего! — крикнул он срывающимся голосом. Обвел нас пустым взглядом. — Ничего нет и здесь!.. Ни денег, ни... ни проклятой взрывчатки! — Он посмотрел на меня.

— Вы, — со злобой закричал он, — это вы говорили о миллионе долларов! Золото, банкноты! Где он, этот миллион, а? Где?

— Где? — эхом отозвался Джей. Мне стало ужасно жаль их обоих. Мысль о деньгах затмила у них страх смерти. Они не замечали даже, что у них скованы руки. Сам по себе факт, что они работают на Сильвию, вынуждал их думать, будто они ее соучастники, что им суждено разделить с нею сокровище... Эванс сглотнул слюну и, повернувшись к девушке, заговорил, пытаясь быть спокойным...

— Сильвия... видишь, ничего нет... Я просто не понимаю, как... Если только Астрид не посмеялась над нами...

— Следующий ящик, — прервала его Сильвия, — открывайте этот... — Она подняла голову — гул снижающегося самолета слышался все ближе. И снова повернулась к ним: — Вскрывайте! Скорее!

— Мы должны сохранять спокойствие, должны сохранять спокойствие, — повторял Финкль, стоявший рядом со мной... — Что-то летит, господин Купер... Кто-то нашел нас, не верите? И мы сможем... выбраться из этой ситуации, сможем... узнать, увидеть. — Он вздохнул, мне кажется, с болью. — Как вы думаете, что же все-таки может означать это... эта пульсация? Какая-нибудь магнитная аномалия?

— О чем вы, инженер? — спросил я.

Он покачал головой:

— Извините... в сущности, я... не знаю, что и думать... Сильвия... никогда бы не предположил, что... что...

В этот момент раздался крик.

Мы посмотрели в сторону ящиков. Джей и Эванс вскрыли последний. И кто-то из них невольно вскрикнул, оба вскочили и, как зачарованные, смотрели на то, что им открылось.

— Что там? — закричала Сильвия дрожащим голосом. — Что?!

Они не ответили, даже не взглянули на нее. Тогда она крикнула еще что-то, я не разобрал. И наконец Джей и Эванс обернулись. Джей молчал, а Эванс, приподняв закованные руки, проговорил:

— Тут... тут все, Сильвия... и деньги... и взрывчатка.

Снова наступила тишина. Напряженная тишина. Гул самолета теперь не был слышен, и ветер бесшумно пролетал среди мертвых камней. Никто не осмеливался шелохнуться. Я посмотрел на недвижимое тело Астрид — она предусмотрела все. Наверное, предвидела, что могло бы произойти. Ошибку она допустила в другом: сразу не одела наручники на всех нас. И это стоило ей жизни. Впрочем, все должно было случиться именно так, как случилось. Тот, кто сражается за какую-то идею и фанатично верит в нее, в сущности очень наивен. Он с готовностью доверяет всем людям. Сам презирая деньги, он считает, что и все другие тоже пренебрегают ими, и потому позволяет белокурой кукле отобрать у себя П-38, а та стреляет и убивает эту фанатичку идеи...

Однако вот предсмертная насмешка Астрид, ее последний вызов: «Возьмите миллион, если можете. Он здесь, среди запальных патронов, которые могут взорваться и которые...» Ошибка! Вот в чем ошибка Сильвии! Она оставила смертельно раненной Астрид сигнализатор... Колокольчики тревоги, однако, не зазвонили. Я испытал нечто вроде горького разочарования. Если я и сделал открытие, то оно было довольно ничтожным и совершенно бесполезным...

— Действуй, Эванс. Попробуй достать деньги.

Воцарилась еще более глубокая тишина, если только подобное было возможно. И где-то очень далеко, Бог знает, как далеко, слышен был гул самолета, возвращаемый эхом от сотен пустынных вершин. Сильвия вздрогнула, взглянула на нас, на тело Астрид и приказала:

— Ты должен достать деньги!

Но в голосе ее уже чувствовалась нерешительность.

И тут произошло нечто, чего я менее всего ожидал.

Вдруг заговорил Финкль. Он шагнул вперед и закричал:

— Деньги!... Деньги, вы... говорите о деньгах, Сильвия... — Он сделал еще шаг. — А дело касается людей и не только их. В этом камне...

— Хватит, инженер! — прервала его Сильвия. Она стояла метрах в шести от нас.

— Хватит? Ах, хватит! — продолжал Финкль дрожащим от возмущения и, наверное, от страха голосом. — Но я должен вам все сказать. Я верил в вас, доверял вам... Впрочем, вы... славная девушка, я знаю. Вас свела с ума мысль... мысль о богатстве, но я прекрасно знаю, что вы славная девушка...

Финкль оказался рядом со мной, и я шепнул ему:

— Помолчите лучше, инженер, Сильвия не шутит...

Но он продолжал. Никогда еще он не казался мне таким маленьким и хрупким, как в этот момент.

— Сильвия, во имя науки, во имя Господа, я ведь знаю, вы верите в них... Подождите! Вы получите все деньги, какие хотите... Вы выстрелили в Астрид, убили ее, но ни один суд не покарает вас за это... А теперь послушайте меня.

— Ни с места! — завизжала Сильвия срывающимся голосом.

Финкль отрицательно мотнул головой и, опять шагнув вперед, продолжал говорить:

— Нет, нет, я не останавлиюсь! Я пойду к вам, и вы отдадите мне пистолет, который так плохо выглядит... в ваших красивых руках, Сильвия. — Затем он показал на камень. — Внутри этого валуна... вы же слышали... там кто-то есть... Можете послушать сигналы прибора...

— Кончай, старик! — крикнул Эванс.

Финкль даже не услышал его и продолжал:

— Что там, мы не знаем. Но выясним. Сейчас вы отдадите мне пистолет, и мы вместе выясним, что там внутри...

Сильвия подняла пистолет, прицелилась и дважды спустила курок. Одна пуля пролетела между

моей головой и головой Дега и с глухим ударом вонзилась в обшивку самолета позади нас. Другая сразила Финкля. Сразила наповал.

— Финкль! — закричал я.

Он упал, как подкошенный. Упал, издав негромкий стон, в который вложил последние силы. Он скончался моментально, так же быстро, как мгновенно долетела до него пуля, поразившая сердце.

Я опустился на колени с закованными руками.

— Финкль! — позвал я. Никакого ответа. Инженер уже отошел в мир иной, казалось, он был мертв уже сто лет. Стоя на коленях, я посмотрел на Сильвию. Все остальные, потрясенные, тоже смотрели на нее с изумлением. На чудовище всегда смотрят с изумлением.

— Вы убили его, — сказал я. Мой глухой голос, казалось, доносился до меня откуда-то издалека, словно это был чей-то чужой голос.

Она молчала.

Я повторил:

— Вы убили его.

— Совершенно верно, а теперь настал ваш черед! — проговорила она. Не было больше и следов красоты на ее бледном, напряженном и озлобленном лице. Я поднялся.

— Отчего же не стреляете? — спросил я.

— Вы нужны мне. Еще понадобятся.

— Не рассчитывайте на меня.

— Мартин, ради Бога! — шепнул Дег у меня за спиной. Я спрашивал себя, что же такое могло произойти в психике Сильвии. Она посмотрела на меня долгим и мрачным взглядом. Потом повернулась к Эвансу и Джею, и они оба подняли скованные наручниками руки, едва ли не с мольбой о пощаде. Она приказала:

— За дело. Освобождайте этот ящик. Быстрее!

Гул самолета больше не был слышен. Видимо, летчик отправился обследовать соседние горы, другие пустынные плоскогорья. Я прошептал:

— Дег, приготовься. Я наброшусь на нее, как

только она начнет целиться... В любом случае, ранит меня или нет, она упадет, и тогда ударь ее... неважно куда, лучше по голове, если сможешь... Куда угодно, лишь бы крепко... Понятно, Дег?

Он сглотнул слюну и выдохнул:

— Да.

Юноша понял, что снисхождения нам не будет. Меня охватил отчаянный гнев. Я взглянул на девушку в голубом комбинезоне, посмотрел на черный камень с его пульсирующей тайной...

...И тут зазвонили колокольчики тревоги — я сообразил, что нужно посмотреть в другую сторону... куда? Мой взгляд словно повиновался внутреннему призыву. И я увидел Астрид.

Астрид. Мне показалось, что ее тело лежало уже не в той неестественной позе, как прежде. Теперь я увидел локоть... И он двигался. Я не сомневался в этом. Колокольчики умолкли, и я понял, что Астрид еще жива. Выстрел Сильвии тяжело ранил ее, но не убил. И она шарила рукой, словно ища что-то у себя на груди... конечно же, рычажок сигнализатора! Она хотела найти его, схватить... повернуть... и завершить миссию, какую ей поручили тупамарос...

Потрясенный и онемевший, я следил за ее движениями и не мог даже пошевелиться. Астрид слегка вздохнула, чуть-чуть выгнула спину. Локоть уже не был виден... А, вот она, ошибка Сильвии! Она решила, что покончила со всеми проблемами, и не сняла с нее сигнализатор, и теперь, теперь... Астрид двинула головой. Она сделала это как-то неестественно, казалось, что голова в неотвратимом движении поднимается сама по себе. В долгой предсмертной агонии Астрид сумела сделать последнее отчаянное усилие — собрала остаток сил и теперь намеревалась взорвать все... Я видел, как она вздрогнула, и закричал:

— Ложись, Дег! — и бросился на землю. Дег тоже испуганно вскрикнул. Сильвия, Джей и Эванс быстро обернулись. Девушка вскинула пистолет и в этот же момент увидела бледное лицо Астрид. Глаза Сильвии

расширились от ужаса, и, мне показалось, она закричала:

— Нет! Нет!

Но я так ничего и не услышал, потому что в этот момент вспыхнуло ослепительное пламя. Астрид повернула ручку сигнализатора. Ящик взорвался, превратив в ничто миллион долларов в банкнотах и золотых слитках.

И не только его.

Глава 7

Что происходит, когда три человека оказываются возле взрывающейся бомбы? Я знал это. Я был на войне. И след, который кровавая бойня неизбежно оставляет в сознании, подобно неизлечимой заразе, инстинктивно заставил меня действовать так же, как при бомбардировке. Воздух еще вибрировал от взрыва, когда я бросился вперед, к облаку пепла, к еще дымящейся земле. Я крикнул:

— Сильвия!

Я подумал, что она, стоявшая от ящиков дальше мужчин, возможно, уцелела. Мучительная боль в запястье напомнила мне о наручниках, но я стоял на месте взрыва и...

Я замер, потрясенный.

В этот момент мне показалось, что все вокруг меня перестало существовать. Не было больше никаких звуков. Царила абсолютная тишина. Ни смерти вокруг меня, ни резкого неприятного запаха.

А был только ОН.

Он недвижно стоял в своем каменном футляре. В этом камне, расколоте взрывом надвое. Стоял во всей своей белоснежной и нереальной обнаженности. Со сложенными на груди руками — с этим извечным жестом человека, уходящего на вечный покой.

Его белизна почти ослепила меня.

Я с изумлением смотрел на него.

И он открыл глаза.

Медленно, спокойно, не остерегаясь яркого света, открыл он глаза и тотчас устремил взгляд прямо на

меня, словно зная, что я тут. Никогда не забуду этот взгляд.

Он явился из какого-то неведомого мира, откуда-то, где нет понятия времени. Кто сказал, что время — это всегда только время, а пространство — всегда только пространство? В этот момент не существовало больше ни времени, ни пространства, никаких других измерений. Его глаза смотрели на меня из вечности.

Я выдержал этот взгляд. И если случалось кому-то оставаться живым при остановившемся сердце, то таким человеком был я.

Мы смотрели друг на друга, пока вокруг оседали последние пылинки пепла. Потом он сделал первое движение. Его белоснежное тело не задрожало, как это произошло со мной. Его руки легко отстранились от груди. Одна медленно опустилась. Другая протянулась ко мне.

Он шевельнул губами, он хотел что-то сказать. Вот тогда это и произошло.

Его белые руки потускнели, словно покрылись легчайшей вуалью. На коже проступила тончайшая густая паутинка складок, похожих на трещинки в белоснежной керамике.

И в ту же секунду он утратил собственную форму.

Он утратил облик человека, некоего тела. И неслышно осыпался, мгновенно превратившись в горстку праха.

Кучка праха лежала передо мной на земле.

Я упал на колени.

— Мартин! Бога ради, отзовитесь, Мартин!

Кто-то звал меня и тряс за плечи. Я услышал голос, почувствовал толчки, но не мог шевельнуться.

— Мартин! Мартин!

Прошло еще некоторое время, прежде чем ко мне окончательно вернулось сознание. И, наверное, только тогда я ощутил, что сердце мое бьется, а мозг работает.

— Что... Что такое? — проговорил я и поднял голову. Дег испуганно смотрел на меня.

— Вот уже десять минут, как я зову вас! Мне ка-

залось, — он сделал озабоченный жест, — что вы превратились в камень.

Да, в камень.

Дег не отрываясь смотрел на меня. Не представляю, как выглядело мое лицо. Мне было не до него. Я снова взглянул на этот пустой расколотый камень, на эту горстку пепла, на эти пылинки, отданные на произвол ветра. Я на коленях прополз вперед, протянул пальцы. Коснулся белесого праха. И задрожал. Я не в силах был взять себя в руки, а возможно, и не хотел делать этого. Опять посмотрел на камень, туда, где было заключено пульсирующее сердце. Там ничего не было.

Больше ничего не было.

— Мартин, ну, перестаньте, придите в себя!

Да, конечно, я все еще дрожал, и Дег продолжал тормошить меня:

— Да что с вами?

Я медленно повернулся к нему, с трудом поднялся и спросил:

— Ты... видел его?

Он сделал неопределенный жест:

— Да, но...

Я хотел было закричать: «Значит, и ты видел его!», но вдруг понял, что Дег имеет в виду совсем другое. И тогда я посмотрел вокруг, словно только в эту минуту вспомнил о взрыве, и увидел их.

Вот что осталось от Эванса, Джея и Сильвии. Вот что сотворила их безумная жажда денег и богатства. Мужчины, обступившие последний ящик, оказались в самом центре взрыва. Взрыв был безжалостен к ним. А к Сильвии судьба отнеслась благосклоннее. Лицо девушки не пострадало. Я подошел ближе и, наклонившись, посмотрел на нее.

Пепел тонким слоем покрывал кожу, забился в немногие морщинки, в маленькую ямочку над верхней губой, в складку у губ, в неглубокие впадины щек. Пепел стер с ее лица выражение ленивой куклы, рекламный облик красавицы с глянцевой обложки журнала и вернул подлинное обличье. Вот таким было истинное лицо Сильвии. Она стала похожа на тех манекенов, которые побеждают на конкурсах

красоты, — до такой степени загримированных, что напоминают камень, дерево, что угодно, только не женщину.

Я прошептал:

— Сильвия, — и протянул к ней руку. Глаза ее были закрыты. И тут судьба тоже была милостива к ней. Но я все равно коснулся пальцами ее век. И понял ненужную ритуальность этого жеста.

— Видите! Какой... какой... жуткий конец, Мартин! — Дег в отчаянии с ужасом искал мои глаза, шепча: — Сколько смертей! Сколько смертей!

— Да, но... они, наверное, даже не почувствовали или... — Я замолчал. Мне были безразличны эти люди. Мне не было дела даже до Дега и самого себя. Я повернулся к камню. Взрыв расколол его пополам, обнажив нечто вроде вмятины внутри камня. А ведь там был...

Я осмотрел все внимательней. Не больше чем полнаперстка пыли, но от нее исходил легкий отсвет. Я опять задрожал.

Я сражался на странной войне, которую мы вели в Корее, над моей головой в бреющем полете проносились боевые реактивные самолеты, я участвовал в штыковых атаках, видел сверхсовременные танки и траншеи с колючей проволокой, как в первую мировую войну. В меня целились в упор, мне подкладывали в постель ядовитых змей. Я испытал все мыслимые разновидности страха. В Стране Огромных Следов я боролся с существом, которое должно было исчезнуть тысячелетия тому назад. Я спустился на невероятную глубину в колодец на острове Оук, где едва не нашел ответ на вопрос, как давно существует наш мир. Я держал в своих руках радиоактивную ловушку, упавшую на Землю из космоса. Я слушал астронавта, только что вернувшегося после фантастического путешествия на Луну — он пел древнегреческий гимн и рассказывал, как сражался вместе с царем Леонидом в Фермопилах. Я пожал руку человеку, который оказался в эпицентре взрыва атомной бомбы... Но я никогда еще не испытывал такого глубокого потрясения, как сейчас. Никогда еще не приходила в такое невероятное волнение та часть

моей души, которую я, думалось мне, по наивности оградил от любых сомнений и волнений. Никогда еще не чувствовал я себя совершенно неспособным владеть собственным рассудком, как в эту минуту, когда, забыв обо всем на свете, смотрел на этот камень, в котором видел ЖИВОГО человека — белого, нагого человека, подобного мне...

Подобного мне?

Я лихорадочно искал ответ. Я был уверен, что он где-то рядом. Это мне казалось несомненным. Но если его кожа была белой, — какого цвета были волосы? А глаза? А нос — какой длины он был, как выглядели губы и широкие ли у него плечи?

— Мартин! Что с вами?

Какого он был роста? Я посмотрел на отпечаток в камне. Невероятно. Около двух метров? Нет, он был не таким высоким. Ниже — насколько? Я опять посмотрел на камень. Почему я не помешал ветру развеять его прах? Почему не собрал его сразу же, чтобы доказать...

Дег тронул меня за руку.

— Что? — прошептал я.

— Что с вами происходит? — воскликнул он. Кушая нижнюю губу, он с тревогой смотрел на меня. Я никогда еще не видел его таким перепуганным... И он, конечно, то же самое думал обо мне. Усилием воли я подавил желание узнать, угадать, понять, отогнал сожаление, страх, смятение...

— Дег, дорогой... — начал я... Сейчас я ему все расскажу. Если кто-то готов был поверить мне, так это прежде всего Дег, человек, который не раз делил со мной удары судьбы. Я кивнул в сторону камня:

— Знаешь, Дег... это сердце... это сердцебиение, которое мы слышали...

— Это была какая-то неполадка, не так ли? — спросил он и, глядя на выемку в камне, добавил: — Там же ничего нет.

— Там... — я замолчал. Наверное, на этот раз мне не поверит даже Дег. Впрочем, поверят мне или нет, не имело никакого значения. Я перевел дыхание и сказал: — Да, там ничего нет.

— Ну, понятно. Было бы слишком курьезно обнаружить живое ископаемое, не так ли?

— Курьезно?

— Извините, Мартин, — сразу же поправился Дег, слегка покраснев, и повернулся к месту взрыва: — Я не должен был говорить этого, когда рядом с нами...

В этот момент из низкой, нависшей над плоскогорьем тучи неожиданно донесся гул самолета. Мы устремили взгляд к небу. Кто это? Тупамарос, прилетевшие за Астрид, или спасатели, искавшие нас?

— Это не тупамарос, — решил я. Самолет вынырнул из тучи прямо над нами. Снизился, облетел плоскогорье, вернулся и покачал крыльями, давая понять, что увидел нас. Мы как могли махали руками. Самолет столь хрупкий, сколь и громогласный, пролетел над нашими головами и тут же удалился на восток, исчезнув в густом тумане.

— Что будем теперь делать, раз они нас нашли? — спросил Дег.

Я не ответил. Мы оглядывали странный беспорядок вокруг нас. Вся эта скалистая и мертвая почва словно пришла в движение — ветер гонял ворохи обгорелой бумаги, то подбрасывая их вверх, то швыряя куда попало. Это были опаленные банкноты, которые взрыв разметал во все стороны. Именно из-за этих ключьев бумаги и оплавленных комочков золота, рассыпанных вокруг, и создавалось впечатление, будто здесь произошла какая-то бойня. Взрыв оплавил лишь часть металла, несколько целых слитков были разбросаны взрывной волной. И только теперь, ощущая мрачное чувство безысходности, я заметил, что прекрасное тело Сильвии было изуродовано несколькими острыми осколками золота.

— Это... впечатляет! — пробормотал Дег у меня за спиной.

Тишины уже не было. Ее нарушал легкий, сухой шелест.

— Что же нам теперь делать, Мартин?

Я поднял закованные руки:

— Попытаемся освободиться от наручников. Пой-

ди поищи в кабине самолета, Дег. А я пороюсь в карманах Сильвии.

Он кивнул, поспешил к самолету и хотел уже подняться по трапу, когда я остановил его:

— Нет, они здесь, Дег.

Судьба благоприятствовала нам. Связка блестящих ключей валялась на земле возле Сильвии. Мне не пришлось шарить в ее комбинезоне.

— Что будем делать? — снова спросил Дег, пока я раскрывал наручники. Я посмотрел на расколотый камень. Дег повторил вопрос, и я улыбнулся ему. Улыбка, должно быть, получилась довольно жалкой.

— Теперь мы спрячемся. Эти медлительные тупамарос появятся с минуту на минуту, и я не хотел бы встречаться с ними.

Мы покинули место взрыва и успели затеряться в этом каменном лесу, укрывшись за одним из валунов, когда услышали гул вертолета — вот оно, это большое стальное насекомое. Тупамарос явились на свидание. С большим опозданием.

Мы сидели не шелохнувшись. Они не могли нас видеть. Случайный луч солнца блеснул на капоте, и вскоре вертолет пропал, слившись с темным откосом соседней горы, на мгновение опять возник на фоне неба, а затем стал приземляться. Ветер от его лопастей поднял вихрь рваной обгорелой бумаги и пепла, и... праха.

ЕГО праха тоже. ЕГО! Я не мог бы утверждать: «Ему тысячи лет!..» Да и что толку в этом? Тысяча, или сто лет, или всего один день, — не все ли равно? Разве может кто-то оставаться живым, будучи замурованным в камне? Какое сердце способно биться столько времени — пусть едва-едва, совсем слабо, еле ощутимо, словно легчайшее дуновение, лишь слегка затуманивающее прозрачное стекло, или же прикосновение снежинки? Какое сердце способно так долго пульсировать, посылая далеким потомкам призыв к жизни — за пределы бездушного черного камня? И нам довелось услышать этот зов из глубины веков. Как я возненавидел в эту минуту Сильвию. Из-за ее жадности нам не удалось найти разгадку этого чуда.

Между тем пепел и обгоревшие банкноты, носившиеся в воздухе, осели, и вертолет приземлился. Умолк свистящий рев двигателей и лопастей. Вертолет опустился метрах в ста пятидесяти от нас. Мы наблюдали за ним. Внутри различимы были какие-то недвижные темные фигуры. Представляете, в каком замешательстве были эти люди, с изумлением осматривающие плоскогорье.

Наконец открылась дверца вертолета, кто-то выпрыгнул на землю с автоматом на изготовку, сделал несколько осторожных шагов. Потом кинулся к Астрид, которую взрывом отбросило на несколько метров в сторону и перевернуло навзничь. Человек опустился возле нее на колени и вскоре, обернувшись к вертолету, что-то прокричал. Еще двое соскочили на землю. Один из них подошел к товарищу, другой держал автомат наперевес и оглядывался, готовый в любую секунду открыть огонь. Нам слышны были их голоса. Кто-то из них крикнул, и все трое собрались возле тела Сильвии на месте взрыва. Тут они увидели разбросанные повсюду обгоревшие банкноты и оплавленные кусочки золота. Один из них принялся собирать эти странные самородки, рожденные в пламени, покрытые пеплом и кровью. Только сейчас я увидел, что осталось от прибора, созданного инженером Финклем — переломанные ноги какого-то гигантского насекомого. Один из тупамарос поднялся в наш самолет и через некоторое время вернулся, присоединился к двум товарищам, которые уже перестали собирать мелкие кусочки золота и принялись искать уцелевшие слитки. Но их поиски длились недолго. Потом они осматривали трупы. Возле Финкля немного задержались. Наконец подняли тело Астрид и перенесли в вертолет. Ее волосы развевались на ветру, и выглядело это очень мрачно. В этой крохотной траурной процессии была какая-то трагичная и отчаянная торжественность. Тупамарос доставят своего товарища на кладбище в какой-нибудь далекий южно-американский город и похоронят там. Астрид станет их национальной героиней, погибшей, как провозгласят они, за свободу и революцию.

— Прощай, Астрид, — невольно прошептал я. Все

же она во что-то верила. И я вспомнил лицо Сильвии, искаженное ужасом, и услышал ее отчаянный предсмертный крик: «Нет! Нет!» Сильвия тоже во что-то верила. И какой же жалкий был ее идеал! Я ощутил нечто вроде досады. Как по-разному погибли эти две женщины в голубых комбинезонах! Астрид — сознавая свое поражение, Сильвия — ощущая свою мучительную победу... Но кто же победил и кто проиграл?

Победа, поражение... Глупые слова. Внезапно белый и нагой человек снова представился мне со всей отчетливостью. У меня перехватило дыхание. Он смотрел на меня. Он хотел мне что-то сказать... Сказать...

В этот момент снова взревели двигатели вертолета, и опять зашевелились, словно увядшие листья, опаленные взрывом банкноты, взвился черный пепел. Вот так. Все кончено.

— Нам лучше спрятаться, Дег, — предупредил я.

Мы пригнулись в тени камня, а вертолет облетел пару раз все плоскогорье и склон горы. Но тупамарос очень спешили, а потому улетели быстро, и мы увидели, как они исчезли внизу, в долине, терявшейся за горизонтом.

— Что будем делать дальше, Мартин?

Я не сразу ответил на его вопрос. Я тоже задавал его сам себе. Как же такое возможно: сердце, которое совсем недавно было живым, вдруг превратилось в прах?

Дег опять взял меня под руку. И я увидел тревогу в его глазах. Я постарался отбросить все мучившие меня вопросы и улыбнуться:

— Что дальше? Будем умницами, Дег, вернемся к нашему самолету и подождем, когда за нами прилетят.

Мы укрыли тела мертвых полиэтиленом, который нашли в самолете. Дегу пришлось все сфотографировать. Он был бледен, обливался потом и все время шевелил губами, ничего не произнося. Я попросил его:

— Сними для меня этот камень, Дег.

И он, конечно, исполнил мою просьбу. Потом мы

развели костер, однако ночь решили провести в самолете, укрывшись от ветра, который свирепо свистел между камнями.

Я почти не спал. Вышел наружу и побродил по плоскогорью среди низко стелющихся клочьев тумана. Постоял какое-то время возле тела Финкля. Несчастный человек. Стремясь уловить самое тихое сердцебиение, какое только может быть, он не расслышал, не понял, что его окружают черствые, бессердечные люди, готовые на все ради своих низких целей, совсем иных, нежели те, что увлекали инженера. Я пожалел, что так мало беседовал с ним и, в сущности, очень бегло. Хорошо, подумал я, что он все же скончался прежде, чем увидел, как разлетелся на куски его прибор, такой же хрупкий, как и его душа.

Я прошелся вдоль всей странной борозды, которая на две части делила плоскогорье. Кто знает, благодаря чему возник этот след? Вернувшись в самолет, я выпил немного виски. Мне не удалось сомкнуть глаз. На тысячи своих вопросов я находил только один-единственный ответ.

За нами прилетели на рассвете.

— Господи Боже мой, да что же тут произошло?

Человек, который первым выпрыгнул из огромного спасательного вертолета, остановился и в растерянности осмотрелся вокруг. Увидев меня, повторил:

— Господи, да что же тут произошло?

Я ответил:

— Так... Кое-что...

Глава 8

И вот я снова в раю на сорок девятом этаже. Мне нетрудно было представить, что у этих девушек, секретарей полковника Спленнервиля, есть крылья, точно у ангелов. Сидя за своими столами, они смотрели на меня с ангельской улыбкой. Изящные, аккуратные, пунктуальные и безупречные, как манекены. Возможно, они ежедневно пили фруктовые соки и вкушали диетические продукты — обезжиренные, богатые витаминами. Все мы рано или поздно станем идиотами, если будем так питаться.

— Здравствуйте, господин Купер.

— О... как поживаете, господин Купер?

— С возвращением, господин Купер. Как дела там, внизу?

Внизу. Что означает для них это «внизу»? Внизу — значит за порогом, ниже этажом, на улице, внизу... в аду. Я вспомнил преждевременно постаревшее лицо Астрид, как она, не дрогнув, сжимала пистолет, как собиралась взорвать всех поворотом рычажка. Подумал о прекрасном лице Сильвии, которое безумная жажда сверкающего золота превратила в личину безмозглого демона. Представил себе девушку, которая не одела на нас наручники потому, что любила свободу, и другую, которая, напротив, сковала наши руки, потому что обожала деньги. Я думал о революции в Латинской Америке. О великолепной блондинке, разъезжающей по свету с миллионом долларов. О толпах безграмотных людей, живущих в нищете, и о иных гостиницах, где стоит повернуть кран и фонтаном брызнет шампанское любой температуры... «Как дела, господин Купер?» В сущности,

мир этих девушек был ограничен раем на сорок девятом этаже. Только бы у директора исправно варил желудок, не портилось настроение и он способен был иногда пошутить. И повседневная жизнь течет спокойно, без перемен, по накатанным рельсам.

— Там, внизу, все было о'кей, — отвечал я. Они улыбнулись мне. Я кивнул.

— Большой начальник здесь?

Они покраснели. Одна из них ответила, взмахнув длинными ресницами:

— О, ПОЛКОВНИК ждет вас, господин Купер.

— Полковник, а как же иначе...

Я постучал в дверь.

— Да?

— Приветствую вас, полковник, — сказал я, приоткрыв дверь. Он даже не взглянул на меня, зная, что это я, и проворчал:

— Заходи.

Полковник что-то читал. Сидел, склонившись над какими-то бумагами, поддерживая голову рукой.

— Садись... Минутку... Заканчиваю...

Он читал очень медленно, слово за словом, продумывая отчет, который я закончил час назад и передал ему. Время от времени он машинально поправлял страницы и, прочитав одну, аккуратно перекладывал ее налево. В кабинете, где царили идеальное освещение и температура, было, как всегда, тихо и слышалось только тиканье новых напольных часов — подарок редакции директору: некое электронное чудо из стали и пластика, способное отмерять тысячные доли секунды. Я вдруг ощутил, что напрасно трачу время.

Прошло, по крайней мере, пять минут.

Я напомнил:

— Вы меня вызывали, полковник?

Он не поднял головы. Медлил, дочитывая последнюю страницу. Это было уже слишком.

— Я давно здесь, полковник.

Он взглянул на меня, и его ледяные глаза сверкнули под нахмуренными бровями.

— Я прочитал твою статью, Мартин, — сказал он. Голос его звучал сдержанно и сухо.

— И похоже, она вам не понравилась, не так ли, полковник?

— Скажем так: я ожидал от тебя другого.

— Другого?

Он фыркнул, взял стопку бумаг, как бы взвесил ее, поставил вертикально и, постучав о стол, выровнял листы. И опять посмотрел на меня.

— Да, совершенно другого. Ладно, давай договоримся: твой материал — это, как всегда, превосходный репортаж. Может быть, даже лучше, чем обычно. Но... — он поднял руку, как бы останавливая меня, — только это слишком... как бы тебе это сказать... слишком сложно, Мартин, дорогой мой. Ты говоришь об этой девушке, Астрид, и о той другой, Сильвии... и слишком мало уделяешь внимания всему остальному. Уж прости меня, если скажу откровенно, ладно, Мартин? Ты в своем репортаже, — и он постучал пальцем по стопке страниц, — слишком много философствуешь, вот в чем дело. «Астрид — символ одного мира. Сильвия — символ другого мира...» Видишь ли...

Я перебил его.

— Нет, полковник. Это не символы и ни о каких мирах тут речи нет. Это иллюстрация двух подходов к жизни. Мне кажется, — добавил я, — об этом написано достаточно ясно.

— Ладно, ладно, пусть будут два подхода к жизни!.. Но я ожидал от тебя, — продолжал он с лицемерной улыбкой старого хитрюги, — нечто более... романтическое... Ну да, используем это слово, почему бы и нет? Революция в Латинской Америке! Толпы рабов, рвущих цепи! Поток нищих, ринувшихся с северо-востока, из Бразилии. Генералы бегут. Дворцы объаты пламенем. Площади переполнены народом. Бомбы падают на университеты, перестрелки, массовые бои, развевающиеся знамена, танки, Симон Боливар, тупамарос, волнение всего мира, вмешательство того или иного правительства... тысячи таких женщин, как Астрид... восставший континент! Ты представляешь, Мартин!

Я покачал головой:

— Нет.

Полковник хотел было развить свою мысль, но мое резкое «Нет!» остановило его. Однако лишь на мгновение.

— С другой стороны, Сильвия, — продолжал он, — ее человеческая драма. Увлекательная и таинственная. Миллион долларов!.. Что бы она стала с ним делать? Наверное, Мартин, купила бы дом для своей старенькой матери и...

— Нет, не так, полковник, — снова прервал я его, — тут вы преувеличиваете.

— А ты чересчур много философствуешь! — возразил он, краснея, как мальчишка, — и если хочешь знать... я ожидал большего от такого человека, как ты, даже в описании революции в Латинской Америке! Я послал тебя туда из-за...

— Из-за землетрясения в Тиатаке, помните, полковник? Взять интервью у людей, которых спасет от смерти инженер Финкль!

Спленнервилль пожал плечами:

— Глупости! История с угонем самолета в тысячу раз интереснее любого землетрясения! Черт возьми, Мартин! — воскликнул он. — Ведь журналист впервые оказывается на борту похищенного самолета. Ты мог бы написать роман, а тут что?..

Я развел руками:

— Согласен. Но дело в том, полковник, что мне не удалось сосредоточиться на угоне самолета. Думаю, это событие незначительное...

— Незначительное? Как так? И ты не смог сосредоточиться на...

— Именно так. И знаете почему? Хотите, скажу? — Он промолчал, и я продолжал: — Из-за прибора Финкля. Тут это не написано, но в какой-то момент, когда инженер направил его на камень, возле которого мы сидели... он начал сигнализировать, сообщая о наличии... — я помедлил, — сердца.

Он выдержал мой взгляд.

— Да, — сказал он, — Дег говорил мне об этом. Неполадка какая-то, наверное. Может, прибор не столь совершенен, как утверждал несчастный Финкль. Эти изобретатели...

— Прибор был более чем великолепен. Ни о каких неполадках не могло быть и речи.

— Не могло быть и речи? А в чем же тогда дело? Какой-нибудь странный феномен, который ты...

— Нет.

Глаза его сверкнули. Он прошептал:

— К чему ты клонишь?

Я постарался продлить паузу по меньшей мере секунд на двадцать, отсчитывал тиканье напольных часов. Потом сказал:

— В этом камне билось сердце. В нем находился человек. Не спрашивайте меня, полковник, почему, как и с каких пор... На эти вопросы я не могу ответить. Но он там был. Тем более, — заключил я, — что я его видел.

Спленнервиль хотел было что-то высказать, но промолчал. Его глаза теперь не были такими холодными, как всегда.

Я продолжал:

— Когда взрыв уничтожил Джея, Эванса и прекрасную Сильвию и превратил в лохмотья миллион долларов, он расколол и камень. Тот разломился надвое, будто кокосовый орех. Я бросился вперед, знаете, как это бывает при разрыве бомбы на передовой? Меня окутало облаком пепла и...

Я умолк. Зазвонили колокольчики тревоги. Я молчал, жалея, что рассказал об этом. Я обещал самому себе, что буду молчать. Но теперь уже было поздно, и полковник напряженно смотрел на меня.

— Ну и что?

Действительно, поздно. Пришлось ответить:

— Я видел его, полковник.

— Я видел его, полковник. Не просите у меня точного описания, потому что я не смогу вам дать его. Я смотрел на него несколько секунд, а потом он превратился в прах. Как, почему? Не спрашивайте и об этом. Вам не доводилось слышать, что от воздействия воздуха превращаются в прах вещи, которые веками находились в замкнутом сосуде? Верно, но мертвые материи, — ответил я самому себе, — а не живые. А человек, заточенный в камне, был живым. Еще за

несколько секунд до взрыва его сердце билось, а значит, текла кровь в артериях и работал мозг, как у любого здравствующего человека... Если, — сказал я самому себе, — если это был ЧЕЛОВЕК.

Спленнервиль посмотрел на меня.

Я продолжал размышлять так, словно был один:

— Потому что, может быть, у него был только облик человека, а на самом деле он явился из какого-то другого мира, существующего по ту сторону нашего разума, где у людей нет ни крови, ни легких, ни плоти, как у нас... Из антимира, который при всей своей фантастичности все же может где-то существовать. Оказался на земле. Как? Я думал об этом, полковник, думал... На звездолете, прилетевшем на Землю из какой-нибудь другой галактики... еще тогда, когда люди походили на обезьян и питались сырым мясом... А может, и позднее... Почему бы и нет? Во времена ацтеков, например... Не имеет значения, когда. Разве это невозможно? Ведь утверждают некоторые ученые, будто в старинных скульптурах ацтеков доколумбовского периода изображены существа, явившиеся из космоса, вы же знаете — в комбинезонах и космических скафандрах. Люди эти прилетели и улетели, оставив кое-какие следы... как напоминание...

Спленнервиль помрачнел.

— Какие следы? — тихо спросил он. — Что за напоминание?

— Эта борозда, например, что делит пополам плоскогорье, на которое мы приземлились, от вершины до крайних камней. Когда я ее увидел, полковник, то подумал, что ее провел плуг... Но не было еще на свете плугов, способных распахать горы... А может, этот след оставила нижняя часть звездолета... из-за ошибки при маневре, из-за неполадки аппарата корабль протатился по плоскогорью... Или ударился о скалу. Все это проверено.

— Все это... что?

— Ну да. Это не обычная гора, полковник. Горы — они ведь живые... Снег, ветер, вода, стекающая по ним, разрушают их, изменяют, дробят камни... Наконец, там всегда есть хоть какая-нибудь раститель-

ность, пусть самая скромная, что-то есть, короче... Там же ничего этого нет! Все неподвижно. Все мертво. Набальзамировано, если вообще может быть набальзамирована гора. Гигантское пламя, охватившее гору, как бы оплавило ее, и она остекленела. Вам доводилось когда-нибудь бывать в керамической лаборатории, например в Италии или Греции?

Этот вопрос застал Спеннервиля врасплох. Он проговорил:

— Ну... нет, не бывал.

— А я был. Там девушки расписывают терракотовые тарелки. Они наносят рисунки, которые при желании легко соскоблить ногтем, но лишь до того момента, как посуду поместят в печь. Тут тарелки обжигаются, и от жара на поверхности керамики возникает нечто вроде стеклянной патины, покрывающей все изделие и рисунок, конечно, тоже: теперь соскобли сколько угодно, он словно впаян в терракоту. Все это проверено. Так вот. Подобное произошло, видимо, и с нашей горой. Отчего же не допустить, что звездолет, взорвавшись... оплавил... оплавил все вокруг...

— А отчего бы не допустить какое-нибудь землетрясение или извержение вулкана? — резко спросил полковник.

— О, да, конечно. В таком случае в камне мог оказаться замурованным настоящий человек, скажем, индеец из племени инков, который в момент извержения оказался погребенным заживо в этом камне... шутка природы. Не может быть? Во время последней войны один английский летчик выпал из самолета, который летел на высоте пять тысяч метров, и не разбился. Невероятно? Чем больше старею, полковник, тем сильнее верю в сказки...

Я поднялся. Я не мог больше сидеть на месте. Странно, но Спеннервиль тоже встал с кресла, опустив голову и сжав губы. Он спросил:

— К чему вы клоните, Мартин?

— Ни к чему не клоню. Может быть, этот человек был пилотом звездолета. И ему выпало на долю оказаться заточенным заживо в камне, словно, — я сложил ладони, — словно в футляре. Словно в той

стальной трубе, в какую немедленно после смерти замуровывают трупы миллионеров, завещавших сохранить их в надежде рано или поздно вернуться к жизни... Вот так. Будь это земной человек, он не выжил бы в таких условиях: окаменел бы, как ихтиозавр или древнее растение. Воздух не превратил бы его в прах. Должно быть, — заключил я, уже чувствуя предельную усталость, — это был человек не из нашего мира. И потому рассыпался в прах. Понимаете, полковник? Я посмотрел ему прямо в глаза. И он тоже пристально смотрел на меня. Он протянул ко мне руку, хотел что-то сказать, словно...

Я замолчал, так как вновь увидел того белого нагого человека.

— Словно? — переспросил Спленнервиль.

Я задумчиво покачал головой.

— Словно хотел поговорить со мной, поведать что-то. Но что и на каком языке? — я с горечью улыбнулся. — Горстка праха, полковник. Загадка Вселенной. Ответ, доказательство, контрдоказательство. Горстка праха.

Прошло несколько секунд. Потом звякнул переговорник, и я заметил, что полковник вздрогнул. Он опустил рычажок и спросил:

— В чем дело?

— Генерал Моррис из Пентагона, господин Спленнервиль, — произнес голосок Розы.

Полковник прорычал:

— Попросите его... скажите, что я позвоню через несколько минут. Скажите, что... словом, придумайте что-нибудь... Мартин, — обернулся он ко мне. — Дег ничего подобного мне не говорил.

— Он ничего не видел. Когда он подошел к камню, оставалась уже только горстка праха.

— Только прах, конечно.

— Дег, наверное, решил, что я теряю рассудок, так мне кажется.

— Да, — согласился Спленнервиль, — он сказал мне, что никогда еще не видел тебя таким потрясенным, может быть, это была...

— Нет, не галлюцинация, — прервал я его. — А если галлюцинация, то вот это уж никак не иллю-

зия, полковник. — Я достал из кармана то, что мы нашли на плоскогорье, и положил на стол. Спленнервиль посмотрел, нахмутив свои лохматые брови.

— Что это?

— Нечто, полковник.

— Что за чертовщина?

— То, что вы видите, не существует. Этот предмет не имеет никакого назначения, абсолютно никакого. И это не деталь от чего-то. Это ничто. И металл нам неизвестен. И это не какой-то особый сплав. Однако, вот он, этот предмет, перед вами.

Полковник молча смотрел на этот неподвижный и слегка светящийся предмет непонятной формы. Я не испытывал уже ничего — ни волнения, ни страха.

— Может быть, это деталь звездолета, полковник, — прошептал я.

Спленнервиль молчал. Потом он тяжело вздохнул, выпятив грудь, и резко произнес:

— Это что же выходит, ты принялся теперь писать научно-фантастические рассказы?

Я не отвечал, а продолжал смотреть на предмет.

Полковник проследил за моим взглядом, пожал плечами и произнес:

— Забери свой винт, Мартин.

— Это не винт.

— Ну, я хотел сказать — гвоздь, болт, то, что есть, короче!

— То, чего нет, полковник!

Спленнервиль сжал губы и, казалось, готов был разбушеваться, но неожиданно улыбнулся, взял непонятный предмет, взвесил его на ладони и тихо присвистнул, почувствовав, какой он тяжелый. Положил в ящик письменного стола.

— Ладно, оставляю пока у себя, Мартин. Я знаю, кому отдать его на экспертизу. Спорю, что через пару дней скажу тебе, из какого он сделан металла, где и как используется, кто его производит и все прочее.

— Даже ваш генерал из Пентагона не сможет ответить на все это, — возразил я.

Полковник улыбнулся с видом человека, бросающего вызов:

— А если он обнаружит, что это вещь, которая не

существует... ладно, Мартин. Давай не будем больше ломать голову. Предоставим философам заниматься тем, чего нет. А мы тут, в «Дейли Монитор», черт возьми, и потому до философов нам нет дела.

Вот так. Эта вещь как бы исчезла. Может, так оно и лучше. Возможно, полковник поступал мудро, убеждая меня отказаться от научной фантастики. А то эта вещь присоединилась бы к когтю и перу, которые были найдены в Стране Огромных Следов. Но на душе стало невыразимо горько. Я попытался было возразить:

— А если бы я написал в статье все, как было на самом деле, полковник?

Спленнервиль помрачнел. Покачал головой:

— Не в моей газете.

— Я бы мог написать книгу.

— Ты волен делать это, — с неприязнью ответил Спленнервиль. Он был тверд, как скала. Однако улыбнулся и добродушно добавил:

— Мартин, дорогой мой, я-то верю тебе. Черт возьми, ты, без сомнения, пережил жуткое испытание. Но не приноси себя в жертву ненужному эксперименту!.. Не вынуждай смеяться над собой, рассказывая подобные истории! Ведь даже этот предмет, который кажется тебе таким странным, — продолжал он, — нельзя считать доказательством. Может этот кусок ничего, как ты его называешь, на самом деле какой-нибудь стратегический материал. Заговори ты о нем, и Пентагон сразу же снимет с тебя даже последнюю рубашку... А теперь, прошу тебя, сделай одолжение.

— Да, полковник?

— Перепиши этот репортаж! Вставь сюда побольше сенсаций и поубавь проблем, дорогой. Ты способен это сделать. Никто это не может сделать лучше тебя. Вместе с фотографиями Дега мы сможем...

— Нет, полковник. Нет, оставим материал, как он есть, — ответил я. Мне хотелось поскорее уйти к себе и спокойно обдумать все, что я видел. Тот человек! Разве смогу я когда-нибудь забыть его взгляд? Разве перестану спрашивать себя: «Что же он хотел сказать мне?»

Я направился к двери. Спленнервиль слегка покусывал губу.

— Постой, Мартин! — позвал он.

Уже на пороге я обернулся:

— Да?

Он улыбнулся:

— Я хотел сказать... ты прав. Оставим твой репортаж как есть. Ну да, черт возьми, давай подбросим немного проблем нашей оглупевшей публике! Ну, конечно! Сохрани и всю чепуху с философией... Кто сказал, что мы не должны касаться ее? Ты в каком-то смысле философ, Мартин... Так вот, пожалуйста, постарайся, чтоб не было никаких неприятностей с этой твоей философией или гм... научной фантастикой. Расскажи о твоём человеке... Ты себе не представляешь, как мне это интересно, — солгал он, — даже если... если с точки зрения журналистики он пустое место, так как от него остался только прах... Понимаешь, дорогой? Я тоже немного философ...

Звякнул переговорник. Голосок Розы произнес:

— Генерал Моррис, полковник.

Спленнервиль взорвался:

— Черт возьми! — закричал он и, глядя на меня, торопливо продолжал: — Да, так вот я хочу сказать, тот человек... философия...

Я кивнул:

— Не вынуждайте ждать Пентагон, полковник!

— Да, да, но... — Он пожал плечами, улыбнулся и подмигнул: — Я вижу, ты понял. Уже вылечился, Мартин. Увидимся попозже, ладно? Ты такой же молодец, как и прежде! И уже вылечился, вот что самое главное!...

Мне хотелось сказать ему, что от некоторых болезней не излечиваются. Но я промолчал и закрыл за собой дверь.

ОГЛАВЛЕНИЕ

В СТРАНЕ ОГРОМНЫХ СЛЕДОВ

Глава 1. Перо и коготь	7
Глава 2. Дег	15
Глава 3. «Представь себе, что ты Онакторнис...» . . .	25
Глава 4. Старик	33
Глава 5. Глаза комиссара	43
Глава 6. Секрет в Марагуа	50
Глава 7. Куба	57
Глава 8. Человек в реке	64
Глава 9. В джунглях	72
Глава 10. Запах, который не существует	80
Глава 11. Живария в огне	88
Глава 12. Две старые рваные газеты	95
Глава 13. Огромный след	103
Глава 14. Лицом к лицу с кошмаром	112
Глава 15. Большая дуэль	120
Глава 16. «Нам пришлось уничтожить его...»	128
Эпилог	133

ТАЙНА ДРЕВНЕГО КОЛОДЦА

Пролог	139
Глава 1. Профессор истории	149
Глава 2. Послание Ричарда Фокса	155
Глава 3. Девять дней за два с половиной столетия . .	161
Глава 4. Профессор Де Ла Крус	167
Глава 5. Стивен Стендилк	173
Глава 6. Остров Оук	179
Глава 7. Накануне	185
Глава 8. Каменная дверь	191
Глава 9. «Дик, я вернусь сюда»	197
Глава 10. Спуск во мрак	203
Глава 11. На дне колодца	208

Глава 12. Следы на песке	213
Глава 13. То, что осталось от Оливера Лемба	218
Глава 14. Ловушка	223
Глава 15. Башня и маятник	228
Глава 16. Сколь вечен мир?	235
Глава 17. Человек, который знал все	240
Глава 18. Бесконечно крохотный	246
Глава 19. В бутылке	253
Глава 20. Взрыв	259
Глава 21. Победа профессора Брэггса	265

ПОВЕСТИ

Волчок	273
Люди, рожденные от пламени	315
Пришедший из Вечности	353
Пульсирующий камень	392

Литературно-художественное издание

МИНО МИЛАНИ

ПУЛЬСИРУЮЩИЙ КАМЕНЬ

Перевод с итальянского

*Ирины Константиновой
и Льва Тарасова*

Зав. редакцией *Александр Кононов*
Ответственный редактор *Геннадий Белов*
Редактор *Алексей Бакулин*
Художник *Павел Борозенец*
Художественный редактор *Вадим Пожидаев*
Технический редактор *Елена Капитонова*
Верстка *Антонина Помазова*
Макет *Сергей Арефьев*
Корректор *Нина Смирнова*
Техническое обеспечение *Сергей Недоводин*

Директор издательства *Николай Буций*
Главный редактор *Вадим Назаров*
Руководитель проекта *Максим Крютченко*

Подписано к печати с оригинал-макета 05.05.92.
Формат 84×108^{1/32}. Гарнитура школьная.
Печать высокая. Усл. печ. л. 25,2. Тираж 100 000 экз.
Изд. № 38. Заказ 1818.

Издательство «Северо-Запад».
191187, Санкт-Петербург, ул. Шпалерная, д. 18.

«Печатный Двор»,
197110, Санкт-Петербург, П-110, Чкаловский пр., 15.

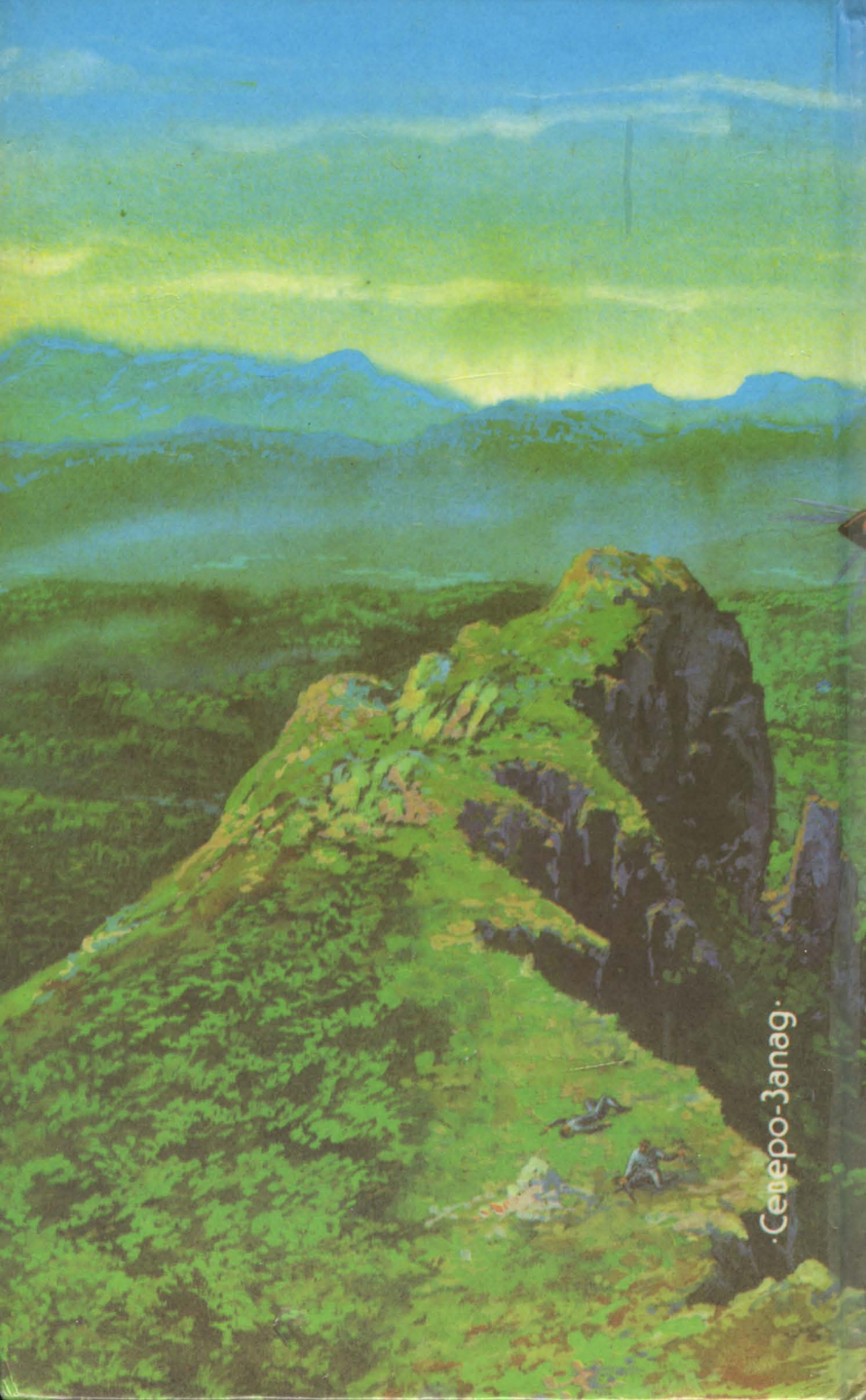

Сенпо-Занг